Михайлов Олег Николаевич

Генерал Ермолов

Аннотация: Историческое повествование о выдающемся военном деятеле России начала XIX века талантливом ученике великих русских полководцев А.В.Суворова и М.И.Кутузова герое Отечественной войны 1812 года генерале Алексее Петровиче Ермолове. Автор Олег Михайлов лауреат премии Министерства обороны СССР использовал обширный архивный материал.
Книга рассчитана на массового читателя.

Об авторе

Олег Михайлов известен читателю как критик, откликающийся на значительные явления современной советской литературы. Следует отметить сборник статей «Верность», носящий подзаголовок «Родина и литература», монографический очерк о творчестве Юрия Бондарева и предисловие к десятитомному собранию сочинений Л.М.Леонова.

Много, внимания уделяет Олег Михайлов пропаганде русской классической литературы. Читатели хорошо встретили его книги о И.А.Бунине «Строгий талант» и вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей» беллетризованную биографию А.И.Куприна. В последние годы Олег Михайлов выступил в качестве «чистого» прозаика. Его роман «Час разлуки» — лирическая исповедь современного горожанина — вышел в массовом издании «Роман-газеты», а сборник рассказов «Маленькая Наташа» появился в приложении к журналу «Огонек».

И все же главное свое признание Олег Михайлов заслужил как автор исторических документально-художественных романов. Как известно, за последнее время резко возрос интерес читателей к документально-художественным произведениям, к фактам и явлениям история, и особенно к произведениям о выдающихся деятелях прошлого.

Признание Олегу Михайлову принес его незаурядный талант писателя-романиста, создавшего сочинения, в которых нашла отражение историческая реальность со скрупулезной достоверностью, вплоть до мельчайших деталей, фактов, событий и исторических персонажей.

Так, в «Романизированном описании исторических происшествий и подлинных событий, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина», полнившемся в серии «Жизнь замечательных людей», и особенно в романе «Суворов», отмеченном премией Министерства обороны СССР за 1981 год, автору удалось запечатлеть великие образы прошлого, воссоздать в их неповторимо пндшш дуальных чертах характеры замечательных патриотов России XVIII столетия. «Роман Олега Михайлова „Суворов“, — писал в газете „Правда“, откликаясь на выход книги в Воениздате Герой Советского Союза, профессор генерал армии С.П.Иванов, — привлекает тем, что художественный

домысел, фантазия автора не затемняют, а помогают выявить историческую правду. На страницах созданной на основе огромного фактического материала книги мы видим Суворова освобожденным от литературного грима позднейших наслоений».

В романе привлекает точность исторических реалий, в нем звучит живое суворовское слово, живая суворовская речь — точная, лаконичная, отрывистая, броская, афористичная. Самобытный характер Суворова, его новаторство полководца, его народность — все это нашло свое удачное воплощение в слове. Автор подчеркивает цельность личности замечательного сына России, ее «первого меча». Он стремится показать своего героя как пример, достойный подражания для будущих поколений, в том числе и для воинов Советских Вооруженных Сил.

Олег Михайлов хорошо знает ту эпоху, о которой идет речь в его романе, знает подробности, без которых и не может быть художественной достоверности. Вот один лишь пример: «У подпоручика на груди серебряный офицерский знак с вызолоченным гербом суздальцев: в золотом щите белый сокол в княжеской короне. Такие же, только медные, гербы на патронных сумках мушкетеров и на высоких суконных, с зеленым верхом, гренадерских шапках».

Исторический роман «Суворов» — роман патриотический, что очень важно подчеркнуть, рождающий волнующее чувство гордости за нашу Родину, ее народ, военную доблесть предков.

Книга заканчивается словами о том, какое наследство оставил Суворов: «Заветы великого полководца, как бы частицы его бессмертной души, остались в сердцах людей — чудо-богатыря сержанта Ребиндерова полка Якова Старкова и капитана Алексея Ермолова, семнадцатилетним юношей получившего из рук фельдмаршала боевого Георгия; черноволосого гиганта генерала Милорадовича, выказавшего чудеса храбрости в Альпах, и будущего гусара-поэта и партизана Дениса Давыдова, как святыню хранящего память о встрече с русским Марсом; прямодушного князя Багратиона и мудрого Голенищева-Кутузова. Всем им предстояло вскоре спасти Отечество от нашествия, быть может, самого грозного со времен Батыя».

Новый роман Олега Михайлова «Генерал Ермолов» своей основной, патриотической темой продолжает историческое повествование «Суворов». Главным героем автор избрал колоритную и самобытную фигуру Алексея Ермолова, всю свою жизнь посвятившего русской армии, выказавшего отвагу и героизм в целом ряде военных кампаний, включая Отечественную войну 1812 года и заграничные походы русской армии против Наполеона 1813 — 1814 годов, а затем в течение десяти лет управлявшего Кавказом.

Талантливый ученик великих русских полководцев А.В.Суворова и М.И.Кутузова, генерал от инфантерии и артиллерии русской армии А.П.Ермолов поистине, как об этом писали спустя 26 лет после его смерти, оставил в истории «память славных военных подвигов и громкое имя человека, недостаточно оцененного современниками, но которого будут высоко чтить потомки» note 1 .

Роману предпосланы замечательные строки из письма великого Пушкина своему современнику — А.П.Ермолову, в котором выражена высокая и наиболее верная оценка значимости героя романа, его деятельности и славы для России.

А.С.Пушкин и М.Ю.Лермонтов явились поистине первыми историками и биографами этой на редкость оригинальной и сильной фигуры своей эпохи. Цитата А.С.Пушкина взята Олегом Михайловым как эпиграф к своему роману не случайно. Она предельно точно формулирует задачу, которая успешно решается автором в ходе всего повествования.

В романе «Генерал Ермолов» его герой предстает перед читателем незаурядным человеком, блестящим офицером, затем крупным военачальником, дипломатом, многогранно образованным генералом, грамотнейшим и непревзойденным артиллеристом, талантливым администратором, сильным, ЕОлевым, взыскательным воспитателем, прогрессивным представителем военной интеллигенции своего времени, горячо сочувствующим вольнолюбивым декабристам, истинным патриотом своего Отечества.

В романе лейтмотивом прослеживается мысль, предельно точно и метко выраженная в свое время М.И.Калиыпным: «…русскую армию царское правительство держало подальше от народа, и она не была патриотичной в нашем смысле этого слова», но «в ней постоянно имелась прослойка, выделявшая искренних патриотов и талантливых полководцев, которые честно служили Родине и, наперекор давлению сверху, улучшали действительно боевые качества армии, поднимая ее авторитет на полях сражений» note 2 .

А.П.Ермолов был одним из ярких представителей русской армии и тех, кто действительно поднимал ее авторитет на полях многочисленных сражений.

Сама специфика проблемы, поставленной автором, в известной мере уникальна для такого основного эпического жанра современной литературы, каким является роман.

Ценность его заключается прежде всего в том, что он создан на основе убедительных исторических документов.

В совершенстве зная предмет, владея методом историзма и хорошим литературным языком, автор сумел добиться слияния литературы и истории. Олег Михайлов отобрал наиболее значительную литературу о Ермолове, ввел в литературный и научный оборот много интересных и важных сведений, почерпнутых из редких изданий и архивных материалов. Он умело и творчески использовал эпистолярное наследство А.П.Ермолова и других политических, государственных и военных деятелей России и Франции описываемой эпохи. Автор создал целую галерею портретных образов.

Несомненно, в данном труде проявилось и возросшее мастерство автора как романиста. Роман Олега Михайлова многолюден, и люди его, независимо от их положения в обществе — от рядового солдата до императора, — все имеют свое лицо, своп характер, которые прослеживаются от начала до конца романа. С особой симпатией освещены жизнь и ратная служба рядовых русских солдат, которым так много внимания, отеческой заботы и тепла дарил А.П.Ермолов.

Авторский комментарий в романе — одновременно и научное исследование, а в некоторых случаях и историческое эссе. Все это преподносится квалифицированно, интересно и познавательно.

Крутые повороты в судьбе генерала А.П.Ермолова оказываются в романе логическим продолжением предшествующего этапа развития, переломные моменты в жизни и ратной деятельности героя романа освещаются подробно,

часто весьма трогательно и психологически достоверно.

Тенденция к психологическому анализу вообще и персонажей романа в частности, проникновение в их глубокий внутренний мир, метод историзма при создании центральных и второстепенных образов — характерная черта романа Олега Михайлова. Другой особенностью данного сочинения является анализ человеческих взаимоотношений в описываемую эпоху с дифференцированным подходом к представителям каждой социальной группы. В конечном итоге в романе предпринята попытка изучить анатомию всего общества в России в конце XVIII — первой трети XIX вв.

Роман насыщен пафосом высокого патриотизма и чувством гордости за героическое прошлое нашего народа, сражавшегося за честь и независимость России, за русскую армию, за прогрессивное русское военное искусство, превосходство которого над европейским военным искусством неоднократно было доказано в Отечественной войне 1812 г. и в сражениях на полях Европы. С прекрасным знанием материала, эмоционально и в основном исторически достоверно Олег Михайлов описывает крупнейшие сражения и значительные бои русско-австро-французской войны 1805 г., русско-прусско-французской войны 1806 — 1807 гг., Отечественной войны 1812 г., русско-персидской войны 1826 — 1828 гг. и ряд других боевых действий в Европе и на Кавказе.

Вызывают большой интерес живо и эмоционально освещаемые страницы героизма русских солдат, умелое руководство боевыми действиями А.П.Ермолова и других генералов и офицеров. Подробно описано вторжение наполеоновской армии в пределы России (глава I, часть третья). И вообще, главы, посвященные Отечественной войне 1812 г., написаны со знанием материала, насыщены динамизмом. Автор сумел научно подойти к оценке политики царского правительства на Кавказе в ермоловское время, правильно охарактеризовать деятельность А.П.Ермолова как ревностного проводника этой политики. Олег Михайлов ярко показал, что Ермолов сумел разобраться в сложной и своеобразной обстановке края, овладеть которым в его время стремились Османская Турция и шахская Персия. При этом автор не игнорировал такие факты, как противоречивость натуры Ермолова, его черты характера, проявлявшиеся в период участия в наполеоновских и Отечественной 1812 г. войнах и в бытность наместником Кавказа и командира Отдельного Грузинского (Кавказского) корпуса.

Представляют интерес страницы романа, показывающие А.П.Ермолова как человека, причастного к движению декабристов, имеющего огромный авторитет, благодаря которому он объединил вокруг себя передовых людей своего времени, как русских, так и кавказцев. Помимо уз войскового товарищества Ермолова связывали с ними — и это очень важно — общие принципы свободолюбия и критическое отношение к действительности. Эти сюжеты в романе прослеживаются весьма рельефно.

Роман Олега Михайлова представляет собой глубоко психологическое, актуальное сочинение, которое явится определенным вкладом в советскую литературу серии исторических романов. Думается, что он вызовет большой интерес у всех специалистов-историков, литераторов, критиков, у военного читателя и более широкой читательской аудитории.

Доктор исторических наук — полковник Хаджи Мурат Ибрагимбейли

ПРОЛОГ

А.С.Пушкин — А.П.Ермолову

«Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с просьбою о деле, для меня важном. Знаю, что Вы неохотно решитесь ее исполнить. Но Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать.

Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если же Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас дозволить мне быть Вашим историком…»

Четырех императоров пережил он и от двух претерпел незаслуженные и жестокие обиды. От отца и сына — Павла Петровича и Николая Павловича…

Старик, с большой головой, покрытой совершенно белыми волосами, и с выражением непреклонной воли во всех чертах умного лица, сидел за письменным столом. На нем был казинетовый сюртук и синие шаровары со сборками на животе. Ноги мощного старика, обутые в узорчатые азиатские сапоги, покоились на раскинутой под столом медвежьей шкуре. Два шандала, стоявшие на письменном столе, мягко освещали небольшой кабинет, медальоны графа Толстого на стене, изображающие войну двенадцатого года, низкий диван, вырывая из полутьмы лишь знаменитую уткинскую гравюру генералиссимуса Суворова да латинскую книжицу, на которой лежала красная огромная, похожая на львиную лапу рука старика.

Тихо было в комнате. Тишина царила во всем скромном семиоконном деревянном домике, примыкавшем к зданию пожарного депо. В передней, освещенной свечкой с зеркальным рефлектором, на желтом конике сладко клевал носом камердинер, ровесник старика.

А на Пречистенском бульваре, в двадцати шагах от домика, в этот сентябрьский погожий вечерний час было шумно и празднично. В радужном свете газовых фонарей, серебривших своим светом листву

деревьев и кустарников, клубилась по-летнему разряженная толпа, в которой лишь изредка мелькали чуйка или засаленный армяк. Звероподобные лихачи, туго перепоясанные кушаками, развозили в колясках по ресторанам развеселые компании, парочек или одиноких господ в «Дрезден» на Тверскую площадь и в «Кавказ» в Козицкий переулок, к «Яру» на Петербургское шоссе и в «Европу» в Неглинный проезд, в «Лондон» к Охотному ряду и в «Петербург» на Воздвиженку. Дворянская, чиновная, купеческая Москва, как всегда, много и сытно ела, всласть пила, веселилась, не обращая внимания на отчаянно-призывные крики мальчишек, чертенятами вившихся в толпе с пачками сырых газет: «Новая бомбардировка Севастополя!», «Зверства турок в Бессарабии!», «Обмен пленными в Одессе!».

Далеко, далеко витали мысли старика.

— Так быстро развалить армию… И какую армию!

Столько гадостей наделать в Севастополе! Уступить во всем!.. — проговорил он наконец, сжимая и разжимая тяжелый кулак. — У всякого свой царь в голове… А у России? Царь, выходит, в отпуску?..

Старик медленной глыбой поднялся из-за стола, сутуловатый, но еще крепкий, даже могучий, и прошелся по кабинету той неслышной походкой, которая не будила и секретные засады немирных горцев. Постоял в раздумье перед гравюрой — блестящим резцом выгравирован портрет Суворова, превосходно изображено лицо, белый австрийский фельдмаршальский мундир, многочисленные ордена…

— Если бы был жив Суворов… Если бы он был жив!

Туговатым ухом старого артиллериста уловил легкий шум в передней.

— Ксенофонт! — громовым голосом, способным перекрыть рев пушек, крикнул он.

Некогда, во время неожиданной ссылки при сумасбродном Павле Петровиче и заточения в Костроме, он воспользовался вынужденным бездельем и приобрел большие сведения в военных и исторических науках, а также выучился весьма основательно латинскому языку у соборного протоиерея и ключаря Егора Арсеньевича Груздева. Алексей

Петрович будил его ежедневно чуть свет словами: «Пора, батюшка, вставать: Тит Ливии с Ксенофонтом нас давно уже ждут».

Тогда-то переименовал он своего юного денщика Федула в Ксенофонта.

Камердинер не тотчас появился в дверях и слегка наклонил трясущуюся голову.

— Ксенофонт! — строго повторил старик. — Что за беспорядок?

— Офицер к вашей милости, Алексей Петрович, — ничуть не смущаясь грозным видом хозяина, ответствовал Ксенофонт — Федул.

— Хм… Офицер? К отставному солдату?

— «Отставной»… — бесстрашно передразнил его камердинер. — Да ты и сейчас любого супостата опровергнешь.., Недаром, чай, тобой детей пужали…

Пропустив мимо ушей реплику Ксенофонта, старик вновь утвердился за столом, приобретя вид еще более строгий, грозный:

— Зови!

Защелкали быстрые шажки, и в кабинет влетел гвардейский капитан, тонкий и гибкий, словно лоза, с натертыми воском, торчащими усами и витым серебряным аксельбантом.

— Адъютант его превосходительства московского генерал-губернатора Закревского со срочным пакетом вашему высокопревосходительству! — Сильной фистулою отчеканил капитан.

— Так! — не подымаясь, молвил старик, принял куверт и сломил сургучные вензловые печати.

В феврале истекающего 1855 года его, семидесятивосьмилетнего старца, несмотря на явное недовольство ныне почившего в бозе императора Николая Павловича, почти единогласно избрали начальником ополчения в семи центральных губерниях, причем сам он принял эту должность по Московской.

Он нашарил на столе лупу, вперил через стекло слабые глаза в казенную бумагу и громко зашептал:

— «Препровождаю Вам, как начальнику ополчения Московской губернии, сей скорбный приказ главнокомандующего Южной армией его

сиятельства генерал-лейтенанта Горчакова-2-го об оставлении…» Об оставлении… — Голос старика пресекся. — Что-то, батюшка мой, — обратился он к капитану, — совсем худо: ничего не вишу, буквы двоятся…

Прочитай ужо приказ сам. — И вынул из пакета другую бумагу.

Капитан поправил нафабренный ус и еще более высоким, чем при представлении, голосом начал:

— «Храбрые товарищи! 12 сентября прошлого, 1854 года сильная неприятельская армия подступила под Севастополь, Невзирая на численное свое превосходство, ни на то, что город сей был лишен искусственных преград, она не отважилась атаковать его открытою силою, а предприняла правильную осаду. С тех пор при всех огромных средствах, которыми располагали наши враги, беспрестанно подвозившие на многочисленных судах своих подкрепления, артиллерию и снаряды, все усилия их преодолеть наше мужество и постоянство в продолжение одиннадцати с половиною месяцев оставались тщетными — событие, беспримерное в военных летописях: чтобы город, наскоро укрепленный в виду неприятеля, мог держаться столь долгое время против врага, коего осадные средства превосходили все принимавшиеся данные в соображение расчеты в подобных случаях…»

— Теперь все ясно! — твердо сказал старик, сгибая огромной кистью медную рукоять увеличительного стекла. — Но продолжай.

— «Храбрые товарищи, грустно и тяжело оставить врагам Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь Отечества в 1812 году: Москва стоит Севастополя!

Мы ее оставили после бессмертной битвы под Бородином. Тристасорокадевятидневная оборона Севастополя превосходит Бородино! Ноне Москва, а груда каменьев и пепла досталась неприятелю в роковой 1812 год. Так точно и не Севастополь оставили мы нашим врагам, а одни пылающие развалины города, собственною нашею рукою зажженного, удержав за нами честь обороны, которую и дети, и внучата наши с гордостью передадут отдаленному потомству…»

— Севастополь сдан! — в отчаянии перебил офицера старик.

Он поднялся во весь гигантский рост, силясь сказать еще что-то, но покачнулся и начал медленно сползать на медвежью шкуру, цепляясь руками за поверхность стола.

С грохотом обрушились на пол оба шандала, упали латинская книжица, увеличительное стекло, табакерка, пасьянсные карты.

Ксенофонт, гвардейский капитан и сбежавшаяся немногочисленная челядь из отставных и увечных солдат с трудом перетащили на низкий диван хозяина: у него отнялись ноги.

Некоторое время старик пребывал как бы в забытьи. Но вот он приподнял массивную голову с шалашом седых волос и ослабевшим, но внятным голосом приказал:

— Мундир мне!

Ксенофонт скоро воротился, неся генеральский мундир с эполетами, украшенными золотым позументом и бахромой. Единственный белый крестик Георгия 4-го класса — любимый орден — был прикреплен к темно-зеленому сукну.

— Господь-вседержитель, верни России ее былую силу… — шептал старик, беззвучно плача и целуя орден, внутренним, уже другим зрением видя перед собой картины славного боевого прошлого.

В эти краткие мгновения страдания и скорби вся его едва не восьмидесятилетняя жизнь протекла перед ним — от самых ранних, младенческих картин, от воспоминания о нарисованной на печи в родительском доме римской богини плодородия Цереры, от впечатлений действительной военной службы на четырнадцатом году от роду и до бессмертного Бородина, до отбития у французов в жестоком штыковом бою Курганной высоты и батареи Раевского, до сражений под Малоярославцем и Красным, до заграничных походов 1813 — 1814 годов и десятилетнего правления на беспокойном Кавказе.

В глазах современников он казался могучим обломком отошедшей в небытие эпохи. Уже не было в живых никого из его сверстников — героев 1812 года. Уже ушли из жизни те, великие, кто видел в нем кумира и

воспел его. Те, из чьих стихов о нем можно было бы составить целую антологию.

В знаменитом «Певце во стане русских воинов», созданном в Тарутинском лагере, В. Жуковский, осыпавший звенящими похвалами полководцев первой Отечественной войны, восклицал:

Хвала сподвижникам — вождям!
Ермолов, витязь юный!
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твои перуны.

Прославленный своими ратными подвигами, поэт-партизан Денис Давыдов взывал в «Бородинском поле»: «Ермолов! Я лечу — веди меня, — я твой! О, обреченный быть побед любимым сыном, покрой меня, покрой твоих перунов дымом!»

Один из вождей декабристского движения, поэт-революционер, поэт-мученик К. Рылеев в своем послании предлагал именно ему возглавить освободительное движение Грешит против оттоманского ига: «Наперсник Марса и Паллады, Надежда сограждан, России верный сын, Ермолов! поспеши спасать сынов Эллады, Ты, гений северных дружин!..»

Прославленный военный вождь — таким запечатлел его Лермонтов:

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки…

И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.

…Теперь седой генерал припоминал прошлое, и в памяти оживали одно за другим далекие события — он видел вновь поля битв в густых клубах пороха, слышал грохот пушек, стоны раненых, жалобные крики о пощаде и могучее, всесокрушающее русское «ура!», вспоминал безмерные подвиги воинов-сподвижников на поле брани и вереницу государственных дел.

И сквозь все, уже туманящиеся, грозные годы светил ему этот маленький белый эмалевый крестик, полученный из рук незабвенного Суворова.

ЧАСТЬ 1

Глава первая. РУССКИЙ МАРС

1

Все было кончено в считанные часы.

Ни численное превосходство гарнизона над атакующими, ни мощная, более ста стволов, артиллерия, в том числе и крупнокалиберная (у русских же не было вовсе осадных пушек), ни обширные укрепления — шесть рядов волчьих ям, высокий земляной вал и ретраншемент, — ни безумная отвага осажденных не могли сдержать напора суворовских чудо-богатырей. С рассветной ракеты и до последнего выстрела прошло всего четыре часа.

Суворов, едва таскавший ноги от изнурительной болезни, прилег на солому и продиктовал донесение фельдмаршалу Румянцеву: «Сиятельнейший граф, ура, Прага наша!»

Артиллерийский капитан Ермолов, командовавший при штурме батареей в корпусе Видима Христофоровича Дерфельдена, с волнением ожидал торжественного въезда русских войск в Варшаву.

С начала Польской кампании 1794 года юноша постоянно искал случая отличиться в бранном деле, выказать умение и отвагу. Он был назначен в авангард Дерфельдена, которым командовал брат последнего фаворита Екатерины II граф Валериан Александрович Зубов.

Ермолов был принят весьма благосклонно Зубовым, который в продолжение похода был с ним в самых приятельских отношениях и не раз в лестных выражениях отзывался о нем Дерфельдену. Их сближала молодость (графу Валериану Александровичу исполнилось 23 года, Ермолову — 17), храбрость, жажда воинской славы. Начавшееся приятельство было прервано превратностями войны. При переправе через Буг под огнем польской артиллерии Зубову ядром раздробило ногу ниже колена…

Суворов 23 октября стоял в трех верстах от варшавского предместья Праги. Корпус Дерфельдена составлял правое крыло русских, а шесть орудий Ермолова занимали крайний правый фланг в общем расположении артиллерии.

Перед рассветом 24 октября русские двинулись к ретраншаменту. Орудия Ермолова открыли активную пальбу против фланговой батареи, огонь которой был губителен для атакующих. Польские артиллеристы

начали поспешно отвозить пушки в город. Главным виновником этого успеха Дерфельден считал Ермолова…

С другого берега Вислы доносился заунывный набатный звон: в ночь после штурма Праги никто из варшавян не сомкнул глаз. Заносчивые в отваге, высокомерные и кичливые в смелости, повстанцы оказались обречены на поражение благодаря высокому воинскому духу и искусству русской армии, что усугублялось еще бесконечными раздорами в дворянской верхушке, жаждой своеволия и самоуправства, нетерпимостью ко всякому подчинению, неспособностью даже во имя свободы отечества отказаться от шляхетских страстей и страстишек…

Алексей Ермолов, по-юношески угловатый, худой, лежал прямо на земле, вытянувшись во весь свой огромный рост, рядом с шестифунтовой медной пушкой, еще теплой после долгой стрельбы. Да и сам капитан, невзирая на октябрьскую свежесть, ощущал жар во всем натрудившемся теле; офицерская куртка нараспашку, на широкой груди наперсный крест с ладанкой, в которой зашит псалом «Живый в помощи Вышняго» — благословение отцовское.

С этим талисманом Ермолов поклялся отцу не расставаться никогда.

Вечер переходил в ночь, в русском лагере гасли костры. Вокруг командира уже подремывали молодцы-артпллерисгы, которые метким огнем заставили замолчать на варшавском берегу неприятельскую батарею. Лишь только русские ворвались в предместье, Суворов приказал ввести двадцать полевых орудий в Прагу, чтобы сбить артиллерию, выставленную в самой Варшаве. Ермолов стремглав поскакал за своей батареей и начал обстрел. Когда ему удалось подбить одну пушку, все остальные, стоявшие от моста вверх по течению Вислы, сейчас же скрылись в городских улицах.

Овладев Прагою, Суворов начал переговоры с противоположным берегом, и в результате Варшава приняла все предложенные ей условия…

— Алеша! Брат! Жив? — услышал Ермолов знакомый голос и вскочил с земли.

— Саша! — радостно припал он к плотному полковнику в грязном обожженном мундире и без каски.

Александр Михайлович Каховский, родной брат Ермолова по матери от первого брака, в продолжение всего штурма был неподалеку от него. Командуя в первой колонне Дерфельдена батальоном Фанагорийского полка, он ворвался во вражескую оборону, которую перед тем подавили пушки Ермолова, а потом преследовал противника до последнего окопа.

— Ты был истинным героем, — не выпуская брата из объятий, говорил Каховский, счастливо блестя черными цыгановатыми глазами. — Сам Суворов справлялся о тебе у старика Дерфельдена…

— Что граф? Как его сиятельство? — нетерпеливо перебил его Ермолов.

Каховский напросился участвовать в деле, так как командир первого батальона фанагорийцев при рекогносцировке получил ранение. Должность же его была иной — он состоят адъютантом при особе графа Суворова-Рымникского.

Правду сказать, по простодушию, даже детскости его натуры великий полководец позволял находиться около себя людям, в значительной части недалеким, но ловким и хитрым, порою не совсем честным, зато умеющим втереться в доверие. Такие, как Тищенко, Мандрыкин (которого Суворов называл просто Андрыкой), Тихановский, Корицкий, Тимашов, принести своему начальнику немало забот и горя, вынудив его так-то сказать, что честные люди слишком редки, а потому надо привыкать обходиться без них.

Каховский, умница и смельчак, великолепно образованный, веселый и добрый, был одним из счастливых исключений, оставаясь любимым адъютантом Суворова. Он получил боевого Георгия по представлению полководца за мужество и отвагу, проявленные при осаде Очакова.

— После штурма Праги Александр Васильевич тотчас потребовал к себе польских генералов, пожал им руки и обошелся с ними очень приветливо, — рассказывал Каховский брату. — Он распорядился пригласить на обед также пленных польских штаб-офицеров… После того лег на солому отдохнуть, а к ночи ему разбили калмыцкую кибитку…

— Ах! — пылко воскликнул Ермолов. — Мечталось мне в бою увидеть Суворова, заслонить его собой от вражеской пули! Вот счастливая участь воина! Отомстить жестокому и вероломному врагу…

— Алеша, Алеша, — тихо молвил Каховский, — и ты когда-нибудь поймешь, что поляки защищают себя — с поп дома и семьи, свою свободу.

2

В роскошных покоях примаса Варшавы — католического епископа — Суворову представили большое число новопоступивших офицеров, которые отличились в недавних сражениях.

Генерал-поручик Вилим Христофорович Дерфельдсп, добрый старик, напускавший на себя вид строгий и неприступный, выстроил офицеров в одну шеренгу.

Несмотря на страшную стужу, окна во дворце были распахнуты настежь. Рядом с Ермоловым, едва доставая ему до плеча, тихо переговаривались двадцатитрехлетний ротмистр лейб-гвардии Конного полка князь Дмитрий Голпцын-1-й и семнадцатилетний гвардейский поручик князь Иван Шаховской; обоим предстояло славное воинское поприще: первый сделался впоследствии генералом от кавалерии, второй — от инфантерии; оба они отличились в кампании 1812 года. В пражском деле Голицын и Шаховской участвовали волонтерами.

Суворов задерживался. Юный Шаховской был бледен и шептал соседу:

— Ей-ей, легче было под польскими пулями, чем под взглядом фельдмаршала!

Но вот отворились белые, с золотом, двери, и в залу не вошел, а вбежал Суворов. Он был в одеянии фельдмаршала российских войск и при всех орденах, его сопровождали Каховский и другие адъютанты. Суворов расцеловался с Дерфельденом, непрерывно шутил, сыпал солеными солдатскими прибаутками. Заметив, что офицеры дрожат в своих топких

мундирах, пояснил, указывая на окна:

— Для вымораживания из вас немогузнайства!

Быстро идя вдоль строя, он остановился возле Голицына с Шаховским:

— Не могу не отдать справедливой похвалы и одобрения за участие в минувшей баталии господам волонтерам! — Затем указал пальцем на Ермолова: — А это что за богатырь?

При этих словах юноша почувствовал, как его бросило в банный жар: кровь прихлынула к вискам, перед глотами поплыли круги. Как сквозь сон, слышал он голос Дерфельдена, обстоятельно, с педантизмом эстляндца объяснявшего:

— Капитан Ермолов, командуя своей батареей, накануне штурма и во время ею весьма с отличным искусством и мужеством действовал.

— Помилуй бог! — одобрительно отозвался Суворов. — Пушки работали славно. Стреляли цельно. Пропадало разве меньше десятого заряда. Открыли путь пехоте и кавалерии. Какой восторг!.. Постой! Уж не он ли заставил варшавян свезти свои орудия?

— Так точно, ваше сиятельство, — столь же педантично, тщательно выговаривая русские слова, доложил Дерфельден. — Вместе с капитанами Христофором Саковпчем и Дмитрием Кудрявцевым сбил батарею на варшавском берегу.

Но оп был из отличившихся первым.

— Да это же чудо-богатырь! — вскричал фельдмаршал. — Не позабудь его, батюшка Видим Христофорович, в реляции!

Он отбежал на середину залы и своим низким голосом, таким неожиданным при его малом росте, воскликнул:

— Помните, господа! В войне — наступление, ярость, ужас. Изгнать слово «ретирада»!

В соседней зале для представлявшихся офицеров между тем накрыты уже были праздничные столы.

Рассаживались, соблюдая строжайшую субординацию.

За обедом не дозволялось катать из хлеба шарики, передавать солонку из рук в руки, кусать ногти, иметь на себе черный цвет. Сперва подали в

каких-то глубоких глиняных чашках прескверные щи, а после ветчину на конопляном масле. Офицеры над щами морщились и воротили носы от перекисшей капусты. Ермолов же хлебал с аппетитом, и не потому только, что неизбалован и привык к любой пище.

С рождения он был почти вовсе лишен чувства обоняния:

не знал запаха ни розы, пи резеды в естественном их виде и мог есть за свежую говядину — тухлую, от которой другие бежали вой из комнаты.

Подавая пример, Суворов ел и беспрестанно похваливал искусство своего повара Мишки.

Ермолов жадно глядел на полководца, стараясь запомнить ею — его лицо, манеры, облик. Маленький, прихрамывающий, с грубой обветренной кожей, припудренными букольками и косичкой, высоко поднятыми бровями и сверкающими умом голубыми глазами. Русский Марс!

Обед был едва не испорчен неосторожностью Каховского.

Забывшись, любимый адъютант принялся грызть ногти.

Суеверный Суворов вскочил с криком:

— Грязь, вонь, прихах, афах! Здоровому — питье и еда, больному — воздух и конский щавель в теплой воде!

Тотчас явился слуга с рукомойником, полотенцем и лоханкой.

Каховский нашелся:

— Виноват, ваше сиятельство! Замечтался, когда же вы поведете нас на французов.

Суворов успокоился и отослал слугу вон. Он давно уже помышлял о встрече с противником, достойным себя, и еще в Херсоне, перед польским походом, отправил фавориту Екатерины II Платону Зубову план французской кампании.

Прощаясь с молодыми офицерами, Суворов повторил пм в назидание любимые заповеди:

— Военные добродетели суть: отважность для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала. Будьте откровенны с друзьями, умерены в нужном и бескорыстны в поведении. Любите истинную славу.

Отличайте честолюбие от надменности и гордости. Привыкайте заранее прощать погрешности других и не прощайте никогда себе своих погрешностей. Обучайте ревностно подчиненных и подавайте им пример собою. Пламенейте усердием к службе своему Отечеству! А уж оно вас не забудет и воздаст по заслугам каждому!..

3

«Артиллерии капитану Ермолову Усердная ваша служба и отличное мужество, оказанное Вами 24 Октября при взятии приступом сильно укрепленного Варшавского предместия, именуемого Прага, где вы, действуя вверенными вам орудиями с особливой исправностью, нанесли неприятелю жестокое поражение, и тем способствовали одержанной победе, учиняют вас достойным военнаго Нашего ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, на основании установления его. Мы вас кавалером ордена сего четвертаго класса всемилостивейше пожаловали, и знаки оного при сем доставляя, повелеваем вам возложить на себя и носить по указанию. Удостоверены Мы, впротчем, что вы, получа сие со стороны Нашей одобрение, потщитеся продолжением службы Вашей вящше удостоиться Монаршаго Нашего благоволения.

В С.-Петербурге.

Генваря, 1 дня, 1795 года». Екатерина

Глава вторая. ОБЕЩАНИЕ

1

А Церера была стройной и румяной, с величественной осанкой и добрым взглядом, в венке из колосьев, с факелом и рогом изобилия в руках, из

которого сыпались цветы, хлеб, яблоки, гроздья винограда и даже целые тельцы, бараны, свиньи. Она казалась бы всемогущей богиней, если бы не трещина, надвое рассекшая печь вместе с нею и грубо замазанная глиной. Четырехлетний Алеша навсегда запомнил Цереру, как и скромный родительский домик в Москве, в переулке между Арбатом и Пречистенкой, буланого меринка, дворовых ребятишек, пышные проводы масленицы, малиновый церковный звон, а потом резную указку, расписанную синими фигурками, и первый букварь, по которому его учил грамоте дворовый служащий и тезка — Алексей…

Отец, вышедший в отставку по болезни в чине майора артиллерии, рассказывал мальчику о роде Ермоловых, о предках, об отчич и дедич, уходивших сонмом своим в глубь истории российской.

Согласно преданию, основателем рода был Араслап-Мурза-Ермола, по крещению названный Иоанном, который в 7010 (1506) году выехал к великому князю Василию Ивановичу из Золотой Орды. «Правнук сего Араслана, — как указывалось в составленном позднее Общем гербовнике дворянских родов Российской империи, — Трофим Иванов сын Ермолов в 7119 (1615) году написан по Москве в Боярской книге. Осип Иванов сын Ермолов от Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича за Московское осадное сидение пожалован поместьями. Равным образом и многие другие сего рода Ермоловы Российскому Престолу служили дворянские службы стольниками и в иных местах и жалованы были от Государя поместьями».

Правда, мало что осталось от полученных предками поместий отцу, Петру Алексеевичу Ермолову, принужденному по выходе в отставку в 1777 году тотчас пойти на гражданскую службу. Сто душ крестьян и сельцо Лукьянчиково, Мценского уезда, Орловской губернии, — вот и все, что составляло родовое богатство Ермоловых. Сам Петр Алексеевич после службы в Москве был избран дворянским предводителем в Мценске, в 1785 году определен председателем гражданского суда Орловского наместничества, в следующем году произведен в коллежские советники, а затем и в советники статские, что соответствовало по

Петровской табели о рангах полковничьему чину. После 1792 года и до конца царствования Екатерины II Петр Алексеевич исполнял обязанности правителя канцелярии могущественного генерал-прокурора А. Н. Самойлова, дальнего родственника по жене.

Марья Денисовна Ермолова, урожденная Давыдова, в первом браке была за ротмистром Михаилом Ивановичем Каховским, рано умершим, от которого имела, как мы уже знаем, сына Александра. По свидетельству современника, родные братья по матери, Каховский и Ермолов, унаследовали именно от нее «редкие способности, остроту ума и, при случае, язвительную резкость возражений». Марья Денисовна была натурой незаурядной, особенно резко выделявшейся на фоне губернского общества Орла, где она оказалась с мужем после воцарения Павла I и последовавшего немедленного увольнения Петра Алексеевича со службы.

Как вспоминал один из ее близких знакомых, она «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в провинциальном мире».

В характере Ермолова отчетливо проявились отцовское и материнское начала, придавшие ему с ранних лет особенный облик — гордость, независимость и вместе с тем скромность, серьезность. Отец, по словам мемуариста, одарил его «серьезным и деловым складом ума», а мать — «живым остроумием и колкостью языка, качествами, которые доставили ему громкую известность и вместе с тем наделали ему много вреда».

Воспитанный в духе уважения и даже преклонения перед всем русским — языком, обычаями, историей, Ермолов никогда не кичился ни своим дворянским происхождением, ни заслугами предков. Это ему, любившему говорить о себе в третьем лице, принадлежат слова: «Алексей Петрович Ермолов не может иметь обширной родословной и разумеет свое происхождение ничего особенного в себе не заключающим». Но то была прежде всего дань скромности, которой он всегда в высшей степени обладал, воспринимая себя и свой род лишь как крохотную частицу огромного ствола России и ее пышной и разветвленной кроны.

Он хорошо помнил своих предков, свой родовой герб: щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней, в правом голубом поле, изображены три золотые пятиугольные звезды — одна вверху и две внизу; в левом, красном поле видна из облаков выходящая рука с мечом. В нижней части, в серебряном поле, поставлено на земле дерево, а по сторонам оного — лев и единорог. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною.

Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом. Щит держат с правой стороны единорог и с левой лев. Но Ермолов никогда не преувеличивал цены голубой дворянской крови.

Род Ермоловых был заурядным дворянским родом, истоки которого следует искать не в выходцах из Золотой Орды, даже если они и были (впрочем, когда дальний родственник Ермолова подал в 1785 году челобитную «об учинении о дворянстве предков», в правительствующий сенат пришел ответ, что «по делам Коллегии Иностранных Дел Московского архива о выезде помянутого Мурзы-Ермолы никакого сведения не имеется»). Русское дворянство, в большинство своем вчерашние смерды и оболы, стремилось отделиться и противопоставить себя «черному люду» с помощью иноземных предков, чаще всего выдуманных.

Уже в родословной книге, пополненной при царе Федоре Алексеевиче и получившей у историков по переплету название «бархатной», за исключением Рюриковичей, нет ни одного чисто русского рода. Так, Бестужевы выдавали за основателя своей фамилии англичанина Гавриила Беста, якобы въехавшего в Россию в 1403 году. Лермонтовы — шотландца Лермонта. Козодавлевы вели свой род от древнегерманской фамилии Кос фон Дален. Толстые утверждали о своем происхождении от «мужа честна Ппдриса», выехавшего «из немец, из Цесарские земли» в 1353 году.

Бунины — от прибывшего «к великому князю Василию Васильевичу из Польши мужа знатного Симеона Бунковского».

Пушкины тоже называли себя потомками немецкого выходца, пока не

было доказано их чисто русское происхождение.

Даже Романовы считали себя выходцами из Литвы, а не тверскими боярами, каковыми были на самом деде. А дворяне Дедюлины заявили, что происходят не более не менее как от герцогов де Люппь!

Все это могло бы показаться историческим курьезом, если бы не использовалось недоброжелателями как оскорбительный для отечественной истории материал, призванный подтвердить неспособность русской нации выдвигать из собственных недр великих ученых, писателей, художников, полководцев, государственных деятелей. Из толщи парода, из недр его выделились и поднялись все знаменитые люди России, а со времени Петра Великого, сломившего чванную боярскую иерархию, в «верха» империи ворвались новые силы, резко подул свежий ветер. Недаром в числе первых российских генералиссимусов и «полудержавных властелинов»

оказался недавний разносчик пирожков с ливером, с перцем Алексашка Меншиков.

В раззолоченные петербургские дворцы при преемницах Петра, как писал А. Н. Толстой, «приходили ражие парни, с могучим телосложением и черными от земли руками, и смело поднимались к трону, чтобы разделить власть, ложе и византийскую роскошь». Вчерашний певчий Алексей Розум на двадцать втором году жизни стал российским фельдмаршалом, а затем и тайным супругом царицы Елизаветы Петровны; внуки простого стрельца Орла, Григорий и Алексей Орловы, были подняты на высшие ступени власти и осыпаны наградами Екатериною II; среди фаворитов оказался и двоюродный дядя Ермолова — Александр Петрович, в короткий срок ставший генерал-поручиком, флигель-адъютантом и действительным камергером.

Среди «случайных людей» (так называли в XVIII веке фаворитов — от слов «случай», «удача»; «Вельможа в случае — тем паче: не как другой, и пил и ел иначе», — сказал Грибоедов в комедии «Горе от ума») было немало красивых глупцов, смазливых ничтожеств, факиров на час, ловкачей и просто авантюристов и проходимцев. Но среди них же мы

видим немало и талантливых военачальников, и крупных администраторов, и многосторонне одаренных государственных деятелей, каким, к примеру, остался в истории России преобразователь Тавриды светлейший князь Потемкин.

Понятно, не родством с временщиком, вельможей «в случае», мог гордиться Ермолов. Его семья переплелась в свойстве сразу с несколькими выдающимися фамилиями, принесшими честь и истинную славу Отечеству. Родство шло через мать — Марью Денисовну, урожденную Давыдову. Она была родною теткою знаменитому поэту-партизану Денису Давыдову, который, таким образом, приходился Ермолову двоюродным братом. В свою очередь ее тетка, Катерина Николаевна, урожденная Самойлова, была родной племянницей «вице-императора» страны Г. А. Потемкина и от первого брака за Раевским имела сына Николая, героя войны 1812 года. Этот Раевский женился на внучке (или, как говорли тогда, на внуке) великого Ломоносова, родившей ему двух сыновей — Александра и Николая. Когда одному из них было пятнадцать, а другому одиннадцать лет, генерал Раевский вместе с ними во главе Семеновского полка бросился на французов в сражении у деревни Дашкове, на Салтановской плотине, в двенадцати верстах от Могилева…

Ермоловы, Раевские, Ломоносовы, Потемкины, Давыдовы творили русскую историю, укрепляя государство в тех его пределах, в которых оно и осталось в наследство отдаленным потомкам…

2

Стало уже обычаем записывать дворянских недорослей на военную службу чуть ли не с пеленок. 5 января 1787 года, на десятом году жизни, Алексей Ермолов был зачислен каптенармусом — унтер-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк, в сентябре следующего года произведен в сержанты, а вскоре и в офицеры и к 1791 году имел уже

чип поручика. Определенный в гвардию, первые годы юноша оставался под родительской кровлей, мечтая пойти по стопам отца-артиллериста. Петр Алексеевич рассказывал ему о своей службе, о тонкостях огневого дела, так что отвлеченные слова «карронада», «единорог», «гаубица», «мортира», «фейерверкер», «бомбардир», «канонир», «артиллерийская шкала» наполнялись для мальчика живым и глубоким смыслом.

Москва, которую видел юный Ермолов, оставалась средоточием русского служилого дворянства. Екатерина II, немка но рождению, сумела сделаться в душе чисто русской государыней. Она стремилась внушить подданным любовь к своему Отечеству и готовность пожертвовать для него всем достоянием и, если надо, жизнью. Сын своего времени, Петр Алексеевич Ермолов не уставал повторять первенцу святые для него слова:

— Когда требует государь и Отечество службы, служи, не щадя ничего, ибо наша обязанность только служить!..

Стремясь дать сыну подлинно хорошее образование, он определил его семи лет в университетский благородный пансион, на руки к профессору Ивану Андреевичу Гейму.

Ученый муж полюбил пытливого мальчика, и Алексеи привязался к своему наставнику. Много лет спустя, уже будучи генералом, Ермолов по проезжал Москвы без того, чтобы не посетить старика Гейлы, которому был обязан развитием любви как к естественным наукам, так и к изящной словесности и живым и мертвым языкам. Математике он улился у педагога Крупеникова, блестяще овладев всеобщего арифметикой и искусством землемерия, пли геометрией.

Москва жила тогда событиями, разворачивающимися на юге России. Гром побед над Оттоманского Портон — суворовские виктории при Фокшаках и Рымиико, штурм Измаила, успехи Ушакова на море, разгром турок Репниным при Мачипе и взятие крепости Лгапа Гудовичем — возбуждал в юном Ермолове нетерпеливое стремление как можно скорее попасть на поле брани. Переведясь в 1791 году из гвардии в армию с получением очередного чина, четырнадцатилетний капитан был назначен

в 44-й Нижегородский драгунский полк, дислоцировавшийся в Молдавии. Однако к моменту приезда Ермолова в часть война уже закончилась.

Находясь в полку, он практически познакомился с артиллерией, что еще более укрепило его в давней мечте — пойти по стопам отца-артиллериста.

Отец, видимо, думал иначе, желая, чтобы его сын сделал придворную карьеру. Занимая не особенно видную, по важную должность («у исправления порученных дел генерал-прокурору»), Петр Алексеевич Ермолов, человек необыкновенно умный и деловой, собственно, и был генерал-прокурором, а граф Самойлов им только назывался. Екатерина II, прекрасно разбиравшаяся в людях, в который раз удивила современников, отыскав себе такого деятеля в малоизвестном до того председателе Орловской гражданской палаты.

Отец добился назначения Алексея Петровича на должность старшего адъютанта при генерал-прокуроре и вызвал сына в Петербург. Началась внешне почетная, но бесцветная и ничего не дававшая для приобретения опыта служба.

Ермолов настойчиво добивался своей цели — стать артиллеристом. Наконец в марте 1793 года он был назначен квартирмейстером во 2-й бомбардирский батальон, чтобы подготовиться к экзаменам, положенным в то время для перевода в артиллерию. С первых же дней жизни в столице юный офицер продолжал упорно совершенствовать свое образование и занимался под руководством известнейшего петербургского математика Лясковского. Великолепно выдержав экзамен, Ермолов в августе 1793 года бы переведен в капитаны артиллерии, с причислением младшим преподавателем (репетитором) к Артиллерийскому инженерному шляхетскому корпусу.

Корпус вел свое начало от Артиллерийской школы, учрежденной в 1721 году Петром Великим. При Екатерине II школа была переформирована в кадетский корпус, где получили образование многие отличные генералы, и среди них — М.И.Кутузов. Свое пребывание в корпусе Ермолов использовал для самообразования, и прежде всего в области военной

истории, артиллерии, фортификации и топографии.

Среди преподавателей шляхетского корпуса был выпускник этого учебного заведения Аракчеев, а также его сослуживец по гатчинской артиллерии Каннибах. Затянутые в узкие зеленые мундиры на прусский манер, носившие неудобную прическу с косой, твердившие зады немецкого военного искусства, гатчинцы служили предметом непрестанных насмешек со стороны кадетов и молодых офицеров. Уже тогда зародились первые семена неприязни в душе самолюбивого и мелочного Аракчеева к острому на язык Ермолову.

Алексей Петрович относился к своей новой роли преподавателя-артиллериста как к полезному, но временному делу. Восстание в Польше и наступление русских войск под командованием Суворова побудило Ермолова немедля перевестись в действующую армию. Так открылась первая страница его боевой биографии, продолжавшейся тридцать пять лет.

3

Коза Амалфея, вскормившая своим молоком младенца Зевса, однажды, зацепившись за дерево, сломала себе рог.

Его нашла нимфа, обернула листьями, наполнила плодами и подала Зевсу. Тот подарил рог своей сестре — богине плодородия Деметре, которую римляне называли Церера, и обещал ей, что все, что бы она ни пожелала, прольется из этого рога.

Церера желала изобилие яств земных входившему в жизнь Алексею Ермолову, но пророчество ее не сбылось.

Она обещала алые розы и маки — густо и щедро пролилась кровь: груды яблок оказались горами ядер; гирлянды цветов и ветви с виноградом и персиками превратились в штыки и шпаги, а вместо овец и быков — на бранных полях тела, тела…

Глава третья. ЗОЛОТАЯ НОГА

1

Ранней весною 1798 года в русской крепости Кизляр, в низовьях Терека, царило необычайное оживление. С двух сторон — от Астрахани, с Волги, и от крепости святого Николая, с Дона — двигались к Кизляру регулярные войска, собиралась казачья конница.

Река Терек еще при царе Иване Грозном была «рекою вольною, Тереком Горынычем, что от самого гребня до синя моря до Каспицкого», — как пелось в старинной песне — и служила границей между Россией и Перепей. Эго был левый фланг русских владений в Предкавказье. Правый фланг был обозначен рекой Кубанью, по которой проходила граница с Турцией. Кубанское казачество здесь противостояло воинственным абхазцам, черкесам, сванам, шапсугам и множеству более мелких племен, населявших Западный Кавказ.

Однако народности, жившие к востоку от знаменитой вершины Казбек, то есть за Тереком, были еще воинственнее. Они совершали дерзкие набеги как на юго-запад, в пределы грузинских земель, так и на север, на казачьи поселения, и на восток, где узкая равнинная полоса вдоль Каспия издавна служила торговым путем для России с Персией, а через нее — со среднеазиатскими ханствами, с Афганистаном и далее с Индией. Наиболее значительными из горских владений были Чечня, Ичкерия, ханства Казпкумухское и Кюринское, а также владения Тарковское, Мехтулпнское, Даргинское и Аварское, среди которых вкраплениями располагались мелкие самостоятельные общины. Здесь каждый мужчина был БОННОМ, каждый аул — крепостью, а каждая крепость — столицей воинственного государства.

Поводом для появления вблизи персидских владений русских войск явились события, происшедшие далеко от Кизляра, за Кавказским

хребтом, в многострадальной Грузии.

Пережившая свое государственное величие, помнящая имена могущественных царей — Давида III Возобновите ля, Дмитрия I, Давида IV, Георгия III, знаменитой царицы Тамар, Грузия была истерзана кровопролитными иноземными нашествиями и внутренними междоусобицами. Государство беспрерывно распадалось на мелкие владения, подвластные то монголам, то персам, то туркам, которые давали царям грузинским только титул вали — назначенного наместника. Некоторые из царей отрекались даже от христианской веры, чтобы отступничеством спасти свои наследия.

Но снова собрать воедино все области — Карталипиго, Кахетию, Имеретию, Мингрелию и т. д. не мог никто.

Кровавые набеги турок и персов ставили под сомнение вопрос о самом существовании грузин как нации. Поэтому начиная с времен Ивана Грозного местные цари и князья обращались к России за помощью и покровительством. Однако очень долго Россия не имела средств поддержать сплою свободолюбивый грузинский народ.

Только Петр I вспомнил о Кавказе. Когда персы при разграблении торгового города Шемахи убили около трехсот русских купцов и захватили товаров на четыре миллиона рублей, русский император во главе двадцатидвухтысячного войска самолично двинулся на юг. В июле 1722 года громадная флотилия из 274 судов выступила из Астрахани, направляясь морем к Аграханскому заливу, несколько южнее устья Терека. Сюда же из Царицына спешил отряд регулярной кавалерии, да еще с Дона и Украины вызвано было по казачьему корпусу. К войскам, Петра I присоединились также конные ополчения кабардинских князей.

В первых числах августа русская армия разбила под Утемишем каракайтагов и без боя вступила в Дербент. Ее появление на Северном Кавказе застигло врасплох изнуренную междоусобицами Персию. Уже хан Бакинский обещал добровольно сдать свой город, уже шли переговоры о взаимных действиях русских с войском грузинского царя Вахтанга, как сильнейшая буря разметала русскую флотилию с

провиантом, понудила Петра вернуться обратно в Астрахань.

Тем не менее успехи русского оружия заставили персидского шаха осенью 1723 года заключить с Петром I трактат, по которому Россия приобретала Дербент, Баку, а также Гилянскую, Мазендеранскую и Астрабадскую провинции.

Петр готовился развить достигнутый успех, совершить дальнейшее продвижение русских на юг, но этому помешала его преждевременная кончина. Преемники великого преобразователя России не только не закрепили успехи Петра, но недалекая императрица Анна Иоанновна даже возвратила персидскому шаху Надиру все приобретения на берегах Каспийского моря.

В последующие десятилетия Грузия оставалась лакомым куском, данницей и пленницей, за которую дрались турки с персами. Невольничьи рынки Анапы, Суджук-Кале, Стамбула и Каира были переполнены грузинскими рабынями, из которых наиболее красивые сотнями отсылались в гаремы правителей Востока. Некогда цветущая страна лежала в развалинах. И только в 1774 году по Кучук-Кайнарджийскому трактату Оттоманская Порта отказалась от всех своих притязаний на Грузию. А в 1783 году грузинский царь Ираклий признал себя со всеми своими наследниками зависимым от России.

Но тяжкие испытания для грузинской земли на этом не кончились.

В Персии в 1786 году, после кровавых междоусобиц, единоличным властелином стал евнух из гарема шаха Керим-хана Зенда — родоначальник новой династии тюроккаджаров Ага-Мухаммед-хаи. Именно он сменил усталую династию софиев. Ага-Мухалшед-хан даже среди азиатов отличался необыкновенной жестокостью, страстью к мести и всепожирающим честолюбием. Месть его простиралась так далеко, что он повелел вырыть из земли тела шахов Надира и Керима и вновь зарыть их у входа в свой тегеранский дворец, чтобы иметь утешение ежедневно попирать их прах своими ногами. Жестокости же его не было предела: при взятии одного города он приказал поставить у городских ворот весы и взвесить выколотые у мужчин глаза. Таков был этот шах, который,

покорив соперников внутри Персии — одних силою и бесчеловечными поступками, других, впрочем весьма немногих, великодушием, — в 1795 году во главе 60-тысячного войска подступил к границам Грузии.

Напрасно царь Ираклий II молил Россию о помощи.

Главнокомандующему на Кавказской линии графу Гудовичу из Петербурга приходили предписания, чтобы он только «обнадежил» Ираклия. Сам грузинский царь смог собрать для защиты своей столицы всего пятнадцать тысяч воинов.

Почти все они легли костьми в неравной битве с персами.

11 сентября 1795 года орды Ага-Мухаммеда ворвались в Тифлис. Вероятно, подобных ужасов не переживала даже многострадальная столица Грузии. Победители насиловали женщин, убивали детей и подрезали девушкам на память поджилки под правым коленом. Кура была запружена трупами. Оставив позади себя сожженный и разграбленный город, Ага-Мухаммед угнал до шестнадцати тысяч грузин в неволю.

Ираклий II, спасшийся в старинном монастыре Ананура, взывал к Гудовичу, но тот, не получая указаний от императрицы, медлил. Наконец просьбы грузинского царя о помощи и ужасы персидского нашествия обратили на себя внимание в Петербурге. В кругу самых ближних Екатерина предложила привести в исполнение грандиозный план покойного уже Потемкина. План был химерическим и держался в строгом секрете, объявили только о персидском походе и возвращении обратно завоеванного Петром I Приморского Дагестана с городом Дербентом. Начальствование Экспедиционным Каспийским корпусом предложено было Суворову, а когда он отказался — в ожидании более серьезной войны, — решено было поручить ему действовать за Дунаем.

Командование войсками вверялось графу Валериану Зубову. 24-летний генерал-поручик был гуляка, по обычаю того времени, ветреный, легкомысленный, но обладал бесстрашием и отвагой. Он зарекомендовал себя с лучшей стороны уже при штурме Измаила в декабре 1790 года.

Назначение Зубова глубоко задело главнокомандующего Кавказской

линией, одного из самых опытных генералов в русской армии, графа Гудовича. Но, смирив обиду, он принялся формировать необходимые для похода войска.

Были созданы две пехотные и две кавалерийские бригады. Первой пехотной бригадой, состоявшей из двух батальонов кубанских егерей и стольких же батальонов кавказских гренадер, командовал генерал-майор С. А. Булгаков; во главе другой, образованной из сводно-гренадерского батальона, батальона Воронежского полка и двух батальонов из Тифлисских мушкетерских полков, назначен был генерал-майор А. М. Римский-Корсаков. В состав первой кавалерийской бригады, руководство которой было вверено генерал-майору Л. Л. Беннигсену, вошли драгуны владимирские и нижегородские, а в состав второй — астраханские и таганрогские, ставшие под начало бригадира графа Апраксина.

На линию были стянуты войска с Дона, Тавриды, из Воронежской и Екатеринославской губерний; командиром всех иррегулярных войск был определен герой Измаила генерал-майор М. И. Платов. Кроме того, был сформирован еще отряд под начальством генерал-майора П. Д. Цицианова.

С моря действовала Каспийская флотилия под водительством контр-адмирала Федорова. Не считая ее экипажа, полки и бригады, подчиненные Валериану Зубову, насчитывали более двенадцати тысяч человек при двадцати одном орудии полевой артиллерии.

В первой бригаде Сергея Алексеевича Булгакова бомбардирским батальоном командовал капитан Ермолов.

2

Слева было море, справа — горы.

Войска узкой лентой втягивались в пределы Дагестана.

Передовой отряд под командованием старого героя-казака генерал-майора Савельева уже давно бездействовал перед Дербентом, за стенами

которого укрылся Шейх-Али-хан. Зубов запретил предпринимать что-либо до подхода главных сил.

Появление русских заставило Ага-Мухаммеда, занимавшего крепость Гянджу, уйти в Муганскую степь, а затем и в Персию. Хотя многие князья Дагестана уже заявили о своей покорности Екатерине II, все они ожидали только одного — как выкажут себя русские под Дербентом. Малейшая ошибка, принятая за слабость, заставила бы их всех объединиться с оружием в руках против пришельцев.

Сам Валериан Зубов был так мало знаком с условиями войны в этих краях, что принимал изъявления в покорности за чистую монету. Он воображал, что слава его проникла в эти отдаленные места и устрашила всех ханов, султанов, кадиев, уцмиев, шамхалов и даже грозного Ага-Мухаммеда.

Только себе одному он приписывал то обстоятельство, что поход от Кизляра обошелся без потерь. Однако воинственные кавказцы и не собирались меряться силами с русскими на прикаспийской равнине. Впереди, как раз на пути, высились Табасаранский и Каракайтагский горные хребты.

Всему русскому корпусу нужно было перевалить через них, и только тогда открывалась дорога на Дербент.

Впрочем, не только для Зубова, но и для очень многих офицеров и солдат война в условиях Кавказа была сложной и загадочной. Об этом рассуждал с Ермоловым участник суворовских походов подполковник Бакунин, ехавший в середине колонны на казачьей лошадке.

— Ишь наворотил вседержитель наш! — вздыхал он, разглядывая бесплодные, каменистые, заоблачные горы, вставшие по правую руку, мшистые скалы, окрашенные в бурый, с фиолетовыми оттенками, цвет и подернутые сизоватой дымкой. — Каменья до небес! Тут неприятеля русским штычком, пожалуй, не достанешь…

— Громадина, — отозвался Ермолов. — Европейцы кичатся своими Альпами… Я недавно повидал их. Но Альпы повсюду ниже гор Кавказских.

Ермолов сильно переменился за минувший год: раздался в плечах и выматерел телом. Черты лица обозначились резче, в выражении выступило нечто львиное. Темные, слегка вьющиеся волосы гривой ниспадали из-под черной форменной треуголки.

— Уже и в Альпах успел побывать! — простодушно восхитился Бакунин. — Чай, и с синекафтанниками встречался? Каковы они, ветреные, безбожные французики?

— Храбрые солдаты, — ответил Ермолов. — Почти все худо одеты, но горды, носят в петлице трехцветную розетку — знак их республиканского флага. А в бою прорываются через построения неприятеля неудержимо, словно бурный поток, и всему предпочитают, как и русские, штыковую атаку.

— Вот как! — изумился Бакунин. — А я, признаться, после того как французики обезглавили своего законного государя, представлял себе их но иначе как с рогами… — Он помолчал и сказал с оживлением на своем добром рябом лице: — Ах, зеленые пошли! Как славно!

Зелеными, или зеленой кавалерией, прозвали в народе и среди солдат драгун, после того как в 1775 году синие их мундиры, установленные Петром I, были заменены на зеленые.

Обгоняя пехоту, драгуны гуськом потянулись в голову колонны. То, что они составляли в корпусе большинство регулярной кавалерии, было не случайно. Драгуны представляли собой такую конницу, которая в случае надобности могла действовать и в пешем строю. Пехота на конях, формированию которой много способствовал Потемкин, как раз и нужна была для ведения войны в горах.

Это были драгуны Нижегородского полка, которыми командовал дальний родственник Ермолова — двадцатичетырехлетний Н. Н. Раевский, уже зарекомендовавший себя в битве с турками при Ларге.

— Верно, впереди лазутчики замаячили, — вставил догадку Ермолов.

Для него истекший, 1795 год оказался на редкость богатым событиями. По окончании военных действий в Польше Алексей Петрович возвратился в январе в Петербург и был зачислен во 2-й бомбардирский батальон.

Пользуясь сильной поддержкой графа Самойлова, он получил предложение ехать в Генуэзскую республику.

Северная Италия была тогда театром войны между французами и австрийцами. Ермолов получил рекомендательное письмо от вице-канцлера Безбородко к всесильному главе гофкригсрата Тугуту с просьбой о дозволении участвовать ему в военных действиях на стороне австрийцев. В ожидании ответа из Вены Ермолов объехал всю Италию. Он изучал памятники искусства и древности, собирал коллекцию гравюр и скупал книги, положив начало своей библиотеке, ставшей впоследствии одной из лучших в России.

Получив ожидаемое разрешение, Алексей Петрович поступил волонтером в армию генерала Девиса. Он участвовал в нескольких сражениях против французов в Приморских Альпах.

Вести из России о готовящемся разрыве с Персией побудили Ермолова, не ожидая конца кампании, вернуться в Петербург. В конце февраля Платон Зубов официальным письмом уведомил своего брата о назначении в его корпус Ермолова, которому велено было состоять при майоре Богданове, имевшем репутацию отличного артиллериста и командовавшем незадолго перед тем конной артиллерией.

По прибытии в войска Ермолов сразу завоевал симпатии солдат, уважение офицеров и пользовался особым расположением графа Валериана Александровича, который помнил его еще по польской кампании…

Драгуны между тем проскочили вперед и скрылись в расщелине. Колонна остановилась. К Бакунину с Ермоловым на взмыленном маштаке подскакал адъютант генерала Булгакова:

— Его превосходительство требуют господ офицеров к себе!..

Вынужденное бездействие генерал-майора Савельева под Дербентом ободрило союзников Шейх-Али-хапа. Один из них, хамбутай казикумыкский Сурхай-хан, привел к Дербенту три тысячи отборных джигитов и предложил хану обойти савельевский отряд с тыла, а затем разгромить его.

Только теперь Зубов понял, что должен торопиться изо всех сил. Главнокомандующий послал вперед нижегородских драгун и приказал корпусу двигаться форсированным маршем.

27 апреля войско подошло к реке Монис, откуда должен был начаться переход через горы.

Путь через Табасаранский и Каракайтагский хребты оказался до крайности тяжел. Приходилось то подниматься на совершенно отвесные скалы, то опускаться в глубокие ущелья, представлявшие собою подчас настоящие пропасти.

На дне их надо было продвигаться по извилистой и узкой тропке, то и дело прерываемой водостоками и провалами.

Особенно трудно было артиллеристам. Лошади и волы не в состоянии были тащить на себе зарядные ящики и пушки.

Волей-неволей приходилось впрягаться солдатам. В результате за двенадцать часов непрерывного пути пройдено только двадцать девять верст. Но как бы то ни было, горы оказались позади, и у реки Урусай-Булак корпус остановился на долгожданный отдых.

А до Дербента было еще далеко. Зубов решил обложить войсками дагестанскую твердыню и, усилив бригаду Булгакова, кружным путем обойти Дербент с южной стороны.

Вместе с тем Зубов послал к Шейх-Али-хапу парламентеров, требуя безусловной сдачи крепости. Однако восемнадцатилетний хан дербентский, находившийся под сильным влиянием своей сестры Переджи-Ханум — Розы Дагестана, без совета которой он решительно ничего не предпринимал, ответил презрительной насмешкой.

…Вечером 30 апреля отряд Булгакова расположился на отдых перед трудным походом через горы. На землю пала южная черная ночь. И даже мириады звезд, более крупных и ярких, чем в России, не могли отнять у мрака ничего, кроме вершин, смутными облаками стоящих в небесной выси.

Ермолов, убедившись, что его бомбардирский батальон подготовлен к изнурительному походу, долго не мог уснуть.

Выйдя за цепь караулов, он жадно вглядывался туда, в югозападную даль, где завтра должен быть отряд Булгакова.

Волнение от близости огромной, таинственной и незнакомой страны охватило его.

Кавказ — ворота мира… Перекресток народов… Чуть не все человечество проходило тут! От мифических племен и языков, чье происхождение теряется во тьме предыстории, от библейского ковчега, который будто бы остановил после потопа Ной на горе Арарат, и до новейших народов — этруски, хазары, косоги, яссы-алапы, авары, готы, скифы, сарматы, мидийцы, ассирийцы, татаро-монголы, римляне, арабы, персы, турки… И проходившие, прорубавшие себе путь огнем и мечом, пожарами и кровью, сами оставляли свой след, наслаиваясь и создавая новую прожилку в муаре человеческого мрамора.

Пестрота истории, языков, когда подчас один аул не понимал другой, соседний; пестрота религий — идолопоклонники, христиане, приверженцы Зороастра, мусульмане… Но при всем многообразии, несходстве десятков и даже сотен племен имелось нечто общее для всех них — в час опасности они становились единым войском. Старики и женщины угоняли отары и увозили скарб, мужчины садились на коней, выслеживали и уничтожали врага, а при нужде укрывались в таких теснинах и высотах, куда не добраться было пришельцу.

Что там, впереди? Воинственные, жестокие и гордые обитатели Кавказа — чеченцы, лезгины, аварцы, лаки, акушинцы, каракайдаки, тарковцы и прочие, имя которым — легион. За хребтом — некогда великие, а теперь униженные историей потомки Тамар и потомки Паруйра. А дальше — дряхлеющие, но еще грозные, наводящие на соседей ужас Оттоманская Порта и Персия, два уставших от добычи хищника, два рабовладельческих гиганта, держащих в покорности, в неволе множество иных народов. Азия…

В этих империях с особенной, изощренной жестокостью борются за власть: брат на брата, семья на семью, клан на клан. Так, шах Аббас Великий уничтожил всех своих детей, дабы не быть зарезанным по

приказу кого-то из них. Здесь процветает торговля людьми, здесь самая ценная дань — красивые девочки и мальчики, отбираемые у родителей персами и турками в услужение и для утоления похоти Здесь рядом с нищетой горцев Дагестана ослепляющее великолепие Стамбула и Тегерана, роскошь, неизвестная Европе, изнеженность и сладострастие, неведомые даже Риму в пору его пышного разложения. И равнодушное азиатское изуверство: человек не стоит ничего; обмануть или даже убить неверного, гяура, — значит приблизиться к раю…

Темнота сгущалась, хотя звезды в холодном разреженном воздухе радужно вспыхивали и словно приближались к земле. Ермолов смотрел на эти сонмы миров, таинственно и кротко мерцавших над ним, и думал: «Какая из них моя?

И скоро ли срок ей пасть, закатиться за горизонт?..»

3

Первого мая основные силы графа Зубова начали последний переход к дагестанской твердыне.

Впереди шли гребенские и волжские казаки, зорко присматриваясь к гористым окрестностям. Неприятельских отрядов не было видно. Лишь изредка на отдаленной скале появлялся всадник в рваном бешмеге и бедной папахе, но, свято соблюдая горские обычаи, на отличной лошади — легком тонконогом аргамаке — и увешанный дорогим оружием.

Он замирал, оглядывая русское воинство, а потом стремительно мчался, чтобы передать весть: идет Золотая Нога.

После ранения Валериана Зубова на реке Буг и ампутации ноги искусный аглицкий мастер сделал ему протез на пружинах, который был скрыт в сапоге и шароварах.

Наивные жители гор были уверены, что протез у такого великого и важного вельможи может быть только из чистого золота, и потому прозвали Зубова Кызыл-Аяг — Золотая Нога…

На другой день русские были уже в предместье Дербента. Им открылись минареты и крыши города, расположенного на скате горы, уходившей к самому берегу Каспийского моря. Едва только передовые казачьи разъезды подошли к окружающим Дербент горам, как ожили бесчисленные утесы, скалы, овраги, засвистали и зажужжали пули.

Граф Зубов, раздосадованный неожиданным препятствием, приказал:

— Выбить засаду и разогнать неприятеля!

Казаки спешились, а за ними двинулся рассыпанный в цепи третий батальон егерей Кавказского корпуса. Казаки поползли по земле к утесам, откуда поднимался густой пороховой дым. Егеря шли за ними в некотором отдалении, отвлекая на себя внимание неприятеля. Когда гребенцы и волжане были уже у подножия утесов, егеря перешли в открытое наступление.

Дербентцы приготовились было к тому, чтобы встретить их свинцом, как загремело могучее русское «ура!». Это подползшие спешившиеся казаки с шашками наголо рванулись на противника. Натиск был стремителен, «ура!» гремело не смолкая. Джигиты Шейх-Али-хана дрогнули и бежали к Дербенту.

Русские войска подошли к городу и расположились на окружающих его высотах. Валериан Зубов сам произвел рекогносцировку.

Дербент, называемый по удобству своего местоположения аравийскими писателями Баб-эль-Абуаб — Ворога Ворот, или Главные Ворота, именовался еще Железной Дверью — ввиду своей укрепленности. Он был обнесен с трех сторон прочными и высокими стенами, из которых северная и южная имели в длину до трех верст и продолжались к востоку на несколько сажен в море. К юго-западу стены подымались на крутой утес, возвышавшийся на сто шестьдесят сажен, и соединялись с цитаделью Нарын-Кале, которая как будто висела над городом. В этой цитадели находился Шейх-Али-хан со своей сестрой. Улицы города были кривы и тесны, дома с плоскими крышами построены из ноздреватого камня.

Большую часть стен прикрывала передовая башня, мешавшая не только

устройству батарей, но даже сообщению между отдельными частями корпуса. Дербентцы засели в этой башне и встречали русских пушечными и ружейными выстрелами.

Зубов решил начать штурм, не ожидая отряда Булгакова, о движении которого между тем не приходило никаких известий.

— Сколько может быть защитников в передовой башне? — скорее разговаривая с самим собой, чем обращаясь к генерал-майору Римскому-Корсакову, спросил главнокомандующий.

— Точно неизвестно, ваше сиятельство, — отвечал тот.

— Я думаю, их не больше семидесяти человек.

— Очень может быть. Но башня в четыре яруса, и стены ее на вид столь прочной кладки…

— Все это так, — нетерпеливо перебил Зубов Римского-Корсакова, — однако эта башня должна быть не далее как завтра на рассвете взята нами!

— Но у нас в обозе нет лестниц достаточной высоты! — пытался возразить генерал.

— Зато в вашем распоряжении без числа удальцов! — отрезал Зубов, давая понять, что приказ обсуждению не подлежит. — Какой полк, по вашему мнению, наиболее готов к штурму?

— Воронежского пехотного полка батальон, ваше сиятельство, — не раздумывая, сказал Римский-Корсаков.

— Кто командует?

— Полковник Кравцов, ваше сиятельство.

— А, знаю. Храбрый солдат! Усильте его двумя гренадерскими ротами — и завтра с богом…

3 мая, едва появилось солнце, воронежцы под командованием полковника Кравцова двинулись к башне. Почти все солдаты, видя, что идут на верную смерть, переоделись в белые рубахи.

— Отступления быть не может! — сказал им накануне командир.

Довольно быстро они окружили башню со всех сторон.

Но что можно было поделать без лестниц? Прикладами да

прихваченными с собой бревнами солдаты не могли разбить степы из дикого камня. Беспомощно толкались воронежцы, стреляя безо всякой цели вверх, по хорошо защищенному врагу. А дербентцы со всех четырех ярусов башни сыпали свинцовый град на наступающих…

Но никто из солдат не сделал и шага назад. Кравцов и все офицеры были ранены, а штурмующая колонна продолжала бой, предпочитая верную смерть позору отступления.

Распоряжавшийся штурмом Римский-Корсаков через несколько часов бесполезной бойни прислал приказание немедленно отступить, и воронежцы отошли, захватив всех убитых и раненых. Штурм совсем не удался, и только беспорядочностью стрельбы со стороны дербентцев можно было объяснить сравнительно небольшую убыль, какую понесли наступающие: 25 убитых и 72 раненых.

Результаты неудачи, преувеличенные слухами, не замедлили сказаться. Сразу же заволновался и загудел весь окрестный край. В тылу у русских стали скапливаться отряды дагестанцев, некоторые спускались с гор в надежде на легкую добычу.

Старые кавказцы, бывшие при Зубове, объясняли ему, что здесь не Европа и даже не Турция, где можно применять то, что предписывает стратегия. Здесь главный залог успеха — быстрота действий. Они убедили Зубова не откладывать повторного штурма, тем более что к концу этого, несчастливого для русских, дня с гор спустился наконец отряд генерала Булгакова.

4

Отправленной в обход первой бригаде пришлось преодолеть такие затруднения, о каких никто и не думал. Сам по себе переход был невелик, всего восемьдесят верст, но в их числе двадцать пришлось сделать по совершенно непроходимым тропам.

Батарея Ермолова двигалась вслед за егерями подполковника Бакунина.

Солдаты молча оглядывали нависшие над безднами утесы, редкие далекие и пустые аулы, которые лепились, подобно птичьим гнездам, по уступам гор, неистово ревущие горные реки, низвергающиеся в пропасти. Грозное и пустынное величие ландшафта захватило и Ермолова.

«Природою учрежденная крепость, — думал он, понукая свою лошадку и испытывая неудобство от непривычного казачьего седла. — Тут мы еще хлебнем лиха. И воевать здесь надобно по-особенному, не так, как в Италии… Узнать сперва не только самое природу, но и характер, обычаи своенравных здешних обитателей…»

Батарейцы, как и полагалось в артиллерии, на подбор, рослые, под стать своему командиру, были несколько подавлены непривычной обстановкой. Исключение составлял фейерверкер 4-го класса Горский — не в пример остальным маленький, щуплый и шустрый, с длинным и узким, загнутым вверх носом, из-за которого в батальоне его прозвали Патрикеевной.

— А что, братцы, — приговаривал Горский, шагая у передка орудия, — ведь сегодня, никак, первое мая… День святого пророка Иеремея… Иеремея запрягальщика, яремника…

Чует мое сердце, придется нам в ярмо впрягаться в честь Иеремея-батюшки… Поработать заместо лошадей, да, чую, поболе, чем в прежнем переходе…

У селения, брошенного жителями, отряд начал подниматься на главный Табасаранский хребет. Первой преградою на пути явился дремучий лес. Через него вверх, на крутизну, вилась узкая тропинка.

— Что я говорил? Май смаит, — повторял Горский, суетясь у застрявшего зарядного ящика. — В мае и жениться — век маяться, не то что по горам елозить…

— Да нишкни ты, враг! — добродушно крикнул ему огромный бомбардир с толстыми щеками и широкими плечами. — Только в ногах путаешься!

Он подсел под задок повозки, крякнул и выдернул попавшее между корнями колесо. Лошади рванули, зарядный ящик снова пополз вверх.

Подниматься пришлось по крутизнам более чем на три версты. Лес редел, растительность постепенно беднела, и наконец только ярко-зеленые и красноватые мхи да ягели оживляли пустынные скалы. Воздух редел тоже, ускоряя дыхание и сжимая сердце. Подъем был так крут, что орудия и обозные повозки приходилось втаскивать на руках. С рассвета и до полудня на вершины взобрались всего только батальон пехоты и отряд казаков. В довершение ко всему после полудня пошел проливной, с грозою, дождь, не перестававший лить до следующего утра. Глиняная почва размякла, превратилась в месиво, так что шесть лошадей были не в силах сдвинуть с места двенадцатифунтовое орудие, и в помощь им Бакунин прислал две сотни солдат. Но и они выбились из сил.

— Не иначе как Патрикеевну надо позвать… Он подтолкнет, — хрипло шутил толстый батареец, пытаясь вместе с гренадерами втащить на крутизну большую, старинного литья, бронзовую пушку.

Между тем буря разыгрывалась. За ослепительным блеском молнии следовали непрерывные удары грома, грозно раскатывавшиеся по ущельям бесчисленным эхом. Их заглушал рев проливного дождя, попеременно сменявшегося то снегом, то градом.

— Право, как в преисподней! — стараясь пересилить шум дождя, крикнул Ермолову Бакунин и обернулся к солдатам: — Наддай, ребята!

Он перекинул через плечо веревочную постромку и пополз вверх, надсаживаясь так, что на побагровевшем от натуги лице вовсе исчезли рябинки.

— Наддай! — вторил ему Ермолов, подставляя могучее плечо под лафет.

Пушка стронулась.

— Чисто Еруслан Лазаревич! — одобрительно сказал старый гренадер. — С таким командиром и черта победишь, не то что горы…

К одиннадцати пополуночи 2 мая весь отряд был уже на вершине хребта. Предстоял спуск, еще более затруднительный, чем подъем. И думать не приходилось брать с собой обоз. Он замедлил бы переход настолько, что неизвестно, когда бы отряд поспел к Дербенту. А Зубов уже торопил через посыльных. Булгаков решил вставить обоз под

охраной двух гренадерских рот в горах, а всем остальным спускаться в долину Девечумытатан налегке.

Этот последний переход продолжался безостановочно с одиннадцати утра до часу ночи. С вершины отряд попал в тесное и глубокое ущелье, по дну которого протекала пенившаяся от дождя река. Ночь застала русских в Девечумигатанской долине, и здесь усталым людям был дан отдых до утра. Но что это был за отдых, что за ночлег! Проливной дождь, было стихший, под вечер пошел опять с такой силой, что горная река быстро вышла из берегов и в несколько часов наводнила всю окрестность. Солдаты до утра простояли в воде, не смыкая глаз и не имея возможности отдохнуть.

Зато утро наступило теплое и ясное. Появилось солнце, обливая миллионами искр снеговые вершины; река смирилась и вновь вошла в свои берега. Солдаты могли обогреться и обсушиться. Теперь до Дербента было рукой подать.

Бой за Железную Дверь входил в свою решающую фазу.

5

Неудача 3 мая сильно поколебала уверенность русских в успехе открытого штурма. Стены Дербента казались несокрушимыми для полевой артиллерии, которая только и имелась в корпусе Зубова.

— Нешто из двенадцатифунтовиков эдакую толщу пробить? — переговаривались батарейцы Ермолова. — Неужели придется уйти ни с чем?!

Большинство солдат чувствовали, что слава Кавказского корпуса висит на волоске. Уже больше полусотни ядер было выпущено из русских орудий, а на дербентской стене сбит всего лишь один-единственный зубец. Бомбардирование оказалось явно неудачным. Приверженцы Шейх-Али-хана вывели на стены всех своих людей, и было видно, как дербентцы глумились над бесполезностью пальбы по крепости.

Более того, несостоятельным оказался план Зубова обложить Дербент, а следовательно, не имели смысла ни трудный переход через Табасаранский хребет, ни жертвы, понесенные отрядом Булгакова: оставленные им близ урочища Девечумигатан две гренадерские роты были вырезаны казикумцами, а обоз разграблен.

— Кажется, есть только один выход, — сказал Ермолов Бакунину, обозрев с охотниками каспийскую твердыню. — Собрать всю имеющуюся артиллерию воедино и попытаться огнем в одну точку все-таки пробить брешь…

К этой же мысли склонялись и опытные генералы. По их совету Зубов приказал ставить пушки против стены главного замка — Нарын-Кале. Бомбардирский батальон Ермолова был переправлен на судах в расположение основных сил.

Но прежде чем начать массированный обстрел, необходимо было во что бы то ни стало овладеть передовой башней. Повторный ее штурм Зубов назначил на 7 мая, причем в состав атакующих колонн определил те же две гренадерские роты и батальон Воронежского полка.

Топтание на одном месте настолько наскучило солдатам, что весть о новом штурме радостью отозвалась в их сердцах.

— Счастливцы! — завидовали остальные воины воронежцам.

— Теперь-то они маху не дадут — выбьют!

— Как не взять! В прошлый-то раз осрамились, теперь поправить надо.

— Возьмут! Полковник Кравцов головную колонну ведет…

— Да ведь он при первом штурме ранен!

— Оправился, на ноги встал… Что, не кавказец разве?

— Ему поручика Чекрыжова в товарищи дали.

— С этим возьмут. Орлы!..

Утром 7 мая среди русского лагеря воцарилась мертвая тишина. Притихли и засевшие в передовой башне дербентцы. И они почувствовали, что решительный момент недалек. Ровно в восемь пополуночи с той стороны, где стояла палатка Зубова, громыхнул одинокий пушечный выстрел, и сейчас же по всему отряду пронеслось:

— Главнокомандующий!

На довольно высоком кургане, позади батарей, появился граф Валериан Александрович, разодетый в парадную форму, блиставшую золотым шитьем и бриллиантами: унизанный бриллиантами портрет государыни в петлице, бриллиантовый вензель на шляпе, перстень с огромным солитером.

За Зубовым следовала свита: толстый граф Апраксин; казачьи генералы — бородатый слегка кривоногий Савельев и высокий смуглолицый красавец Платов; начальники регулярных войск — Булгаков, Беннигсен, Цицианов. У всех лица были сумрачны, и оживления почти не было заметно.

Затею главнокомандующего — штурмовать защитную башню, не пробив в ней предварительно бреши, — большинство считали нелепой. Ведь новый приступ должен был происходить при тех же условиях, что и первый, то есть без лестниц, и генералы были убеждены, что гренадеры и егеря посылаются Зубовым на верную смерть.

Из расположения шестипушечной батареи Ермолова все происходившее было видно как на ладони. Вот Римский-Корсаков, получив от командующего разрешение начать штурм, дал шпоры коню и помчался к колоннам, замершим в ожидании приказаний.

— Братцы! Товарищи! — воскликнул генерал, сняв треуголку. — Пришло время послужить матушке-государыне...

Взять эту башню нужно… Непременно… Так не посрамим своей былой славы!

Смутный гул пронесся по рядам!

— Веди, веди нас! — раздались отдельные голоса. — Умрем все до единого, а не отступим!

Генерал надел шляпу и сказал тише:

— Верю вам, ребята, — и взмахнул перчаткой: — Коли так — вперед!

Громоподобное «ура!» ответило Римскому-Корсакову.

Тот отъехал в сторону и пустил вперед штурмующие колонны. Путь воронежцев и егерей лежал как раз мимо холма, где расположился со

своей свитой Зубов. Воронежские гренадеры шли, выдерживая равнение, как на параде.

Зубов размахивал треуголкой и, напрягая молодое лицо, кричал:

— Не посрамите, ребята, русской славы!

— Ты увидишь нас! — грянули в ответ гренадеры и кинулись, уже не держа фронта, к башне.

— Эх и встретят их сейчас! — сумрачно бросил толстый батареец и почти искательно спросил: — Господин фейерверкер, а что сегодняшний день обозначает?

Горский, который при приближении огневого дела сразу стал важным и всем своим видом показывал солдатам, что он хоть и небольшой, да командир, строго ответил:

— Седьмое мая — день праведного Иова Многострадального. Иова горошника, росника… Будут кидать свинцовый горох, и распустятся кровавые росы…

В этот момент и из бойниц башни, и со стен Дербента, сплошь унизанных его защитниками, загремели выстрелы.

С батареи было видно, как десятки фигурок закувыркались, сраженные пулями, в то время как остальные, не обращая на это никакого внимания, бежали к окутанной пороховым дымом башне. Эти, казалось, обреченные на смерть солдаты даже не кричали: они берегли свое грозное «ура!» для решительного момента.

Ермолов нетерпеливо переминался с ноги на ногу, вглядываясь в картину далекого боя. Как ему хотелось сейчас быть там, среди атакующих, или хотя бы помочь им отвлекающим противника пушечным огнем! Но не оставалось ничего другого, как беспомощно взирать на отчаянную попытку товарищей по оружию взять открытым штурмом передовую башню…

Наконец раздалось мощное «ура!» — это гренадеры, не обращая внимания на сыпавшийся град пуль, окружили башню.

— Боже праведный, да что это? — вскрикнул толстый бомбардир.

— Ишь ты! Ловко! Важно! — восхитился фейерверкер.

Поручик Чекрыжов взобрался на плечи гренадера и начал карабкаться по камням, подымаясь на руках все выше и выше. Миг — и его примеру последовали десятка два солдат. Они втыкали штыки в расщелины между камнями кладки и в несколько секунд очутились на крыше башни, Завязалось горячее дело.

Одни из удальцов работали штыками, другие ломали кровлю, чтобы проникнуть через пролом в средний этаж, В дело шло все, что попадалось под руку. Вдруг кровля рухнула, увлекая за собой и трупы павших, и продолжавших бой живых. Тела, камни, доски полетели на головы защитников башни, которые растерялись и были переколоты.

Пока гренадеры сражались внутри башни, подоспевшие егеря кинулись на прикрытие: из крепости спешила подмога. В отчаянном бою русские дрались штыками, дербентцы кидались на них со своими кривыми саблями. Бой длился беззвучно, слышались только стоны раненых, хрип умирающих да лязг оружия. Но вот вспыхнуло, как вспыхивает огонь, «ура!», а в ответ раздались отчаянные крики «алла».

Дербентцы не выдержали натиска и отступили к стенам города. Егеря преследовали их под огнем до самого Дербента.

Только вогнав неприятеля в ворота, они отошли к башне.

Полдень еще не наступил, а оплот Дербента был уже в руках русских. Теперь можно было без помех готовиться к штурму самой крепости.

6

Огромный шатер графа Валериана Александровича едва вмещал всех приглашенных.

Глядя вокруг, Ермолов невольно думал о временах светлейшего князя Потемкина, которые, казалось, снова воскресли. За две тысячи верст от Петербурга искусством архитекторов, живописцев, поваров, тафелъдекеров, музыкантов, дансоров юный капитан был перенесен, словно в сказке из «Тысячи и одной ночи», в обстановку столичного

дворца, Боевые генералы и офицеры, в скромных мундирах, чувствовали себя неуютно, впрочем, как и изъявившие покорность российскому трону дагестанские вожди с газырями на груди и при великолепном оружии. Совсем по-иному вела себя многочисленная свита графа Валериана — гвардейские офицеры, носившие вне службы бархатные кафтаны, атласные камзолы, кружевные жабо и манжеты, во главе с бригадиром графом Апраксиным. Этот человек, назначенный на должность дежурного генерала при главнокомандующем и награжденный четырьмя орденами, не нюхал пороха и проявлял свои способности всего более во время празднеств, кутежей и амуров.

А женщины прекрасным ожерельем окружали Зубова и его свиту. Тут были и петербургские прелестницы, последовавшие на край света за братом любимца Екатерины II; и хорошенькие француженки — актрисы, танцовщицы, певицы; и пугливые девушки, присланные в дар Золотой Ноге султанами, кадиями и шамхалами; и крепкие, краснощекие казачки. Граф Валериан отличался женолюбием не менее светлейшего князя Потемкина. Недаром, когда восемнадцатилетний Зубов отправился на Турецкий театр военных действий, царица писала, что в городе все красавицы без него похудели.

Да он и сам был красавцем, превосходившим телесной приятностью брата: лицо необычайной белизны с нежным румянцем, точеные черты, большие светлые глаза. Екатерина II не скрывала своей симпатии к Валериану и в минуты нежности именовала юношу в письмах «резвуша моя», «любезный мальчик», отмечая его пылкий нрав, подвижность и жизнерадостность. Она и позволяла ему почти то же, что и своему избраннику Платону: граф Валериан, играя в фараон, ставил на карту по тридцать тысяч золотом.

Чрезвычайно высоко ценила престарелая императрица, уже растерявшая изрядную долю природной своей проницательности, и человеческие качества Валериана Зубова, большей частью мнимые. Окружавшая графа свита вспоминала, что в письмах на Кавказ, которые Зубов своим ближним зачитывал вслух, Екатерина II называла его «прекрасной и

доброй душой», «героем во всей силе слова», «храбрым воином», «вежливым и благородным рыцарем».

Очень пухлый, несмотря на молодость, граф Апраксин, похожий на младенца-переростка, достаточно громко, чтобы слышал Зубов, занятый француженкой-дансоркой, говорил:

— Всемилостивейшая матушка-государыня наша изволила так отозваться о способностях и военных подвигах его сиятельства Валериана Александровича: «Блистательная младость таковая обещает Вам век благополучии и всего доброго, чего только человек желать может…»

Ермолов заметил, как с неудовольствием наморщил свое смуглое красивое лицо Матвей Иванович Платов, как с плохо скрытой неприязнью поглядывает на придворных трутней боевой артиллерист Богданов. Он слышал, что царица серьезно почитает Зубова чуть ли не лучшим полководцем Европы, забывая генералов Репнина, Гудовича, Каменского. «Как неуместно хвалить военные способности графа Валериана Александровича, если существует сам бог войны — великий Суворов!..» — подумал Ермолов, невольно разделяя общее ощущение воинов-кавказцев.

Очевидно, и Зубов почувствовал неловкость от возникшей невидимой стены между свитой и приглашенными армейскими начальниками.

— Господа! — крикнул он, отвлекаясь от быстрого и приятного французского разговора. — Прошу всех за столы, причем господ генералов приглашаю за стол ближний… — Он поискал в военной толпе Ермолова и добавил: — Алексей Петрович, ты сядешь со мною…

Первый тост был поднят за ее величество государыню-императрицу, «милости которой равномерно простираются на всех ее подданных». Ермолов слышал, что Екатерина II оказывала такое благоволение графу Валериану Александровичу, что даже фаворит одно время видел в брате опасного конкурента. Увлечение младшего Зубова прекрасной графиней Потоцкой положило конец их соперничеству.

С тех пор между братьями установились самые добрые отношения, причем в своих письмах Валериан именовал Платона «любимым другом,

братом и отцом…».

Понемногу военные, разгоряченные вином, завладели разговором, переводя его на трудности предстоящего взятия Дербента. Корсаков, Беннигсен, Цицианов, Платов говорили о невозможности открытого штурма и настойчиво рекомендовали главнокомандующему употребить все усилия, чтобы пробить в крепостной стене брешь. Зубов рассеянно кивал головой, внимая им вполуха, но затем повернулся к Ермолову и тихо сказал:

— Десятого приступ… И ты, Алексей Петрович, будешь командовать центральной брешь-батареею…

7

Едва забрезжило утро 10 мая, как все имевшиеся в корпусе Зубова орудия начали обстрел Нарын-Кале. Батареи были расставлены веерообразно, с таким расчетом, чтобы удары ядер приходились по одному и тому же месту в стене замка.

В эти минуты фейерверкер Горский преобразился. Куда подевались его прибауточки и смешочки, суетливость и празднословие! Быстро и четко командовал он расчетом своего орудия — бронзовой, старинного литья, пушки, — сам подхватывая его за колеса после выстрела и вывинчивая для новой наводки винты.

Ермолов, перебегавший от одного орудия к другому, после каждого залпа выскакивал вперед и из-под руки глядел на стену Нарын-Кале, в которую с каменными брызгами ударялись ядра.

— Молодец, фейерверкер! — кричал он, видя, как точно в цель летят ядра.

— Рад стараться, ваше благородие! — весело отвечал фейерверкер и с преувеличенной строгостью бросался к прислуге: — Шевелись! Подноси картуз!

До двух часов пополудни гремели не переставая пушки.

Свистя и шипя, резали воздух ядра, но долго, очень долго стены Нарын-Кале по-прежнему стояли невредимыми. Канонада все усиливалась. Наконец камень не выдержал, и стена рухнула, обнажив брешь, через которую уже легко было проникнуть в замок.

Орудия смолкли, и на солнце сверкнула стальная щетина штыков: был назначен немедленный штурм НарынКале. В то же самое время от Зубова полетел в Петербург гонец. «Через образовавшийся пролом, — доносил граф Валериан Екатерине II, — блеснуло в очи неприятелю победоносное оружие Вашего Императорского Величества, приготовленными к штурмованию замка воинами».

Но вот из-за стен Дербента до слуха русских донеслись громкие крики, потом все смолкло, и ворота оплота Дагестана широко распахнулись.

На площади показалась процессия. Впереди, в разноцветных халатах и белых чалмах, шли старейшины Дербента. Двое юношей вели под руки едва передвигавшего от дряхлости ноги старца в белоснежной чалме. В некотором отдалении медленно двигались главы дагестанских племен, явившиеся для защиты своей твердыни. Последним следовал верхом Шейх-Али-хан, на шее которого в знак покорности висела его кривая сабля. Дербент сдавался на милость победителя…

Не доходя до русского главнокомандующего десяти шагов, вся процессия остановилась и опустилась на колени.

Лишь дряхлый старец, сопровождаемый юношами поводырями, продолжал приближаться. Тяжело дыша, он поравнялся с Зубовым и тоже встал на колени. Не приподымаясь, старик чуть слышно заговорил о чем-то на своем языке.

Зубов уловил только одно слово, показавшееся ему похожим на русское имя Петр.

В заключение своей речи старец протянул Зубову серебряные ключи.

— Что он говорит? — спросил граф Валериан переводчика. — Мне послышалось, что он упомянул имя Петра.

— Так точно, ваше сиятельство, — последовал ответ. — Он говорит, что ему уже сто двадцать лет и что семьдесят три года назад он поднес эти

самые ключи от Дербента императору Петру Великому…

— Какая прекраснейшая фраза для донесения моего! — воскликнул Зубов. — Запишите: «Оруженосец Екатерины II те же ключи и от того же старца, что и Петр Великий, принял 10 мая 1796 года…»

Потом он соскочил с коня, поднял коленопреклоненного старца и обратился к толпе с уверением, что, раз они сдаются добровольно, им страшиться нечего: город разорен не будет и все их имущество останется нетронутым. А в это время к открытым воротам Дербента с распущенными знаменами и музыкой подходили кавказские егеря и московские мушкетеры из савельевского отряда.

После падения Дербента генерал Рахманов занял крепость Баку, а Булгаков вошел в пределы Кубинского ханства. Через две недели посланный Зубовым отряд драгун овладел Шемахой.

Приближалось время, когда Зубов должен был встретиться на поле брани с самим «ужасом Персии», «львом львов» — Ага-Мухаммед-шахом.

8

«Милостивый государь мой Алексей Петрович!

Отличное Ваше усердие и заслуги, оказанные Вами при осаде крепости Дербента, где Вы командовали батареею, которая действовала с успехом и к чувствительному вреду неприятеля, учиняют Вас достойным ордена св. Равноапостольного Князя Владимира на основании статутов оного.

Вследствие чего, по данной мне от Ея Императорского Величества Высочайшей власти, знаки сего ордена четвертой степени при сем к Вам препровождая, предлагаю оные на себя возложить и носить в петлице с бантом; о пожаловании же Вам на сей орден Высочайшей грамоты представлено от меня Ея Императорскому Величеству.

Впрочем, я надеюсь, что Вы, получа таковую награду, усугубите рвение Ваше к службе, а тем обяжете меня и впредь ходатайствовать пред престолом Ея Величества о достойном Вам воздаянии. Имею честь быть с

почтением Вам,
Милостивого государя моего,
покорный слуга
Граф Валериан Зубов
Августа, 4 дня, 1796 года
Артиллерии г-ну
капитану Ермолову».

9

— Ваше превосходительство, дозвольте мне участвовать в деле с отрядом подполковника Бакунина?..

Капитан Ермолов потревожил генерал-майора Булгакова в его палатке во время скромной трапезы. Денщик принес командиру корпуса баранью похлебку в глиняной чашке и бутылку простого красного вина.

Генерал, сидевший по-турецки, на корточках, предложил Ермолову разделить с ним ужин. Тот отказался, хоть и был голоден: в горах с провиантом было туго, местные жители, покидая свои селения при приближении русских, угоняли с собой скот и сжигали зерно.

Булгаков молча принялся за еду, словно позабыв о Ермолове. Мысли его витали далеко.

Самонадеянный граф Зубов наивно полагал, что занятием городов он овладевает не только краем, но и умом и сердцем горцев, и принимал их изъявления покорности за истинные чувства. Однако его великодушие воспринималось жителями Дагестана, воспитанными на строгом соблюдении воздаяния и мести, как непростительная слабость.

Недавно клявшийся в верности русским хан дербентский Шейх-Али, бежав в горы, соединился с хамбутаем казикумыкским Сурхай-ханом. Внезапно выросшие скопища двинулись на Кубу, занятую отрядом Булгакова, и захватили вход в ущелье с аулом Алпан. Ворота на Кубу оказались в руках неприятеля. Отправив на разведку роту кавказских

егерей под командой капитана Семенова, Булгаков приказал вслед за ним выступить подполковнику Бакунину с тремя егерскими ротами и казачьей сотней…

Ермолов терпеливо ждал. Булгаков тщательно обглодал каждое ребрышко, дохлебал шижку, потом корочкой дочиста вытер дно, запил все добрым глотком вина и лишь затем поднял на капитана умные маленькие глазки.

— Тебе сколько годков-то, Алексей Петрович? — тихо сказал он.

Что-то старческое, даже отцовское услышал Ермолов в его голосе.

— Девятнадцать в мае исполнилось, — не понимая, куда клонит боевой начальник, ответил он.

— Девятнадцать… — задумчиво проговорил Булгаков, поднялся с вытертого ковра и положил руки на широкие, могучие плечи Ермолова: — Не спеши, Алексей Петрович, тебе еще будет время!..

Следующий день, 28 сентября, прошел в томительном бездействии; от Бакунина не было никаких вестей. Ермолов, бомбардирский батальон которого был придан Углицкому пехотному полку полковника Стоянова, выступил на соединение с главными силами, стоявшими к югу от Кубы, у города Шемаха.

29 сентября, двигаясь форсированным маршем, русские услышали в горах выстрелы, и полковник Стоянов без промедления повернул к реке Самур, где у аула Алпан должен был находиться отряд Бакунина. Предчувствуя недоброе, солдаты не шли, а бежали. Выстрелы становились все громче, уже стали слышны крики и стоны, заглушаемые заунывным «алла». Наконец с пологого склона, идущего к реке, Ермолову и его боевым товарищам открылась ужасная картина.

Тысячные толпы горцев окружили таявшую на глазах горстку егерей. Джигиты, подлетая на полном скаку к израненным, истекающим кровью русским, арканами выхватывали то одного, то другого. Казаки, пытавшиеся спастись от позорного плена и мучений, выскакивали навстречу им и гибли от пуль. Ожесточение горцев было так велико, что они даже не заметили, как появился полк Стоянова.

Пока угличане выстраивались для атаки, Ермолов выставил на высоте свою батарею и скомандовал:

— В картечь!

Горский уже сам подтаскивал деревянные коробки со свинцовыми пулями и кусками железа. Не испрашивая указаний у командира, он открыл огонь.

Брызнула густая картечь, поражая горцев в спины, и Ермолов, не мешкая, отдал приказ:

— Шрапнелью!

Картечь могла поразить только ближние ряды неприятеля, шрапнель же осыпала толпу во всю ее глубину. Новый залп заставил смешаться горцев. В это время под громовое «ура!» русские со штыками наперевес ринулись в атаку. Неприятель, позабыв, что численностью во много раз превосходит и новых своих противников, ударился в беспорядочное бегство. Панический ужас, охвативший горцев, был столь велик, что они оставили на поле боя всех своих убитых и раненых, а это случалось с ними крайне редко.

Израненные, иссеченные егеря и казаки со слезами встретили своих спасителей. Среди убитых были подполковник Бакунин и капитан Семенов. Виной неудачи было то, что оба храбрых офицера не имели опыта войны на Кавказе.

Руководствуясь суворовским принципом «быстрота и натиск», Бакунин повел свой отряд незнакомой местностью и не обратил внимания на то, что ущелье перед Алпаном сплошь покрыто густым лесом из чинар. Ночь провели в ущелье, а когда наступило утро, Бакунин увидел, что его отряд окружен со всех сторон горцами. Они стояли тихо, творя утренний намаз; между ними были Шейх-Али-хан, казикумыкский Сурхай-хан, старейшины Алпана, муллы и хаджи.

Русские поняли, что попали в ловушку. Начался отчаянный рукопашный бой — навалившиеся с гор массы неприятеля выдержали первый залп и уже не дали возможности перезарядить ружья. В ближней схватке, грудь в грудь, ружья превратились в бесполезные палки, горцы работали

кинжалами. Без стона, без жалоб падали егеря. Если бы не случайно подоспевший полк Стоянова, ни один солдат не ушел бы из ущелья…

10

Несчастье, случившееся с отрядом подполковника Бакунина, задержало Каспийский корпус в Шемахе. Однако и оно не могло остановить наступательного порыва русских.

Зубов выслал Римского-Корсакова к крепости Гяндже, которая была занята его отрядом. Главные же силы подошли к слиянию знаменитых рек Аракса и Куры. Кавказская война на этом кончилась и начиналась уже персидская — первая, если не считать малозначительных походов в пограничные области еще при Петре Великом.

Державин воспел поход Зубова и дикие красоты Кавказа в оде, которую Пушкин позднее назвал превосходной:

О юный вождь! сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы;
Как с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов…

До сих пор, несмотря на некоторые просчеты графа Зубова, война была победоносною. В короткое время оказались покорены и присоединены к России ханства Казикумыкское, Дербентское, Бакинское, Кубинское, Шнрванское, Карабахское, Шекинское, Ганжинское и весь берег Каспия от устья Терека до устья Куры. Не встречая сопротивления, русские кавалерийские отряды перешли Куру и вошли в Муганскую степь, а затем появились в Гилянской провинции. Азербайджан был открыт, дорога на Тегеран оставалась незащищенной.

Ага-Мухаммед, занятый внутренними делами, теперь спешно собирал армию для выступления против русских.

Ермолов слышал, что в войсках шаха должны принять участие восемьдесят боевых слонов, но особливый интерес вызывала у него походная артиллерия персов: небольшие пушки прикреплялись к огромному седлу на верблюде, которое вмещало также артиллериста; при выстреле верблюд становился на колени. Такая артиллерия, как рассказывали кавказцы, была особенно удобна для действий в горах.

У русских все было готово для встречи с Ага-Мухаммедшахом. Екатерина II, которую персы, с их склонностью к высокопарности, именовали «солнцешапочной царицею», назначила Валериана Зубова наместником всего Кавказского края, предоставив ему в отношении Персии полную свободу действий. Но все изменилось, однако, с внезапной кончиной императрицы, последовавшей 6 ноября 1796 года, и вступлением на престол ее сына Павла Петровича.

Отвергавший екатерининские порядки, он круто изменил политику государства и первым делом прекратил так удачно начавшийся персидский поход, во главе которого стоял один из ненавистных ему Зубовых.

Командиры полков получили приказание немедленно возвращаться в прежние границы. Главнокомандующим войсками на Кавказе был вновь назначен Гудович. Возвращение русских — возвращение победителей! — больше походило на беспорядочное бегство. Оборванные, голодные, удрученные, отступали русские войска. Горцы нападали на отставших,

добивали больных и раненых. На Терской линии возвращавшихся ожидал своенравный Гудович, готовый свести счеты с теми, кого он подозревал в преданности Зубову. А сам граф Валериан, вернувшись в Россию, был отдан под присмотр полиции в Курляндии.

Избегая встречи с Гудовичем в Кизляре, Ермолов, как и многие другие командиры, пробрался степью в Астрахань, а затем в Петербург. Здесь он услышал о том, что произошло после печально окончившегося русского похода.

Весною 1797 года Ага-Мухаммед, собравший 80-тысячную армию, узнал об уходе русских из Закавказья и снова решил покорить Грузию и Азербайджан. Он перешел уже Араке, достиг Шуши, как одно, по существу, самое ничтожное обстоятельство положило конец его замыслам и самой жизни. Двое невольников шаха, поссорясь между собою, произвели шум и до того разгневали Мухаммеда, что он повелел отрубить им головы. Но так как это случилось вечером, в час, посвященный молитве, то исполнение казни отложили до утра. Осужденные, коим между тем повелено было продолжать обыкновенные свои занятия, не ожидали себе пощады. Ночью они прокрались к постели Ага-Мухаммеда и закололи его кинжалами. Смерть свирепого шахаевнуха лишила персидское войско предводителя, ж оно рассеялось. Грузия была спасена…

В пределы Кавказа Ермолову суждено было вернуться через долгих двадцать лет.

Глава четвертая. «ИСКЛЮЧЕН ИЗ СПИСКОВ КАК УМЕРШИЙ…»

1

Старый помещичий дом в сельце Смоляничи, Краснинского уезда, Смоленской губернии, жил своей особенной, таинственной и

удивительной жизнью.

Сюда наезжали часто офицеры из расквартированных в губернии полков — Петербургского драгунского вместе с их командиром Дехтеревым и шефом полка генерал-майором Баборыкиным, 4-го артиллерийского, Московского гренадерского… Здесь постоянно находилось восемь — десять офицеров, отставленных от службы сумасбродным государем Павлом Петровичем.

В имении была собрана богатейшая библиотека и имелся кабинет, хорошо оснащенный самыми современными для той поры физическими и химическими приборами. Здесь читывали вслух и разбирали сочинения Гельвеция, Руссо, Вольтера, Дидро, а также отечественных вольнодумцев, и в их числе — «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Отсюда тянулись нити в Москву, Калугу, Орел, Дорогобуж, в Курляндию — к братьям Валериану и Платону Зубовым и даже в высшие сферы Петербурга — к генерал-прокурорам А. Б. Куракину и П. В. Лопухину, к государственному канцлеру А. А. Безбородко. Здесь, в подвалах, на крайний случай хранился изрядный арсенал оружия и более шести пудов пороху. Здесь нового императора именовали презрительной кличкой Бутов или Курносый. Здесь открыто порицались прусские порядки, введенные Павлом Петровичем, и горячо отстаивалась русская самобытность. Здесь пылко спорили о «царстве разума», о тем, как развеять с помощью разума тьму невежества, сделать ясным все, что окружает человека, что тревожит его мысль — тайны природы и общественной жизни. Здесь говорили о положении простого народа, об ужасах деспотизма и одобряли меры Французской революции.

Строгая конспирация соблюдалась ядром этого кружка.

Важнейшие письма посылались через подставные адреса и подставных лиц, документы, по их использовании, уничтожались. Шифр именовался «итальянским диалектом».

За фискалами и доносчиками в полках следили сами полковые командиры, грозившие служебными карами «мухам», «клопам», «сверчкам», как называли сторонников гатчинского режима. Участники

тайной организации носили условные имена: полковник Петр Дехтерев — Гладкий; капитан Василий Кряжев — Вырубов или Отрубнов; полковник Иван Бухаров — Бичуринский; полковник Буланин — Мухортов; подполковник Алексей Тутолмин — Росляков; полковник Тучков — Крючков; капитан Стрелевский — Катон; офицер Ломоносов — Тредьяковский и т. д.

Сам хозяин имения Смоляничи — Александр Михайлович Каховскпй, отставленный от службы после восшествия на престол Павла I, имел прозвище Молчанов. Его брат Алексей Петрович Ермолов, служивший с начала 1797 года в чине майора в 4-м артиллерийском полку, получил в кружке имя Еропкин.

2

Сын Екатерины II Павел Петрович вступил на престол уже сорока двух лет от роду, пережив много тяжелых минут в своей жизни и испортив свой характер под влиянием холодных, неискренних и даже враждебных отношений матери. Подозревая в нем претендента на престол, она держала Павла вдали от дел, он был в открытой опале при дворе и не избавлен даже от дерзостей со стороны придворных.

Понятно, как все это угнетало и раздражало самолюбивого Павла. На государственное управление и на придворную жизнь он смотрел со стороны, как зритель, и подолгу оценивал все факты с ПОЛБОЙ свободой критики. Россия была истощена непрерывными войнами. Хищения и стяжательство достигли в чиновничьем мире степени узаконенного грабежа, офицеры относились к своим солдатам, как к крепостным. Видя все это, Павел рвался к деятельности, а возможности действовать у него но было никакой.

Рано нарушенное духовное равновесие нового императора не восстановилось и в пору его царствования, напротив, власть, доставшаяся ему поздно, кружила голову сильнее, чем страх перед

матерью. Исполненный самых лучших намерений, Павел I стремился к благу государства, но, желая навести порядок при дворе и в администрации и искоренить пагубное старое, он начал насаждать новое с такой суровостью и дилетантизмом, то оно всем казалось горше старого.

Павел освободил политических узников — Радищева, Новикова, Костюшко, прекратил подготовку к войне с Францией, ограничил самоуправление дворян и запретил продавать дворовых и крестьян без земли, с молотка. Однако он с жестокостью, почти патологической, принялся вводить в армии ненавистные прусские порядки, капризно и своенравно низвергал старых талантливых людей и возносил мало подготовленных к государственной деятельности, чуждых России гатчинцев.

Возобновился фаворитизм, едва ли не более уродливый, чем при покойной государыне. Так, один из любимцев Павла — Аракчеев уже 7 ноября 1796 года из подполковников гатчинской артиллерии стал петербургским городским комендантом и генералом; 9 ноября получил сводный гренадерский батальон лейб-гвардии Преображенского полка; 13 ноября — анненскую ленту; 12 декабря — богатейшее имение Грузино; 5 апреля 1797 года стал Александровским кавалером и бароном; 19 апреля сделался генерал-квартирмейстером и начальником всей артиллерии; 10 августа — командиром лейб-гвардии Преображенского полка и т. д.

Если Екатерина II за 36 лет своего царствования и при огромном числе награжденных раздала 800 тысяч крестьян, то Павел только за четыре года успел раздарить более полумиллиона.

Число лиц, пострадавших от своеволия нового императора, росло с каждым днем. Среди них были, как мы уже знаем, и отец Ермолова, который по воцарении Павла I был удален от генерал-прокурорских дел и предан заключению, и Александр Каховский, и сам великий Суворов, сосланный в апреле 1797 года в глухое сельцо Кончанское.

В далеко идущих планах Каховского Суворов занимал особое место.

3

Зимой 1797 года Ермолов, произведенный в подполковники, получил назначение на должность командира роты 2-го артиллерийского батальона генерала Эйлера. Прежде чем отправиться к месту расквартирования части — город Несвиж, он заехал к брату в Смоляничи, где ожидался сбор всего «канальского цеха», как именовали себя кружковцы Каховского.

Весело было ему катить в возке сорок пять верст от Смоленска до имения, оглядывать заснеженные поля, вспоминать дерзкие стишки и песни, сочиненные братом, карикатуры на Павла и его гатчинских «клопов», рисованные Иваном Бухаровым. Весело было и потом — войти в тепло, воздух, пахнувший трубочным табаком, стеарином, корицей, печкой, услышать приветственные крики разгоряченных пуншем офицеров:

— Ба! Младший брат Еропкин! Кстати, кстати!

Энергичного и остроумного двадцатилетнего подполковника в Смоляничах считали по праву душою общества.

— Совсем покидаешь нашу «галеру»? — поднялся навстречу Ермолову белокурый полковник с чубучком в одной руке и стаканом горячего рома в другой. — Будем крепко без тебя скучать, брат Еропкин!

— Что поделать, брат Гладкий, — в тон ему ответил Ермолов, пожимая друзьям руки и усаживаясь за холостяцким столом с дымящейся пуншевой чашей и нехитрой закуской. — Отсылают меня, горемыку, под начальствование прусской лошади — Эйлера, Бутова друга.

— Сколько можно повторять, — поднял на говоривших черные цыгановатые глаза Каховский, — что в России уже небось нет ни одного человека, который был бы гарантирован от мучительств и несправедливостей! Тирания с каждым днем только растет!..

Полковник Дехтерев в возмущении стукнул об стол, рассыпая огонь из

чубучка, на котором был искусно вырезан карикатурный профиль Курносого.

— А мы все терпим! Хоть и равную ненависть испытываем! — обратился он к сумрачному Каховскому. — На что же у нас ружья? На что пушки? На что солдаты?..

— В Петербурге, сказывают, — вмешался Ермолов, — гатчинские «клопы» совсем русских заели. Памятный мне по шляхетскому корпусу Каннибах преглупейшие лекции читать во дворце изволит. И что вы думаете? Первейшие особы в государстве, и в том числе фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин, желая угодить Бутову, являются слушать эти нелепицы! А так как голштинец Каннибах в русском языке не силен, то и городит: «Э, когда командуют: „Повзводно направо!“, офицер говорит коротко:

«Во!» Э, когда командуют: «Повзводно налево!», то просто:

«Налево!» Или молча начинает ходить журавлем по комнате, выделывая различные приемы своей тростью…

— Этот бессмысленный Каннибах, — невесело усмехнулся Каховский, — так подписывает билеты увольняемых в отпуск: «Всемилостивейшего государя моего генерал-майор, св. Анны I степени и анненской шпаги, табакерки с вензелевым изображением его величества, бриллиантами украшенной, и тысячи душ кавалер». Как не вспомнить мученика — его сиятельство графа Суворова: «В слезах — мы немцы…»

— Господа, господа! — дурашливым голосом перебил его Дехтерев. — Прошу всем налить пуншу и немедля выпить за его курносое величество Бутова, который сейчас самолично припожалует…

Офицеры еще не успели наполнить стаканы, как из соседней комнаты под шутовским конвоем торжественно вошел маленький и очень курносый человечек в короне из золотой бумаги, в переделанной из простыни мантии, с большой палкой и с фальшивой державой note 3 в руках. Это был дворовый Никита Медведовский, или просто Ерофеич, который по наущению Дехтерева появлялся на обедах и вечеринках, в кабаках, среди народа и даже на разводах Московского полка, всюду

изображая Павла I.

Ерофеич встал в позу, выпучил пьяные глаза и картаво, подражая императору, закричал:

— Кар-р-раул! Я из вас потемкинский дух вышибу!

Щука умер-р-рла, да зубы целы!..

Офицеры захохотали и шумно повскакали из-за стола, окружая Ерофеича. В тот же миг по сигналу Дехтерева раздался пушечный залп, и за окнами вспыхнул фейерверк:

после штурма Праги Ермолов прислал в Смоляничи шесть маленьких орудий, захваченных у поляков.

Каховский сделал знак Ермолову и вышел с ним в кабинет. Тут, среди полок с книгами, реторт и физических приборов, сама обстановка настраивала не на смешливый, а на серьезный лад.

— Что ты так скучен сегодня, Саша? — тихо спросил Ермолов.

— Слишком много шутов развелось на нашей «галере», — так же тихо отвечал Каховский, — а к серьезному никто не готов. Кажется, мы пропустили свой час…

— Ты говоришь о сопротивлении тирану? — догадался молодой подполковник.

— Да. И слушай. Помню, в Тульчине, как только Курносый сел на трон, наблюдал я, что фельдмаршал наш Александр Васильевич делается день ото дня все мрачнее.

Когда услышал я от него горькие шутки о засилье немцев, то как-то, оставшись наедине, спросил: «Удивляюсь вам, граф… Как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, и соглашаетесь повиноваться Павлу?..»

— И что же его сиятельство? — в сильном волнении спросил Ермолов.

— Суворов подпрыгнул и перекрестил мне рот со словами: «Молчи, молчи!.. Не могу!.. Кровь сограждан!..» — Он принялся ходить взад-вперед по кабинету, рассуждая, словно бы разговаривал сам с собою: — Если бы Суворов пошел на Петербург, все войска по дороге к нему конечно же пристали б… Я бы отправился в Полтаву, где стоял дядя наш,

Василий Львович Давыдов, со своим легкоконным полком. И если б он не примкнул к Суворову, я сам бы принял полк и повел его. А на пути, в Киеве и других городах, довольно нашел бы казенных денег, нужных этому предприятию. А что может сейчас наш «канальский цех»?..

Каховский недоговорил. В кабинет ворвались возбужденные обильным истреблением пунша офицеры во главе с капитаном Василием Кряжевым, на котором синий форменный мундир сидел неловко, колом. Отпущенный на волю крепостной крестьянин графа Панина, он получил первый офицерский чин в 1791 году и среди членов «канальского цеха» выделялся особливой резкостью суждений, требуя уничтожения царской фамилии.

— Брут, ты спишь, а Рим в оковах! — воскликнул он, цитируя тираноборческую трагедию Вольтера. — Вспомни, брат Молчанов, Цесареву смерть!

— Если б этак и нашего!.. — ответил Каховский.

Майор Московского полка Потемкин придвинулся к нему со словами:

— Дай мне на сие десять тысяч рублей, и ты увидишь, что станется с Бутовым!

Каховский пал на колени.

— Если ты готов на это, я тебе отдам все свое имение! — в восторге крикнул он.

— Да будет так! — воскликнул краснощекий здоровяк майор Мордвинов.

Ермолов глядел на них и повторял про себя одну и ту же поразившую его фразу: «Не могу… Кровь сограждан…»

4

Мушкетерские, драгунские полки и 2-й артиллерийский батальон, расквартированные в Несвиже, занимались экзерциями, готовясь к высочайшему приезду.

Инспектор государя Клингенер, долговязый голштинец со скопческим

лицом, в сопровождении генералов и обер-офицеров продвигался вдоль развернутых, вытянутых в одну линию батальонов и наводил страх и ужас на армейских начальников. Заслуженные, поседевшие в боях екатерининские генералы представляли свои части и отдавали рапорты недавно еще никому не известному, не нюхавшему пороха гатчинскому полковнику. В особенности страдал командир драгунского полка, отряженного в резерв: в его роты не успели доставить новых высоких сапог для всех солдат, и он ожидал жестокого напрягая, а то и расправы. Только что Клингенер учредил разнос командиру артиллерийского батальона князю Цицианову за наличие у него на шляпе не по образцу тесьмы. Цицианов мрачно вышагивал рядом с Ермоловым, который, наблюдая за государевым «клопом», не мог удержать себя от насмешливой улыбки.

Клингенер, презрительно щуря водянистые, бесцветные глаза и покачивая форменной тростью с костяным набалдашником, внимательно оглядывал солдат — их выправку, амуницию.

Одной из первых реформ, последовавших по вступлении на престол императора Павла I, была перемена внешнего вида солдат. Прежнее удобное обмундирование, введенное во времена Екатерины II князем Потемкиным, состоявшее из короткого кафтана с широким поясом и широких панталон, заткнутых в сапоги, не правилось новому государю и его сподвижникам: по их ыыепию, солдат в таком костюме имел вид не воинский, а мужицкий. Новая, перенятая у пруссаков экипировка совершенно преобразила русского воина. На него напялили длинный и широкий мундир из толстого сукна, с лежачим воротником и фалдами, и очень узкие панталоны. На ноги натянули чулки с подтяжками, крючками и лакированные черные башмаки. Волосы были напудрены, на затылке висела уставной длины коса, туго перевитая проволокой и черной лентой, над ушами болталась пара насаленных буклей. На голову нахлобучили низкую, приплюснутую треугольную шляпу.

Правофланговые взводов — унтер-офицеры — получили вместо ружья высокую алебарду. Это нововведение сделало совершенно бесполезными

для боя до ста человек в каждом полку. Да и у прочих солдат ружья были приспособлены более для маршировки, чем для стрельбы. Под взглядом страшных, водянистых глаз Клингенера солдаты еще более сжимали колени, вбирали в себя живот, выпучивали грудь и подавали всю тяжесть корпуса на носки; при этом строго воспрещалось шевелить головой, а предписывалось всегда держать ее направо. Взятые от сохи и изнуренные усиленной муштрой, солдаты были совершенно сбиты с толку.

— Какого полка? — чуть тронув тростью грудь русого великана, осведомился Клингенер.

Мушкетер молчал и, в соответствии с уставом, ел глазами начальство.

— Подлый и неловкий мужик! — повысил голос Клингенер и грязно выругался по-немецки. — Какого ты полка, я тебя спрашиваю!..

Еще со времени Петра Великого все полки имели названия по имени русских городов и земель. С этими наименованиями войска свыклись в течение многих славных походов, они напоминали солдату блестящие подвиги, совершенные его предками в делах с врагом. Теперь в каждом полку кроме командира был назначен еще особый шеф в чине генерала, и полки высочайше было поведено именовать по фамилии их шефа. Но так как шефы часто менялись, то менялись и названия полков.

— Не знаю, ваше высокопревосходительство! — гаркнул наконец мушкетер. — Прежде был Петербургского, а потом какому-то немцу дан полк от государя!

На плацу все онемели. Клингенер, меняясь в лице, принялся что есть силы тыкать солдата тростью в живот и в грудь: уставом запрещалось трогать лицо, потому что от такого прикосновения на нем появлялись синяки, портившие вид строя. Во время пытки мушкетер стоял недвижимо и, как полагалось по уставу, смотрел весело.

— Командиру полка выговор, командира роты под арест, солдату — шпицрутены!.. — бросил особый инспектор и отправился далее.

Ермолов сделал невольно движение, словно собирался опустить сзади свой кулачище на сморщенный затылок Клингенера с торчащей косицей,

но только засопел, сдерживая ярость. О, немцы на русской шее, когда придет конец вашему засилью!

Между тем Клингенер уже обошел строй и возвестил:

— Господина главнокомандующего прошу начать маневры.

Генералы и офицеры тотчас разошлись по своим полкам и батальонам.

На ровном, изумрудном от майской муравы поле длинные тонкие линии войск двигались стройно, равняясь, словно по нитке. Все движения солдат были плавны и медленны: в минуту каждый делал не более семидесяти пяти шагов. Развернутые батальоны расходились и сходились, изображая игрушечный бой.

Клингенер, растягивая длинное лицо в улыбке, говорил своему любимцу белокурому генерал-майору Эйлеру по-немецки:

— Смотри-ка! Эти русские свиньи экзерцируют почти так же хорошо, как настоящие прусские солдаты.

— Но свинья всегда останется свиньей, — в тон ему отвечал пруссак.

Еще более понравилась инспектору одновременная пальба из ружей и пушек — безвредная, но зато чрезвычайно эффектная, и он обещал командирам поощрения. На возвратном пути только один Ермолов оставался мрачным; прочие офицеры и генералы радовались тому, что все так благополучно обошлось.

Но особенно счастливым чувствовал себя драгунский полковник: его часть продефилировала мимо страшного Клингенера, который мог видеть кавалеристов только с правой стороны. Поэтому солдатам было приказано обуть в новые сапоги лишь правую ногу, а левую оставить в старых…

5

Ермолов — Каховскому

«Любезный брат Александр Михайлович. Я из Смоленска в двое суток и несколько часов провел в Несвиже. Излишне описывать Вам, как здесь

скучно, Несвиж для этого довольно Вам знаком. Я около Минска нашел половину нашего батальона, отправляемого в Смоленск, что и льстило меня скорым возвращением к приятной и покойной жизни; но я ошибся чрезвычайно; артиллерия вся возвращена была в Несвиж нашим шефом, или, лучше сказать, Прусскою Лошадью (на которую надел Государь в проезде орден 2-го класса Анны). Нужно быть дураком, чтоб быть счастливым; кажется, что мы здесь долго весьма пробудем, ибо недостает многаго числа лошадей и артиллерию всю починять нужно будет. Я командую здесь шефскою ротою, думаю, с ним недолго будем ходить, я ему ни во что мешаться не даю, иначе с ним невозможно. Государь баталиону приказал быть здесь впредь до повеления, а мне кажется, уж навсегда. Мы беспрестанно здесь учимся, но до сих пор ничего в голову вбить не могли, и словом, каков шеф, таков и баталион; обеими похвастать можно, следовательно, и служить очень лестно. Сделайте одолжение, что у Вас происходило во время приезду Государя, уведомьте, и много ль было счастливых. У нас он был доволен, но жалован один наш скот. Несколько дней назад проехал здесь общий наш знакомый г. капитан Бутов; многие, его любящие, или, лучше сказать, здесь все бежали к нему навстречу, один только я лишен был сего отменного счастия — должность меня отвлекала; но я не раскаиваюсь, хотя он более обыкновенного мил был. Поклонитесь от меня почтеннейшему Вырубову, Каразцову, тож любезному Тредьяковскому, может, и Бутлеру; хотел писать на „итальянском диалекте“, но нет время, спешу, офицер сию минуту отправляется. Однако ж с первым удобным случаем ему и Гладкому писать буду. Мордвинову — также; я воображаю его в Поречье и режущегося с своим шефом, как в скором времени надеюсь резаться с своим; но он еще меня счастливей — он близко от Смоленска, от вас, которые можете разогнать его скуку, — а я имел счастие попасться между такими людьми, которые только множить ее могут. Вспомните обо мне Бачуринскому, Стрелевскому и всем тем, которые меня не совсем забыли. Прощайте.

13 мая Алексей Ермолов

Проклятый Несвиж, резиденция дураков».

6

В Несвиже Ермолов находился уже более года.

Все притерпевается, пообвык и он к новому месту.

И здесь нашлись близкие по духу люди, хотя Ермолов по-прежнему тосковал по Смоленску, по сборищам в самом городе и Смоляничах, то конспиративно-деловым, то праздно-веселым, по единомышленникам «канальского цеха» Каховского.

В часы тоски и уныния спасали письма брату, которые чаще всего он писал шифром, на «итальянском диалекте», но порою не удерживался и давал пищу желчному уму открыто.

Катилось к закату очередное лето красное, лето 1798 года…

Ермолов, завострив конец гусиного пера, неподвижным взором уставился в темное оконце, за которым неясно угадывались синие контуры деревьев, а над ними, на кресте далекой колоколенки, кротко блестела полночная луна. Наступало 20 июля — день славного пророка Илии. Как это говаривал Горский? «До Илии — тучи по ветру, после Илии — против ветру… Придет Илия — принесет гнилья. Илия грозы держит, на огненной колеснице ездит…» Где-то он сейчас, веселый, неунывающий фейерверкер? Служит ли, не замучен ли порядками, введенными новым начальником артиллерии Аракчеевым? Ах, сколь легче было в военном Кавказском походе, где из-за каждого камня могла вылететь меткая пуля горца, чем в этой бессмысленной прусской муштре под начальствованием скота Эйлера и под высочайшим наблюдением его гатчинского величества Бутова!..

Конечно, много всякого беспорядка осталось в армии от екатерининского царствования. Взять хотя бы их прежнего батальонного командира Иванова, который был горьким пьяницей. Этот Иванов во время производимых им учений имел обыкновение ставить позади себя

денщика, снабженного флягою с водкой. По команде Иванова «Зелена!» ему подавалась фляга, которую он быстро осушал. После того он обращался к артиллеристам со следующей командой: «Физики, делать все по-старому, а новое — вздор!»

Рассердившись однажды на жителей города Пинска, где было нанесено оскорбление подчиненным ему батарейцам, Иванов приказал бомбардировать город из двадцати четырех орудий, но благодаря расторопности офицера Жеребцова снаряды были поспешно заменены холостыми. Пьяный Иванов, не заметивший этого, приказал по истечении некоторого времени прекратить пальбу. Вступив торжественно в Пинск и увидев в окне одного дома полицмейстера Лаудона, он велел выбросить его из окна…

Новый батальонный командир князь Цицианов, брат участника Кавказского похода, был не в пример достойнее.

Да и офицеров вокруг немало превосходных. В Несвиже Ермолов квартировал вместе с доблестным князем Дмитрием Владимировичем Голицыным (с которым штурмовал Прагу), братом его — умным князем Борисом и двоюродным братом князем Егором Алексеевичем. Он подружился здесь с чистым и честным подпоручиком 4-го артиллерийского полка Огрaновичем.

Все бы ладно, если бы не гатчинские порядки!

Подполковник поймал в слюдяной оконнице свое отражение: крупное лицо в пудреном парике и с косицей показалось ему чужим и неприятным. Он вздохнул, запечатал конверт и кликнул молодого денщика Федула, присланного отцом из Орловской вотчины. Малый расторопный — нос луковицей, в глазах наглинка — тотчас встал в дверях.

— Отвезешь рано поутру Александру Михайловичу Каховскому в Смоленск… Чтобы тот — слышишь! — получил собственноручно…

Федул изобразил на своем курносом смекалистом лице сразу и понимание, и вопрос, и расторопность, скрывавшие его природную лень.

— А как у фатере его благородия не окажется, что тогда?

— Поедешь в Смоляничи. Ступай!..

Хоть и ленив, да предан: другого отец не прислал бы.

А приходилось вести себя до крайности осторожно, так как гроза сгущалась.

В феврале нынешнего, 1798 года был арестован и отправлен под конвоем в Петербург полковник Дехтерев, еще ранее отставленный от командования драгунским полком.

Ему вменили в вину попытку возмутить офицеров противу государства и государя, а также намерение бежать за границу. Последнее больше всего рассердило Павла, который потребовал преступника к себе. На грозный вопрос императора: «Справедлив ли этот слух?» — острый на язык Дехтерев ответил: «Правда, государь, да долги за границу ве пускают». Ответ этот так понравился Павлу, что он велел выдать полковнику значительную сумму денег и купить дорожную коляску…

Никаких улик не обнаружила и грозная тайная экспедиция, один из советников которой — Егор Фукс, будущий начальник канцелярии Суворова и его биограф, всячески потворствовал «канальскому» кружку. Дехтерев был возвращен в Смоленск, под надзор губернатора. Урона при этом «галера» не понесла: новый командир Петербургского драгунского полка полковник Киндяков также исповедовал взгляды «канальского цеха». Верно, петербургские протекторы кружка сделали все, чтобы полк остался в руках вольнодумцев.

Однако кто-то внимательно следил за каждым шагом Каховского и его «галерников».

Что далее?

Каховский сообщил Ермолову тайным письмом, что Павлом I создана специальная комиссия под началом генерал-лейтенанта фон Линденера для расследования доноса из Дорогобужа, куда был переброшен опасный для императора Петербургский полк. Настоящая фамилия Линденера, как слышал Ермолов, была Липинский, он поляк по национальности, принявший прусское обличье, дабы угодить Павлу. Фон Линденер, будучи инспектором кавалерии, особливо усердствовал при введении

старой прусской тактики, о которой Суворов как-то сказал: «Этот же опыт найден в углу развалин древнего замка, на пергаменте, изъеденном мышами. Свидетельствован Линденером и переведен на немо-российский язык…»

Шефом Петербургского полка в Дорогобуже был назначен «Бутов слуга» — генерал-майор Мещерский. Переменившаяся обстановка требовала от «канальского цеха» еще большей осмотрительности и осторожности. Меж тем деятельность Киндякова в Дорогобуже становилась все более откровенной и даже дерзкой. Устраивались собрания, на которых читались запрещенные книги, показывались карикатуры на Павла, разыгрывались комические сценки с участием Ерофеича, восхвалялась Французская республика. На сборища нередко приглашались офицеры, не являвшиеся членами кружка и даже не внушавшие доверия, что в конечном счете привело к провалу организации. В июле 1798 года Мещерский донес императору, что «у полкового командира полковника Киндякова завелось собрание, состоящее по большей части из молодых и легкомысленных офицеров…».

В глухом Несвиже Ермолов, естественно, не знал многого и даже не мог догадываться о происходящем…

Чтобы спасти положение, покровительствовавшие кружку влиятельные лица в Петербурге добились назначения шефом полка своего человека — генерал-майора Белухи.

Белуха приехал в Дорогобуж несколькими днями ранее Линденера и попытался предупредить окончательное разоблачение киндяковского кружка. Однако усердствовавшие «клопы» и «мухи», слишком много знавшие о кружке, дали Линденеру богатый материал об офицерах полка и «галере» Каховского. Началась волна арестов — были взяты Киндяков, Стерлингов, Хованский, Сухотин, Репнинский, Балк, Валяев, Огонь-Догановский и отдано распоряжение о розыске и аресте Каховского, Дехтерева, Бухарова и Потемкина.

Как против офицеров драгунского полка, так и против «галерников» Линденер в качестве главного обвинения выдвинул подготовку

покушения на императора Павла.

Что еще любил повторять фейерверкер Горский? «На Илию зверь и гад бродят на воле…»

7

28 ноября 1798 года по приказу находившегося в Калуге Линденера Ермолов был арестован.

В царствование Павла Петровича аресты и ссылки представляли собой явление обычное. Однако по отношению к Ермолову были приняты особенные меры предосторожности. В «Ордере по секрету» подпоручику Огрaновичу наказывалось быть готовым «к строжайшему присмотру Ермолова… потому что оный арест по именному повелению его императорского величества и по весьма важным обстоятельствам». В тот же день Огранович получил от генерала Эйлера ордер с приказом содержать арестованного «под крепким караулом как важного и секретного арестанта… и с соблюдением всей строгости».

Ермолов был заперт в своей квартире, причем все окна, обращенные на улицу, были наглухо забиты и к дверям приставлен караул. Оставалось отворенным лишь одно окно, к стороне двора, и под ним стоял часовой. Червленая заря уже пала на край выстуженного неба, а Ермолов все глядел в окно, не видя ни этой зари, ни мотавшегося за рамой солдатского трехгранного штыка: глядел в себя.

Юношески пылкий и прямодушный, он горько переживал разгром тайного общества и уже давно ожидал ареста, ловя с запозданием поступавшие в Несвиж слухи. Еще в августе 1798 года последовал высочайше утвержденный приговор, по которому Каховский, майор Потемкин и капитан Бухаров были лишены чинов и дворянства и заключены в крепости: Каховский — в Динамюндскую, Потемкин — в Шлиссельбургскую и Бухаров — в Кексгольмскую. Несколько человек было отправлено в ссылку: полковник Киндяков — в Алекминск,

подполковник Стерлингов — в Киренск Иркутской губернии, Дехтерев — в Томск, майор Балк — в Ишим Тобольской губернии, полковник Хованский — в Белоруссию, полковник Сухотин — в Тульскую губернию, подполковник Репнинский — в Калужскую, капитан Валяев — в Саратовскую…

Все затихло, но Ермолов в Несвиже не верил этой зловещей тишине. И вправду, к осени слухи снова возобновились. В последних числах августа в Смоляничах, где был произведен повальный обыск, Линденер обнаружил спрятанные письма участников кружка к Каховскому. Они пролили новый свет на деятельность организации. Линденер торжествовал. Захваченные бумаги позволяли ему расширить репрессии. Теперь в руках у временщика имелось много дополнительных доказательств преступности «галерников», и в их числе письма Ермолова Каховскому…

Федул в кухоньке лупил шелуху с вареной картошки, а Ермолов в мундире наопашку ожидал за столом завтрака, когда в комнате появился дежурный офицер, а с ним — фельдъегерь и подпоручик Огранович. Огранович, устремив глаза в пол, проговорил, запинаясь:

— Воля нашего государя-императора, Алексей Петрович, чтобы вас арестовать.

— Где бумаги преступника? — с пригнусью спросил щуплый фельдъегерь.

Ермолов вскочил с места, против своей воли замахнулся кулачищем:

— Ах ты, «клоп»! Я еще не преступник!

Фельдъегерь отпрыгнул и закричал из-за спины Ограновича:

— Ваше сержение ничего не доказывает! Ишь ты какие смутки тут наделал! Дождетесь так-то сибирки!..

Дежурный офицер шагнул к Ермолову, но тот уже опустил руки: сердце уходилось, и он остыл.

— Будьте благоразумны, Алексей Петрович, — попросил Огранович.

— Ничего, убрыкается — тише будет! — снова осмелел фельдъегерь.

«Я увлекся гневом…» — укорил себя Ермолов и сел на табуретку. Свои

бумаги он держал в простом посуднике и теперь молча глядел, как посланец Линденера поднимает все вверх дном в его бедной горнице…

Он очнулся от воспоминаний глубокой ночью. Выглянула ущербная луна, постояла средь неба и скрылась за бегущими холодными облаками. Что происходило в его доброй и открытой душе? Какая буря мыслей терзала его?..

Но вот он склонил голову на брус внизу окна и незаметно для себя уснул.

Низкое солнце ударило ему в глаза. Петух всхохлатил голову и с криком побежал через двор. За петухом появился спугнувший его Федул.

— Батюшки-светы! — завопил он. — Барин-то мой, никак, через трубу печную убежал!..

Солдат послушливо бросился в сторону. Федул тотчас мелькнул у окна, бросив записку. Ермолов разгладил мятую бумагу:

«Будьте осторожны с Линденером. У него презренное свойство не щадить никого.

Друг по «канальскому цеху».

Почти тотчас же явился Огранович с приказанием отвезти Ермолова на суд в Калугу к Линденеру.

Сряды были недолги. Невзирая на жестокие морозы, преступника везли в открытом возке, причем на облучке сидели двое солдат с обнаженными саблями.

Ермолов не ожидал себе легкой участи. Вина его заключалась не в одной принадлежности к «галере». Он был повязав родственными узами с руководителями — Каховским и Зыбиным, жена последнего приходилась Ермолову родной теткой. А кроме того, у императора подполковник находился на дурном счету из-за плохого отношения Павла к его отцу — Петру Алексеевичу. Родственники же Каховского были близки к ненавистному для царя Потемкину…

Приезд Ермолова под конвоем в Калугу возбудил в городе всеобщее любопытство. Между тем Линденер, будучи нездоров, приказал привести Ермолова к себе в спальню.

Главный «клоп» Павла Петровича, маленький, веснушчатый и очень рыжий человечек в кружевной батистовой рубашке, возлежал под пунсовым одеялом на огромной пышной постели. Две миловидные девушки в крахмальных наколках посылались за лекарствами, бульоном, горячим пузырем, поганым горшком, очиненными гусиными перьями, носовыми платками, малиновым вареньем, горчицей для прикладывания к пяткам. Линденера застудили декабрьские Варварины морозы. Трещит Варуха, береги нос да ухо!

— Государь-император всемилостивейше изволил давать тебе высочайшее прощение, — ломая язык, сказал Линденер Ермолову.

В тот самый день, 28 ноября, когда подполковник был арестован в Несвиже, последовало повеление Павла о полном прекращении дорогобужского дела.

— Я благодарен его величеству, — отвечал Алексей Петрович, — но, право, никакой вины за собой не вижу…

— Ах эта нетерпеливая молодость! Я ведь и сам был мочодым, — отечески покачал головой в теплом колпаке Линденер, высовывая из-под одеяла худую синюю ногу, на которую девушка ловко надела шерстяной носок с сухой горчицей. — Но ведь ты собирал у себя молодых офицеров?

Признайся!

— Что ж, ваше высокопревосходительство, — возразил Ермолов, — в этом преступления нет. У холостяка и гости все холостежь…

Предупрежденный о коварстве Линденера, он решил отрицать свою вину и на все вопросы о тайных замыслах Каховского отвечать, что ни о чем не имеет понятия.

Не скрывая своего разочарования, Линденер сказал:

— Хотя видно, что ты многого не знаешь, советую тебе отслужить перед отъездом молебен о здравии благодетеля твоего — нашего славного государя…

Ласково прощаясь с подполковником, он сообщил ему, что все арестованные бумаги будут возвращены смоленским комендантом.

— Между этими бумагами, — добавил Линденер, — недостает журнала и нескольких чертежей, составленных тобою, Алексей Петрович, во время пребывания твоего в австрийской армии в Италии и в Альпийских горах… Знай же, что их изволит теперь рассматривать лично его величество государь-император…

В смятении Ермолов покинул покои временщика. Приняв во внимание советы многих, утверждавших, что если им не будет отслужен молебен, то он неминуемо подвергнется новым преследованиям, Ермолов против своей воли исполнил приказание Линденера.

Прошло немногим более двух недель, как, воротясь в свою роту, он был вызван к шефу батальона Эйлеру. Ермолову приказали отправиться в Петербург с фельдъегерем, нарочно за ним присланным. Было объявлено, что государь желает его видеть.

Ермолову дали два дня на приготовления к новой дороге. Он братски простился с Голицыным и Ограновичем, радуясь блеснувшей ему фортуне. В двадцать один год от роду, при пылком воображении, удостоенный прощения государя, Ермолов отдался во власть простодушных мечтаний. Перед его глазами было быстрое возвышение людей неизвестных, среди которых многие показали свое ничтожество…

«Не иначе как государь, рассмотрев мои планы и журнал, вызывает меня для того, чтобы не только подтвердить дарованное прощение, но и облагодетельствовать повышением, дабы воздать мне за безупречную воинскую службу, рвение и усердие в любимом артиллерийском деле», — мечталось в пути молодому подполковнику.

Мечты и надежды подтверждались. В дороге фельдъегерь оказывал ему всяческое внимание. Приехав в Царское Село, Ермолов и его спутник спокойно обедали и оставались здесь до наступления темноты. Подполковник все еще полагал, что государь намерен дать ему новое Назначение.

И только когда ему было объявлено, что в Петербург он прибудет лишь ночью, дабы не быть никем узнанным, Ермолов начал понимать, что в действительности его ожидает.

Коварный Линденер, донося Павлу I о приведении в исполнение его воли, изъявил, однако, сожаление, что его величество помиловал шайку разбойников, заслуживающих лишь строжайшего наказания. Одновременно, 7 декабря, когда он освободил Ермолова из-под ареста, Линденер донес генерал-прокурору Лопухину, что после 24 ноября открылись «новые важнейшие обстоятельства» по делу офицерского кружка. А на запрос о подробностях ответил, что Ермолов «действительно принадлежит к шайке Каховского, Дехтерева и других». Вот отчего вел себя так предупредительно и даже угодливо фельдъегерь: в Петербурге опасались бегства опасного преступника…

Повозка остановилась сперва у дома Лопухина на Гагаринской пристани. Затем фельдъегерь получил приказание отвезти арестованного к начальнику тайной экспедиции, находившейся на Английской набережной. После подробного допроса, во время которого Ермолов по-прежнему отрицал свою вину и какую-либо причастность к кружку, он был препровожден в Петропавловскую крепость, где его заперли в самый зловещий каземат, находившийся под водою, в Алексеевском равелине.

8

О многом, очень многом пришлось передумать Ермолову за эти томительные недели и месяцы одиночного заключения.

Конечно, в равелине не было кровавых ужасов средневековой инквизиции. Однако и удобств было мало. Шесть шагов в поперечнике; печка, издающая сильный смрад во время топки; стены, мыльно блестящие от плесени и инея…

Даже крысы не могли проникнуть в этот каменный мешок, над которым нависла толща невской воды. Комната неугасно освещалась одним сальным огарком в жестяной трубке, треск которого вследствие большой сырости только и нарушал безмолвие тюремной преисподней. Немыми истуканами безотлучно находились при опасном арестанте двое часовых.

Охранение здоровья заключалось здесь в постоянной заботливости не обременять желудок заключенного излишним количеством пищи.

Ермолов теперь не имел даже имени и назывался «преступник номер девять».

Ужас забвения уступал место жалости и состраданию к ближним. Оп часто вспоминал своих родителей, и особливо несчастную матушку Марью Денисовну, оба сына которой были теперь заживо замурованы в камень. Возвращался мыслью к разговорам с братом Александром, размышлял о слышанных от Каховского словах незабвенного Суворова.

Думал о друзьях и боевых соратниках — покойном подполковнике Бакунине, братьях Голицыных, Ограновиче, фейерверкере Горском…

Иногда, забывшись, он обращался с каким-либо вопросом к более добродушному из часовых, но слышал в ответ:

— Не извольте разговаривать! Нам отвечать строго запрещено. Неравно услышит мой товарищ и тотчас же все передаст начальству…

Так прошли три долгие недели, по истечении которых, в семь пополуночи, Ермолов внезапно был отвезен на Гагаринскую пристань к Лопухину, у которого застал несколько незнакомых лиц в голубых анненских лентах.

Генерал-прокурор приказал провести его в свою канцелярию, которой во времена графа Самойлова заведовал отец Ермолова.

Пройдя анфиладой темных комнат, узник вступил в ярко освещенный кабинет и с удивлением увидел там бывшего своего начальника, при котором некогда состоял старшим адъютантом, и друга отца — благороднейшего и великодушного Макарова. Тот был еще более удивлен неожиданной встрече:

— Как? Ты снова под арестом? Но ведь его величество изволил помиловать тебя!

Оказалось, что близкий генерал-прокурору Лопухину Макаров, зная о дарованном Ермолову прощении, слышал только потом об отправке по повелению государя дежурного фельдъегеря к нему, но причина этому оставалась тайной.

Дружески поговорив с Ермоловым, он посоветовал ему тут же изложить на бумаге свои объяснения на высочайшее имя. Прошение, начинавшееся словами: «Чем мог я заслужить гнев моего государя?» и вылившееся из-под пера, диктуемого чувством собственного достоинства, жестокостью преследований и заточения в каземате, получилось горячим и даже дерзким. Макаров качал головой и вымарывал слова и строки, могущие еще более разгневать впечатлительного и неуравновешенного императора.

Переписав прошение набело, Ермолов воротился в каземат.

Снова потянулись томительные дни, не отличимые от ночи, и томительные ночи, не отличимые от дня. Различный бой барабана при утренней и вечерней заре только а служил исчислением времени. И лишь иногда поверка производилась в коридоре, который скупо освещался дневным светом и солнцем, незнакомым в преисподней.

Ермолов мерил тесную камеру, стараясь ступать помельче, и про себя рассуждал: «Какая печальная судьба!

На двадцать втором году жизни быть арестованным и содержаться под караулом, словно разбойник. Быть исключенным из списков как умерший и заточенным в Петропавловскую крепость, где упрятаны мертвые цари и живые царевы преступники…»

А ведь какой простор, какие возможности показать себя в деле открывались перед ним в царствование государыни Екатерины Алексеевны! Капитан артиллерии в четырнадцать лет и подполковник в двадцать, Ермолов видел перед собой блестящее будущее. Его волновал другой артиллерийский офицер, в двадцать четыре года заслуживший генеральские эполеты за штурм Тулона, захваченного роялистскими мятежниками.

Образ Бонапарта, который в волшебно короткий срок разгромил в Италии австрийские войска в 1796 — 1797 годах, поразил воображение Ермолова. Быстрота движений, стремительность войск и особое искусство противопоставлять их неприятелю по меньшей мере в равном, а часто и в превосходном числе, массированный огонь артиллерии — это и было

причиной сказочного ряда неслыханных стратегических и тактических достижений. Здесь, под невской водой, среди смрада и сырости, Ермолов мысленно разбирал известные ему по газетным реляциям сражения, выигранные Бонапартом в Италии — под Монтенотте, у Миллезимо, Дего, Мондови, а затем битвы у Лоди, Кастильоне, Аркольское сражение, бой у Риволи, вплоть до мира в Пассариано близ деревни Кампоформио, при подписании которого 17 октября 1797 года Бонапарт вел себя так же дерзко, как и под огнем врага.

Когда австрийский представитель граф Кобенцель в ответ на требования французской стороны заявил, что его император скорее убежит из своей столицы, чем согласится на мир, по которому судьба Италии фактически оказывалась в руках Французской республики, Бонапарт встал и схватил с круглого столика поднос с маленьким чайным фарфоровым прибором, особенно любимым Кобенцелем, как подарок государыни Екатерины II. «Хорошо, — сказал Бонапарт, — перемирие, следовательно, прекращается и объявляется война! Но попомните, что до конца осени я разобью вашу монархию так же, как разбиваю этот фарфор!»

Он с размаху бросил поднос с фарфором о пол. Осколки покрыли паркет. Бонапарт поклонился собранию и вышел. Несколько секунд спустя уполномоченные Вены узнали, что, садясь в карету, Бонапарт отправил к эрцгерцогу австрийскому Карлу офицера с предупреждением, что переговоры прерваны и военные действия начнутся через двадцать четыре часа. Граф Кобенцель в испуге послал маркиза Галло с заявлением, что он принимает ультиматум Франции…

Ермолов хорошо знал о том, что против Французской республики и ее союзников готовится новая коалиция, куда вошли Австрия, Англия, Россия и Неаполитанское королевство, он мечтал на поле брани помериться силами с грозным и отважным противником. Быть может, Павел Петрович, прочтя его письмо, сменит гнев на милость? Но вот уже три месяца прошло с момента встречи с добрейшим Макаровым, а ничего не изменилось в судьбе несчастного узника, возможно, и позабытого в камере номер девять Алексеевского равелина.

Наконец, когда Ермолов потерял уже всякую надежду на перемену в своей судьбе, ему велено было одеться потеплее и готовиться к дальней дороге. Правду сказать, из убийственной камеры он с радостью отправился бы и в Сибирь. Арестанту вернули отобранное платье, белье, тщательно выстиранное, и принадлежавшие ему сто восемьдесят рублей денег.

В фельдъегере Алексей Петрович узнал турка, окрещенного и облагодетельствованного дядею его отца. Курьер этот хранил молчание, а из его подорожной место ссылки нельзя было узнать. Но когда фельдъегерь понял, что повезет родственника своего благодетеля, то рассказал Ермолову все, что знал. Ему было приказано передать арестанта костромскому губернатору Николаю Ивановичу Кочетову для дальнейшей отсылки на вечное поселение в леса Макарьева на реке Унже.

Выйдя из каземата, Ермолов обломком мела начертал над входом: «Свободен от постоя».

9

Как улыбку судьбы, как первое радостное предзнаменование воспринял Алексей Петрович то, что сын костромского губернатора оказался его сотоварищем по московскому университетскому пансиону. Кочетов, тронутый просьбой сына, написал в Петербург о том, что для лучшего наблюдения за присланным государственным преступником он предпочел его оставить в Костроме. Это распоряжение было одобрено императором.

Ермолов поселился в доме губернского прокурора.

А вскоре его соседом стал и другой ссыльный — знаменитый уже казачий генерал Платов.

— А, кавказец! И ты здесь? — добродушно захохотал при встрече смуглолицый сорокасемилетний генерал. — За что это тебя угораздило?

Платов за многочисленные боевые подвиги был уже украшен знаками

св. Анны 1-й степени, Владимира 2-й степени, Георгия 3-го класса. Побывав во множестве смертельных переделок, он воспринимал ссылку свою в Кострому как отправку на отдых.

— Не могу даже и уразуметь, Матвей Иванович, за что, — отвечал осторожно Ермолов, уже наученный горьким опытом в губительной откровенности.

— Ну а со мной, брат, такая вот история приключилась, — стал рассказывать Платов своему товарищу по несчастью. — Государь наш разгневался как-то на генерал-майора Трегубова, князя Алексея Ивановича Горчакова да на меня и приказал посадить всех нас на главную дворцовую гауптвахту. Сидим это мы там уже около трех месяцев, дуемся в фараон и скучаем. И вот тебе вещий сон: чудится мне ночью, будто я закинул в Дон невод и вытащил тяжелый груз. Гляжу, что за чудо — а там моя сабля. От сырости вся ржою покрыта… И не выходит этот сон у меня из головы. Не проходит и двух дней, как является генерал-адъютант Ратьков…

— Любимец императора? — не удержался Ермолов.

— Именно. Будучи бедным штаб-офицером, он случайно узнал о кончине блаженной и приснопамятной государыни нашей Екатерины Алексеевны и тотчас поскакал с известием о том в Гатчину. И хоть встретил Павла Петровича на половине дороги, поспешил поздравить с восшествием на престол. Наградами его усердия была анненская лента, звание генерал-адъютанта и тысяча душ…

«О, гатчинский сверчок, Бутов подлипало», — подумал Ермолов, а Платову только сказал:

— Вряд ли человек, столь быстрый в придворном усердии, может оказаться благородным!

— Угадал про подлеца! — воскликнул Платов, прибавив крепкое народное словцо. — Так вот, этот Ратьков возвратил мне по повелению императора мою саблю. Я, вспомнив свой сон, вынул ее из ножен, обтер о мундир свой со словами: «Она еще не заржавела, теперь она меня оправдает…» Презренный Ратьков увидел в этом — что ты думаешь? —

намерение мое бунтовать казаков против правительства, о чем и донес государю. И вот я здесь!..

Они часто гуляли вместе — два великана, молодой и подстарок, — по славному городу Костроме, переходили по льду на правый берег Волги, где на холме некогда стоял укрепленный Городище, разрушенный полчищами Батыя, любовались Успенским собором XIII века и величественным собором Богоявленского монастыря, хаживали не раз в знаменитый Ипатьевский монастырь.

Святое для каждого россиянина место, усыпальница Ивана Сусанина, Ипатьевский монастырь, было в полуверсте от города, на другой стороне реки Костромы, впадающей в Волгу. Еще издали видны были его каменные зубчатые стены и башни, из которых самая высокая, названная по цвету крыши Зеленой, служила прекрасным местом для обзора города и его окрестностей.

Заговорившись, Ермолов с Платовым простояли однажды тут до самого вечера. Небо вызвездило, февральский воздух был сух и чист. Казачий генерал изумлял Ермолова своими практическими сведениями в астрономии. Не зная греческих наименований, которые превосходно помнил Алексей Петрович, Платов указывал ему на различные звезды небосклона, приговаривая при этом:

— Вон Сердце Льва, вон Семизвездие… Вот эта звезда находится над поворотом Волги к югу… А вот та — над Кавказом, куда мы с тобой завтра бы бежали отсель, ежели бы не было у меня так много детей… Эта же, которая стоит правее Коромысла, находится над тем местом, откуда я еще мальчишкою гонял свиней на ярмарку…

Когда они возвращались, возле терема Романовых, в котором укрывался государь Михаил Федорович в годину польского нашествия, Платов остановился и вдруг предложил:

— Алексей Петрович, люб ты мне! Всем вышел: и умом, и статью, и храбростью. Слушай, женись-ка на любой из четырех моих дочерей. Женишься — назначу тебя командиром Атаманского казачьего полка!..

Пораженный, Ермолов только и мог ответить:

— Как же ты, Матвей Иванович, предлагаешь мне жениться, даже не испросив на это мнения дочерей своих?..

Адиатур эт альтера парс — надобно выслушать и другую сторону.

Ермолов все больше и больше увлекался латынью. Прибывший с ним в Кострому денщик будил его с петухами, и Алексей Петрович отправлялся к знатоку древнего языка, соборному протоиерею и ключарю Груздеву. Скоро он уже свободно читал в подлиннике римских авторов — Юлия Цезаря, Тита Ливия, любимейшего своего писателя Тацита, многотомные его сочинения «Истории» и «Анналы». В рассуждениях Тацита, у которого в истории не было правых и неправых, черпал Ермолов стоическую покорность судьбе.

Однако неуемная энергия и жажда деятельности, тоска по любимому делу точили и грызли Ермолова день и ночь.

Мало с кем можно было и поделиться: многие его друзья были арестованы и находились в ссылке, а некоторые отреклись от него. Лишь немногие — и среди них верный Огранович — продолжали с Алексеем Петровичем небезопасную переписку. От Ограновича Ермолов узнал о поспешном вызове Павлом I Суворова из далекого Кончанского и назначении его главнокомандующим союзной армией в Италии против французов.

Как переживал, как страдал опальный подполковник из-за невозможности участвовать в кампании? И изливал наболевшее на душе Платову, к которому все более привязывался:

— Только в одном судьба возбуждает мои сетования!

Батальон артиллерийский, которому я принадлежал, находится ныне в Италии, в армии, предводимой славным Суворовым! Товарищи мои участвуют в подвигах русских войск!

Многим Суворов открыл быструю карьеру. Неужто бы укрылись от него моя добрая воля, кипящая, пламенная решительность, не знающая опасностей!..

— Эх, милый! — ответил тогда казачий генерал. — Мне скоро пятьдесят, я сив и изранен. И то еще думаю, что мое главное не позади, а впереди.

Твое же и вовсе… Не торопись, успеется…

«Чьи слова повторил Матвей Иванович? — подумалось Ермолову. — Ах, да то же самое сказал некогда мне генерал Булгаков, когда просился я к Бакунину, в его несчастное дело!..»

Да, покоряйся судьбе! Как это говорится у незабвенного Вергилия?

Мчитесь, благие века! — сказали своим веретенам С твердою волей судеб извечно согласные Парки…

Здесь, в Костроме, они с Платовым жадно набрасывались на газеты, получаемые губернатором Кочетовым и прокурором Новиковым, где освещался ход Итальянской кампании, ставшей триумфом Суворова и его чудо-богатырей. Падение крепости Брешиа, победа над армией Шерера и Моро при Адде, трехдневный бой на берегах Тидоне и Треббии, завершившийся разгромом армии Макдональда, покорение сильнейшей в Северной Италии крепости Мантуи, наконец, успех при Нови — в сражении с войском Жубера, — великий русский полководец в сказочно короткий срок лишил французов всех завоеваний, какие были достигнуты под водительством Бонапарта. Вместе со всей Россией Ермолов восхищался славными викториями Суворова.

Между тем столь скрашивавший его пребывание в ссылке Матвей Иванович Платов по высочайшему повелению был вызван в Петербург. Ему объявили о прощении и желании Павла Петровича видеть его назавтра в Зимнем дворце. Но так как было это поздно вечером, то Платова отвезли на ночь в Петропавловскую крепость, где он оказался в одной камере с давним недругом своим, казачьим генералом и графом Федором Петровичем Денисовым. Поутру, за неимением собственного мундира, Платов надел для приема у государя мундир соседа.

Император был весьма милостив к Платову, получившему повеление немедля следовать во главе казачьего войска через Оренбург в Индию.

О Ермолове же, как и о его опальных друзьях по кружку в Смоляничах, не вспоминал никто. Впрочем, нет, в далекой Италии фельдмаршал Суворов пытался смягчить .участь своего любимца Каховского. Пользуясь расположением императора, он просил через фаворита Павла — генерал-

адъютанта Растопчина исходатайствовать прощение бывшему своему соратнику. Тот отвечал, что, по мнению государя, «простить Каховского еще рано»…

Постепенно Алексей Петрович начал свыкаться со своим положением. Поведение его не вызывало никаких подозрений. Губернатор в своих ежемесячных донесениях сообщал о том, что поднадзорный ведет себя тихо и скромно. Ермолов до тех пор не только не был набожным, но и позволял себе в «канальском цехе» вольнодумные рассуждения в духе Вольтера и Гельвеция. Теперь же он каждое воскресенье являлся в церковь, после чего добродушный Кочетов писал в Петербург о том, что «преступник кается»…

После отъезда Платова Ермолов перебрался в скромную квартиру мещан-бобылей, на высоком берегу Волги. Здесь он мог усерднее отдаться любимой латыни, здесь подружился с пригожей костромитянкой. В зимнее время Ермолов возил на салазках для своей старушки хозяйки, которая любила его, как сына, воду в ушате или кадке с реки. Иногда присаживался на салазки мальчуган, внучек хозяйки.

Весело мчал он салазки вверх по обледенелой горе, встречаемый старичком мещанином, благоговейно скидывающим перед ним шапку, и хозяйкой, приветствующей его у ворот дома. А пригожая молодайка, с полными ведрами на коромысле, шла к своему крыльцу, посылая офицеру приветствие рукой.

Губернские балы и вечера были в тягость Алексею Петровичу. Что ожидало его там? Жеманные барышни, вздыхающие о женихах, чиновники, стремящиеся поскорее напиться, и их жены, живущие сплетнями да пересудами. Поэтому, когда в один из погожих летних дней губернский прокурор пригласил опального офицера к себе на обед, Ермолов осторожно ответил:

— Не знаю, трафится ли мне быть у вас…

— Алексей Петрович, голубчик, — уговаривал его тучпый прокурор, — мы все ожидаем знаменитого монаха Авеля, который отбывает в Петербург…

— Какой-нибудь пустосвят? — насмешливо сказал Ермолов.

— Прорицатель и ясновидец! Предсказал день и час кончины государыни нашей Екатерины Алексеевны, за что и поплатился ссылкой. А теперь хоть и неохотно пускается в разгласку, но говорит слова вещие и собирается припасть к стопам самого государя-императора с новыми предсказаниями…

«Кто знает, может быть, этот Авель всего лишь приманка прокурора для четырех его дочек на выданье, таких же безобразных, как и их батюшка?..» — подумал Алексей Петрович, но в назначенный час пришел.

Над столом раздавалось чокание рюмок. Местный пиит читал несуразную оду, воспевая кротость императора Павла. Прокурор положил себе на тарелку третьего молочного поросенка. «Ухватистый, однако, у него живот!» — восхитился Ермолов, скучавший в ожидании ясновидца.

Наконец гости были приглашены в гостиную, где уже находился монах.

Худой, с выпученными глазами и крючковатым носом Авель был в черной скуфейке и обычной долгополой рясе.

«Пучеглаз, точно сирин ночной», — усмехнулся Ермолов, но, встретив его взгляд, невольно вздрогнул. Круглые глаза Авеля были без ресниц, и черная зеница вовсе не имела радужной перепонки. Две страшные прорешки в упор глядели на Алексея Петровича и, казалось, прожигали насквозь. «Тьфу, чертовщина какая!..» — пробовал Ермолов успокоить себя, по взора от страшного монаха отвести сразу не мог.

Он удивился тому, что прочие гости и сам хозяин без всякого трепета относились к Авелю и вполуха слушали, что он своим тихим низким голосом обещал России:

— Вижу: тьма бысть по всей земле и облака огнезарны… Тринадцати лет не пройдет, как великое бедствие опустошит поля и обратит домы в прах…

Монах прорицал, а толпа вокруг него редела, распадалась. Чиновники вернулись к столам, дамы ушли за прокуроршей, а ее супруг, переваливаясь супоросой свиньей, засеменил к зеленому сукну, за штос.

— Откуда у вас эта вера в то, что вы можете видеть будущее? — уже без насмешки в голосе спросил Ермолов у монаха.

Авель вперил в него снова свой тяжелый и неподвижный взгляд и после долгой паузы тихо сказал:

— И у тебя есть это редчайшее свойство. Ты тоже способен угадать чужую судьбу. Только не знаешь этого про самого себя.

Ермолов вдруг и впрямь вспомнил несколько странных случаев. Нет, он не предугадывал судеб. Но сколько раз предчувствие не подводило его!..

Перед уходом монах сказал:

— И вот тебе на прощание две загадки: лето тебя напугает, а весна ослобонит. И еще одно запомни: берегись бед, пока их нет…

Через несколько дней поутру Алексей Петрович отправился в дальнюю прогулку.

Невелика Кострома, вот уже и застава. Сперва Ермолов шел пыльной дорогой, вдоль которой росли лишь подорожник да ярушка пастушья. Начался ельник, стало прохладнее, запахло прелью, грибной сыростью. Затем пошел веселый, прошитый солнышком смешанный лес. Ермолов продрался через кусты волчьего лыка и оказался на большой лужайке. Здесь было белым-бело. «Видно, лебеди пролетели, садились тут, — догадался он. — Сколько же пуху! Как снег лег…»

Алексей Петрович шел, чувствуя приятную расслабленность. Он припоминал травы, знакомые по детству на Орловщине, повторял полузабытые названия: «Вон земляной ладан, вон бабьи зубы, или укивец, вот баранья трава, или частуха, а вот гроб-трава, или барвинец…» В конце лужайки стеной вставал синий лес. «Кажется, я нашел тенистое место», — подумалось ему, уже приуставшему от долгой ходьбы.

Под ногами хрупали желтые, зеленые, бордовые, красные, вишневые, лиловые сыроеги. Ермолов углубился в чащу, словно в темную комнату вошел. Тут было глухое, росистое место, заросшее пасленом, или волчьими ягодами.

В самой низине, под прошлогодними листьями, белел человечий остов.

Привыкший видеть смерть, Алексей Петрович вдруг ощутил охватившую его тревогу. «Неужто я становлюсь суевером?» — спросил он себя и поднялся по скату, меж поредевших деревьев. Вновь засветило солнце.

Ермолов сел на трухлявый пень, рассеянно глядя, как по сапогам побежали мелкие истемна-красные мураши. Стояла тишина, только где-то неподалеку стучал дятел. Алексей Петрович думал о несчастной своей судьбе, ратных делах, своих товарищах, сражающихся в Италии. «Армия мне и мать, и жена, и невеста. Я не святоша и не ханжа. И у меня есть зазноба. Да ведь юн всяк бывал и в грехе живал…» Но другая сила навсегда полонила его. «Кто отведал хмельного напитка воинской славы, — повторял себе Алексей Петрович, — тому уже и любовный напиток кажется пресным…»

Он услышал урчание и поднял голову. Огромный медведь стоял, как человек, вглядываясь в непрошеного гостя маленькими умными глазками. Ермолов сидел недвижно и только подумал: «Аи да монах! Одна загадка разгадана».

Медведь был старый, с сивизной и плешинами, острая морда его — вся в пересадинах и рубцах. «Знать, уже встречался с лихими людьми», — пронеслось в голове Ермолова, Оставаясь на месте, он в упор смотрел прямо в глаза зверя, и тот не выдержал, отвернул морду, поурчал-поурчал да и поворотил в чащу…

Дома Ермолова ожидала новость. «Не сбывается ли вторая загадка Авеля?» — радостно подумал он, разрывая конверт от старого приятеля, правителя дел инспектора артиллерии майора Казадаева. Казадаев приходился свояком бывшему брадобрею Павла графу Кугайсову, приобретшему при дворе сильную власть. Он умолял Алексея Петровича немедля написать жалобное письмо на имя фаворита, обещая, что сам изберет благоприятную минуту доложить о том и может наперед поздравить узника со свободой.

Подполковник еще раз перечитал письмо. «Нет, — горько усмехнулся он, — уж лучше я до скончания дней своих останусь в этой губернской дыре без дела, без пользы, без волнений — разве что еще раз встречу

медведя-балахрыста, — но никогда не пойду на низость и угодничество!» Ермолов даже не ответил приятелю на письмо и тем обрек себя на заточение, могущее быть весьма продолжительным.

Судьба его, как и нескольких тысяч прочих арестованных и сосланных Павлом, решилась в ночь на 12 марта 1801 года, когда полсотни заговорщиков ворвались в резиденцию императора — Михайловский замок. В их числе были все три брата Зубовы, один из которых — зять Суворова, Николай, — ударил Павла тяжелой золотой табакеркой в висок, после чего его задушили офицерским шарфом.

На трон взошел старший сын императора Александр, уже на другой день даровавший свободу всем узникам, в том числе Ермолову и Каховскому.

10

Можно сказать, что из Костромы Ермолов вернулся другим человеком. Нет, как и прежде, он был добр, великодушен, отечески заботлив и справедлив к солдату, пылок и безмерно храбр в бою. Однако арест, заточение в Алексеевском равелине и ссылка наложили сильный отпечаток на самое его личность и всю дальнейшую жизнь. Несчастье научило его быть крайне осторожным и скрытным, беречься бед, пока их нет. Отныне в его характере появились новые черты: подозрительность, мнительность, неоткровенность в намерениях и даже лукавство.

Так как причиной гонений послужили письма Каховскому, найденные в Смоляничах, Алексей Петрович до самой смерти нерушимо соблюдал правило: не хранить никаких важных бумаг. По почте посылал он лишь самые безобидные письма, а более ответственную переписку вел только через особо доверенных людей. И лишь самым близким — отцу или Денису Давыдову — доверял Ермолов уничтожение своих писем, напоминая им об этом; от прочих же требовал возвращать их и сжигал сам, причем вел точный учет отправленной корреспонденции.

Много лет спустя, находясь в отставке, Алексей Петрович сказал

навещавшему его А. С. Фигнеру, племяннику знаменитого партизана в Отечественной войне 1812 года:

«Если бы Павел не засадил меня в крепость, то я, может быть, давно уже не существовал бы и в настоящую минуту не беседовал с тобою. С моею бурною, кипучею натурой вряд ли мне удалось бы совладать с собой, если бы в ранней молодости мне не был дан жестокий урок. Во время моего заключения, когда я слышал над своей головою плескавшиеся невские волны, я научился размышлять».

Ермолов прямо намекал здесь на то, что не пройди он карательных мер Павла, то не удержался бы от открытого участия в революционных событиях декабря 1825 года…

ЧАСТЬ 2

Глава первая. БУТОВ СКОТ

1

Санкт-Петербург ликовал. Чиновники канцелярий, гвардейские и гарнизонные офицеры, наехавшие из медвежьих углов помещики, дамы всех возрастов и положений при встрече христосовались, словно на святую пасху, поздравляя друг друга с восшествием кроткого молодого императора и мысленно благодаря судьбу за уход из жизни императора прежнего. Покойный государь не только подверг лишению свободы многих их ближних, по и с мелочной тиранией требовал соблюдения

предписанных им правил, которые день ото дня становились все суровее. Так, в конце сентября 1800 года военный губернатор Свечин получил повеление объявить к исполнению под угрозою тяжких наказаний следующие приказы императора.

Запрещение являться на маскарад без масок, носить фраки и жилеты, башмаки с бантами и низкие сапоги, а также высокие галстуки. Портным запрещалась под страхом наказания обработка невымоченного сукна, а лакеям и кучерам — ношение перьев. Запрещение носить шубы всем состоящим на службе и отставным офицерам. Запрещение танцевать вальс. Дамам воспрещается надевать через плечо пестрые ленты, похожие на орденские. Молодые люди должны всюду снимать шляпу перед старшими. Воспрещается, ношение коротких локонов. Маленькие дети не должны появляться на улице без надзора. Цветочные горшки могут стоять на окнах только за решеткой. Никто не должен носить бакенбарды. Запрещаются цветные воротники и обшлага. В театрах должны соблюдаться тишина и порядок. Кучера и форейторы не должны кричать при езде. Все ремесленники должны соблюдать срок, если берут заказ. Женщинам запрещено носить синие юбки с белыми блузками и открытым воротом. Каждый отъезжающий должен быть три раза назван в газетах.

Весна 1801 года превратила объявленный годовой траур в праздник. Офицеры, не дожидаясь распоряжений, снимали ненавистные букли и косы; появились запрещенные русские экипажи, мундиры, костюмы; частные дома и гостиницы заполнились приезжими — отставленными от службы Павлом I генералами, офицерами и гражданскими чинами.

Все толковали о близких реформах и с надеждою ожидали милостей, наград и хороших мест от Александра Павловича, казалось, воротившего добрый «бабушкин век».

В числе ищущих службы приехал в Петербург и Ермолов. Радость обретенной свободы понуждала молчать в его душе все другие чувства. Он жил одной мыслью — посвятить всего себя России и новому государю. Однако прошло уже около двух месяцев, как он, остановившись у

Александра Каховского на Галерной, ежедневно являлся в Военную коллегию. В главной канцелярии артиллерии и фортификации с большим трудом был отыскан его формуляр с записью о прохождении службы. Несмотря на то что Ермолов был боевым офицером, кавалером орденов св. Георгия и св. Владимира, отлично себя показавшим в двух кампаниях, он никак не мог получить должность, так как не имел известности на разводах и парадах, которые сделались в царствование Павла I главной школой для выдвижения…

Погожей майской порой Ермолов возвращался на простой коляске набившим оскомину путем из Военной коллегии на Галерную, к брату, имея на козлах вместо кучера верного Федула — Ксенофонта. Две глубокие морщины, идущие от крыльев крупного носа, прорезали его лицо; в темных глазах затаилась спокойная печаль и непреклонность в борении с судьбой; седая прядь — память об Алексеевском равелине — резко выделялась в густых темных волосах.

«Когда же свершится справедливость? И свершится ли? — мрачно думал Алексей Петрович. — Ведь многие из тех, кто начинал со мной службу, скакнули высоко вверх, пока я горемыкою сидел в далекой Костроме…»

Коляска, стуча железным ободом колеса по булыжнику, остановилась перед скромным домом Каховского. Ермолов нетерпеливо соскочил с нее и, махнув Федулу — загоняй в каретный сарай! — взбежал по лестнице.

В полутемной зале перед венецианским зеркалом очень низкорослый юноша, кудрявый, курносый, с редкими усиками, с неудовольствием глядя на свое отражение, то подымался на цыпочки, то опускался на пятки. Догадавшись, что это его двоюродный брат Денис, сын Василия Денисовича Давыдова, приехавший в Петербург с надеждою стать кавалергардом, Ермолов не мог сдержать добродушного смеха:

— Нет, дружок, так не подрастешь, сколь себя ни вытягивай! Напрасный труд…

Юноша сверкнул на него быстрыми глазками из-под густых черных бровей и сжал кулаки:

— Я не позволю над собой смеяться, сударь!..

— Надеюсь, Денис, ты не будешь требовать сатисфакции у своего брата! — В залу, улыбаясь, вошел Каховский.

Он очень изменился за время заточения в Динамюндской крепости, побледнел, кашлял, жаловался на боли в груди. Павел Петрович не только лишил Каховского здоровья, но и подорвал его состояние: по приказу императора село Смоляничи, с библиотекой и физическим кабинетом, было продано с публичного торга, причем каждый том и каждый инструмент продавались порознь; Линденер присвоил из вырученной суммы двадцать тысяч рублей, а смоленский губернатор Тредьяковский — пятнадцать…

— Мира, мира прошу, Денис! — Ермолов протянул крупную руку юноше. — Отличай, как учили древние римляне, дружескую шутку от злобной сатиры…

Отвечая на рукопожатие, тот от смущения зарделся, смуглое лицо залил вишневый румянец.

— Я, право, не знал… — пробормотал он. — Так давно хотел познакомиться, столько наслышан…

— Ну вот и прекрасно, — обнял Каховский за плечи Дениса. — А теперь, господа, прошу к столу, нас ждет обед.

За кушаньями Ермолов, желая ободрить юношу, обо многом рассказывал — вспоминал походы в Польшу, стычки с французами в Италии, военные приключения на Кавказе; не касался он только несчастных лет своих, проведенных в ссылке. Денис Давыдов глядел на него влюбленными глазами. Едва семнадцатилетний, он видел в двоюродном брате идеал воина и горел желанием поскорее надеть мундир.

— Что ж, брат, — выслушав после обеда его исповедь, посоветовал Ермолов, — коли решился — будь настойчивее в достижении цели. Помни завет Горация: карпе дием — лови день!..

Теперь утрами оба они отправлялись по канцеляриям, добиваясь службы.

9 июня 1801 года о Ермолове было доложено государю Александру Павловичу. С трудом получил он роту конной артиллерии.

Впрочем, назначение командиром конноартиллерийской роты, последовавшее после хлопот майора Казадаева, было весьма лестным. В те поры в России существовал лишь единственный конный артиллерийский батальон, состоявший из пяти рот и расквартированный в Виленской губернии.

Военного губернатора и начальника Литовской инспекции Леонтия Леонтьевича Беннигсена Ермолов хорошо знал еще по польскому и персидскому походам. Поэтому он охотно стал готовиться к отъезду.

В один из погожих сентябрьских дней в гостиную Каховского бурей ворвался Денис Давыдов. Его смуглые щеки пылали, глаза двумя звездочками сверкали из-под красивых густых бровей.

— Принят! Принят, братцы! — восторженно закричал он еще с порога Ермолову и Каховскому. — Отныне я эстандартюнкер кавалергардского полка! И какое совпадение, господа! Возвращаясь сюда, я встретил у Летнего сада — вы никогда не догадаетесь кого! — нашего государя-императора!

Он шел один, без свиты, и я не могу удержать себя, чтобы вместе с прочими его подданными не прокричать ему троекратное «ура!». Нет, господа, это не человек, это божество!.

Ермолов ничего не ответил на это, а Каховский, улыбаясь одними глазами и сочувствуя юношеской радости Дениса, только сказал:

— Ну что ж, Денис, дай бог, чтоб слова твои оказались вещими… Дай-то бог…

2

Император Александр Павлович остался в памяти многих, близко знавших его, чем-то вроде сфинкса или даже двуликого Януса. И это не случайно. Судьба поставила его сызмальства между бабкою и отцом как предмет ревности и спора. Когда Александр родился, Екатерина II взяла его у родителей на свое попечение и сама занялась его воспитанием,

называя: «Мой Александр», восхищаясь красотой, здоровьем и добрым характером ласкового и веселого ребенка.

Выросши бабкиным любимцем, Александр не мог уйти и от влияния родителей. Он видел, какая бездна разделяет большой двор Екатерины II и скромный гатчинский круг его отца. Чувствуя на себе любовь и бабки, и Павла, Александр привык делать светлое лицо и там, и тут. У бабки, при большом дворе, он умел казаться любящим внуком, а переезжая в Гатчину, принимал вид сочувствующего сына.

Неизбежная привычка к двуличию и притворству была последствием этого трудного положения и отразилась на всем облике нового императора и характере его царствования. Либеральный романтизм, воспитанный швейцарцем Легарпом, и скрытый, а затем все более явный мистицизм, освободительные устремления и реакция, мечты о «лучшем образце революции» и военные поселения с неоправданной жестокостью их учреждения и порядков, стремление управлять с помощью екатерининских вельмож, а советоваться с «интимным комитетом», состоящим из друзей-ровесников, — все это подтверждает сложность и изломанность натуры Александра Павловича. Опираясь на людей «бабушкина века», он жестоко и насмешливо критиковал екатерининский двор и презирал его придворных; искореняя порядки, введенные отцом, новый царь был не прочь кое-что (и немалое) оставить в силе. Это было заметно на примере одного из самых близких людей прежнего Павла — графа Алексея Андреевича Аракчеева.

Едва вступив на престол, Павел вызвал Аракчеева из Гатчины и сказал ему: «Смотри, Алексей Андреевич, служи мне верно, как и прежде. — И тут же соединил его руку с рукой великого князя Александра: — Будьте навек друзьями…»

Наследовав трон отца, Александр не позабыл его наставлений.

На Аракчеева посыпались новые милости: инспектор всей артиллерии с 1803 года, он стал в 1808 году военным министром и независимо от этой должности генерал-инспектором всей пехоты. Войскам было приказано отдавать Аракчееву почести и в местах «высочайшего пребывания», то

есть в присутствии государя. Однако он оставался верен прежним прусским порядкам, насаждал палочную дисциплину, следовал методам полицейского деспотизма, возведенного в ранг внутренней государственной политики.

Как инспектор артиллерии, Аракчеев был прямым высшим начальником подполковника Ермолова.

3

Рота конной артиллерии 8-го артиллерийского полка, сделав двадцативосьмиверстный переход по грязной, раскисшей дороге, подходила к Вильно.

Славный город, древняя столица великого княжества Литовского, помнящий Гедимина, он подымался из живописной долины, окруженной зелеными высотами. Ермолов уже различал знакомые старинные сооружения — здание арсенала на отдельном холме, громаду иезуитской церкви, собор святого Станислава, построенный в XIV веке, массивное здание Виленского университета… Здесь, в этом приятном городе, провел он два года своей жизни, здесь служба льстила его честолюбию и составляла главнейшее упражнение, которому покорены были все прочие страсти.

Правда, кипучая натура Ермолова не могла долго мириться с однообразными армейскими буднями. В мыслях и мечтах, не имея ничего определенного, он метался из стороны в сторону. То хотел перейти в инженеры и сопровождать генерала Анрепа в его экспедиции на Ионические острова, то хлопотал о переходе в казаки. Словом, стремился попасть туда, где была возможность совершить какой-нибудь подвиг. Честолюбие и бьющие через край силы требовали невозможного…

Как-то третью неделю подряд видел он один и тот же сон. Будто попадает в конную артиллерию под маскою достойного офицера, нужного для исправления оной, а там две роты, и вот уже он начальствует над

ними в звании фельдцейхмейстера. Стать им помогает Ермолову донской атаман Платов…

Отгоняя наваждение, Ермолов покачал шляпою с черным султаном из петушьих перьев. «И то сказать, — подумал он, — страшная охота испытать вес роды службы, на каждом шагу встретиться с счастьем и, вопреки самому себе, может быть, ни на одном этим счастьем не воспользоваться!»

Впрочем, не грех ли роптать на судьбу с такими молодцами, как его артиллеристы?! Исполненный усердия и доброй воли, Ермолов быстро приобрел у товарищей и начальства репутацию знающего, исполнительного и честного офицера.

Здесь нашел он в своей роте неутомимого и жизнерадостного Горского, который в числе всех унтер-офицеров, участвовавших в беспримерном Альпийском походе Суворова, приказом покойного императора был произведен в офицеры…

Мирное время продлило пребывание Ермолова в Вильно до 1804 года. Праздность, избыток сил, телесная красота и темперамент давали место наклонностям молодости. Улыбка тронула молодые губы подполковника, выделившего в надвигавшейся массе домов один, некогда дорогой по памятным встречам.

«И вашу, прелестные женщины, испытал я очаровательную силу, — прошептал он, — вам обязан многими в жизни приятными минутами…»

— Господин подполковник! Его сиятельство граф Аракчеев ожидает прибытия вверенной вам роты на плацу перед арсеналом! — вывел его из задумчивости знакомый голос.

«Не берет его время, все такой же, — с невольным восхищением подумал, глядя на Горского, Ермолов. — Свежий цвет в лице, глаза веселые, молодые. Сам быстр, ловок…

Только мундир теперь на нем офицерский, да на мундире солдатские медали за швейцарский поход…»

— Все ли в порядке, Степан Харитонович? Как ты находишь? — не по-уставному, дружески осведомился Ермолов у дежурного по роте, хотя сам

причин для беспокойства не находил никаких.

— Больных и отставших нет… Артиллерийский парк в отличном состоянии… Лошади в переходе показали хорошую выносливость, только упряжные изнурены, — доложил Горский, не отнимая правой руки от козырька блестящей медью каски с густым черным султаном.

«Да, его сиятельству графу Алексею Андреевичу и на этот раз вроде бы не к чему придраться, — подумал Ермолов, оглядывая бодрые, румяные лица батарейцев и ездовых. — У меня рота в хорошем порядке, офицеры и солдаты отличные, и я ими любим. Материальная часть и амуниция содержится прекрасно. Сам молодой император, проезжавший через Вильно, смотрел ее и остался исключительно доволен. Он изволил объявить мне благоволение лично, говорил со мною и два раза повторил: „Очень доволен как скорою пальбою, так и проворством движения…“ Батальоном же, которым командовал начальник мой Капцевич, был недоволен, как все единогласно подтверждали. Мое учение изволил смотреть около полутора часов, а его — и четверти меньше. Но так как я под его начальством, то мне — ничего, хоть государь и после изволил отозваться о конной артиллерии милостиво…»

Впрочем, на что надеяться, когда сам инспектор артиллерии задался, кажется, целью держать Ермолова в полной немилости и преследовании! В чине Аракчеев сделал ему нарочитую преграду: как только подходило по старшинству Ермолову звание полковника, граф Алексей Андреевич переводил в полевую артиллерию либо отставных, либо престарелых и неспособных подполковников, которым и доставался искомый чин. Аракчеев чаще, чем прочие части, заставлял роту Ермолова менять место дислокации. В короткое время ей были назначены квартиры в Либаве, Виндаве, Гродно и Кременце на Волыни. Алексей Петрович вел жизнь кочевую и должен был прилагать особливые усилия, чтобы сохранить образцовую дисциплину и порядок в роте…

Наконец устав от преследований и несправедливости, он решился на отчаянный шаг. Во время одного из смотров роты инспектором конной артиллерии генерал-майором Богдановым, под начальством которого

Ермолов проделал персидский поход и который ценил и выделял его, подполковник подал рапорт с прошением об отставке. Ссылаясь на то, ч го он единственный сын у престарелого отца, состояние которого вконец расстроено, Алексей Петрович просил разрешить ему покинуть службу, а для ускорения дела не только не желал воспользоваться полагающимся при увольнении следующим чином, но, будучи семь лет подполковником, просил отставить его майором. Богданов долго просил его взять обратно необычный рапорт, называя его безумным, но упрямый Ермолов настоял на том, чтобы бумага была передана Аракчееву. Всесильный временщик написал тогда ему собственноручно весьма ласковое письмо, изъявлял желание, чтобы Ермолов остался служить.

…Граф Алексей Андреевич был явно не в духе и даже не дождался конца рапорта.

— Я посмотрю, какой у тебя порядок, гог-магог! Все вы горазды только умные бумаги писать! ~ закричал он и пустил свою серую, в яблоках, лошадь вдоль строя артиллерийской роты.

Солдаты каменели, видя начальника, который на дворцовых разводах при Павле I рвал усы у гренадер, бил без различия — простых солдат и юнкеров нововведенной форменной палкой, а при нынешнем государе за малую провинность отправлял сквозь строй. Ермолов ехал за Аракчеевым в многолюдной свите. По тому, как светлели лица генералов — инспектора конной артиллерии Богданова и виленского губернатора Беннигсена, дружески относившихся к Ермолову, он понимал, что и для самого строгого глаза состояние роты образцовое, комар носа не подточит.

Придирчиво осмотрев артиллеристов, пушки, лошадей, Аракчеев повернул к Ермолову свое крупное, пористое, почти прямоугольное лицо, на котором жили, кажется, только большие, лошадиные, желваки, ходившие под кожей.

— Извольте, господин подполковник, — крикнул он, — занять огневые позиции на той вон высоте, за арсеналом!..

«Увидел, что лошади устали, и решил взять не мытьем, так катаньем! —

сдерживая накипающее раздражение, думал Ермолов, отдавая слова команды. — Нет, Бутов „клоп"!

Ты меня так просто не скушаешь!..»

Быстро перестроившись в походную колонну, рота поднялась на холм и развернулась в боевые порядки. Аракчеев со всей свитой поднялся следом. Он вновь оглядел батарейцев, застывших у своих орудий, распряженных, вконец измученных лошадей, ездовых и строго обратился к командиру:

— Так ли, гог-магог, поставлены пушки на случай наступления неприятеля?

— Я имел лишь в виду, — сумрачно ответил Ермолов, чувствуя, что вот-вот вспылит, — доказать вашему сиятельству, как выносливы лошади мои, которые крайне утомлены…

— Хорошо! — закивал большой головой Аракчеев, назидательно обращаясь к свите: — Содержание лошадей в артиллерии весьма важно!

В крайнем раздражении, глядя прямо в пустые, холодные глаза графа, Ермолов сказал, отчеканивая каждое слово:

— Жаль, ваше сиятельство, что в артиллерии репутация офицера часто зависит от скотов.

Лицо Аракчеева передернуло; лошадиные желваки еще скорее забегали под кожей. Не найдя, что ответить, он повернул коня и что было мочи поскакал в город. За ним помчались генералы и офицеры свиты, из которых кое-кто не мог удержаться и на полном скаку прыскал себе в кулак.

4

Резкий ответ Ермолова всесильному временщику в бесчисленных вариантах стал известен солдатской массе. Очень скоро, однако, полковник почувствовал всю тяжесть начальнического гнева. Аракчеев пуще прежнего мстил ему и преследовал его. «Мне остается, —

жаловался Алексей Петрович Казадаеву, — или выйти в отставку, или ожидать войны, чтобы с конца своей шпаги добыть себе все мною потерянное».

А тем временем беспокойная обстановка в Европе все обострялась. Бонапарт принял титул императора и расширял свои владения, а в Англии к управлению делами вступило откровенно враждебное Франции правительство Питта.

Александр I по восшествии на престол примкнул к новой коалиции, которая была направлена против Наполеона. В состав ее помимо России вошли Австрия, Англия, Швеция и Неаполитанское королевство.

Русским войскам снова, как и в 1799 году, при Павле I, предстояло драться на различных концах Европейского континента. Часть их предназначалась для экспедиции к берегам Померании, другая — для высадки в Южной Италии, по главные силы направлялись на соединение с австрийскими войсками, которые должны были действовать в долине Дуная.

Были сформированы две армии. Подольская, силою в 50 000 человек, которая в августе 1805 года перешла русско-австрийскую границу и двинулась к Дунаю. Начальствование над нею вверено было опытному и мудрому генералу от инфантерии М.И.Голенищеву-Кутузову. Под его командой находилось несколько лучших генералов того времени — любимец Суворова, смелый и решительный Багратион, один из героев Итальянского и Швейцарского походов Милорадович, отважный Дохтуров. Другая армия, Волынская, также в 50000 человек, под начальством Ф.Ф.Буксгевдена, собиралась у Бреста.

Артиллерийская рота Ермолова входила в состав Подольской армии, уже выступившей за пределы России.

Глава вторая. ОТ АМШТЕТТЕНА ДО АУСТЕРЛИЦА

1

Конные артиллеристы находились в походе два месяца.

Приведя свою роту к центральному пункту сбора, Ермолов уже не застал армии и догонял ее ускоренными маршами, следуя через Польшу и Австрию. Радость от близости сражений, от возможности показать наконец себя опьяняла его.

Он испытывал сильнейшее возбуждение при одной мысли, что ему придется принять участие в столкновении с французами.

Придержав копя, Алексей Петрович придирчиво оглядел двигавшуюся по дороге, обсаженной с двух сторон деревьями, роту. Найдя подпоручика Горского, он глазами дал ему знак выехать из колонны.

— Ну-ка, друг Степан Харитонович, скоро припомнишь былое? Думаю, здесь будет пожарче, чем на полях италийских…

Соглашаясь, Горский поднял на Ермолова свое небольшое курносое лицо:

— Верно, Алексей Петрович… По и на Бонапарта управа найдется. Страшен сон, да милостив бог! Вот только надежда плохая на цесарцев-белокафтанников. Почти всю Италию да половину Европы в придачу Бонапарту уступили…

Ермолов оглядел его маленькую ладную фигуру, его небольшую крепкую лошадку: «Сам маштачок и сидит на маштаке. Стойкий солдат! На таких держится Россия, ее ратная слава…»

— Поскорее бы встретиться с этим чудом — Бонапартом да попробовать, что стоит он супротив нашей силы, когда запахнет жженым порохом, — с молодым азартом продолжал подполковник. — Что австрийцы! Они привыкли быть битыми. Пусть теперь посмотрят на нас, авось чему и поучатся…

Он обернулся на легкий нарастающий стук колес и увидел высокую карету цугом, шибкой рысью обгоняющую колонну артиллеристов. За нею верхами скакали несколько офицеров и казачий конвой.

Поравнявшись с Ермоловым, карета остановилась, мигом соскочивший с

лошади гвардейский офицер откинул дверцу, и подполковник увидел старческое пухлое лицо с орлиным носом, простой походный мундир с единственным крестом Георгия 2-й степени, расстегнутый на животе. «Кутузов!» — пронеслось у него в голове.

— Что за часть? — тихим, но вместе с тем далеко слышным и как будто недовольным голосом спросил главнокомандующий.

Ермолов, отдав приветствие, доложил:

— 2-я конноартиллерийская рота направляется на соединение с главными силами.

— Вижу, что артиллеристы, — мягче сказал Кутузов, поворачивая лицо так, чтобы удобнее было глядеть на офицера левым, зрячим глазом.

24 июля 1774 года в бою с турецким десантом в Крыму, близ деревни Шумы, он был тяжело ранен пулей в голову, а при осаде Очакова турецкая пуля пробила ему висок во второй раз.

Кутузов окинул Ермолова внимательным взором, задержавшись на его боевых наградах, и проговорил:

— Покажи-ка, голубчик, свою роту… Я ведь и сам артиллерист и артиллерию особливо люблю…

С помощью офицера Кутузов тяжело вылез из кареты и, словно позабыв о Ермолове и его роте, с удовольствием заговорил по-французски с адъютантом о трудностях оставшейся дороги до Тешена, где находилась армия. Но едва артиллеристы выстроились для смотра, оборвал разговор на полуфразе и медленно, тяжелой поступью двинулся вдоль строя в сопровождении подполковника и почтительно приотставшей свиты.

— Батарейцы выглядят превосходно… Будто из казармы… — негромко говорил оп. — Лошади опрятны, не пашисты, широки в груди и крестцах, хорошо подкованы…

Сколько больных и отставших? — внезапно спросил он у Ермолова.

Было странно видеть совсем рядом пухлое лицо главнокомандующего и затянутую рану на виске.

— Отставших нет, больных — также, ваше высокопревосходительство, — ответил подполковник.

— Отменно, отменно. — Кутузов приостановился: — Что, ребята, трудно в походе? Небось животики-то подтянули? — привычно меняя интонацию и не подделываясь под просторечье, весело спросил он.

— Никак нет! У нас о солдатском животе пекутся, — так же весело отозвался подпоручик Горский. — Живот, ваше высокопревосходительство, не нитка, надорвешь — не подвяжешь!

— Верно, суворовский орел?.. — Улыбка тронула пухлое лицо главнокомандующего.

— В польском, итальянском и швейцарском походах ходил под началом отца нашего, Александра Васильевича, — подтвердил Горский.

— Выслужился из солдат, лучший офицер в роте, — по-французски сказал главнокомандующему Ермолов.

Кутузов кивнул, словно не ожидал иных слов, и повысил голос:

— Помните, ребята, на государевой службе хлеб да живот без денег живет!

От простого, отеческого тона Кутузова солдаты осмелели.

— Ишь ты, глаз один, а все видит, — шепнул усатый батареец соседу.

— Есть жалобы, ребята? — осведомился главнокомандующий.

— Так точно, есть, ваше высокопревосходительство! — гаркнул молодой кудрявый капонир. — Жалоба на француза, что далеко гуляет. Никак его не достанем!..

— Каков молодец! — сказал Кутузов Ермолову.

— У меня все молодцы, ваше высокопревосходительство, — самоуверенно ответил подполковник. — За четыре года службы роте не сделано ни одного замечания…

Главнокомандующий стянул с правой руки перчатку.

— Спасибо, голубчик, — дрогнувшим голосом проговорил он, забирая в свою пухлую руку с истончившимся золотым кольцом на безымянном пальце огромную лапу Ермолова. — Спасибо… — Добавил громко: — Благодарю, братцы, за службу! — Переждал стройное: «Рады стараться!..» — и сказал: — Бонапарт, братцы, хитер. Он непременно захочет нам силки расставить. Будет ожидать, чтобы мы его поживку

слопали да и попались… — Кутузов прищурил здоровый глаз и закончил крепким солдатским словцом: — А я ему отвечу: «Сам слопай, своей ж…!»

Рота грохнула. Переждав смех, главнокомандующий обратился к Ермолову. Истинный екатерининский вельможа, тонкий дипломат и проницательный политик, он умел оценивать людей с первой встречи и не имел случая эту оценку менять.

Кутузов расспросил Ермолова о прежней его службе и удивился тому, что, обладая двумя знаками отличия времен Екатерины II, тот был только подполковником, при быстрых производствах прошедшего царствования.

Садясь в карету, он приказал спешить на соединение с армией и, прощаясь, сказал:

— Я буду иметь вас на замечания…

2

Кутузов недаром торопил конных артиллеристов, скрывая за соленой шуткой тревогу: он очень высоко ставил военное искусство Наполеона и видел пороки того стратегического плана, которому должен был сам неукоснительно следовать. Ему противостоял противник, не только возглавлявший лучшую в Европе армию, талантливых маршалов и храбрых солдат, но и полновластно распоряжавшийся воеми людскими и материальными ресурсами целой страны, которая давно работала только на войну.

В эту пору Франция была уже совсем не той, что в первые годы революции. Задолго до того, как республика превратилась в империю, до того, как на место фригийских колпаков, деревьев вольности, гордых лозунгов: «Liberte, Fgalite, Fraternite» («Свобода, Равенство, Братство») — явилась деспотия личной власти и тяжелые золотые орлы уселись на древки имперских штандартов, начали меняться ео идеалы. Освободительные войны сменились захватническими еще с конца 90-х

годов XVIII столетия и теперь продолжились грабительскими походами в Италию и Голландию, установлением протектората над Швейцарией, захватом Ганновера, насильственным присоединением Генуэзской республики…

Перед началом войны 1805 года Бонапарт готовился раздавить давнего своего врага — Англию, высадив на ее берегах огромный десант. Австрийцы, рассчитывая, что французам понадобится не менее двух месяцев на то, чтобы появиться в верховьях Дуная, самонадеянно решили действовать в одиночку. Они двинули наспех собранные силы сразу в трех направлениях — в Баварию, Северную Италию и Тироль. Со своей стороны русские должны были присоединить Подольскую армию к 80-тысячному войску эрцгерцога Фердинанда, проникшему в глубь Баварии и остановившемуся у крепости Ульм. Подходя с разных сторон, союзники намеревались оттеснить французов в пределы их границ, а уже затем идти за Рейн.

Главным недостатком этого плана было распыление сил и крайняя медлительность действий, развязывающая руки Наполеону. Имея в целом меньше войска, нежели союзники, французский император получал возможность не только добиваться на избранном направлении численного превосходства, но и наносить поражения противнику по частям.

Исповедуя принципы ведения войны, близкие Суворову, Бонапарт стремился неожиданно появляться перед противником и уничтожать его до соединения с другими силами.

Предвидя такие действия, Кутузов предложил Александру I свой план ведения кампании. По его расчетам, русские войска должны были идти кратчайшим путем — на Прагу, а затем прямо к Рейну. Однако Александр и Франц Австрийский не приняли во внимание соображений русского полководца, а его подчинили 24-летнему эрцгерцогу Фердинанду. Впрочем, истинным главнокомандующим у австрийцев был генерал-квартирмейстер Мак, обладавший громадной самонадеянностью, которая нисколько не соответствовала его скудным природным дарованиям.

Между тем Наполеон в ответ на первые же действия австрийцев стремительно двинул от берегов Ла-Манша двухсоттысячную армию к Рейну. Венский двор забил тревогу.

К Кутузову посыпались просьбы и требования ускорить прибытие русской армии.

От Тешена начались форсированные марши. Пехота делала в день от сорока до шестидесяти верст; половину переходов она шла пешком, а другую ее везли на подводах, куда были сложены ранцы, шинели, вьюки.

Хотя от Мака приходили самые успокоительные вести, Кутузов тревожился возможностью крутого поворота в развитии событий. И не напрасно. Истина раскрылась скоро во всей своей ужасающей наготе. 11 октября 1805 года в местечке Браунау к русскому главнокомандующему явился генерал Мак. «Из восьмидесятитысячной армии, — сказал он, — спаслась горстка солдат… Все прочие силы, артиллерия и обозы достались неприятелю…»

Соединяться уже было не с кем. После труднейшего тысячеверстного марша в рядах русской армии оставалось 35 000 человек. А всего в пяти переходах находилась 150-тысячная армия Наполеона, готовившаяся нанести сокрушительный удар. Справа был многоводный Дунай, слева — высокие Альпы, а позади, до самой Вены, — никаких резервов. Только далеко, у Варшавы, двигалась в Австрию 50-тысячная Волынская армия Буксгевдена.

Узнав о капитуляции Мака, Вена в ужасе онемела.

Александр I в крайней тревоге писал русскому главнокомандующему: «После бедствий австрийской армии вы должны находиться в самом затруднительном положении. Остается для вас лучшим руководством: сохранять всегда в памяти, что вы предводительствуете армиею Русскою. Всю доверенность мою возлагаю на вас и на храбрость моих войск. Надеюсь также на ваше убеждение в том, что вы сами должны избрать меры для сохранения чести моего оружия и спасения общего дела».

Что же Кутузов? Осторожный и неторопливый, он не выступал из Браунау, выжидая действий Наполеона. Он уже разгадал его замысел —

прижать русских к правому берегу Дуная, окружить и уничтожить. Единственным выходом было отходить на соединение с армией Буксгевдена, постоянно тревожа при этом превосходящие силы Наполеона и изматывая их.

При общем унынии союзников Кутузов хранил обычное свое хладнокровие, неизменное в неудачах и успехах. Предводимое им войско нетерпеливо стремилось сразиться с Наполеоном, исполненное славных воспоминаний об одержанных за шесть лет до того победах над французами.

3

Глубокая осень и беспрерывные дожди обратили дорогу в кисель. Серые колонны пехоты устало плелись, бесконечной лентой вытекая из-за безлесной выпуклости, которая то затягивалась кисеей частого холодного дождя, то освещалась лучами пробивающегося солнца.

Вблизи узенького моста через речонку Траун, впадающую в Дунай, Ермолов приятельски беседовал с гусарским полковником, держащим в поводу лошадку мышиной масти.

И белые спущенные, в складках, широкие чачкиры, и синий — как у всех мариупольцев, — опушенный мерлушкой ц расстегнутый ментик, и белый со стоячим воротником доломан, и даже кивер с высоким султаном из белых перьев — все было забрызгано у гусара уже высохшей грязью.

Грязь присохшими лепешками лежала и на его круглом лице с молодцевато подкрученными усами.

Вместе со своим Мариупольским полком, который входил в отдельную бригаду генерала Милорадовича, Василий Ивагович Шау был назначен в подкрепление арьергарду.

— Не скрою, Алексей Петрович, — говорил Шау, придерживая за уздечку лошадь, — я испытываю некоторое злорадство от полной конфузии австрийцев под Ульмом и ее питаю к ним ни малейшей доверенности…

— Еще бы! — живо отозвался Ермолов, чистый темнозеленый мундир, белые суконные штаны и сверкающая медью каска которого разительно отличались от одежды Шау. — Давно приметно, что австрийские генералы столько же действуют нечистосердечно, сколько их солдаты дерутся боязливо!

— Слишком уж добросовестно восприняли они тот урок, который преподал Бонапарт генералу Маку…

Ермолов, огромный, слегка огрузневший в свои двадцать восемь лет и уже с заметной сединою в темных волосах, усмехнулся.

— Я видел этого героя. Он явился в Браунау к нашему главнокомандующему с головою, повязанной белым платком. В дороге опрокинута была его карета, однако же так счастливо, что голова Мака все же оказалась целой. Он и тем заслужил удивление, что скоростью путешествия опередил даже самое молву. Австрийская армия, богатая на подобные примеры, кажется, никогда еще не имела в своих рядах более расторопного беглеца.

— А им, — кивнул Шау на колонны, — приходится теперь расплачиваться за глупости наших союзников…

Пехота, стуча по мосту, брела на другой берег Трауна.

У иных мушкетеров и гренадер вместо положенных смазных круглоносых сапог были подвязаны к родительским подошвам куски сырой кожи или даже пучки соломы. Нестройно колыхались густые черные султаны на круглых шапках.

Ни песен, ни шуток, ни даже перебранки не доносилось из рядов: измотанные переходами солдаты ожидали только одного — привала. От города Ламбаха, где произошла первая схватка с французами, отступала дивизия генерал-лейтенанта Дохтурова.

— Да, впереди самые жаркие денечки, — вздохнул Ермолов. — Бонапарт сидит у нас уже на пятках… И знаешь что, Василий Иванович, — предложил он, — давай дадим друх другу слово. Если представится случай — действовать имеете!

Гусар протянул ему жесткую грязную ладонь:

— Слово офицера, что приду к тебе на помощь!

Они обнялись. Шау с небрежной ловкостью взлетел в седло и, понукая лошадку, тронулся навстречу движению пехотных колонн, туда, где за возвышенностью стоял его Мариупольский гусарский полк. Ермолов с завистью поглядел ему вслед.

Что и говорить! Главнокомандующий не забывал своего обещания и все время помнил о Ермолове, доверив ему кроме конной еще две пешие роты артиллерии, которые составили резерв армии.

Конечно, назначение почетное. Но оно привязывало подполковника к главной квартире, лишало возможности участвовать в схватках и обрекало батарейцев на дополнительные невзгоды в этом и без того голодном походе. Артиллерийский резерв Ермолова всегда оказывался последним при раздаче продовольствия солдатам и корма лошадям. Алексей Петрович просил о присоединении его команды к какому-нибудь из корпусов, но Кутузов не изъявил на то согласия, сказав, что имеет на него особые виды…

Пехотная колонна кончилась, показался казачий отряд, а за ним — артиллеристы. Отряд Ермолова опять отступал, опять не был назначен в дело. Но что это? К Алексею Петровичу что было мочи скакал Горский.

— Французы теснят наш арьергард! Нам велено идти с поспешностью им навстречу!..

Ермолов снял каску и размашисто перекрестился.

— Господи, спасибо тебе!.. В огонь, Харитоныч, в огонь!..

Арьергард русских был стремительно атакован маршалом Мюратом у местечка Амштеттен. Нападение оказалось столь опасным, что Кутузов лично выехал к месту сражения. Несмотря на храбрость, с которой дрались Киевский и Малороссийский гренадерские и 6-й егерский полки, несмотря на все усилия князя Багратиона, французы теснили русских.

Кутузов отдал приказание отряду Милорадовича вместе с артиллерийским резервом Ермолова немедля выступить на помощь.

Пройдя со своей ротой густой еловый лесок, Ермолов увидел, что на дороге, ведущей к Амштеттену, в беспорядке скопились толпы

отступающих. Все перемешалось, и рядом с красными погонами малороссийцев мелькали белые погоны киевцев и шинели без погон егерей. Артиллерия также была сбита со своих мест, и в потоке, увлекаемые общим движением, всплывали то орудие, то зарядный ящик, то фура, тащимая лошадьми. Приметив в стороне возвышенность, которая господствовала над местностью, подполковник крикнул Горскому:

— Разворачивай, Харитоныч, на том вон холме роту в боевые порядки! Авось дадим сейчас прикурить французам!..

Ощущение хмельной радости от долгожданной встречи с противником горячей волной затопило грудь. Он пришпорил лошадь и первым влетел на холм, откуда вся картина боя была как на ладони.

Шел мокрый снег, припорошивший поля и возвышенности. Он позволял яснее видеть людей. Дорога, забитая у леса отступающими, ближе к городку, красные крыши и белые домики которого казались отсюда игрушечными, была чиста. Там полем, отстреливаясь, отходил Багратион с несколькими сотнями храбрецов. Еще дальше с пологой горы тремя языками спускались к Амштеттену густые синие колонны французов. На гребне ее частыми белыми клубками возвещала о себе неприятельская батарея, ядра которой, шипя и свистя в свежем воздухе, били по дороге, усиливая беспорядок среди отступавших.

— Все готово, Харитоныч? — в нетерпении спросил Ермолов, не слезая с лошади.

— Все, батюшка Алексей Петрович! — отозвался Горский, размазывая по лицу жидкую грязь. — Вишь, недаром октябрь прозывается в народе грязник. Ни колеса, ни полоза грязник недолюбливает…

— Выжди, когда наши отойдут к лесу, и ударь по французу картечью! — приказал подполковник.

Отсюда, с холма, Ермолов видел и то, чего не могли видеть Мюрат и его воинство. С тыла к лесу подходили под начальством Милорадовича Апшеронскийи Смоленский мушкетерские, 8-й егерский и Мариупольский гусарский полки.

Было очевидно, что противник полагал преследовать только разбитый им арьергард — с такой беспечной лихостью продвинулся он, оттесняя Багратиона, к опушке. Тем временем Милорадович, пропустив расстроенные части арьергарда, двумя линиями встретил неприятеля. Одновремепно по команде Ермолова шесть орудий брызнули с холма картечью.

Внезапность привела грозного противника в некоторую робость. Из леса вырвалась конница и, сверкая обнаженными саблями, стремительно врезалась в пехоту Мюрата. Ермолов увидел, как синие фигурки французов подались назад, а там и кинулись в беспорядочное бегство. Черные кивера с султанами из белых перьев повернули в сторону неприятельской батареи.

— Гусары! Это Шау! — крикнул Ермолов. — Взять на передки! Рысью — за мной!

Вот она, возможность конной артиллерии появляться в разных местах и неожиданно поражать врага! Подполковник на рысях повел батарейцев вослед за мариупольскими гусарами, уже поднимавшимися на гору.

В азарте боя Ермолов позабыл обо всем: он видел только вырастающий гребень горы, слышал визг гранатной картечи, обрушившейся на гусар Шау. Поле казалось бесконечг.ым. Не оборачиваясь, уверенный в своих солдатах, Ермолов, надсаживая горло, кричал «ура!», которое тотчас застревало в морозном воздухе, оставалось позади. В каску ударила пуля, заставив подполковника на мгновение ткнуться лицом в гриву лошади. В тот же миг его нагнал на крепком маштачке Горский, тревожно заглядывая снизу. Ермолов показал ему взглядом: «Все в порядке…» — и снова закричал «ура!», подымаясь по пологому скату туда, где в беспорядке рассыпались сражающиеся мариупольцы.

Что-то стряслось — это он уже понимал, — неприятель приходил в себя, останавливался.

Среди мертвых тел, обхватив хобот вражеской пушки, висел контуженый Шау. Он был оглушен и обожжен близким выстрелом. Без отважного своего начальника гусары растерялись, иные уже поворачивали

лошадей, готовясь показать тыл. Ермолов, потерявший каску, спрыгнул с лошади, размахивая саблей, которая казалась детской игрушкой в его лапище.

— Мариупольцы! — громовым голосом крикнул он. — Стой! Каждого, кто отступит, зарублю своими руками! Отомстим за вашего командира!..

Десять артиллеристов во главе с Горским появились рядом с подполковником. Переколота прислуга французской батареи. Снизу уже подымались пушки конноартиллерипской роты.

— Горский, — командовал Ермолов, — поворачивай французские орудия! Рота, к бою!..

Вскоре французские пехотинцы были остановлены, и подполковник перенес огонь на дорогу, идущую к Амштеттену, где скапливался неприятель.

Но, уже выйдя из лесу, развернулись в боевые порядки гренадерские батальоны Апшеронского и Смоленского полков. Перед солдатами появилась фигура генерала в треуголке с белым плюмажем. Все оснеженное поде между руссними и французами было усеяно теперь телами павших.

Генерал кричал что-то, размахивая сверкавшей в бликах прорвавшегося сквозь мглу солнца шпагой.

«Сам Милорадович! — догадался Ермолов. — Надо усилить канонаду!» Орудия гремели с короткими интервалами, поражая скопившегося у Амштеттена неприятеля.

Штыковая атака русских гренадер была стремительной.

Как узнал потом Ермолов, Милорадович, находившийся в первой шеренге наступавших, запретил им заряжать ружья и приказал, как учил Суворов в Италии, действовать только штыками. Произошла самая упорная схватка, какой еще дотоле не бывало. Русские бились до истощения сил.

Французы наконец отступили в беспорядке по всему фронту. На высоте, где поставил свою батарею Ермолов, появился румяный с поднятыми усами Милорадович. Человек исключительной храбрости, ои высоко

ценил ее и в других и теперь в самых лестных словах благодарил Ермолова за то, что ему удалось предупредить наступление неприятеля и запять господствующую высоту.

После сражения под Амштеттеном, за которое Милорадович был награжден Георгием 3-й степени и чином генераллейтенанта, его отдельная бригада заступила место арьергарда, а войскам Багратиона было приказано составить резерв.

4

С арьергардом Ермолов достиг монастыря Мельк, расположенного на самом берегу Дуная. Здесь местность была гористой, река протекала в тесных берегах, и дорога шла по самому краю. Батарейцы, фейерверкеры, юнкера, ездовые канониры и даже музыканты — все жили воспоминаниями о горячем вчерашнем дне.

— Оно, вам скажу, ребята, ясное дело, — важно басил кудрявый капонир, — и француза бить можно… Он, француз, такой же человек, а не нечистая сила…

— А что я вам скажу, братцы! — перебил его юноша, почти мальчик, тонкая шея которого, казалось, еле держит каску с черным султаном. — Как он на батарею нашу нажал, спомнил я мамыньку свою… Как, думаю, я сюда из деревни-то попал и почему?..

— Ты бы еще титьку попросил, — добродушно вмешался старик фельдфебель Попадичев. — Бона, учись у нашего кудряша. Как на взгорье выбрался, всех подряд переколотил…

— Я, дяденька, — обрадованно подхватил кудрявый капонир, — как саблю-то выронил, цап его, француза, по уху да у него шпажонку-то и схватил…

— Эх, подморозило, — бормотал, не слушая его, бывалый фельдфебель, — дорога-то какая ползкая… А гляньте-то, на том берегу, никак, цесарцы идут? Только отчего мундиры не белые?

Привлеченный разговором, Ермолов, с забинтованной головой — память от контузии пулей, — поглядел на противоположный берег Дуная. Там двигалась, чуть опережая арьергард русских, густая колонна французов. То был маршал Мортье, сводный корпус которого Наполеон заблаговременно переправил через Дунай, чтобы отрезать Кутузова от подкреплений и разбить на правом берегу.

Положение русских выглядело теперь почти катастрофическим. От Мелька гористые места удаляли дорогу от Дуная и вынуждали к довольно большому обходу, к единственной оставшейся переправе у Кремса. Кутузов приказал Мплорадовичу задержать главные силы Наполеона, а сам поспешно повел свою маленькую армию, чтобы успеть к Кремсу раньше Мортье.

Ночь батарейцы Ермолова провели без сна, полуголодные, греясь у слабого костерка. Фельдфебель Попадичев раздал каждому по манерке с кашицей из сухарей, приговаривая:

— На кашеваров надежды нет. Окромя сухаря, нечего и положить в родительский благоварь. Эх, сейчас бы горячего варева из рубленой говядины, да с капустой…

— Смирно! — крикнул дежурный.

— Вольно! Сидите, братцы! — В освещенный круг вошел Ермолов с Горским. — Как с порционом?

— Все в аккурате, ваше благородие. Грех жаловаться! — бодро ответил за всех Попадичев, блеснув медным одинцом в ухе.

— Дай отведать, — попросил подполковник.

— Вот, ваше благородие, солдатская кашица. Да возьмите мою ложку, — предложил фельдфебель, — не красива, а хлебка.

— Холодно, ваше благородие, — пожаловался солдатикюноша. — Северный ветер замучил, страсть…

Горский молча вытащил фляжку, налил в крышечку немного водки и пустил по кругу. По телу пробежала теплая волна, сухарная кашица сделалась слаще.

— Ах и хорошо теперь в России! — мечтательно проговорил

подпоручик. — Все сжато, обмолочено, убрано. Прошли хороводы, пришли посиделки. Я ведь, Алексей Петрович, однодворец, то же, что и крестьянин. Как о нас говорят: сам и пашет, и орет, сам и денежки берет. Любы мне праздники наши, а особливо — масленая. Честная, веселая, широкая. Понедельник — встреча, вторник — заигрыши, середа — лакомка, четверг — широкий, пятница — тещины вечерки, суббота — золовкины посиделки, воскресенье — проводы, прощание, прощеный день. Ах, масленица-объедуха — деньгам приберуха, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трех матерей дочка…

Горский замолчал, глядя в огонь. Ермолов, желая поднять настроение солдат новыми прибаутками, возразил своему любимцу:

— Что же ты все праздники хвалишь? Не все коту масленица, придет и великий пост…

— Вот-вот! — подхватил, вновь оживляясь, Горский. — Пришел пост — редька да хрен, да книга Ефрем. Заговляюсь на хрен, на редьку да на белую капусту. Великий пост всем прижал хвост. В чистый понедельник рот полощат. Даровая суббота — на первой неделе поста. Средокрестная — перелом поста: щука хвостом лед разбивает. В среду средокрестной кресты пекут. А там вербная: верба хлест — бьег до слез. На вербной мороз — яровые хлеба хороши. Плотна трется в первый раз на вербной. На Лазареву субботу сеют горох. В страстную среду обливают скотину снеговой водой. В великий четверг стегают скот вереском, чтоб не лягался. Кто в великий четверг рано и легко встает, тот встает рдно и легко целый год…

Долго еще говорил Горский. Как завороженные сидели солдаты, стар и млад. Слушал и Ермолов, думая о том, сколь дорога родная земля — Орловщина, Москва, Смоленщина.

«Отчего я раньше мало задумывался, что я — русский?..» — подумал он.

Из темноты появился курчавый канонир.

— Ваше благородие! Француза поймали! — радостно сообщил он. — Я в дозоре стою, а француз, значит, крадется.

Я его и хвать!

— Он малый слышкий, все учует, — похвалил солдата Попадичев.

— Так давай его сюда! — приказал Ермолов.

— Да к чему он вам, француз-то? Он, ваше благородие, говорит по-тарабарски, ничего не поймешь! — махнул рукой капонир.

Привели пленного — простоволосого, в грязном синем капоте. От пего Ермолов узнал о ночном движении Мюрата.

На другой день после успешного боя отряд Милорадовича оторвался от изрядно потрепанных головных колонн неприятеля и скоро нагнал главные силы. Русская армия перешла на левый берег Дуная и истребила за собой мост.

Оставив Дунай между русскими и французами, Кутузов опрокинул все планы противника. Теперь настал черед тревожиться Наполеону, который тотчас увидел опасное положение Мортье за Дунаем и велел остановить наступательное движение своей армии. Он приказал Сульту и Бернадоту переправиться на судах через реку в подкрепление отрезанному корпусу. Но его распоряжение еще не было приведено в действие, как Кутузов у Кремса разгромил и отбросил войска маршала Мортье за Дунай.

Последним успехом русского оружия был подвиг арьергарда под начальством Багратиона, который у местечка Шенграбен сдерживал главные силы Наполеона, пока вся армия отступала на соединение с идущими из России войсками.

Так завершился героический четырехсотверстный марш, на протяжении которого Кутузов несколько раз искусно избегал ловушек, расставленных ему Наполеоном.

6 ноября 1805 года в Брюнне русскому главнокомандующему донесли, что первая колонна Волынской армии находится в полумарше от города. После соединения русских сил Наполеон прекратил преследование, понял, что теперь уже характер войны изменился.

Для союзников в самом деле наметился благоприятный перелом. Продолжая медленно отступать, Кутузов прибыл в Ольмюц, где находились два императора — Александр I и Франц и куда вскоре подошла гвардия под начальством цесаревича Константина Павловича.

Вся армия насчитывала теперь 82 тысячи солдат и расположилась биваками на возвышенной и выгодной для оборонительного сражения позиции. Из Северной Италии шел эрцгерцог Карл; на подкрепление русским двигался корпус Беннигсена; наконец Пруссия решила выступить против Наполеона, причем ее главная армия состояла из 120 тысяч человек.

Союзные войска сближались отовсюду, и оставалось только выждать время, чтобы перевес склонился на их сторону. Выигрыш во времени был теперь важнее всего. Французская армия стояла в семидесяти верстах от Ольмюца, не решаясь атаковать русских. Наполеон страшился еще более удалиться от своих резервов и частей тыла.

Проанализировав обстановку, Кутузов на военном совете выступил против общего мнения — наступать. Он объявил, что делать это еще рано и следует отходить. Его спросили, где же он предполагает дать французам отпор. Кутузов отвечал: «Где соединюсь с Беннигсеном и пруссаками. Чем далее завлечем Наполеона, тем он будет слабее. И там, в глубине Галицпи, я погребу кости французов». Гений 1812 года уже провиделся в этом ответе. Однако Александр, Франц, генерал-квартирмейстер союзной армии Вейротер, Аракчеев, генерал-адъютант Долгоруков настояли на немедленном наступлении.

С этого момента Кутузов, называясь главнокомандующим, покорился обстоятельствам, которые оказались сильнее его, объявлял по армии даваемые ему приказания и оставался простым зрителем событий.

В марше от Кремса до Ольмюца подполковник Ермолов в схватках с французами не участвовал. В самом начале перехода Кутузов отрядил его конноартиллерийскую роту вместе с кирасирским полком навстречу идущей из России колонне, а затем приказал находиться в арьергарде Милорадозича.

Теперь Ермолову, как и всей русской армии, предстояло испытание, самое тяжелое с начала кампании.

5

Конноаргиллерийская рота Ермолова, приданная дивизии генерал-майора Уварова, двигалась навстречу противнику.

Марши были спланированы столь странно, что редко заканчивались раньше полуночи. Колонны в пути пересекались по нескольку раз и перерезали одна другую. В темноте на изрезанной оврагами и ручьями топкой местности приходилось то кого-то опережать, то пропускать, доверяясь сбивчивым командам австрийского колонновожатого. Ермолов не мог знать точных намерений начальства, но общая молва была такова, что Кутузов не согласен с мнением государя и австрийцев — идти на Наполеона.

Пушки ползли в темноте, выдавая себя лишь характерным медным звуком да запахом пальников. Ездовые шепотом материли австрийцев всякий раз, когда лошадь с хлюпаньем оступалась в ручей или застревало колесо лафета. Ермолов ехал сбоку колонны, думая о том, что судьба по-прежнему неблагоприятствует ему.

Правда, главнокомандующий выделял Ермолова и оказывал ему всяческое внимание. Завистливые штабные офицеры даже окрестили Алексея Петровича «L'enfant gate du general» — «баловнем генерала». Но злобный и мстительный Аракчеев продолжал преследовать подполковника. Несмотря на лестную характеристику, которую Кутузов дал Ермолову, граф Алексей Андреевич нарочито дарил свое покровительство другим. Тут Алексей Петрович еще раз почувствовал, как тяжко быть в опале у сильного начальника.

— Он и то считает за благодеяние, что, утесняя невинно, не погубляет… — пробормотал Ермолов.

— Что, что? — переспросил ехавший рядом Горский.

— Ничего, брат Харитоныч, это я сам с собою… Небось оттого, что никак не дождусь сражения…

— Говорят, Алексей Петрович, — тихо и торжественно сказал подпоручик, — что француз повсюду отступает, уходит. Силы-то сколько

собралось у нас! Верно, Бонапарт почуял, что зарвался…

Да, по всей армии шел слух, будто Наполеон избегает боя и предпочитает ретироваться.

— Пока своими глазами не увижу, ничего не скажу, Харитоныч, — еще не вполне расставшись с мучившими его мыслями, отозвался Ермолов. — А в эдакой тьме разве что разглядишь?.. Выдумали же эти австрийцы столь нелепые марши!..

— И как на грех, земля потеет, преет, — задумчиво проговорил Горский. — Недаром мученик Гурий пятнадцатого ноября на пегой кобыле проехал… Вот и ростепель наступила…

Колонна медленно поднялась на вершину пологого холма.

В разрывах тумана нечасто замерцали неприятельские огни.

— Вона цепь передовой стражи… Может, верно, уходят?.. — рассуждал Горский.

Ермолов молчал, вглядываясь в темноту, и ему стало казаться, что виднеются отблески разгоравшегося зарева. Он протер глаза, отгоняя мираж. Но мало-помалу свет начал распространяться на обширное пространство, и все — Ермолов, Горский, батарейцы внезапно увидели огромное число французских биваков и движение великого множества людей.

Вся подошва холма, на вершине которого стояла конная батарея русских, жила, шевелилась. Приветственные крики неслись над синей массой солдат, поднимавших вверх пуки зажженной соломы.

Это французы приветствовали объезжавшего их биваки Наполеона и клялись отпраздновать победой наступающую на другой день годовщину его коронования…

В темноте Ермолова с трудом отыскал дежурный офицер — генерал-майор Уваров вернулся из главной квартиры.

Участник русско-шведской войны 1788 — 1790 годов и польской кампании, тридцатишестилетний Федор Петрович Уваров был храбрым рубакой. Но он никак не мог разобраться в диспозиции, нанесенной на нескольких листах, с трудными названиями селений, озер, рек, долин и

возвышений и столь запутанной, что запомнить все не было никакой возможности. Ермолов попросил было списать ее, но Уваров и того не мог позволить: сей мудреный документ надо было прочитать и понять еще многим начальникам. Ясно было одно: назавтра предстояло атаковать неприятеля.

Из разговоров Уварова с квартирмейстером Ермолов понял только то, что их колонна должна находиться на самом правом крыле русских войск, которым командовал князь Багратион. Левее, за долиной, был резерв под командованием великого князя Константина.

Наступало 20 ноября.

За ночь несколько раз показывался месяц. Перед зарею холодный, непроницаемый туман покрыл горы и топкие долины перед местечком Аустерлиц.

6

После долгих и трудных маневрирований к утру шесть колонн русской армии, пытаясь выполнить замысел австрийского генерал-квартирмейстера Вейротера, изготовились к бою. Три левофланговые колонны под общим командованием Буксгевдена должны были нанести главный удар по правому крылу войск Наполеона, с последующим поворотом на север. Четвертой колонне, куда входили полки Милорадевича и при которой находился Кутузов, вменялось в задачу двигаться через господствующие над местностью Праценские высоты на городок Кобельниц. Австрийская конница и отряд Багратиона должны были справа сковывать противника и обеспечивать обходный маневр главных сил.

Кутузов со своим штабом прибыл к деревне Працен с рассветом, когда с высот уже сошли вторая колонна графа Ланжерона и третья — Пршибишевского, а их сменила четвертая колонна Коловрата. В пути колонны сталкивались и проходили одна сквозь другую. Войска

разорвались, смешались, шли наугад.

Густой молочный туман скрывал низины, куда спустились русские, двинувшиеся на Сокольниц и Тельниц. Слева, от Тельница, доносился частый треск ружейных выстрелов:

передовой отряд под командованием австрийского генерала Кинмайера атаковал селение, расчищая путь первой колонне Дохтурова.

Сидя на лошади, Кутузов молча оглядывал белые баталь оны австрийцев, состоявшие из необстрелянных рекрутов, и измотанный арьергардными боями отряд Милорадовича. Ружья были составлены в козлы; солдаты стояли вольно и тпхо переговаривались.

Всплески «ура!», пронесшиеся над Праценом, понудили русского полководца повернуться назад вместе с лошадью.

Навстречу по праценской дороге впереди блестящей свиты скакали на прекрасных лошадях два императора — русский и австрийский, оба молодые, улыбающиеся, предвкушающие победу. Улыбка сбежала, однако, с лица Александра Павловича, едва он увидел, что солдаты не готовы к выступлению и ружья стоят в козлах.

— Михаиле Ларионович! — подъезжая почти вплотную к Кутузову, спросил русский император. — Почему не идете вы вперед?

Оглядев беззаботно переговаривающуюся свиту — генералов Сухтелена и Аракчеева, генерал-адъютантов Ливена, Винценгероде, князя Гагарина, тайных советников князя Чарторижского, графа Строганова и Новосильцева, тот медленно ответил:

— Я поджидаю, чтобы все войска пособрались…

Ответ не понравился государю.

— Ведь мы не на Царицыном лугу, — сказал Александр, — где не начинают парада, пока не придут все полки.

— Государь! — глухо и как бы через силу произнес Кутузов. — Потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете!..

Приказание было отдано, войска быстро начали принимать боевой порядок. Впереди пошел сам Милорадович. Никогда не сомневаясь в

удаче, он весело приветствовал солдат.

Следуя за авангардом, Кутузов в расступающемся тумане увидел совсем рядом колонны французов. С холмов от Кобельница гремела вражеская артиллерия, вырывая целые ряды русской пехоты. Не ожидая противника так близко, встреченные жесточайшим огнем, два батальона Новгородского полка обратились назад, смешали идущий позади их Апшеронский батальон и бросились мимо Александра, к левому флангу колопны. Напрасно русский император взывал к бегущим, приказывая остановиться. Встреченные главными силами Наполеона, новгородцы и апшеронцы были смяты. За отступающими быстро и стройно шли на Праценские высоты колонны Бернадота и Сульта, за которыми следовала конница Мгората, гренадеры Удипо и гвардия.

Завеса, таившаяся от союзников, поднялась и открыла намерения Наполеона. Воспользовавшись тем, что левое крыло русских оторвалось от центра, французский император стремился теперь разрезать армию противника на две части.

Надлежало во что бы то ни стало удержать Праценские высоты и не дать Наполеону сломить центр русской позиции.

Кутузов вернулся к деревне Працен, где оставались оба императора и часть свиты; Аракчеева среди нее уже не было.

Милорадович ввел в бой Малороссийский, Смоленский и Апшеронский полки. Громады французов валили на высоты с разных сторон. Русские были остановлены и подались назад, что вызвало смятение в Працене — ускакал император Франц. Подле русского монарха уже не оставалось его молодых друзей. Солдаты охраны нестройно отходили через Працен, не обращая внимания на потрясенного Александра Павловича.

Кутузов остановил отступавших солдат и сам возглавил атаку. Раненный пулею в щеку, обливаясь кровью, он продолжал отдавать приказания. Русский император, рядом с которым находился лейб-медик Виллие, послал его к Кутузову.

— Поблагодари государя, — встретил медика полководец, — и доложи, что моя рана не опасна, но смертельная рана вот где! — И он указал на

французов.

Для отступления русским оставался только один путь — по узкой плотине между двумя озерами, где столпились десятки тысяч людей. На высотах у Працена французы выставили многочисленную артиллерию, которая била ядрами.

Многие бросились бежать по озерам, но тонкий лед проламывался, люди и лошади гибли.

7

Правый фланг русских вступил в дело позже остальных войск. Рано поутру Багратион собрал начальников частей; Ермолов, распоряжавшийся обеспечением батарей, прибыл в числе последних.

Сорокалетний Багратион, смуглолицый, сухощавый, горбоносый, был в сером мундирном сюртуке с крестом Георгия 3-го класса, в накинутой на плечи бурке и картузе из серой смушки. Держа левую руку на эфесе шпаги, которую он носил еще в Италии при Суворове, и похлопывая правой по бедру казацкой нагайкой, князь Петр Иванович говорил бывшим при нем австрийским офицерам генеральною штаба:

— Судя по диспозиции, мы проиграем сражение…

После этого, обратясь к русским командирам, он невозмутимо и хладнокровно, с восточным акцентом, принялся отдавать приказания.

В центре позиции поперек дороги была выдвинута в дчс линии пехота. На левом крыле располагался впереди обширного оврага Уваров с гусарским и драгунскими полками.

Двум шестипушечным батареям Ермолова велено была прикрывать Уварова.

Возвращаясь вместе с Алексеем Петровичем на позиции, полковник Шау, чуть трогая шпорами свою лошадку, похожую характером на хозяина — игрунью, вострухy, — добродушно пробасил:

— Жаркая предстоит баня! Только кто кого будет парить — мы

Бонапарта или он нас?

— Это зависит, — в тон ему отвечал Ермолов, — не только от нас с тобой, но и от верховных банщиков. Хочешь не хочешь — а нам указали полку. Залезай, да не зевай!..

Они сердечно обнялись и разъехались по своим местам.

Было уже светло. Далеко слева слышались ружейные и пушечные выстрелы, но впереди, на неясно выступавших высотах, все зловеще молчало.

Попадпчев учил батарейцев:

— От ран всяких желчь медвежья имеет силу заживлять… А от сеченых прикладай желтый петров крест с травою попутником — с того раны исцелятся… Или еще добро прикладывать пластырь рвучий… А уж ежели рана загниет, опухнет, пробьет ее багровый цвет — тут уже нет ничего лучше, как присыпать воробьиным или гусиным пометом ..

— Харитоныч! Господин Горский! — позват Ермолов. — Готовь орудия к бою!..

По сигналу русские открыли огопь из всех орудий, и конница пришла в движение. Слева и справа двинулись на занятые французами высоты гусары, драгуны, уланы. Только теперь заревели пушки неприятеля, и навстречу русским с холмов стала спускаться французская конница.

Батареи Ермолова били по высотам, где обнаружили себя вражеские пушки. Русская кавалерия столкнулась в низине с неприятелем и врубилась в него. Особенно удачно действовали уланы генерал-майора Меллер-Закомельского, опрокинувшие французскую конницу и погнавшие ее назад, на взлобье. Их синие шапки с белыми султанами и серые с алыми воротниками плащи замелькали уже у вражеских батарей. Но в дело вступали все новые и новые французские орудия, огопь усиливался, и вот уже уланы остановились, смешались и повернули лошадей. Неудаче способствовало то, что у самых неприятельских пушек получил тяжелое ранение и остался в плену Меллер-Закомельский. Теснимые противником, уланы начали отходить.

Французы не преследовали отступающих, ограничиваясь лишь пушечной

пальбой. Зато слева бой разгорелся не на шутку. Праценские высоты были в густом дыму. Орудийные выстрелы слились там в сплошной гул. Неприятель синими потоками лавы обходил высоты, отсекая их от крыла Багратиона и заполняя все пространство севернее Працена.

Навстречу французам от Аустерлица тяжело вырвалась конница в блестящих белых мундирах.

Не получая ни от кого известий о ходе дел, великий князь Константин Павлович, оставленный с гвардией в резерве, внезапно обнаружил впереди себя неприятеля. Конная гвардия ударила во фланг французам, обратила их назад и в преследовании изрубила батальон, захватив полковое знамя. Однако силы неприятеля умножались, и великий князь Константин Павлович начал отступать.

Был час пополудни. Уже не имея общей связи, поле боя представляло зрелище отдельных частных действий, как это бывает всегда, когда середина фронта прорвана и отделена от флангов. На левое крыло французов, к маршалу Ланну, возвратилась пехотная дивизия Кафарелли, наполеоновские мамелюки и драгунская дивизия Келлермана. Теперь Ланн усилил наступление на Багратиона по всему фронту.

Ни яростные контратаки русских гусар и драгун, ни отчаянный огонь пушек не могли остановить движение корпуса Ланна. У очень топкого канала теснились уже совершенно перемешавшиеся полки из дивизии Уварова. Мостов было мало, под выстрелами кавалеристы бросались в ледяную воду и тонули вместе с лошадьми. Конноартиллерийская рота Ермолова была затерта в общем потоке отступающих.

«Остановить батарею! — решил он. — Прикрыть огнем отход. Иначе здесь произойдет бойня…»

Расталкивая гусар и драгун, спешивших к переправе, Ермолов выбрался к двум ближайшим пушкам.

— В сторону! Выезжай за мной! — крикнул он ездовому и повернул лошадь на взгорье.

Пушки были установлены вовремя и нацелены на противника: сверху,

наседая на последние ряды отступающих, спускались французские пехотинцы, а за ними маячили конные силуэты мамелюков.

— В картечь! — скомандовал подполковник, и два орудия ударили прямой наводкой по неприятелю.

Французы остановились и попятились. Однако вражеские батареи, бившие по переправе, тотчас перенесли огонь на дерзких русских артиллеристов. Ядра, свистя и шипя, ложились рядом. Кто-то громко и жалобно стонал, со всхлипами и причитаниями. Ермолов обернулся. У подбитого зарядного ящика лежал навзничь юноша батареец, из шеи которого алым ручьем бежала кровь. Над ним склонился подпоручик Горский и, глядя на рану, бормотал:

— Кровь булат, мать руда, тело древо, во веки веков…

Аминь…

Ермолов стрекнул шпорами лошадь, которая вдруг стала заваливаться на бок, придавив ногу. «Это конец!.. Смерть!» — прошумело у него в голове. Пытаясь высвободиться, он увидел над собой французского солдата, которого тотчас же сшиб банником кудрявый канонир, но и сам упал под сабельным ударом. В тот же миг аркан захлестнул Ермолову шею, и, теряя сознание, разжимая руками петлю, чтобы не быть удушенным, он почувствовал, как его волочат по земле. Вниз уходила дорога на переправу, перед которой уже никого из русских не было. За каналом теснилась пестрая толпа всадников, слышались далекие слова команды. Отцовская ладанка шевельнулась на груди, и Алексей Петрович зашептал слова псалма: «Живый в помощи Вышняго в крове бога небесного водворится. Речет: „Господи, заступник мой еси и прибежище мое. Бог мой и уповаю на него. Яко той избавит тебя от сети ловца, и от словесе мятежна. Плечмя своими осенит тебя. И под крыле его надеешься. Оружие обыдет тебя истинна его. Не убоишася от страха ночного, от стрелы, летящей во дне…“

Он дернулся могучим телом и, поворачиваясь, увидел круп тащившей его лошади, колеблемый ветром плащ и феску мамелюка, а сбоку — цепочку французских гренадер в синих капотах и меж них нескольких

русских пленных. Пытаясь высвободиться, чувствуя ожог от волосяного аркана, Ермолов услышал, как что-то шумно пронеслось мимо него, обдав лицо мерзлой земляной крошкой, и после этого, освобожденный от веревки, он покатился в сторону.

— С легким паром! — Василий Иванович Шау, подняв в улыбке нафабренные гусарские усы, наклонился к нему с седла.

Русские, сгрудившиеся за мостом, осмотрелись и поняли, что поспешно отступили от малочисленного неприятеля и что главные силы французов остались на возвышенностях.

Но войско было уже так перемешано ретирадой, что Шау для атаки не имел при себе ни одного человека из полка, коюрым командовал.

Французские гренадеры, бросив пленных, удирали вслед за мамелюками на взгорье. Вокруг гусарского полковника с обнаженными саблями возбужденно переговаривались драгуны Харьковского полка, которых Шау смог собрать, чтобы отбить Ермолова. Остатки своей конноартиллерийской роты под командой Горского подполковник нашел у подошвы холма, на котором находился Александр I.

Молодой император был в слезах. Он искал слова утешения у ближних, осведомлялся о потерях русской армии и часто спрашивал, где Кутузов. Но этого не знал никто: посылаемые во все стороны гонцы либо возвращались ни с чем, либо не возвращались вовсе.

Из отряда Багратиона, который в сражении потерпел наименьший по сравнению с другими урон, составили арьергард, и русская армия потянулась к городку Аустерлиц.

На дороге к нему генерал-адъютант Уваров установил заболотистым каналом большой пост, который подчинил Ермолову. Испытывая после пережитого равнодушие к жизни и смерти, подполковник с маленьким отрядом остался лицом к лицу с могучим неприятелем.

Когда совершенный мрак покрыл окровавленные горы и долины и пальба стихла, запылали бивачные огни победителей. Шумно и весело располагались французы на ночлег, приветствуя Наполеона, который объезжал поле битвы и благодарил полки. Ермолов принужден был

выслушивать музыку, песни и победные клики в неприятельском лагере.

…Русская армия лишилась под Аустерлицем до 21 тысячи убитыми, ранеными и пленными, потеряв 133 орудия и 30 знамен; у австрийцев из 14 тысяч солдат выбыло из строя шесть. Поражение союзников было полным.

Много лет спустя, не желая прямо признаться в своей ошибке, император Александр сказал:

— В этом походе я был молод и неопытен. Кутузов говорил мне, что нам надобно действовать иначе, но ему следовало быть в своих мнениях настойчивее…

Последние ружейные выстрелы Аустерлицкого сражения слышались в наступившей темноте на левом фланге, у Дохтурова, и на правом — у Багратиона.

«Не должен россиянин, — записал Алексей Петрович в дневнике, — простить поражения при Аустерлице, и сердце каждого да исполнится желанием отмщения…»

8

Весь декабрь 1805 года с разных концов Европы русские войска возвращались в свое Отечество. Большая часть их не имела случая за целый поход сделать ни одного выстрела. Армию Кутузова дружески встречали в Венгрии. Ежедневно устраивались празднества, в которых Ермолов не принимал участия, полагая, что после поражения стыдно желать забав и увеселений.

Он жил одной жизнью с солдатами и считал дни, оставшиеся до возвращения в Россию. Вечерами Цезарь уносил его на поля далекой Галльской войны или Гай Светоний Транквилл беседовал с ним о божественном Августе и жестоком Тиберии. А когда латынь приедалась, Алексей Петрович наведывался на биваки. Нижних чинов уже не смущало появление Ермолова, в котором они видели отца-командира,

называвшего их товарищами. Алексей Петрович часами сидел в кружку солдат, слушая бывальщины Горского и Попадичева.

— Теперь учение не ю, что прежде, — рассуждал старик фельдфебель. — Хочь и лютуют, а все меньше, чем при блаженной памяти государе Павле Петровиче. Тогда забить солдата палочками оыло такое же простое дело, как курицу на суп пустить…

«Нет, и сейчас солдата бьют как Сидорову козу, — горько усмехнулся Ермолов. — Мерзкий, подлый обычай, противный законам божеским и человеческим…»

— Раньше, братцы, так лютовали, что сам черт не вынес — продолжал фельдфебель. — Знаете сказку про черта?

— Нет, дяденька Попадичев, расскажи! — послышались просьбы с разных сторон.

— Эх, жаль, мальчонки нашего нет, вот бы послушал, — вставил слово курчавый канонир.

— Царство ему небесное! — перекрестился Попадичев, как и все в роте, горевавший о гибели юного батарейца. — Но кто знает, может, он нас там сейчас слушает… Слушайте и вы. Было это, братцы мои, не то чтобы давно, да и не то чтобы недавно, а так себе — средне. Жил-был, это, один солдатик в полку, вот хоть бы как ты теперь. Молодой еще, не старый… Сгрустнулось очень ему, домой захотелось…

И подумал себе он тут: «Ах, кабы хоть черту-дьяволу душу свою прозакладать! Пусть бы он за меня службу пес, а меня бы домой снес». Глядь, он, черт, тут как тут! «Изволь, — говорит, — пошто не удовлетворить…»

— Ишь ты! — восхитился курчавый канонир. — Бога не убоялся!

На него шикнули, и Попадичев продолжал, вдохновленный общим вниманием:

— Ну-с, так вот и закабалился черт в службу солдатскую на двадцать пять лет. Снял с себя солдатик амуницию и ружье поставил, и тут его чертовым духом подняло и понесло вплоть до Танбовской губернии, до села родимого, до избенки его горемычной. Зажил себе солдатик во свое

удовольствие, а черт, значит, службу за него справляет…

Ермолов почувствовал, что сказка захватила и его. Он давно поставил себе за правило искоренить битье солдат.

«Тот из нижних чинов, — говорил он, — кто никогда не был телесно наказан, гораздо способнее к чувствам настоящего воина и сына Отечества…»

— Перерядился дьявол во солдатскую шинель, — звучал старческий альт Попадичева, — не хочет только портупею крест накрест надевать — вестимое дело, боится креста-то.

Взял да и надел через левое плечо и тесак, и сумку и, словно ни в чем не бывало, похаживает себе с ружьем на часах.

Приходит смена. Капрал глядь: «Чтой-то у тебя, брат, тесак по-каковски надет?» — «Да што, братцы, правое плечо сомлело — болит…» — «Вот те! На пле-чо! Надевай!» — «Как хошь, не надену!» Доложили после смены ундеру старшему.

Ун дер черту — зуботычину: надевай, значит. «Не надену — плечо болит». Он ему — другую. «Нет, што хошь, не надену!» Ротному докладывают. Ротный ему на другой день всполосовал спину. «Надевай!» — «Нет, что хошь, не надену!»

Полковому доносят. Полковой ту же самую расправу над ним сочинил, а черт все не надевает… Что тут делать? Шефу докладывать приходится. А черта между тем по спине полосуют: надевай, значит. «Нет, не надену!» Наконец в лазарет слег да через три дня и помер… «Нет, — говорит, — невмоготу…»

Попадичев закончил сказку, но все молчали. «Они восприняли ее, — подумал Ермолов, — и не сказкой вовсе, а тяжелой бывальщиной…»

— Да, — нарушил молчание Горский. — Битье ни в чем не поможет. Медведя и то палкой не научишь…

«Увы, в армии несправедливость возведена нынче в закон, — размышлял Алексей Петрович. — Но я употреблю все силы, на какие способен, чтобы искоренить это зло. Как много значило для меня ближе узнать русского солдата! Судя по воспитанию, которое началось

знакомством с Вольтером и Дидро, я должен был пройти сквозь все таинства масонства, иллюминатства, ереси, проповедовать свободу и равенство и при этом одной рукой креститься, а другой обкрадывать полковую казну. Ничего этого со мной не случилось. Но отчего? Не оттого ли, что я принадлежу просто к обществу русских и к солдатскому честному братству?..»

Глава третья. ПРИЗНАНИЕ

1

Москва! Знакомая до боли, родная — матерь городов русских и его, Ермолова, мать, и мать его родителей… Все ему тут любо и мило, но более всего места детства — Воздвиженка, Арбат с его переулками — Большим Афанасьевским, Староконюшенным, Калошиным, Кривоарбатским, Денежным, Никольским, Спасопесковским, Серебряным, — усадьба Василия Денисовича Давыдова на Пречистенке, университетский пансион на Моховой. Здесь он оставил учебу…

Алексей Петрович нашел первопрестольную и той же, что прежде — истинно русской, гостеприимной, обжорливой, и переменившейся усилиями новомодных подражателей чужеземным образцам.

Спутником Ермолова был знаменитый уже в Москве, несмотря на свою молодость, граф Федор Толстой — иссннячерный, белозубый, горячий, как порох.

Его прозвали «американцем», потому что он прожил несколько лет на Алеутских островах, куда его, 22-летнего офицера, высадил за бурное поведение адмирал Крузенштерн, под командой которого Толстой плавал вокруг света. Федор Толстой был драчун, враль, картежник, дуэлянт, уже отправивший нескольких человек на тот свет. Это не мешало ему иметь множество друзей, среди которых был и Денис Давыдов.

Он много повидал в своих странствиях, но слушать его рассказы было совершенно невозможно: граф Федор Иванович всякий раз начинал неистово фантазировать. Разжалованный в рядовые, Толстой снова готовился к военному поприщу, тренируя в дуэлях твердость руки и верность глаза. Стрелок он был первоклассный.

Ермолов и Толстой прогуливались по модному Тверскому бульвару. Их обтекала толпа праздных жителей. Какие странные наряды, какие лица! Тут красавица вела за собою свиту обожателей, там угадывал Алексей Петрович провинциального щеголя, который приехал в Москву перенимать моды и теперь пожирал глазами счастливца в парижском наряде — голубых папталипах и широком безобразном фраке. За ними шла старая генеральша, болтая с компаньонкой, а подле брел откупщик с премиленькой женой и карлом, уверенный в том, что бог создал одну половину рода человеческого для винокурения, а другую для пьянства.

А вон университетский профессор в епанче спешит на свою пыльную кафедру… Шалун напевает водевили и науськивает своего пуделя на прохожих… Добрый московский кавардак!

— Мы в первопрестольной на все имеем собственное мнение, — бойко говорил Толстой, посверкивая черными насмешливыми глазками. — У нас все недовольны всем.

— Как же, знаю, — добродушно усмехнулся Алексей Петрович, на полковничьем мундире которого появился третий орден — св. Анны. — Москва все критикует: двор, правительство, и бранит прежде всего Петербург. Но сама смотрит на него с завистью и соблюдает на обедах больше чинопочитания, чем его существует в австрийских войсках…

— Зато по части моды Москва нынче равняется на Европу, не считаясь с Петербургом. Здесь мы впереди всех.

Не верите? Зайдем в конфетный магазин Гоа на Кузнецком, — предложил граф.

У гасконца Гоа, где продавалось мороженое и всякие слодости, Ермолова встретило огромное стечение франтов — в лакированных сапогах, в широких английских фраках, в очках и без очков, с безукоризненными

прическами и нарочито взлохмаченной шевелюрой.

— Вот этот, который, разиня рот, смотрит на восковую куклу в витрине, вы думаете, конечно, англичанин? — рассуждал Толстой. — Нет, он природный русак и родился в Суздале. Ну так тот — француз? Он картавит и говорит с хозяйкой о знакомом ей чревовещателе, который в прошлом году забавлял весельчаков парижских. Нет, это старый франт, который не ездил никуда далее Марьиной Рощи. Он промотал родовое имение и наживает повое за каргами. Ну, значит, вон тот немец? Бледный, высокий, который вышел из магазина с прекрасной дамой! Еще раз ошибка! И он русский, только молодость провел в Германии. Но по крайней мере жена его иностранка? Она еле-еле говорит по-русски.

Снова нет! Она русская, любезный Алексей Петрович, родилась в приходе Неопалимой Купины и кончит жизнь свою на Ваганькове. Прошу заметить еще пожилого человека со шпорами. Он изобрел в прошлом году новые подковы для своих рысаков, дрожки о двух колесах и карету без козел Он ночует на конюшне, завтракает с любимым бегуном и ездит нарочно в Лондон, чтобы посоветоваться с известным коновалом о болезни своей английской кобылы…

— Какое скопище бездельников! — с отвращением произнес Алексей Петрович.

Задетый словами Ермолова русский парижанин с талией в рюмочку, в кружевном наряде, шелковых чулках и башмаках с блестящими пряжками, вспетушил грудь и с пригнусью возгласил:

— А, так мы не правимся медведю, которого изрядно поклевали Бонапартовы золоченые орлы!

Ермолов искоса поглядел на него и вдруг расхохотался:

— Ну что делать с этим сморчком? Его же тронуть боязно даже пальцем!

Радуясь возможности скандала, а то и драки, Толстой повернул к Ермолову свое цыгановатое лицо, внутренне подбадривая его: «Наддай, ну-ка, братец, наддай еще!» Но франт в испуге уже упрыгнул, как блоха, и исчез в толпе, которая с почтением внимала богатырю полковнику.

— Да, Москве не грозит нашествие иностранцев только потому, что она

уже полонена ими, — громко продолжал Алексей Петрович. — Они нагрянули сюда сначала в образе парикмахеров, содержателей лавок и разного рода увеселительных заведений, а потом аббатов и разорившихся дворян, бежавших от революции. Изо всех этих выходцев былп и такие, кто не заслуживал имени шарлатанов и невежд. Но всяк, кому не везло по торговой части, брался за воспитание русского юношества. И все достигли цели! Скоро добыли деньги и оболванили на свой манер несчастных недорослей.

Нет, — добавил он, — не по себе мне в модных лавках. Да и битве языков я предпочитаю язык битвы!..

2

Снова баталии! Снова стук пушечных колес, топот копыт конницы, перебранка, хохот и ропот пехоты, бредущей по колено в снегу, скачка в разных направлениях адъютантов, медленное передвижение генералов с их свитами. Снова походная неопрятность одежды у людей, два месяца не видевших над собою крыши, закопченные дымом биваки, оледенелые усы, простреленные кивера и плащи. Снова привычная, манящая, электризующая душу стихия войны!..

Оба врага между тем, едва опустела равнина, Издали копья метнув, друг на друга беюм устремились; Звонко столкнулись щиты, и Марсов бой разгорелся.

Тяжко стонет земля, ударяется чаще и чаще В битве клинок о клинок; все смешалось — и доблесть, и случай…

Ермолов, повторяя строки любимого Вергилия, ехал в голове потрепанной артиллерийской колонны. Наперекор всем испытаниям он разделял общее настроение душевного подъема и уверенности в своих силах, которые владели всей армией. После баснословных успехов, одержанных в течение одного года Наполеоном сперва над австрийцами, а затем над пруссаками, первые же встречи с русской армией в повой

войне крепко поколебали самоуверенность французов.

Теперь, командуя артиллерией в авангарде генерал-майора Маркова, полковник Ермолов участвовал в дерзком налете на городок Морунген. Отразив натиск целого корпуса Бернадота, отряд успешно решил поставленную задачу.

В кромешной тьме Ермолов с другими полковниками — Юрковским и Гогелем вернулся в Либштадт, где располагался русский авангард. Узнав, что командирам отведен для ночлега и ужина дом городского начальника — амтманна, Алексей Петрович с боевыми товарищами поспешил туда, мечтая о горячей еде и постели. Их встретила хорошенькая немка с фаянсовым личиком — жена амтманна, которая объяснила, что в доме ни крошки припасов.

— Ну что ж, — кисло улыбнулся щуплый Юрковский, — в утешение голодному остается любоваться пригожим станом и прелестными глазками амтманнши!..

Генерал-майор Марков, как человек весьма ловкий, не показал удивления, видя своих полковников, вышедших из огня, словно этим они исполнили его распоряжение. Начались подсчеты, потерям в сражении, где пятитысячному русскому авангарду противостояло до девятнадцати тысяч французов корпуса Бернадота.

— Давайте-ка, господа, ложиться почивать, — потягиваясь, предложил Марков. — Утро вечера мудренее…

Тут захлопали двери, застучали сапоги, и в залу в сопровождении большой свиты вошел генерал-лейтенант Багратион, прибывший из Петербурга и назначенный командовать сводным авангардом армии. Ермолов увидел сорокапятилетнего и уже лысого генерал-майора Барклая-де-Толли, мундир которого был украшен только Георгием и Владимиром 4-й степени, а также штурмовой Очаковской медалью, генерала де Бальмена, командира кавалергардов Трубецкого, а за ними — юного гусарского поручика в красном ментике, курчавого, с лихо закрученными усами, в глазах которого светились любопытство и отвага.

Не стесняясь высокого начальства, выслушивающего рапорт Маркова,

Алексей Петрович кинулся к гусару, обнимая и целуя его:

— Денис! Братец! И ты к нам! Вот это новость!

Денис Давыдов, обрадованный и смущенный, говорил в ответ:

— Помилуй! Свершилась мечта моя… Я в армии! Я дышу свежим воздухом! Не в гарнизонной службе, не на придворных балах…

— Постой, — перебил его Ермолов, — да куда же ты определен?

— В адъютанты к его сиятельству князю Петру Ивановичу, — радостно сверкая глазами, отвечал двадцатидвухлетний поручик. — Я хочу, чтобы мое имя, как пика, торчало во всех войнах!

— Ты, я слышал в Москве, стал изрядным стихотворцем?

И кажется, за свои вирши поплатился?

— Да, я расстался с гвардией… Но не жалею об этом! — воскликнул Давыдов. — Душой и телом я гусар. В славном Белорусском полку, среди гусарской вольницы, обрел я новых друзей, готовых со мной в огонь и в воду. Они возбудили во мне стремление воспеть русского гусара!..

И он своим высоким, резким голосом прочел:

Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке
Или лошадь осадим,

Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!
Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И Георгья за совет!
Пусть… Но чу! Гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон — и в сечу! Вот
Пир иной нам бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее…
Ну-тка, кивер набекрень,
И — ура! Счастливый день!..

— Живо! Пламенно! — одобрил Алексей Петрович.

— Довольно я был повесой! — говорил Давыдов. — Бывало, закручу усы, покачну кивер на ухо, затянусь, натянусь да и пущусь плясать мазурку

до упаду… Как только загорелась война, я стал рваться в огонь, перешел в лейбгусарский полк — и вот я здесь…

— У такого командира, как Багратион, есть чему поучиться, — улыбался, глядя на своего пылкого двоюродного брата, Ермолов. — Только вот тебе мой непременный совет или даже приказ: немедленно сними свой красный ментик.

— Да отчего же? — чуть ли не возмутился Денис. — Горжусь, что лейб-гусар!..

— Да оттого, братец, — с легкой насмешкой проговорил полковник, — что можешь быть в нем ранен или убит от своих… Ближе остальных французов к нам корпус Бернадота, а у него красные ментики, подобные нашим лейб-гусарским, носит 10-й Парижский полк…

Несмотря на страшную усталость после тяжелого боя и изнурительного отступления, Ермолов проговорил с ДРНИсом Давыдовым до утра. Они вспоминали близких и родные, оставшихся в России, перебирали имена славных командиров, рассуждали о настоящей кампании, где русским приходилось действовать против грозной армии Наполеона без союзников.

Прусской армии как боевой единицы фактически уже не было.

3

Как мы помним, перед Аустерлицем Пруссия была уже готова выступить против Наполеона, по союзники, не дождавшись ее помощи, вступили в решительное сражение с французами. Последствием Аустерлпцкого разгрома был отказ Пруссии от союза с Россией и Австрией и сближение с Францией. Но, уступая громкому требованию общественного мнения и сильному нажиму извне, от противников наполеоновской Франции — Англии, России, Швеции, король Фридрих-Вильгельм в следующем, 1806 году объявил Наполеону войну.

В помощь 140-тысячной прусской армии были направлены два русских

корпуса: 60-тысячный под началом Беннигсена и 40-тысячный, возглавляемый Буксгевденом. Главнокомандующим был назначен престарелый фельдмаршал Михаил Федотович Каменский; Кутузов, на которого Александр I переложил всю вину за поражение при Аустерлице, находился не у дел. Управление русской армией оставляло желать лучшего: оба корпусных командира постоянно враждовали друг с другом, а болезненный старик Каменский не обладал достаточной волей, чтобы согласовать их действия.

Однако прежде чем русские соединились с пруссаками, те успели повторить роковую ошибку, совершенную за год перед тем австрийцами. Они без разведки выдвинулись далеко вперед, а Наполеон воспользовался этим и атаковал союзников. При Йене и Ауэрштадте 2 октября 1806 года произошли два крупных сражения, в которых Франция полностью разбила немецкую армию.

Фридрих-Вильгельм, призывавший на помощь русских, одновременно посылал к Наполеону доверенных лиц, умоляя заключить мир с выплатой огромной контрибуции и уступкой Франции новых земель. До какой степени доходило его унижение перед грозным завоевателем, видно из письма Наполеону в Берлин, в котором Фридрих-Вильгельм писал:

«Крайне желаю, чтобы Ваше Величество были достойно приняты и угощены в моем дворце. Я старался принять для того все зависящие от меня меры. Не знаю, успел ли я?»

Таковы были союзники русских в борьбе с общим врагом:

один, австрийский император, молил Наполеона в 1805 году о пощаде Вены; через год другой, король прусский, старался сделать ему приятным пребывание в Берлине. Иначе угощали Наполеона русские в 1812 году, в Москве, в теремах Кремлевских…

Несмотря на все мольбы Фридриха-Вильгельма, французский император не желал слышать о мире, и аппетиты его росли. Покончив с пруссаками, он обратился против русских и в половине ноября со 160-тысячной армией двинулся к Висле. Наполеон стремился отрезать противника от границ России, окружить и уничтожить его, как это было сделано с

австрийцами и пруссаками.

Русское командование своими противоречивыми указаниями, кажется, совершало все, чтобы облегчить Наполеону его задачу.

Перейдя границу, оба русских корпуса соединились в начале декабря в Пултуске, куда прибыл главнокомандующий.

Он приказал Беннигсену выступить к реке Вкре; одной части корпуса Буксгевдена было велено двинуться туда же, по только несколько правее, через город Голимин; другая часть была направлена в угол между реками Бугом и Наревом для обеспечения левого фланга русских. Однако, получив сведения о приближении Наполеона, Каменский приказал всем войскам, направленным к Вкре, вернуться к Пултуску, где решился принять бой. Через несколько часов престарелый фельдмаршал отказался и от этого намерения. Он велел обоим корпусам отступать к границам России, а сам покинул армию.

Посюянное колебание Каменского привело к страшной путанице во всех передвижениях русских войск. Путаница эта была столь велика, что сбила с толку самого Наполеона.

Предполагая, что русские собираются у Голимина, он направил туда главные силы, тогда как большая часть русской армии вернулась к Пултуску. К этому городу продолжал наступать лишь один корпус маршала Ланна.

Беннигсен решил действовать на свой страх и риск и принять бой у Пултуска. Русская конница атаковала с флангов обе половины неприятельского корпуса и понудила его к отступлению. Бой окончился 14 декабря в восемь вечера, в совершенной темноте. Потери русских достигали трех с половиной тысяч, у французов же — от семи до десяти тысяч.

В тот же день произошло славное для русского оружия сражение у Голимина, где отличился Ермолов, руководивший на правом фланге тремя ротами конной артиллерии.

Здесь собрались под командой Голицына остатки разных дивизий, сбившиеся с пути вследствие беспорядочных распоряжений Каменского.

Имея под началом сборный отряд, Голицын с утра до вечера держался против главных сил Наполеона и отошел лишь с наступлением темноты.

Несмотря на удачный исход боя при Пултуске, Беннигсен ввиду превосходства неприятеля решил отступить полевому берегу Нарева. Наполеон не преследовал русские войска и расположил свою армию вокруг Варшавы на зимние квартиры.

В это время был получен приказ о назначении Беннигсена главнокомандующим всей армией; Буксгевден уехал из войск, и двоевластие было наконец устранено.

Беннигсен упустил случай разбить отдельно расположенные неприятельские корпуса. Он ограничил свою задачу прикрытием западной границы России и Кенигсберга, где находилась резиденция прусского короля. Наполеон, не зная этого, требовал от Бернадота завлекать русских как можно дальше в тыл по направлению к Нижней Висле. Сам он с главными силами намеревался отрезать русских от границ их Отечества и прижать к морю.

К счастью, офицер, посланный Наполеоном к Бернадоту, был перехвачен гусарами Юрковского. Узнав об угрожающей армии опасности, Беннигсен стянул свои сильно разбросанные войска, за исключением прусского корпуса Лестока, и начал медленно отходить к местечку Прейсиш-Эйлау, где и решил дать сражение. Будь на месте его полководец суворовской хватки, он вместо ничего не дающей русской армии трехдневной ретирады предпринял бы наступательную операцию, которая бы опрокинула намерения Наполеона. Но все было пожертвовано в угоду ложного мнения, будто бы русскому войску выгоднее оборонительное, чем наступательное, действие.

Как будто бы за семь лет перед этим не было Суворова…

4

С рассветом 27 января 1807 года русская армия была поднята в ружье.

Еще курились костры на месте ночлега войск, которые черными полосами рассекали белое, незапятнанное поле будущего сражения. Перед Ермоловым, стоявшим на правом фланге с двумя конноартиллерийскими ротами, простиралась обширная болотистая равнина, совершенно неудобная для наступательных действий, с замерзшими озерами, лед которых, однако, не выдерживал и тяжести всадника. Левее, за равниной, на центральной дороге смутно угадывался городок Прейсиш-Эйлау, занятый французами.

Командир роты капитан Горский ходил по позиции, проверяя готовность солдат. За три дня непрерывных боев в арьергарде князя Багратиона, превозмогая глубокие снега, бездорожье, батарейцы истощили свои силы до предела.

Только мрак январских ночей прерывал кровопролитие, и солдаты кидались на мерзлую землю, чтобы забыться в коротком сне.

— Подымайся, сынок, — спокойно говорил Горский, тряся за плечо одуревшего от недосыпа солдатика. — Вон, у тебя нос и щеки побелели. Я тебе сальца гусиного дам, а ты потри хорошенько… Ишь апостол Тимофей, Тимофей полузимник миновал, а все студено…

Конную роту Горского Ермолов, командовавший у Багратиона всей артиллерией, употреблял в арьергардных боях чаще — как самую подвижную.

— Харитоныч, господин Горский! — позвал капитана Ермолов. — Боюсь, что на этой позиции простоим мы без пользы…

— Что ж, Алексей Петрович, — возразил Горский, — не довольно ли мы несли француза на своих плечах?

— Нет, господин капитан, — смягчая улыбкой официальность обращения, сказал Ермолов, — береги солдата —до битвы пуще красной девицы, а уж во время боя не щади ни лошадей, ни людей!

Оба офицера замолчали, вслушиваясь в далекий шум, доносившийся из вражеского стана.

…Наполеон, полагавший, что русская армия разбросана и что перед ним только корпус Голицына, был изумлен неожиданной встречей со всеми

нашими силами. Обманутый в своем стратегическом предприятии, он вознамерился давлением на левый фланг все-таки отрезать противника от границ России и прижать к морю. Не думая, что Беннигсен решится на генеральное сражение, французский император следовал за ним с главными силами по большой дороге, имея в двадцати пяти верстах от себя справа корпус Даву, а влево, верстах в двадцати, — корпус Нея, преследовавшего пруссаков Лестока; Бернадот, не получивший приказаний Наполеона, так как курьер к нему был перехвачен русскими, находился в нескольких переходах.

Лишь краткую передышку имели артиллеристы Ермолова, бывшие все эти дни в деле. Но, глядя на тридцатилетнего полковника, никто бы не приметил на его лице и тени усталости. Он снова искал самого жаркого боя. Отрываясь от воспоминаний об изнурительных арьергардных стычках, Ермолов сказал молчавшему Горскому:

— Помни, Харитоныч, суворовский наказ. Каждый воин — знай свой маневр. Мы, прости господи, не прусские куклы и, ежели нужда будет, не останемся глядеть на беду соседа…

Дружное «ура!» слева прервало его наставления. Вдоль линии русских войск медленно двигалась небольшая группа всадников. Впереди в окружении штабных офицеров ехал высокий, сутулящийся в седле Беннигсен; процессию замыкал эскадрон Санкт-Петербургских драгун — в касках с конскими хвостами и серых шинелях с розовыми погонами. А в середине, между трубачами и литаврщиками своего полка, собственной персоной полковник Дехтерев держал в руках трофейного орла.

Потом, с 1812 года русские привыкли смотреть равно душно на знамена Наполеона, десятками привозимые к Кутузову. Но в 1807 году исторгнутый из рук французов орея завоевателя почитался трофеем великим. Вот почему батарейцы, выстроившиеся впереди своих пушек, капитан Горский и даже Ермолов так согласно подхватили клич, и это «ура!» грозно и тяжело потекло над равниной Прейсиш-Эйлау, достигая расположения неприятеля и Наполеона, делавшего последние приготовления к сражению, для него неожиданному.

5

Целью Беннигсена было соединение с прусским корпусом Лестока и защита Кенигсберга; задачей Наполеона — разгром русских, если они примут бой.

Русская армия примыкала правым крылом к селению Шмодитен, а левым простиралась до деревни Саусгартетг.

Позади правого крыла армии пролегала кенигсбергская дорога, а за центром — дорога, ведущая в Россию. Четыре дивизии, имея в середине отряд Маркова, построены были в две линии — первая развернутым фронтом, вторая колоннами. Впереди стояли артиллерийские батареи. Резерв был в двух; местах: позади левого крыла дивизия Каменского-2-го и за центром — Дохтурова. Конница стояла на флангах армии и в центре. Казаки, поступившие под начало Платова, расположились в разных местах боевой черты.

Русская армия насчитывала до 78 тысяч человек, у Наполеона под Эйлау вместе с подошедшими корпусами Даву и Нея было около 80 тысяч.

Местоположение представляло слегка холмистую равнину, примыкающую левой стороной к легким возвышенностям, господствующим над левым флангом русских. Снег покрывал землю глубоким слоем, что затрудняло перемещение артиллерии.

Наполеон сосредоточил главные силы на своем правом фланге: корпус Ожеро, кирасирская дивизия Гопульта, копная гвардия, драгунская дивизия Груши, дивизия СентИлера. Видя перед собой все силы русских, французский император не мог не подосадовать на судьбу, лишившую его в такой решительный день содействия корпуса Бернадота.

Между тем жестокая канонада гремела вокруг города:

неприятель стремился отвлечь внимание русских на их правом фланге, чтобы затем сокрушить левый, разгром которого должен был довершить подошедший Даву. После трех часов канонады Наполеон приказал всему

центру главных сил двинуться вправо. Но в это время закрутилась метель с густым снегом, так что в двух шагах ничего не было видно. Пронзительный ветер нес снежные хлопья прямо в лицо французам, ослепляя их.

Корпус Ожеро потерял направление и, отделясь от дивизии Сент-Илера и всей кавалерии, внезапно для русских и для себя предстал посреди ничем не защищенного поля перед центральной артиллерийской батареей. Семьдесят жерл изрыгнули адом, и град картечи ударил по неприятелю. Маршал Ожеро, оба его дивизионных начальника, Дежарден и Геделе, пали, тяжело раненные. Полки Московский гренадерский, Шлиссельбургский, Владимирский, склоня штыки, немедля ринулись на врага.

Более двадцати тысяч человек с обеих сторон вонзали трехгранное острие друг в друга. Толпы валились. Около получаса не было слышно ни пушечных, ни ружейных выстрелов; раздавался только невыразимый гул, перемешанный с криками и стонами. В иных местах французы прорывались вперед, хватались за русские орудия, но мгновенно испускали дух под натиском русских прикладов и банников. Очевидцы утверждали, что подобного побоища не происходило в продолжение всей эпохи наполеоновских войн. Наконец наша взяла!

Корпус Ожеро был опрокинут и преследован русской пехотой с подоспевшей конницей Голицына. Задор достиг такой степени, что один из русских батальонов в пылу погови занесся за неприятельскую позицию и оказался у эйлауской церкви, в ста шагах от самого Наполеона.

Наполеон, решительность которого возрастала по мере умножения опасности, приказал Мюрату и Бессьеру с тремя дивизиями и конной гвардией ударить по гнавшимся при криках «ура!» русским войскам. Необходимо было спасти хотя бы часть корпуса Ожеро и остановить общий натиск противника. Более шестидесяти французских эскадронов обскакали справа бежавший в панике свой корпус и понеслись на русских, размахивая палашами. Загудело поле, и вихрь, взрываемый

двенадцатью тысячами всадников, поднялся и взвился из-под копыт, как из громовой тучи. Сам Мюрат в своем опереточном костюме, с саблею наголо, летел в середину сечи.

Пушечный, ружейный огонь и штыки, подставленные русской пехотой, не остановили противника. Французская кавалерия прорвала первую линию и достигла второй. Но вторая линия и резерв устояли и плотным ружейным и батарейным огнем обратили французов вспять.

В этом приливе и отливе боя дивизионные генералы Гопульт, Далман, Корбино были убиты. Весь корпус Ожеро, три кавалерийские дивизии и конная гвардия разгромлены.

Шесть орлов досталось русским.

Еще одно решающее усилие — и сражение было бы выиграно. Но русские войска, атаковавшие неприятеля, были остановлены и отведены в состав главных сил армии. Этим воспользовались французы, которые, получив подкрепление, снова пошли в атаку.

Около часу пополудни на гребне высот замелькало несколько отдельных всадников. За ними показались отряды конницы, колонны пехоты и артиллерии. Горизонт зачернел. Холмы Саусгартена, дотоле безмолвные, сверкнули, оклубились дымом.

Беннигсен понял, что его левый фланг не выдержит натиска. Слабый отряд Багговута все более подавался к центру. Даву, оттеснив его за лес, занял высоты Саусгартена и поставил на них батарею крупнокалиберных пушек. Перекрестный огонь французских батарей взрывал поле битвы и все, что на нем находилось. Обломки ружей, щепы лафетов, кивера, каски летели в воздухе, все трещало и рушилось…

В это время из резерва прискакал Ермолов с тридцатью шестью конными орудиями.

Командовавший центром генерал-лейтенант Остен-Сакен в ВОЛНРПИИ говорил начальствовавшему над левым флангом графу Остерману-Толстому и начальнику его кавалерии Палену, видя всю армию почти уже обойденной:

— Беннигсен исчез… Я остаюсь старшим… Надобно для всеобщего

спасения отступить!..

Храбрый Остерман-Толстой покачал головою, слыша предложение, вырвавшееся в минуту огорчения и досады.

Увидев подъехавшего Ермолова, он безмолвно махнул ему рукой влево. Этот жест полковник и должен был принять за направление. Мигом поскакав назад, Ермолов присоединил к своим орудиям еще одну роту конной артиллерии и, не мешкая, повел их на левое крыло русских войск. Алексей Петрович не знал толком ничего: с каким намерением начальства он туда отправляется? кого там найдет? к кому поступит под команду?

Русские войска образовали почти прямой угол, стоя под перекрестными выстрелами Наполеона и Даву. Ермолов увидел перед собою обширное поле на оконечности левого фланга, где слабые остатки войск едва держались.

— Сняться с передков! К бою! В картечь! — приказал он.

Едва первые орудия открыли картечную стрельбу, французы пришли в замешательство.

— Капитан Горский! — зычно, чтобы слышали все, провозгласил Ермолов. — Прикажи отослать назад передки орудий и всех лошадей, начиная с моей! Об отступлении не может быть и мысли!..

Дружное «ура!» батарейцев покрыло его слова. Потеснив пехоту неприятеля из Ауклапена, Ермолов начал обстрел батареи, установленной на высотах Саусгартена. Через некоторое время к нему прибыл юный генерал Кутайсов, командовавший артиллерией правого крыла армии. Так как Ермолов не находился под его начальством, Кутайсов не мешался в его распоряжения. Целых два часа Ермолов огнем сдерживал напор корпуса Даву, что дало возможность Остен-Сакену и Остерману-Толстому перегруппировать войска и подтянуть резервы.

Как только напор французской артиллерии ослабел, Ермолов приказал солдатам двигать пушки всякий раз, когда батарея окутывалась дымом, и подошел почти под выстрелы. Все свое внимание он обращал на дорогу, лежащую у подошвы возвышенности. Французы пытались провести свою

пехоту именно по этой дороге, так как глубокий снег мешал им обойти стороной. Но всякий раз картечными выстрелами Ермолов обращал противника назад с большим уроном.

В это время отступавший левый фланг русской армии окончательно устроился, а резерв его отправился на подкрепление прусскому корпусу. Общая атака на лес была произведена с превосходным мужеством. Лес был очищен огнестрельным и холодным оружием. Если бы теперь Беннигсен двинул вперед центр армии, с Наполеоном случилось бы то же самое, что с союзниками под Аустерлицем.

Но войска остались стоять на месте. Напору Лестока содействовала лишь собственная его артиллерия, бившая в лицо войскам Даву и Сент-Илера, и батареи Ермолова, низавшие продольными выстрелами линию французов по всему протяжению, от левого до правого их фланга. Этот сосредоточенный огонь довершил, однако, дело.

Отступление французов, начатое сперва в полном порядке, обратилось в совершенное бегство, в результате чего двадцать восемь частью подбитых, а частью ничем пе поврежденных орудий были брошены на высотах. Еще один час — и Лесток неминуемо овладел бы этой артиллерией, а затем и Саусгартеном. Но глубокая ночь все более густела над эйлауским полем, напитанным кровью.

Окружающие селения пожирало пламя, и отблеск пожаров разливался на утомленные войска, все еще стоявшие под ружьем и ожидавшие повелений своих начальников. Кое-где видны уже были вспыхнувшие костры биваков, к которым пробирались и ползли тысячи раненых. Трупы людей и лошадей, разбитые фуры, пороховые ящики и лафеты, доспехи и оружие — все это грудами валялось на поле битвы.

…После совещаний и споров Беннигсен порешил оставить место сражения и повел части русской армии к Кенигсбергу. Погони не могло быть. Французское войско, как расстрелянпый корабль с изорванными парусами и обломанными мачтами, но еще грозное, оставалось без движения на поле боя.

Простояв девять дней на поле битвы, чтобы показать, будто он выиграл

сражение, Наполеон 5 февраля приказал отступать и оставил Прейсиш-Эйлау, преследуемый русским авангардом и казачьими полками Платова. Торопливость в отступлении была видна всюду. Кроме лазаретных фур, полных мертвыми, умирающими и искалеченными солдатами, русские находили множество людей, просто выброшенных на снег, без одежды, истекавших кровью. Все селения на пути были завалены больными и ранеными — без врачей, без пищи и без малейшего ухода.

Потери русской армии в сражении при Эйлау составили 26 тысяч человек; у французов они были еще больше. Русские захватили две тысячи пленных и девять знамен; пруссаки — два орла. Хотя Наполеон и старался приписать победу себе, известие об этом кровопролитном и нерешительном сражении произвело в Париже сильное смущение. Позднее в разговоре с посланцем Александра I французский император признался: «Если я назвал себя победителем под Эйлау, то это потому только, что вам угодно было отступить…»

…Действия Ермолова при Прейсиш-Эйлау обратили на себя внимание всех крупнейших русских военачальников.

Беннигсен, к концу боя желая ближе видеть наступление Лестока, находился на левом фланге и оказался свидетелем блистательных действий конной артиллерии. Он сперва был озадачен, заметив в отдалении от рот лошадей, передки и не увидев ни одного орудия, когда же узнал о приказе Ермолова, остался чрезвычайно доволен.

Ермолов по праву ожидал награду за подвиг — орден Георгия 3-го класса. Однако успехи его были приписаны 23-летнему генерал-майору Кутайсову, впоследствии проявившему себя, сыну фаворита Павла Петровича и племяннику генерала Резвого. Его привело на батарею, как вспоминал Ермолов, «одно любопытство». Князь Багратион объяснил командующему совершенную несправедливость, тот признал ее, но ничего не сделал для исправления ошибки.

Тем не менее, как отмечал в своих «Записках» участник битвы при Эйлау декабрист С. Г. Волконский, «с этого сражения началась знаменитость А.П.Ермолова в военном деле».

6

На одном из переходов русской армии, от Гейльсберга к Фридланду, в арьергард русских войск прибыл башкирский полк. Ермолов с поручиком артиллерии Павлом Граббе и Денисом Давыдовым с удивлением рассматривали незнакомое дотоле войско. Вооруженные луками и стрелами, в вислоухих шапках и кафтанах, вроде халатов, на мохнатых малорослых лошадях, башкиры были присланы в арьергард, как уверяли в штабе, чтобы убедить Наполеона, что против него восстали все народы России.

— Не спорю, — рассуждал Давыдов, — не спорю, что при победоносном наступлении армии нашей, восторжествовавшей несколько раз над французами, тучи уральцев, калмыков, башкирцев, ринутых в обход и тыл неприятелю, умножат ужас вторжения. Их многолюдство, храбрость, их обычаи и необузданность сильно потрясут европейское воображение…

— И что не менее полезно, вместе с воображением и съестные и военные запасы противной армии, — улыбнулся Ермолов.

— Но сейчас, — продолжал пылкий гусар, — противопоставлять оружие XV века оружию XIX и метателям ядр, гранат, картечи и пуль метателей заостренных железом палочек — безрассудство, хотя бы число этих метателей и доходило до невероятия!

— Да, триста тысяч резервного регулярного войска, стоящего на границе России с примкнутыми штыками, под начальством полководца, знающего свое дело, предприимчивого и решительного, — вот что может устрашить Наполеона… — задумчиво проговорил Ермолов.

— Глядите, глядите, господа, — воскликнул тоненький и изящный в свои восемнадцать лет Граббе, приподымаясь в стременах, — одпако же башкиры успели захватить какуюто важную добычу!..

Подскакавшие офицеры увидели плененного французского подполковника, который сидел с русским лекарем в кружку башкир.

Подполковника природа одарила носом чрезвычайного размера, а случайности войны пронзпли этот нос башкирской стрелой насквозь, но не навылет: стрела остановилась ровно на половине длины своей. Пленного посадили на землю, чтобы освободить от беспокойного украшения. Однако, когда лекарь, взяв пилку, готовился распилить стрелу надвое, один из башкир узнал свое оружие и схватил лекаря за обе руки.

— Нет, бачка, — говорил он под хохот Ермолова и его спутников, — не дам резать стрелу… Она моя… Не обижай, бачка, не обижай! Это моя стрела… Я сам выну…

— Что ты говоришь? — вскричал Давыдов. — Ну как ты ее вынешь?

— Да, бачка! — возразил серьезно башкир. — Возьму за один конец и вырву вон! Стрела цела будет…

— А нос? — осведомился Ермолов.

— А нос? — отвечал тот. — Черт возьми, нос!..

Между тем подполковник, не понимая русского языка, очевидно, угадывал, о чем идет речь. Он умолял офицеров отогнать башкира и продолжить несложную операцию.

— Долг платежом красен, — сказал, отъезжая, Давыдов. — Французский нос восторжествовал над башкирскою стрелою… Однако, господа, — посерьезнев, добавил он, — хоть Наполеону и не удалось ни разу получить превосходство над русскою силой, я не понимаю, почему мы не атаковали его при Прейсиш-Эйлау, Пултуске, наконец, у Гейльсберга? Что за нерешительность?

— Слышал я, — отвечал ему Ермолов, — что Беннигсен во время последнего сражения снова испытал жестокий приступ каменной болезни. Несколько раз сходил с лошади, ложился на землю, а в самый разгар битвы потерял сознание…

— Сколько же мы будем еще топтать картофельные поля пруссаков? — несмело подал голос Граббе.

— Думаю, Павлуша, все решится одним сражением, — словно бы нехотя произнес Ермолов. — Наполеон хитер и коварен. Главнокомандующий

наш обладает и опытностью, и знаниями, но нет у нас Суворова, чтобы вместо раздумной осторожности явить дерзость гения, и мы думаем только об обороне…

Армия подходила к городку Фридланду.

7

На заре 2 июня русская армия, расположившаяся перед Фридландом, завязала перестрелку с французами в передовых цепях. Но ни с русской, ни с неприятельской стороны нельзя было рассмотреть диспозиции войск, потому что еще не рассвело. Беннигсен был убежден, что перед ним только корпус маршала Ланна, и торопился после многих нерешительных действий разбить его. Однако Ланн искусными маневрами, пользуясь холмистой местностью, скрыл малочисленность своих войск и отправил к Наполеону гонцов с уведомлением о том, что перед ним вся русская армия. Снова вместо решительных маневров Беннигсен ограничился продолжительной бесплодной перестрелкой. Противник не терял зря времени. Вскоре против правого фланга русских появилась кавалерия, а обширный Сортлакский лес, лежащий перед левым флангом русских, заняла пехота.

Армия стояла спиной к городу Фридланду и реке Алле, разрезанная глубоким оврагом на две части: четыре пехотные дивизии и большая часть конницы под начальством Горчакова на правом крыле; остальные части по левую сторону оврага были переданы князго Багратиону. Русская армия образовала дугу, примыкающую обеими оконечностями к реке Алле. Рассыпанные впереди отряды стрелков то подавались вперед, то отходили. По временам усиливался пушечный огонь, а потом стихал. Не решаясь атаковать французов, Беннигсен не хотел и отступать.

В полдень на поле сражения прибыл Наполеон, приказав всем войскам, которые встречались на его пути, торопиться к Фридланду. Всматриваясь в невыгодное расположение русской армии, он недоумевал, подозревая

какой-то подвох со стороны Беннигсена, и наконец сказал: «Конечно, в каком-то другом месте скрытно стоят русские войска». Находившиеся на фридландской колокольне русские офицеры доносили Беннигсену о приближении все новых и новых неприятельских колонн. То были корпуса Нея и Мортье, гвардия и резервная конница.

Еще раз обозрев местность, Наполеон приказал Нею, а за ним — Виктору, гвардии и драгунам, атаковать левое крыло русских, опрокинуть его к Фридланду, а потом овладеть городом, отрезав переправу войскам Горчакова. Вовремя этих распоряжений Наполеона Беннигсен бездействовал, невзирая на получаемые донесения о скоплении крупных вражеских сил. Багратион предсказал близкую атаку: проэорливый полководец говорил, что французы поведут наступление и просил подкреплений.

Беннигсен, находившийся во Фридланде, вновь почувствовал приступы тяжкой болезни. Убедившись наконец в опасном положении русской армии, он приказал отступать на правый берег Алле и сам покинул Фридланд. Горчаков отвечзл, что ему легче будет удерживать превосходящего в числе неприятеля до сумерек, чем открыто отходить. Напротив, Багратион подчинился приказу Беннигсена. Однако только лишь левый фланг русских подался назад, как раздался троекратный залп двадцати французских орудий — сигнал Нею атаковать.

Так бессистемная перестрелка, длившаяся с утра, переросла в настоящую битву.

Едва колонны Нея стали выходить из Сортлакского леса, как заговорили батареи Ермолова, поставленные на правом берегу реки Алле. Картечный огонь был так густ и точен, что дивизия Маршана дрогнула и смешалась. Наполеон отрядил в помощь Нею дивизию Дюпона, но слишком поздно. Русская коиница уже успела врубиться в расстроенные полки Маршана, смяла их и взяла орла. В наступательном порыве кинулась она на конную батарею, но была остановлена, а затем опрокинута французскими драгунами.

На опушке Сортлакского леса появились десять пушек большого

калибра. Действия их были ужасны для русских войск. Хотя Ермолов поспешно противопоставил им около сорока легких орудий, они не могли заставить замолчать пушки французов. К счастью, в результате непрерывной канонады ермоловские батареи повалили на опушке леса множество деревьев, которые образовали натуральный бруствер и закрыли французам обзор. Это вынудило неприятеля покинуть занятую позицию. Пользуясь минутным успехом, Багратион продвинулся вперед.

Французский генерал Сенармон, собрав воедино конную артиллерию, отвел ее на девяносто сажен от русской линии и открыл по батареям Ермолова жестокую пальбу. Несколько минут оказалось достаточно, чтобы осыпать градом картечи каждую из батарей, нанеся им ужасный урон. Егеря, взмапловцы и конные гвардейцы внезапной атакой попытались сбить французские пушки, но были остановлены. Около двух часов пополудни главные силы неприятеля устремились на русский левый фланг и сильно потеснили его к городу.

Князь Багратион отступал полем между рекой Алле и оврагом. С каждым шагом пространство сокращалось и давало французской артиллерии возможность наносить губительный огонь по русским войскам.

Багратион, Раевский, Ермолов и храбрейшие офицеры тщетно старались навести порядок в рассеянных полках.

Картечь опустошала русские ряды, а между тем французские колонны наседали, крича: «Да здравствует император!»

Багратион со шпагою в руках ободрял Московский гренадерский полк, остатки которого окружили его лошадь. Гренадеры теснились вокруг героя, желая заслонить его от смерти…

До какой степени губителен был огонь, направленный на войска Багратиона, видно из показаний французов: генерал Сенармон выпустил под Фридландом 2516 боевых зарядов; из них только 362 были с ядрами, а все остальные картечные. Багратион, желая хоть сколько-нибудь приостановить натиск французов, приказал Ермолову привести из резерва артиллерийскую роту.

Но было поздно. Гвардейские артиллерийские роты, выполняя строгое

повеление их командира, бывшего ермоловского начальника Эйлера, уходили через Алле по мостам, которые уже готовились поджечь. Среди бежавших артиллеристов был и растерявшийся начальник их, любимец Павла, генерал Эйлер.

Подъехав к Эйлеру, Ермолов схватил под уздцы его коня и крикнул, перекрывая гром боя:

— Велите вашим гвардейцам остановиться! Иначе я возьму вас за воротник, и мы вдвоем вернемся на позиции…

Хороший теоретик и строевик, Эйлер оказался плохим военным и только лепетал в ответ несуразицу на смешанном русско-немецком языке. После сражения, когда это обстоятельство сделалось известным и когда от Ермолова потребовали объяснения о происшедшем, Алексей Петрович сказал, что исполнил свой долг, но доносчиком быть не хочет…

Видя, что неминуемая гибель грозит уже всему левому флангу, если его лишат переправы, Ермолов оставил Эйлера и стремглав поскакал назад, к Багратиону. Отважный князь Петр Иванович, поспешно устроив арьергард, вошел по Фридланд, запалил предместье и начал переправлять вой ска за Алле по мостам, которые были уже зажжены.

В то время как Ней теснил Багратиона, правый фланг русских войск держался под ударами Ланна и Мортье. Однако, когда слева вдоль линий его полетели ядра с батарей, поставленных французами на том пространстве, откуда отступил Багратион, Горчаков начал отходить. Мортье и Ланн двинулись за ним. К этому моменту Беннигсен, мучимый болезнью, не вмешивался в сражение, а оба его главных помощника — генерал-квартирмейстер Штейнгель и дежурный генерал Эссен были контужены. Так нарушилось последнее единство в распоряжении войсками, сражавшимися до истощения сил.

Пока арьергард Горчакова отбивал яростные атаки французской конницы, колонны его спешили к Фридланду, уже занятому неприятелем. Отчаянно вторглись они в горевшее предместье и в объятый пламенем город и после кровавой резни выгнали французов из Фридланда. Чувство мщения русских было таково, что некоторые из них бросились

преследовать неприятеля. Пока одни очищали город от французов, другие спешили к реке.

Мостов уже не было; рушился порядок. Люди кидались в реку, стараясь переплыть на другой берег. Во все стороны рассылались офицеры отыскивать броды. Наконец они были найдены. Войска устремились в реку под рев батарей французских и русских, установленных на правом берегу Алле. Солдаты на руках перекатили полевые пушки. Нельзя было переправить только 29 батарейных орудий из-за испорченных спусков к реке; под прикрытием Александрийского гусарского полка их увезли левым берегом Алле в Алленбург, где они соединились с армией. Было потеряно всего пять пушек, у которых лафеты были подбиты или лошади подстрелены.

Фридландское сражение ничем не походило на разгром при Аустерлице: в русской армии было убито и ранено около десяти тысяч, а у французов — более пяти тысяч человек.

В войсках от Беннигсена ожидали нового сражения: оправившись, русская армия забыла фридландскую неудачу. Тем временем из Москвы к Неману подошла 17-я дивизия Лобанова-Ростовского, а 18-я дивизия Горчакова-2-го находилась в двух переходах от армии. Как гром среди ясного неба, как несправедливость судьбы воспринята была весть о подписании 8 июня в Тильзите предварительного перемирия с Наполеоном. Кампания 1806 — 1807 годов закончилась для России бесславно, и прежде всего из-за неумелых и робких действий главнокомандующего, неоправданно торопившего заключение мира.

Перейдя Неман, русская армия расположилась между селениями Погенен и Микитен, в четырех верстах от реки.

Арьергард Багратиона и казаки Платова, уничтожив за собой мост, встали на берегу Немана.

Все в Тильзите напоминало о подписанном 13 июня на плоту посреди Немана мире, после чего императоры поменялись орденами — Наполеон надел ленту Андрея Первозванного, а Александр — Почетного Легиона. Через улицы перекинуты были драпировки со знаменами русских и французских цветов; на площадях установлены огромные вензеля — А и N; в окнах домов также красовались вензеля и знамена. Среди толпы в военных мундирах и партикулярных платьях выделялась громадная фигура Ермолова, надевшего фрак и круглую шляпу, так как, кроме русской гвардии, находившейся в Тильзите, никому из военных приезжать в город не было дозволено. Одним из немногих исключений был адъютант Багратиона Денис Давыдов, который шел рядом с Ермоловым в парадном лейб-гусарском мундире.

Побывавший во многих боевых переделках, Давыдов окреп и возмужал, хотя и сохранил прежнюю юношескую горячность в суждениях и поступках. И теперь страстно говорил оп своему двоюродному брату о так печально завершившейся кампании:

— Для меня оскорбление Отечества то же, что оскорбление собственной чести! Я до сих пор не могу прпйти в себя от негодования при виде тех унижений, каким подвергают Россию пришельцы из-за Рейна!..

Давыдов рассказывал Ермолову, как высокомерно вел себя с русскими генералами и самим главнокомандующим Беннигсеном адъютант маршала Бертье Перигор, приехавший с ответом на предложенное перемирие:

— Мальчишка, красавчик, он явился разодетый, словно павлин, — в красных шароварах, черном ментике, который весь горел золотом, и высокой медвежьей шапке. Вошел — пос кверху и шапка на голове. И остался в ней за обеденным столом!

— Да это какой-то татарский посол, приехавший за данью в стан князей российских, — грустно улыбнулся Ермэлов. — Или гордый римлянин, второй Попилий, победитель галлов, который обвел мечом своим черту вокруг них с приказом не переступать через нее, пока не покорятся они его требованиям…

— Подумай, Алексей Петрович! — еще живее продолжал Давыдов. —

Надо полагать, что не в маленькой же его голове родилась дерзкая эта мысль! Как знать? Легко могло случиться, что со сбитием шапки долой с головы Перигора вылетело бы и несколько статей мирного трактата из головы Наполеона.

— Ты хочешь сказать, Денис, — уже веселев произнес Ермолов, — что дело было в шапке?! На таковую смелость, увы, у нас сейчас нет сил. Но взгляни на Россию! Представь себе, что она совершила — одна, без помощи, без подпоры союзников, собственным духом, собственными усилиями, — тогда комариным укусом покажутся и выпады нечестивых наполеоновских надзорщиков…

Но вот толпа вокруг них зашумела, раздвинулась. «Vive Tempereure!» — «Да здравствует император!» — загремело в воздухе. Только тогда Ермолов услышал топот многочисленной конницы, а затем увидел массу всадников, несущихся улицей во всю прыть. Впереди скакали конные егеря, за ними, облитые золотом, в звездах и крестах, — маршалы и императорские адъютанты. За этой блестящей толпой мчалась не менее блестящая свита императорских ординарцев, перемешанных с множеством придворных чиновников, маршальских адъютантов и офицеров генерального штаба. Кавалькада замыкалась несколькими десятками гусаров и драгунов.

— Наполеон возвращается в свой дворец, — сказал Давыдов. — Утром он был вместе с нашим государем на маневрах своего полка, над которым начальствует полковник Никола, а потом оба императора обедали. Лейб-гусары моего полка, бывшие на маневрах, только что рассказали мне, как его величество Александр Павлович, отведав похлебки из французского котелка, приказал наполнить его червонцами…

— Лучше об этом не думать! — резко ответил Ермолов, отводя глаза. — Лучше не думать! Раз государь делает так — ему виднее… А мы — солдаты! — с внезапным ожесточением проговорил он, словно Денис Давыдов был в чем-то виноват. — Да, солдаты! Наше дело стрелять, рубить, а не думать, не то голова распухнет! Прощай, брат Денис. Мне надобно в часть…

Даже двоюродному брату и близкому другу своему не открылся Ермолов, что снял комнату в доме против квартиры Наполеона. Его мучила загадка, тайна этого человека, положившего к ногам почти всю Европу. Всякий раз, приезжая в партикулярном платье в Тильзит, Ермолов часами наблюдал через растворенное окошко за тем, что происходило во дворце, но до сих пор еще не имел возможности разглядеть императора Франции. Теперь, вооружившись подзорной трубой, полковник поднялся на второй этаж в свою комнату и, наведя трубу на противоположные окна, вздрогнул, вдруг завидя Наполеона совсем рядом, близко от себя.

Он увидел человека малого роста, ровно двух аршин и шести вершков, довольно тучного, хотя ему было тридцать семь лет от роду. Человек этот держался прямо без малейшего напряжения, что, впрочем, характерно почти для всех людей малого роста. Лицо его чистое, слегка смугловатое, с небольшим прямым носом, на переносице которого заметна была весьма легкая горбинка. Волосы были не черные, но темно-русые, брови же и ресницы ближе к черным, а глаза голубые. На нем был конноегерский темно-зеленый мундир с красной выпушкой и с отворотами наискось, срезанными так, чтобы виден был белый казимировый камзол. На мундире сверкали звезда и крест Почетного Легиона. Ботфорты были выше колен — из мягкой кожи, весьма глянцевитые и с легкими золотыми шпорами.

Из своего окна, благодаря сильной зрительной трубе, Ермолов видел все движения этого загадочного человека, который раздавал приказания, выслушивал донесения, говорил… Он разглядывал наполеоновских маршалов — сухощавого Ланна; дебелого, довольно высокого, лысого и в очках, Даву; курчавого и пылкого гасконца Мюрата.

Буря мыслей взвихривала его мозг.

«Да, мы проиграли эту кампанию! Но она покрыла русское воинство блистательной славой! Куда ни обращал Наполеон удары свои, всюду находил он неодолимый отпор.

Великий полководец терялся в своих соображениях, войска его истощались в порывах высокого мужества, но в течение полугода нигде

они не могли сокрушить русскую армию. Свидетельства — Пултуск, Голимин, Эйлау, Гейльсберг. Беннигсен был побежден Наполеоном только однажды — при Фридланде, — хотя далеко уступал в дарованиях своему сопернику. А до этого в продолжение всего похода русские постоянно удерживали за собой превосходство над французами в ратном деле. Изнуряемые голодом, отражая атаки превосходящего в численности неприятеля, ведомого самим Наполеоном, перед которым в несколько дней исчезли австрийская и прусская армии, наши устояли в упорнейших битвах 1806 — 1807 годов…»

Вновь и вновь всматривался Ермолов в Наполеона, отдававшего приказания с той самоуверенной сановитостью, которая только и возникает от привычки господствовать над людьми. Теперь, в июне 1807 года, между Францией и Россией не существовало уже ни одного независимого государства. Все они покорились одной воле — воле завоевателя, который с высокого, левого берега Немана окидывал ненасытпым взором русскую землю, синевшую на горизонте.

Много позднее Ермолов прочтет в воспоминаниях фразу, которую Наполеон обронил для своих ближних: «Через пять лет я буду господином мира. Остается одна Россия, но я раздавлю ее…»

Глава четвертая. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

1

Главнокомандующий Молдавской армией генерал-фельдмаршал Прозоровский принимал в Яссах французского посла в Турции Себастьяни, возвращавшегося из Константинополя в Париж.

Сверстник Суворова и Каменского, Александр Александрович Прозоровский был до того дряхл, что походил более на мумию, чем на человека; четыре няньки пеленали его на ночь, как дитя, а поутру

растирали щетками и отпаивали мадерой. Приведенный таким способом в чувство скелет-воевода, который должен был руководить почти стотысячной армией, одевался в корсет, державший его тело прямо, и в продолжение дня таскался на погах и даже ездил верхом.

За богатым обеденным столом Прозоровский мирно дремал, изредка просыпаясь, чтобы вставить любимое словцо «сиречь», и передал все нити разговора командиру главного корпуса генералу от инфантерии Голенищеву-Кутузову.

Сыпалась быстрая французская речь; Кутузов, бывший в 1793 году чрезвычайным и полномочным послом в Порте, расспрашивал Себасгьяни о здоровье султана Махмуда II и великого визиря Ахмета-паши, которого ласкового именовал «старинным другом».

По Тильзитскому договору Наполеон обязался не оказывать Турции военной помощи и даже взял на себя посредничество в ведении переговоров между Портой и Россией о подписании мира. Однако тайные инструкции, которым следовал Себастьяни, требовали подстрекать Махмуда II к военным действиям, возбуждать в нем устремления вернуть былое могущество Оттоманской Порты и отторгнуть от России Крым и Кавказ. Война, развязанная турками еще в 1806 году, продолжалась…

Себастьяни, черный, вертлявый, в придворном мундире, облитом золотом и сверкающем крестами и звездами, не мог удержаться от гасконского хвастовства и фанфаронства.

Пересказав несколько анекдотов о султанском серале, он принялся исчислять монархов, покорных воле Наполеона.

И то сказать: короли прусский, баварский, саксонский, вюртембергский рабски следовали каждому повелению Бонапарта. Другие европейские троны Наполеон передал своим родственникам и близким: брату Жерому — королевство Вестфалии, Иахиму Мюрату — королевство Неаполитанское, а пасынка Евгения Богарнэ сделал вице-королем Италии. Маршалы корсиканца получили в разное время пышные и часто претенциозные титулы. Так, Бертье стал герцогом Ваграмским, Бесснер — герцогом Истрийским, Виктор — герцогом Беллюно, Даву — герцогом

Ауэрштедтским и князем Окмюльским, Дюрок — герцогом Фриульским, Жюно — герцогом д'Абрантес, Ланн — герцогом де Монтебелло, Лефебр — герцогом Данцигским, Макдональд — герцогом Тарентским, Массена — герцогом Риволи и князем Эслннгенским, Мортье — герцогом Тревизским, Сульт — герцогом Далматским, Удино — герцогом Реджио, а Ней — герцогом Эльхингенским и даже во время русского похода 1812 года сделался принцем Московским…

— Его императорское величество благодаря своему необыкновенному гению мог бы, кажется, стать основателем и всемирной монархии… — трещал Себастьяни.

Молодые русские генералы — Милорадович, Аркадий Суворов, Михаил Воронцов зашушукались; Прозоровский продолжал дремать. Только Кутузов дружелюбно улыбался, слушая француза, и даже кивал ему тяжелой головой. Себастьяни, со свойственной французскому характеру переменчивостью, оборвал речь и, обратись к Кутузову, заговорил о Платове:

— Что такое казачий атаман?

Кутузов тотчас нашелся, не согнав с лица своей приветливой улыбки:

Это что-то похожее на вашего короля Вестфалии…

Себастьяни поперхнулся молдавским алеатико и закусил губу.

— Браво, Михаиле Ларионович! — не удержался генерал-майор артиллерии Ермолов, как младший в чине занимавший место на самом краю стола. — Сколько можно оскорблять наше достоинство нечестивым чужеземным надзорщикам!

Кутузов только повернул к нему, своему любимцу, пухлое лицо с орлиным носом и прикрыл веком здоровый глаз.

Общее ликование разлилось по сердцам военных, свидетелей этой сцены. Все они были старинного воспитания и духа, православные россияне, для которых оскорбление чести Отечества означало то же, что оскорбление собственной чести.

Россия, отважно сражавшаяся с Наполеоном в двух войнах, должна была теперь одна, без чьей-либо помощи, без подпоры доброжелателей и

союзников, собственным духом, собственными усилиями, противостоять властелину полумира, который день ото дня становился все придирчивее и наглее.

В этот миг от шума за столом проснулся Прозоровский и, обведя всех мутным взором, осведомился:

— Сиречь, не разберу, где же я? В Санкт-Петербурге или снова генерал-губернатором в Москве?

Комический сей пассаж утишил возгоревшиеся было страсти.

2

После войны 1806—1807 годов Ермолов вернулся в Россию с репутацией одного из первых артиллеристов русской армии. Его по заслугам оценили такие полководцы, как Кутузов и Багратион; видные военачальники Беннигсен, Милорадович, Раевский весьма похвально отзывались о его боевой службе. Князь Багратион, письменными делами которого Ермолов заведовал в течение этой войны, исходатайствовал ему за блистательное мужество, выказанное близ Гутштадта, знаки св. Георгия 3-го класса. За сражение при Голимине он был награжден золотой шпагой с надписью:

«За храбрость», за главную битву при Прейсиш-Эйлау получил орден Владимира 3-й степени, за баталию при Фридланде — алмазные знаки св. Анны 2-го класса.

Тем не менее инспектор артиллерии и военный министр граф Аракчеев продолжал притеснять и преследовать его.

Отправившись из Тильзита в Россию, Ермолов в местечке Шклов присоединился к дивизии, расположенной лагерем. В конце августа 1807 года Аракчеев осмотрел ее, распределил укомплектование артиллерии и приказал Ермолову оставаться в лагере по 1 октября, тогда как прочим артиллерийским бригадам назначено было идти по квартирам.

К сему граф Алексей Андреевич прибавил весьма грубым образом, что Ермолов должен явиться к нему в Витебск для объяснения о недостатках.

Оскорбленный этой грубостью, Ермолов не скрывал намерений непременно оставить службу. Узнав об этом, Аракчеев предложил дать ему отпуск для свидания с родителями, а затем приказал прибыть в Петербург, чтобы лучше с ним познакомиться.

С запиской на имя военного министра Ермолов явился в Петербург.

В записке Ермолов указывал Аракчееву на то, что во время ссылки при покойном государе Павле I многие обошли его в чине и что потому состоит он в армии почти последним полковником по артиллерии. «Я объяснил ему, — вспоминал Ермолов, — что, если не получу принадлежащего мне старшинства, я почту и то немалою выгодою, что ему, как военному министру, известно будет, что я лишен был службы не по причине неспособности к оной…»

Граф Алексей Андреевич встретил полковника строгим замечанием:

— Вы одеты не по форме!

— Позвольте усомниться, ваше сиятельство… — возразил Ермолов, уже готовый на дерзкий ответ.

Он непримиримо и твердо поглядел прямо в лицо временщика и осекся: Аракчеев смеялся. От непривычно добродушного смеха тряслось все его крупное пористое лицо с красным носом, прыгал шейный Аннинский крест и многочисленные звезды. Продолжая смеяться, Аракчеев приблизился к Ермолову и погладил рукав его мундира:

— У вас нет нашивок, пожалованных вашей конноартиллерийской роте его величеством!

Решив, что Ермолов приобрел в армии такую славу и известность, что чинить ему препятствия уже небезопасно, Аракчеев сменил гнев на милость, расхвалил его Александру Павловичу, а затем и сам представил императору. Впрочем, Александр I давно уже обратил внимание на талантливого артиллерийского офицера, о котором с великой похвалой отозвался после Аустерлица генерал-лейтенант Уваров, а после похода 1806 — 1807 годов — сам король прусский. Император ответил тогда Фридриху-Вильгельму: «Я уже знаю его…» Нашивки на мундир конноартиллерийской роте Ермолова были знаком особого отличия,

равно как и деньги для награждения нижних чинов, отмеченных храбростью, — первый пример подобной награды в русской армии.

Находясь на отдыхе у родителей, в Орле, Ермолов получил известие о долгожданном производстве в генерал-майоры и назначении инспектором конноартиллерийских рот с прибавлением к жалованью двух тысяч рублей.

В этом новом звании отправился он в 1809 году для осмотра конной артиллерии в Молдавской армии под начальством Прозоровского.

Вскоре вспыхнула короткая война между Францией и Австрийской империей. Успехи Наполеона были так же быстры, как и при прежних его походах, и он занял Вену. Во исполнение союзнических обязательств с Францией русские вступили в Галицию, но не столь поспешно, как того требовал Наполеон. Ермолов был назначен начальником отряда резервных войск в количестве 14 тысяч человек в губерниях Волынской и Подольской.

Военный министр Аракчеев дал повеление занять границы обеих этих губерний, так как шляхта, уводя с собой большое число людей и лошадей, переходила в герцогство Варшавское, где формировалась польская армия. Ермолову предоставлена была власть арестовывать перебежчиков п, невзирая на их положение, отсылать в Киев для препровождения далее в Оренбург и Сибирь. Уже тогда проявилась одна особенность Ермолова-администратора. Он не останавливался перед самыми крутыми мерами в отношении злостных нарушителей порядка, но стремился избегать массовых репрессий. Алексей Петрович приказал захваченных при переходе границы отпускать, ограничившись внушением, зато тех, кто стоял во главе больших вооруженных партий, строго наказывал.

«Я употребил строгие весьма меры, — рассуждал Ермолов, — но сосланных не было…»

Часть лета 1809 года Ермолов провел в роскошном имении князя Иосифа Любомирского.

Князь целые дни полевал с огромной свитой егерей и сворой борзых, оставив гостя с его адъютантом Павлом Граббе на попечение своей жены пани Констанции. Веселая, легкая в общении, независимая, вздорная и ветреная, княгиня радовалась возможности развлечь гостей, а заодно и себя. Почти каждый день в замке Любомирских гремела музыка, вспыхивали фейерверки, подымались золотые и серебряные кубки в честь Ермолова. Княгиня Констанция не решила еще только одного: кому отдать предпочтение — 32-летнему красавцу генералу или его юному адъютанту,.

Утром она приглашала их часто вместе завтракать.

Алексей Петрович в сером мундирном сюртуке и его адъютант сидели в зале, ожидая появления хозяйки. Зала была изукрашена живописными изображениями в фангастическом смешении цветов, узоров, животных, вымышленных предметов. На стенах — украшения из разного рода оружия: турецких ятаганов, круглых кожаных и бронзовых щитов, луков и колчанов со стрелами, сабель дамасской стали, кольчуг, панцирей, шишаков, — а также охотничьи трофеи хозяина. Здесь вепри, выставив клыки, взирали маленькими злыми глазками, скалили морды медведи, печально глядели олени, осененные могучими рогами.

— Не по себе мне тут, Павлуша, — ворчал Ермолов, устраиваясь за низким столиком, уставленным форфоровой и серебряной посудой с закусками и темными пузатыми бутылками из княжеского погреба. — Кто не знатен и не богат, тому некстати бояриться. Л мы с тобой живем в чужой роскоши. Что же табалу бить — надо за дело приниматься!..

— И все же, Алексей Петрович, занятно, — возразил тоненький, изящный Граббе. — Ведь когда еще приведется пожить эдак-то? Но погодите, ее сиятельство…

В залу быстро вошла пани Констанция в очень узком, с поясом под мышками, батистовом платье, окургузенном так, что была видна вся нога.

Вместо башмаков у нее были сандалии на босу ногу, где на пальцах, по моде, надеты бриллиантовые кольца, а на голени — золотые обручи. Она быстро заговорила с Ермоловым по-французски, пока он неуклюже целовал ей руку:

— Я видела вашего слугу, генерал! Ах какое лицо! От смеха у меня соскочили обе сандалии. Уступите мне этого малого. Я обожаю глупцов. Моя прислуга слишком умна для меня и хитрее меня во сто крат, а это так утомительно…

— Увы, пани Констанция, — отвечал Алексей Петрович, — ваша замечательная проницательность на сей раз вам изменила. Мой Ксенофонт умнее и хитрее всей вашей челяди и даже шляхты в придачу. Я выполню вашу просьбу лишь тогда, когда вы докажете обратное.

— Ах, все это вздор, не хотите — не надо! — рассмеялась княгиня, садясь за столик. — Однако что мы возьмем к кофе, господа? Меды, ликеры или, может быть, венгерское?

— Я бы предпочел грушевого взвару, — сказал Алексей Петрович.

— С вами невозможно, генерал! — наморщила княгиня свой хорошенький выпуклый лобик. — Но тогда хоть разрешите мне чокнуться с вашим адъютантом. Пан Граббе, венхерского!

Залившись от скромности вишневым румянцем, подпоручик вопросительно поглядел на Алексея Петровича и протянул княгине Констанции тяжелый хрустальный кубок.

— Да, кстати! — щебетала хозяйка. — Завтра к нам приезжает моя кузина Надйн. Сирота, нрава кроткого и тихого, она сущий ангел…

После завтрака, выходя из залы, Ермолов кивнул седеющей головой, указывая на чучела зверей и животных своему адъютанту:

— Однако, Павлуша, самые знатные и развесистые украшения здесь не представлены. Они увенчивают по праву голову супруга…

Красивой аллеей генерал с адъютантом углубились в парк. Издалека доносились веселые возгласы: на лужайко княгиня лопаткой с натянутой сеткой отбивала мячики. Ермолову подумалось: «Да, эта женщина уласкает всякого…»

Было жарко, и в поисках тенистого места Алексей Петрович и Граббе набрели на прелестную беседку у пруда. Над зеркалом воды с тихим треском летали коромысла-стрекозы.

Размягченные жарой генерал и его адъютант задумались — каждый о своем. Граббе был покорен красотой княгини Констанции; Ермолов же размышлял о солдатской своей судьбе. Конечно, в тридцать два года уже наскучило одиночество, и он мечтал о женитьбе. Но жизнь еще не давала к этому повода…

Незаметно, как это бывает в душный летний день, появились тучи, зарокотал гром, и все вокруг стало избела-черно от дождя. Теплые струи с однообразным шумом застучали по аллее.

— Павлуша! Давай-ка, брат, выкупаемся на дожде, — предложил Алексей Петрович.

Раздевшись, генерал и его адъютант двумя Аполлонами выскочили под ливень, на мягкий песок аллеи. Предусмотрительный Ермолов, покружив вокруг беседки, вновь спрятался в ней, блаженно отдуваясь и шлепая себя по груди и по плечам. А Граббе, увлеченный молодостью и наслаждением, был уже далеко. Внезапно юный офицер остановился как вкопанный: прямо на него по боковой дорожке выбежала княгиня Констанция. Увидев перед собой нагого красавца, она с притворным криком повернула назад, а бедный Павел Граббе застыл мраморной статуей, наподобие тех, что украшали луг перед замком. Наконец, опомнившись, он бросился к беседке под громкий хохот Ермолова, сливавшийся с ревом дождя…

Алексею Петровичу стоило немалых трудов уговорить своего адъютанта явиться на другой день к обеду, устроенному в честь приехавшей кузины Констанции.

— Да что ты, право, смущаешься, телепень! Ведь все это одно женское притворство да хитрости! — внушал он Граббе.

— Не могу, Алексей Петрович! Стыдно! Я навеки осрамлен! — твердил подпоручик.

— Если сам не можешь, тогда тебе я приказываю! — решил дело Ермолов

и повел упиравшегося молодого человека за собой.

Надйн была хрупкой блондинкой с нежной, жемчужного отлива, кожей и бледным сероглазым личиком. Прелестная девушка, в которой смешалась русская и польская кровь, она скромно сидела возле Ермолова и отвечала на вопросы звонким и чистым голосом.

«Словно бубенчик серебряный… — Ермолов украдкой поглядел на нее, чувствуя кружение в голове. — До чего хороша! Неужто это мой жребий, моя судьба?..»

Вечером во время фейерверка они гуляли с Надйн по парку, глядели, как водометы перед замком выбрасывали искрящиеся, подсвеченные струи. Бродя по аллее, Ермолов невзначай завернул с девушкой к беседке. Там слышался приглушенный женский смех и ответное робкое бормотание.

Алексею Петровичу показалось, что он узнал голос своего адъютанта. Проводив Надйн, он понял, что не заснет этой ночью, и пошел по дорожке куда глаза глядят.

Парк незаметно сменился лесом, потянуло прелью. Внезапно под ногами зачавкало, и Ермолов скорее угадал, чем увидел, впереди илистое и тенистое место, покрытое стоячей водой. Раздался резкий крик полуночника козодоя. По перу — сова, по стати — ласточка пролетела совсем близко, задев лицо. Алексей Петрович повернул назад.

Спал замок, только верхний полуэтаж был освещен единственным огнем, где был зажжен канделябр. Ермолов подошел ближе и увидел пригоженькое личико Надйн. Она сидела у окошка и припекала локоны щипцами. Алексей Петрович стоял под дугообразным каменным сводом, прикидывая, что может взобраться на верхний ярус покоев. Он примерился и, цепляясь за выступы, полез вверх, затем подтянулся своим могучим телом и оказался у самого окна.

Надйн была не одна. Рядом с нею перед венецианским зеркалом, у столика, заставленного золотыми и хрустальными ароматницами, сидела княгиня Констанция.

— Не понимаю, что ты нашла в этом великане… — говорила она. — Он не

затолкал тебя в вальсе своими копытами? Он ложится грудью на стол, когда ест, отвечает невпопад, а потом вдруг говорит колкость. Я бы, честно говоря, предпочла его адъютанта…

— Что ты, наверно, уже и сделала, хитрая бестия! — пробормотал Ермолов, отстраняясь от окна.

— Нет, ты не права… — своим мелодичным голоском отвечала Надйн, — он очень хороший… Сильный и добрый…

— Надеюсь, ты не говорила с ним о своем положении? — сказала, брызгая на себя духами, княгиня.

— Увы, Констанция, я не умею лгать… Я объяснила Алексею Петровичу, что не имею доходов, что я бесприданница…

Ермолов тихо спустился на землю. «Сколько жить в безженстве!» — повторял он себе. Он чувствовал, как радость наполняет его душу, как все естество его обнимает весна.

Так протекло несколько счастливых дней. Вскоре пришло повеление от Аракчеева срочно отправиться к границе герцогства Варшавского для пресечения смуты. Алексей Петрович отложил решительное объяснение.

В изнурительных переходах, бивачных ночевках он думал о Надйн, о возможности будущего счастья. Но мысль, что его бедность помешает их благополучию, все чаще навещала и грызла его. «Ведь я гол, как бубен, я — бубен бубном… — повторял Алексей Петрович. — Мне за тридцать…

А она — юный, нежный цветок… Могу ли я лишать ее будущего?..» Он готовил себя к нелегкому объяснению, но уже предвидел, что вряд ли решится на брак. Были у него и прежде всаречи, знакомства, но всегда он расставался пото.м бескручинно.

Теперь иное дело…

4

Житомирский губернатор давал бал, на который были приглашены не только знатные местные жители, но и шляхта из дальних городков и

местечек. Пары шли в котильоне, когда появился Ермолов в сопровождении группы офицеров.

Предоставив молодежи свободу развлечений, он медленно шел вдоль залы, ища среди танцующих ту, которая занимала его воображение и имела к нему равную привязанность.

Надйн танцевала с кукольно-красивым шляхтичем и, завидя Ермолова, поспешила найти повод, чтобы оставить своею кавалера.

— Надйн… Как ты хороша… — прошептал генерал, мучаясь мыслью, что страшно пойти на решительное объяснение. — В первый раз в жизни пришла мне мысль о женитьбе, о союзе счастливом и прочном. Дом, очаг, семья — как славно! Да, очаг, но какой? Ни у меня, ни у нее нет состояния, а я не в тех уже летах, когда столь удобно верить, что пищу можно заменять нежностями!..

Тем временем собравшаяся в боковой зале у накрытых столов шляхта крутила усы за медом и горевала о трудной судьбе польской матки-отчизны. Громче остальных ораторствовал тучный старик с серебряными подусниками — почетный попечитель Кременецкой гимназии граф Чапский.

Ермолов уже не раз слышал, что он держал у себя в Кременце и других местах непозволительные речи, порицая Россию и ее государя, однако сам пока что не искал повода для внушения.

Но вот Чапский отделился от толпы и с поклоном подошел к генералу:

— Хочу поблагодарить ясновельможного пана за доброе участие в судьбе многих несчастных моих соплеменников…

Ермолов выждал мгновение, пока их окружили прочие дворяне, и грозно сказал:

— Благодарю вас, граф, за ваше доброе обо мне мнение. Вы, по-видимому, убеждены, что я не хочу воспользоваться предоставленным мне правом — наказывать. Но я обязан предупредить вас, что впредь малейшее неосторожное слово ваше будет иметь самые печальные для вас последствия!

Давая понять, что разговор окончен, Ермолов повернулся и пошел,

раздвигая танцующих, навстречу Надйн, которая уже торопилась к нему.

Она подала ему руку, и они медленно вышли на балкон, в южную украинскую ночь.

— Надйн — тихо сказал Ермолов, понимая, что все должно решиться сейчас и решиться бесповоротно. — Вы знаете, как я отношусь к вам, знаете о моих чувствах…

Она доверчиво прислонила завитую головку к его огромному плечу, ожидая признания. Ермолов заговорил громче, тверже:

— Но что у нас впереди? Я солдат, моя единственная господствующая страсть — служба, а жизнь — беспокойна и подвержена непрерывным опасностям. Вам будет лучше расстаться со мною. Вы юны, хороши и встретите человека, который будет моложе и богаче меня и по роду своих занятий обеспечит вам покой и счастье…

Он замолчал. Молчала и Надйн. Но вот она закрыла лицо руками и бросилась через залу.

«Надо было превозмочь любовь, — вспоминал Ермолов позднее. — Не без труда, но я успел…»

5

Шло время, гремели малые войны, а боевой генерал Ермолов по-прежнему оставался не у дел, с резервом Молдавской армии.

В начале 1808 года театром сражений сделалась шведская часть Финляндии, которая была занята русскими, а на юге продолжалась упорная война с Турцией. Ермолов томился в бездействии в Киеве, просил о переводе его в Молдавию. Он был нужен, о нем вспоминали боевые соратники, его знали и ценили.

Генерал-лейтенант А.А.Суворов за три месяца до своей случайной и нелепой гибели в водах Рымны сообщал ему из Бухареста: с Кутузовым «об тебе долго разговариваем: он цену тебе знает в полной мере…». Отважный генерал-майор Кульнев писал Ермолову в мае 1811 года: «Ни

время, ни отсутствие Ваше не могло истребить из памяти моей любви и того почтения, кое привлекли Вы себе от всей армии, что не лестно Вам говорю, и всегда об Вас вспоминал, для чего Вас не было в шведскую и последнюю кампанию, турецкую войну. Человеку с Вашими способностями не мешало знать образ той и другой войны, и, я полагаю, преградою сей мешала Вам какая ни есть придворная чумичка».

Между тем инспектор всей артиллерии Петр Иванович Меллер-Закомельский обратился к Ермолову с лестным предложением о назначении его командиром гвардейской артиллерийской бригады. Тот страшился парадной службы, не имея к ней склонности, и вежливо отказал. Тем не менее сам император Александр Павлович через нового военного министра Барклая-де-Толли выразил настоятельное желание видеть Ермолова в гвардии. 10 мая 1811 года Ермолов получил гвардейскую артиллерийскую бригаду, а затем под его начало вошли также вновь сформированный Литовский и Измайловский гвардейские пехотные полки. Однако из-за тяжелого перелома руки он смог прибыть в Петербург лишь в октябре 1811 года. По указанию императора военный губернатор каждые две недели обязан был уведомлять его о состоянии здоровья Ермолова. Тот простодушно изумлялся: «Удивлен я был сим вниманием и стал сберегать руку, принадлежащую гвардии. До того менее я заботился об армейской голове моей…»

6

На Царицыном лугу под писк флейтуз и треск барабанов мимо государя проходила гвардия.

Преображенский, Семеновский, Измайловский — каждый из этих полков оставил славный след в военной истории России, каждый был школой для многих великих полководцев. Но хоть и канули в Лету недоброй памяти палочные павловские порядки, упразднены букли и косы, усилиями Аракчеева вновь торжествовала шагистика, кроение и перекроение

солдатских кафтанов, причинявшее армии только страдания и болезни. «Сколько в нашем российском войске, — размышлял Ермолов, находясь в свите императора, — вождей, отличных умом, познаниями, храбростию, которые были многократно в сражениях, одерживали славные победы, известны в Европе, а у нас никуда не годятся, потому что не понимают премудрости пригонки амуниции!»

Тело солдата всовывали в панталоны, застегивавшиеся под самой грудью, на ребрах, а мундиры были узки и тесны. Краги из твердой, как дуб, кожи имели по бокам множество начищенных пуговок, которые возможно было застегнуть лишь посредством железного крючка. Высокие кивера на голове держались с помощью чешуйчатых ремешков, туго затянутых под подбородком. Грудь солдата стеснена ранцевыми ремнями, перехватывавшими скатанную и перекинутую через плечо шинель. Сам, без помощи товарища, воин не мог одеть себя, удовлетворить естественному требованию. В случае нужды один помогал другому расстегнуть крючки, пряжки, портупею.

Александр Павлович, на белой бесхвостой — энглизироваиной — кобыле, смотрел, как равномерно и однообразно гвардейцы поднимают в такт барабану ноги и вытягивают носки, но улыбался чему-то другому, слушая говорившего ему румяного, с поднятыми плечами, Милорадовича. Ермолов догадался, что Милорадович, по обыкновению, рассказывает государю одну из своих многочисленных любовных историй, до которых молодой царь был большой охотник.

Чуть позади них, прямо и твердо сидя на лошади, глядел на Милорадовича со злобой и тоской Аракчеев, ревнуя его к государю. В стороне военный министр Барклай-де-Толли, поглаживая изуродованную у Прейсиш-Эйлау левую руку, тихо отдавал приказания своему адъютанту, удальцу и поэту князю Чавчавадзе.

«Разводы, парады, караулы, смотры… — хмуро думал Ермолов с механической отрешенностью следя за марширующей гвардейской пехотой, во главе которой, подавая пример, вышагивал отменным гусиным шагом ее бригадный начальник великий князь Николай

Павлович. — Но когда же дело? Черт попутал меня оказаться при дворе! Вот и с турками все окончилось без меня! Напрасно Михаила Ларионович через военного министра просил о моем переводе к себе начальником артиллерии. Снова всемилостивейший отказ!..»

Лишь издали мог следить Ермолов за действиями любимого полководца, разгромившего турецкую армию.

В начале 1812 года Кутузов добился в Бухаресте заключения выгодного мира, по которому Бессарабия была освобождена от оттоманского ига и отошла к России, а границей сделалась река Прут.

«Михаила Ларионович носит звание генерала от инфантерии, но победил турок силою артиллерийского и инженерного гения…» — размышлял Ермолов, трогая свою лошадь вслед за свитой.

Возле Александра уже не было Милорадовича, императору что-то оживленно говорил теперь очень курносый Константин Павлович, главнокомандующий гвардией. Барклайде-Толли, поотстав, поравнялся с Ермоловым и, с нерусскою отчетливостью произнося слова, сухо сказал:

— Вы подавали мне докладную об определении вашем на линию простым бригадным командиром…

— Да, ваше высокопревосходительство! — твердо ответил Ермолов. — Изломанная рука моя не позволяет участвовать во всех учениях и разводах, которыми заняты служащие в Петербурге, и я прошусь в полевую армию…

— Перестаньте! — с неожиданным жаром воскликнул Барклай. — Не хотите ли вы уверить меня, что в здравом уме собираетесь выйти из гвардии и отправиться в армию, даже не приобретя полагающегося повышения! Вы обижены, что обойдены орденом за командование резервным отрядом? Правда! Я упустил из виду службу вашу. А теперь хотите заставить дать вам награду, так как знаете особенное благоволение к вам государя и просите об удалении, на которое не будет согласия!

— Я солдат и ищу не наград, но возможности выказать свою верность Отечеству и государю, — проговорил Ермолов, дивясь тому, как

разгорячился Барклай.

Однако тот уже несколько успокоился и с обычной сухостью добавил:

— Его величество изволил утвердить по вашему предложению артиллерийские прицелы, изобретенные господином Кабановым. — Он наклонил голову в шляпе с белым плюмажем и, не ожидая ответа, заторопил коня.

С военным министром с самого начала службы у Ермолова начались сильные стычки. Честный и исполнительный администратор, храбрый и умный военачальник, Барклай окружил себя немцами и, случалось, оказывал им предпочтение. Когда он предложил внедрить в армии артиллерийский прицел, изобретенный его племянником Фитцумом, Ермолов добился приема у государя и доказал преимущества инструмента Кабанова, более совершенного. Понимал, что военный министр, и так недолюбливавший его, теперь вознегодует еще больше. Он слышал отзывы о себе жены Барклая Елены Ивановны, которая не раз говорила мужу: «Оставь его в покое. Это страшный человек!»

«Подальше от двора и дворских интриг, — думал Ермолов. — Конечно, со стороны может показаться, что я не в своем уме. Какая карьера открылась бедному армейскому офицеру! В молодости моей, правда, начал я службу под сильным покровительством, но вскоре лишился оного.

В царствование императора Павла I содержался в крепости и был отправлен в ссылку на вечное поселение. А теперь живу в столице, командую гвардейской артиллерийской и пехотной бригадами, говорю с государем и в свите нахожусь наравне с первыми воеводами. И все же тоскую по делу, вновь просил инспектора всей артиллерии барона МеллераЗакомельского препоручить мне приведение в оборонительное положение крепости Рижской на предмет близкой воины с французами…»

Он пришпорил коня, видя, как подает ему знак государь-император.

— Я получил записку инспектора артиллерии, — проговорил Александр своим приятным голосом, обворожительно улыбаясь. — За что гонят тебя из Петербурга? Однако же я помешал… — Заметив, что Ермолов хочет

возразить, государь тотчас придал своему моложавому лицу выражение участливо-тревожное и добавил, но уже непреклонно: — Я сказал барону Петру Ивановичу, что впредь все назначения твои будут зависеть только от меня. И без нею тебе найдется много дела.

7

Неизбежность войны с Наполеоном сделалась очевидной уже с конца 1810 года.

По условиям Тильзитского мира Россия принуждена была подчиниться континентальной системе, в силу которой все русские порты были закрыты английским судам.

Потрясение промышленности и могущества Англии европейской блокадой составляло любимую мысль Наполеона. Однако для взаимовыгодной с Россией торговли англичане начали пользоваться кораблями, плававшими под коммерческими флагами нейтральных стран. На требование Наполеона пе впускать эти суда в порты или конфисковывать товары Александр ответил отказом. Трещина, наметившаяся в непрочном Тильзитском трактате, только расширилась, после того как Наполеон постановлением сената присоединил к Франции в июне 1810 года Голландию, а в декабре — некоторые владения германских князей, и среди них — Ольденбург. Герцог Ольденбургский приходился Александру родным дядей, и Россия заявила резкий протест. Одновременно русское правительство ввело новые пошлины на предметы роскоши, ввозимые из Франции. Наполеон в свою очередь заявил протест и недвусмысленно написал Александру: «У меня внезапно явилась мысль, что ваше величество намерено войти в соглашение с Англией — это равносильно войне между обеими империями».

Во взаимных укорах и попреках и взаимных мирных заверениях Наполеона и Александра прошел весь 1811 год.

Умножая свои войска, каждый из императоров объяснял другому, что это

вызвано обыкновенной убылью в полках.

Однако и силы, и степень готовности к войне этих двух самых могущественных держав континента были неравны.

Французская империя ненасытно готовилась к новым завоеваниям. Столица ее походила на лагерь, где беспрестанно производились смотры войск, отправлявшихся к Рейну.

В начале 1812 года уже полмиллиона вражеских войск толпилось между Рейном и Одером. Короли Вестфальский и Неаполитанский, вице-король Италийский и все маршалы были при корпусах, вверенных их начальству. Наполеон учреждал народную стражу на время своего отсутствия и составлял положение о регентстве на случай внезапной смерти. Гвардия выступила из Парижа; тронулись оттуда экипажи и верховые лошади Наполеона — везде говорили о скором, непременном его отъезде.

Тем не менее сам император Франции, со свойственным ему двуличием и вероломством, стремился усыпить Россию фальшивыми заверениями. 13 февраля 1812 года он передал князю Чернышеву пространные условия, на основании которых якобы можно было бы избежать столкновения, и «положительно уверял» Александра: «В настоящем году я не начну войны, разве Вы вступите в Варшавское герцогство или в Пруссию». А накануне, 12 февраля, НаполеоЕ!

заключил тайный наступательный союз с Пруссией, обязавшейся поставить под его знамена 20 тысяч солдат с 60 орудиями и снабжать французскую армию продовольствием во время похода ее через Прусское королевство. Беспрестанно твердя о своем миролюбии, завоеватель двигал войска все ближе к Неману.

Напрасно русский посол в Париже князь Куракин требовал разъяснений от министра иностранных дел Франции Маре — тот не давал ему ответа. Прусский посланник избегал его; посол Австрии князь Шварценберг, издавна с ним дружный, уехал из Парижа, не сказав ему ни слова. Объяснение было простым. 2 марта Австрия заключила с Наполеоном союзный договор, по которому выставляла в помощь французской армии

30-тысячный вспомогательный корпус.

В случае счастливой войны против России Наполеон, скрепивший свои отношения с этой страной женитьбой в 1810 году на австрийской эрцгерцогине, обещал новыми землями вознаградить венский двор за его участие. Главнокомандующим корпусом назначен был князь Шварценберг.

Число неприятельских войск, скапливавшихся у западных границ России, достигало 600 тысяч строевых, а с чиновниками, денщиками, ремесленниками и вообще нестроевыми — 700 тысяч. В армии находилось до 180 тысяч лошадей и 1372 орудия, в том числе 130 осадных. В многочисленном этом воинстве участвовали все народы континентальной Европы, за исключением шведов, датчан и турок. Оттоманская Порта была надолго потрясена капитуляцией своей армии под Слободзеей; королевство Шведское, наследным принцем которого стал в 1810 году французский маршал Бернадот, обрело, вопреки всем ожиданиям Бонапарта, миролюбивого руководителя, почитавшего прочную дружбу с Россией.

Армия Наполеона была уже у Вислы. Разные отряды и команды из-за обширности пространств, по коим шли они к пределам России со всех концов Европы, от Пиренейских гор и Неаполя, с запозданием присоединялись к великой армии, пополняя корпуса, стоявшие от устья Вислы до Карпатских гор.

С трепетным ожиданием взирали народы Европы на возгоравшуюся брань. Они желали ее и вместе с тем страшились, ибо война эта должна была либо освободить их от чужеземного ига, либо довершить всемирное владычество завоевателя. Покорение Наполеоном России стало бы преддверием к величайшим изменениям. На полях н-ашего Отечества надлежало решиться вопросам о будущем множества государств: должно ли каждое из них управляться прежними законами или уложениями Бонапарта? иметь ли каждому свою монету, меры, вес или принимать то, что введено во Франции? отправлять ли торговлю путями, начертанными взаимными потребностями народов, или подчинить себя самоуправству

французских таможенных постановлений? быть ли государствам самостоятельными или всем европейским странам превратиться в одно общее государство, с общей столицей — Парижем? оставаться ли прежним владетелям на своих престолах или уступить их родоначальникам новых династий — маршалам Наполеона и корсиканским выходцам?

Наполеон и его полчища не сомневались в победе, обрекали уже мысленно Россию на верную гибель, дробили и делили ее в своих помыслах и смотрели на поход как на торжественное шествие в Петербург и Москву. Неприятельские войска час от часу все более скоплялись на Немане. О беспрестанном умножении их и приготовлениях к переправе показывали лазутчики, беглецы, наконец, и русские передовые цепи. В ночное время слышны были с русского берега движение войск, бряцание сабель, топот и ржание лошадей, крики погонщиков. Со 2 июня 1812 года вообще прекратилось всякое сообщение с противоположным берегом Немана.

10 июня в Гумбинеж Наполеон продиктовал следующий приказ: «Солдаты! Вторая война Польская началась. Первая кончилась под Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и войну с Апглиею.

Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого изъяснения о странном поведении своем, пока орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Не почитает ли она нас изменившимися? Разве мы уже не воины аустерлицкие? Россия ставит нас между бесчестьем и войною. Выбор не будет сомнителен. Пойдем же вперед! Перейдем Неман, внесем войну в русские пределы.

Вторая Польская война, подобно первой, прославит оружие французское; но мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец пятидесятилетнему кичливому влиянию России на дела Европы».

Приказ был разослан не по всей великой армии. Наполеон запретил отдавать его в двух вспомогательных корпусах — австрийском и

прусском. Он справедливо полагал, что восторженные слова его не произведут желаемого действия на союзников, в искренности которых он сомневался…

На следующий день передовые неприятельские разъезды в разных местах были уже на самом берегу Немана. Вдруг к одному из них на всем скаку запыхавшихся лошадей подъехала сопровождаемая двумя всадниками карета и остановилась посреди биваков польского конного полка. Из кареты вышел Наполеон с начальником главного штаба Бертье. Оба сбросили с себя мундиры. Наполеоп надел сюртук и фуражку польского полковника и вместе с Бертье, тоже переодевшимся, поехал в направлении Ковно, от коего биваки были расположены в одном пушечном выстреле. Он сошел с лошади и долго осматривал окрестность, а потом приказал навести к вечеру три моста на Немане между Ковно и Понемунями.

На всем этом пространстве, почти возле самого Немана, стояла нехота, конница и артиллерия в густых необозримых колоннах. Запрещено было разводить огни и велено хранить величайшую тишину, чтобы никакой бивачный дым, никакой шум не выдали бы присутствие неприятельских сил на рубеже России. Солнце село, наступила темнота, и Наполеон прибыл к Неману руководить переправой. При нем пущены были на воду понтоны, и триста поляков 13-го полка отчалили от берега на лодках. В несколько часов навели мосты, и после полуночи, 12 июня, они заколыхались под тяжестью полчищ, и сотой доли которых не суждено было воротиться на родину, увидеть отеческий кров.

Радостно смотрел Наполеон на переправлявшиеся войска.

Потом и он переехал на русский берег. Проскакав верст пять по сыпучему песку и печальному еловому лесу и не найдя никакого следа русских войск, завоеватель воротился к Неману. Пошел проливной дождь.

Так началась война, превзошедшая все, какие доселе освещало солнце.

ЧАСТЬ 3

Глава первая. НАШЕСТВИЕ

1

Читаем в летописях наших, что перед вторжением татаро-монгол в Россию солнце и месяц изменяли вид свой и небо чудесными знамениями как будто предуведомляло землю о грядущем горе. Так было и накануне Отечественной войны 1812 года. Хвостатая звезда явилась в небе. И, как в древние времена, кликуши и юроды вещали с папертей о пришествии апокалипсического зверя, или антихриста. Простолюдины, глядя на бродящую в небесах комету и огромный хвост ее, говорили: «Пометет беда землю русскую!»

Все были в ожидании событий чрезвычайных. Только и слышно было о наводнениях, вихрях, пожарах. Киев, Саратов, Астрахань, Брянск, Рига, Архангельск, Кронштадт гибли от огня, дым пепелищ их мешался с дымом горевших лесов и земли. Общая молва приписывала бедствия сии рассылыцпкам Наполеона. Министру полиции Балашову и его полицмейстерам прибавилось хлопот. В некоторых местах — например, в Подольской губернии — были пойманы шайки зажигателен. В Смоленске, Могилеве, Севастополе ловили французских шпионов, которые осматривали и описывали Россию, выдавая себя за учителей, лекарей, художников.

Трудно представить себе степень нравственного могущества Наполеона, действовавшего на умы современников. Имя его было известно каждому

и заключало в себе какое-то безотчетное понятие о безмерной силе. Одна Россия удерживала стремление к мировому господству надменного полководца. Остановка в торговле, затруднение в сбыте товаров за море, препятствия в денежных оборотах справедливо считались следствием военных неудач и необходимостью угождать Наполеону. Роптало оскорбленное самолюбие великой державы, издавна оглашаемой одними победными кликами.

Деятельные меры, принимаемые правительством для подготовки к отражению врага, встречались одобрительно; рекрутские наборы производились с небывалым воодушевлением.

Но какое-то всеобщее недоумение распространилось повсюду, когда приблизился час борьбы с тем исполином, чьи подвиги гремели даже в самых отдаленных уголках России:

то был не страх, но беспокойство, весьма понятное в государстве, которое лишь по преданиям глубокой старины, по свидетельствам вековой давности знало о нашествиях неприятельских.

2

5 марта 1812 года гвардия выступила из Петербурга в Литовскую губернию, к границам России. Великий князь Константин Павлович повел колонну, составленную из гвардейской кавалерии; под командою Ермолова в особенной колонне следовала гвардейская пехота. Все, от высокою генерала до последнего мушкетера, ждали грозы с Запада.

В городе Опочка Ермолов получил высочайшее повеление быть командующим note 4 гвардейской пехотной дивизией, включая Преображенский, Семеновский, Измайловский, Литовский, Егерский, Финляндский полки, а также гвардейский морской экипаж. Не доходя до Вильно, гвардия расположилась на квартирах в городке Свенцяны и его окрестностях. Через два дня в Свенцяны прибыл Александр.

Ермолов деятельно готовил дивизию, а в свободные часы перечитывал

любимых римских поэтов и философов и размышлял об удивительных поворотах в своей судьбе:

«Я командую гвардейскою пехотой! Назначение, которому могли бы позавидовать и люди самого знатного происхождения и несравненно старшие в чине. Признаюсь, что сам еще не решаюся верить чудесному обороту положения моего. К чему же, однако, не приучает счастье! Я даже начинаю убеждать себя, что того достоин».

В то время как 1-я, или Западная, армия, которой командовал военный министр Барклай-де-Толли и в которую, в составе корпуса цесаревича Константина, входила дивизия Ермолова, занималась приготовлениями войск к высочайшему смотру, сам государь переехал в Вилыо в сопровождении многочисленной свиты. Середина апреля прошла в смотрах. Александр ездил по местам расположения 1-й армии и проверял ее готовность.

Вскоре, однако, император воротился в Вильно, отдавая время пышным балам и приемам и желая, казалось, забыть о надвигающейся войне. Главнокомандующий гвардейским корпусом цесаревич Константин оставался в Свенцянах, несмотря на то что в Вильно его ждала любовница госпожа Фредерике, муж которой возвысился из простых фельдъегерей до звания городничего сперва в Луцке, а потом в Дубно. Неумолимо взыскательный начальник, великий князь Константин чуть не ежедневно проводил марши и строевые экзерциции с вверенными ему гвардейскими частями.

Он резко отличался во всем от своего царственного бррта. Начиная с внешности. Представьте себе лицо с носом, весьма малым и вздернутым кверху, лицо, у которого некая растительность лишь в двух точках над глазами заменяла брови. Нос ниже переносицы украшен несколькими светлыми волосиками, которые, будучи едва заметными в спокойном состоянии духа цесаревича, приподнимались вместе с бровями в минуты гнева.

Константин Павлович был необузданно гневлив, как и его покойный отец.

Великий князь, унаследовавший многие странности отца, редко мог остановить порывы своего вспыльчивого и даже дикого нрава. Воспитанный среди парадов и разводов, он чувствовал себя весьма неловко в дамской компании и всем залам предпочитал плац.

Ермолов уже не раз имел с цесаревичем весьма сильные столкновения, которые для другого могли бы повлечь за собой самые неприятные последствия. Он не разделял любви Константина Павловича к вытягиванию носков, равнению шеренг и выделыванию ружейных приемов, которые были для великого князя источником самых высоких поэтических наслаждений, хотя и пресекал взыскательно и строго в дивизии все проявления недисциплинированности.

Всего более хлопот доставлял ему гвардейский морской экипаж. Боевые моряки и по земной тверди предпочитали ходить вразвалку, словно это была колеблемая Посейдоном деревянная палуба, и лишь снисходительно терпели строгости строевого устава. Пример подавали офицеры. Считая, что великий князь несправедливо придирается к его батальону, начальствовавший над гвардейскими моряками капитан-командор Карпов выехал на очередной смотр на лошади, убранной лентами и бубенчиками. В гневе и бешенстве Константин Павлович покинул плац, потребовав к себе Ермолова.

Командующий дивизией застал цесаревича в белом халате диктующим приказ по корпусу дежурному штаб-офицеру Кривцову. В дверь просунулась и тотчас испуганно скрылась курчавая голова с огромным носом. Это был адъютант цесаревича Дмитрий Дмитриевич Курута — доверенное лицо и собутыльник великого князя, хитрый, но неспособный грек, сделавшийся затем гофмейстером его двора.

Завидя Ермолова, Константин Павлович затряс кулаками:

— Либерализм! Вольнодумство! Распустил гвардию! Курута!

Адъютант появился снова, но, опасаясь приблизиться к его высочеству, встал за шкаф.

— Курута! Готовь экипаж! Еду в Вильпо! Этими негодяями командовать — истинное несчастье!

Курута обрадованно попятился вон, бормоча:

— Цейцас будет изполнено…

— Ваше высочество должны выбирать выражения, — твердо сказал Ермолов.

Константин Павлович подскочил к генералу, вперился в него и замолчал. Они стояли друг против друга: один — наследник российского престола, который причитался ему, так как Александр был бездетен, другой — сын бедного дворянина, вчерашний безвестный артиллерийский офицер; первый — высокородный пеуч и невежда, не получивший пи малейшего воспитания, второй — блестящий артиллерист и тактик, математик, знаток латыни и древних классиков; оба наделенные замечательной физической силой, но один употреблял ее для личной расправы с провинившимися во фрунте, а другой — только на поле брани против неприятеля. Они стояли лицо в лицо: одно — невыразительное, с незначительными чертами, поражающее отсутствием симпатии; другое — мужественное, прекрасной лепки, с гордым и величественным профилем.

— Изволь выслушать приказ по гвардейскому корпусу о недостойном и позорном поведении капитана-командора Карцева. Кривцов, читай! — содрогаясь от гнева всем своим сутуловатым корпусом, молвил Константпн Павлович,

Приказ, составленный в самых грубых и даже непотребных выражениях, мог только оскорбить храбрых моряков и всю гвардию российскую.

— Чего же ты еще ждешь, Кривцов? Ступай! Отдай в печать! — приказал цесаревич.

— Нет! — угрожающе расправил богатырские плечи Ермолов. — Приказ, может быть, и хорош, но он не должен быть известен за порогом квартиры вашего высочества.

— Что? Что? — зашелся Константин Павлович, и светлые волосики у него на носу угрожающе зашевелились и поднялись вместе с бровками.

— Полчища Наполеона готовятся уже переступить Неман, — спокойно возразил генерал. — Возможно ли сейчас в обидном тоне разговаривать с завтрашними защитниками России и ее престола?

Великий князь отступил от него на шаг и задумался.

— Ты прав, — тихо сказал он наконец и повысил хриплый голос: — Кривцов, порви приказ! Курута! — вновь заходясь гневом, крикнул он. — Где ты шляешься, подлец! Немедля вели распрячь экипаж! Я остаюсь в Свенцянах…

Через несколько минут, за обедом, он мирно беседовал с Ермоловым о последних приготовлениях Александра к войне, в том числе и о выделении специального корпуса П. Х. Витгенштейна для заслона Петербурга, где находилась царская семья.

— Ба, ваше высочество, — презрительно улыбнулся Ермолов, — все передвижения этого корпуса можно назвать придворным маневром!

— Помилуй, братец, — удивился великий князь, — это тебе так кажется, а сестра моя Екатерина Павловна не знает, где родить…

На это Ермолов отвечал:

— Если Наполеон пойдет на Москву, то пошлет в сторону Петербурга лишь обсервационный корпус. И он будет стоять на месте. А коли отважится наступать на Петербург, то либо завязнет в псковских болотах, либо будет обойден и сброшен в Балтику.

— Бьюсь об заклад — нет! — разгорячился Константин Павлович.

— Ставлю тридцать червонцев, — предложил небогатый генерал.

— Курута! — закричал цесаревич. — Иди разбей спор!

Ермолов все знает за Наполеона!

Когда генерал был милостиво отпущен, Константин Павлович только и мог сказать своему адъютанту и собутыльнику:

— Хорош! Я его знаю еще по прежней войне с Бонапартом. В битве дерется, как лев, а чуть сабчя в ножсы — никто от него даже не узнает, что участвовал в бою. Он очень умен, всегда весел, очень остер… — Великий князь задумался, рассеянно пощипывая редкую поросль на лице, и добавил со вздохом: — И весьма часто до дерзости…

Огромной массе войск, которыми располагал Наполеон для вторжения, русские могли противопоставить только двести тысяч солдат, собранных на западной границе империи.

Хотя сверх того, по заключении мира с Турцией, из Дунайских княжеств спешила еще пятидесятитысячная армия, силы эти были еще так далеко, что рассчитывать на них можно было не скоро.

По северной стороне Полесья, вправо и влево от Вильно, была развернута 1-я армия Барклая-де-Толли в составе шести пехотных и трех кавалерийских корпусов общей численностью 127 тысяч человек. По южной стороне, в окрестностях Волковиска, расположилась 2-я армия — 80 тысяч солдат под начальством знаменитого ученика Суворова и любимца русского народа князя Багратиона. Впрочем, половина этой армии была направлена вскоре на юг для защиты Волыни и составила здесь 3-ю армию генерала А.П.Тормасова. Западнее Багратиона, у Гродно, занимал позиции отдельный корпус войскового атамана Платова, собранный из 16 казачьих полков.

Одной из причин столь пространного размещения русских сил была позиция войск Наполеона, стоявших от Кенигсберга до Люблина, почему и нельзя было предугадать, в каком месте вторгнутся они в Россию. Однако идея разъединения сил на две армии принадлежала прусскому генералу Фулю, кабинетному догматику, который пользовался у себя на родине репутацией одного из образованнейших генералов.

Наполеон, превосходно осведомленный по донесениям своей агентуры о расположении русских, уповал на скорую решающую битву. Перед отъездом в войска он заявил варшавскому архиепископу Прадту: «Я иду на Москву и в одно или два сражения все кончу. Император Александр будет на коленях просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россию… Москва — сердце империи; без России континентальная система — это пустая мечта».

Русские войска находились в тяжелом положении. Общего плана ведения кампании не было. Не было и общего командования, а в каждой

из трех армий имелся самостоятельный командующий. Император со своей огромной свитой, состоявшей из наушников, завистников, карьеристов, честолюбцев, только стеснял действия военного министра и еще более усугублял трудности Западной армии.

Но если русские троекратно уступали неприятелю по численности войск и вооружению, то, безусловно, превосходили его нравственно, кровным единством состава солдат, готовых беспрекословно положить живот свой за родную землю и ее святыни. Казалось, вздох облегчения вырвался, когда на смену напряженному ожиданию пришла весть, принесенная начальником лейб-казачьего разъезда Жмуриным, о том, что Наполеон без объявления войны перешел Немян. Большую часть ночи на 13 июня в ставке русских войск никто не спал. Адмирал Шишков стремился всю пылкость своего красноречия вложить в приказ царя, отдаваемый по армиям:

«С давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить опые. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши, но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах Нашей империи, не нарушая мира, быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский император нападением на войска Наши при Ковио открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца Небес, поставить силы Наши против сил неприятельских.

Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь Славян. Воины! Вы защищаете веру, Отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог.

Александр».

29 июня в Дрисском лагере, куда благополучно отошла 1-я армия, уклонившаяся от сражения с Наполеоном, русский император собрал военный совет.

Совершенно неожиданно для себя на совет был приглашен Ермолов, не имевший никакого права участвовать в нем, как простой начальник дивизии.

Усевшись в уголку залы небольшого помещичьего домика, он с желчным интересом следил за теми, кто явно или незримо руководил действиями русской армии и от кого так или иначе зависел ход дальнейшей кампании: шведский генерал Армфельд, дважды бежавший из своего отечества в Россию, под крылышко государя; прусский барон ЛюдвигЮстус-Адольф-Вильгельм Вольцоген; уроженец Гессена генерал-адъютант Фердинанд Винценгероде; выходец из Сардинии Мишо; полковник Карл Толь; вовсе не военный человек прусский граф Штейн; генерал от инфантерии Барклай-де-Толли и, наконец, сам Фуль, вдохновитель ведения войны двумя армиями и создания укрепленного лагеря при Дриссе.

Глядя на него, Ермолов думал о том, как легко русские доверяются иноземцам, готовые всегда почитать способности их превосходными. «Сколь неудобно направление, на котором устроен сей лагерь! — размышлял генерал. — Редуты по расположению своему недостаточно способствуют взаимной защите. На левом крыле огню артиллерии препятствует лес, за коим неприятель может скрывать свои маневры. Пространство между редутами и Двиной недостаточно обширно и во время действия может затруднить передвижения войск.

Мостовые укрепления слишком тесны, спуски к четырем мостам, устроенным на Двине, так круты, что орудия и повозки надо сносить на руках. А непроходимая вброд река способна обратить неудачу в полное поражение. Да, уже первый взгляд на диспозицию аттестует воинские соображения догматика Фуля!..»

В зале произошло движение, сидевшие поднялись. В сопровождении графа Беннигсена, маркиза Паулуччи, Аракчеева и Балашова вошел

государь.

Присутствующие один за другим представлялись Александру; последним, как младший в чине, подошел Ермолов.

— Хотя его высочество и не нахвалится на тебя, Алексей Петрович, — с улыбкой сказал ему император, — но мне явилась счастливая мысль о новом твоем производстве…

Выждав паузу, ловя завистливые взгляды чужестранцев на русской службе, Ермолов ответил:

— Ваше величество! Окажите милость,,.

— Какую, мой друг? — спросил Александр.

— Ваше величество, — ровным голосом проговорил Ермолов, — произведите меня в немцы!..

Перешептыванием, похожим на шипение, ответила на это зала, и все смолкло. Но то, что донеслось до всех, собравшихся на совет, искренне или притворно не расслышал туговатый на ухо император, тотчас с выражением отягощенного государственными заботами человека обратившийся к военному министру с просьбою открыть совет.

Барклай-де-Толли, совершенно лысый, медленно выговаривая слова, начал читать по бумажке составленный ему полковником Толем текст. Ермолов слышал, что военный министр не одобрял устроенного при Дриссе лагеря и считал нелепостью действие двух армий, разобщенных на большом одна от другой расстоянии.

«Если бы Наполеон сам направлял наши движения, конечно, не мог бы изобрести для себя выгоднейших», — желчпо подумал Ермолов, еще не остывший от дерзкой реплики, сказанной государю.

— Неприятель, вопреки правам народным, без всякого объявления войны вторгнулся в границы наши и, переправясь через Неман, обратил главнейшие силы свои на литовские провинции, — очень медленно, без выражения читал Барклай. — Получив высочайшее повеление отступить из Вильно в Свенцяны перед превосходными силами неприятеля, 1-я армия отошла в полном порядке. Превосходство сил Наполеона, занявшего центральное положение между двумя армиями, появление

колопн его на правом и левом флангах наших и опасение быть обойденными побудили произвесть изменения в операционном плане. Вместо того чтобы, как хотели прежде, 1-й армии удерживать неприятеля, а 2-й и Платову действовать в его фланг и тыл, решились объединить обе армии. Вследствие сего предписано князю Багратиону и атаману Платову идти через Вилейку для соединения с 1-й армией…

В своих рассуждениях военный министр даже не счел нужным опровергать тактический план Фуля, так как накануне при осмотре лагеря Беннигсен и Мишо убедили Александра, что лагерь учрежден с грубыми погрешностями и оставление в нем армии сулит только поражение. Для Барклая-де-Толли совершенно ясна была необходимость прежде всего соединить разрозненные войска, однако сделать это теперь было не так-то легко. Ошибка, допущенная с самого начала кампании, давала о себе знать. Багратион неоднократно пытался прорваться на север, к Двине, но маршал Даву с превосходящими силами всякий раз преграждал ему путь к соединению.

Едва Барклай закончил свой доклад, как несколько человек, с большим вниманием слушавших его, принялись пылко высказывать свои мнения, противоречащие одно другому. Армфельд, Мишо, Беннигсен, Паулуччи предлагали самые неожиданные плзны ведения дальнейшей войны с Наполеоном. «Сколько толов, столько и мнений», — думал, слушая их, Ермолов. Однако все они высказались за оставление лагеря. Фуль еще пытался возражать с отчаянием игрока, проигрывающего последнюю ставку. Александр пытливо смотрел на своих приближенных и недавних покровителей Фуля — Аракчеева и Балашова, ожидая, что и они выскажут свое мнение, но те молчали.

Ермолов приметил смятение на лице государя. Накануне Шишков, не явившийся на совет по действительной или мнимой болезни, уговорил Аракчеева и Балашова подать Александру письмо, прося его уехать из армии в Москву или в Петербург. Просьба объяснялась опасением за жизнь государя, но на самом деле Шишков страшился, чтобы вмешательством своим Александр, как это было уже под Аустерлицем, не

связал руки командованию и не изменил бы ход кампании, и без того неблагоприятной, к худшему. За день до вступления армии в Дриссу доверенное липо государя, министр полиции Балашов, привез отказ Наполеона на сделанное ему предложение отойти за Неман. Дипломаты сказали свое последнее слово, теперь все решало оружие.

Со свойственной ему способностью владеть собой Александр придал моложавому лицу выражение решимости и даже самоотверженности. При общем молчании он заговорил:

— Итак, господа, двух мнений быть не может. До сих пор благодаря всевышнему наши армии в совершенной целости. Но тем мудренее и деликатнее становятся все наши шаги. Одно фальшивое движение может испортить все дело против неприятеля, силами нас превосходнее, можно сказать смело, на всех пунктах…

Государь говорил тоном уверенным и твердым, однако смысл высказываемого им был довольно туманен. Окончательное слово, а вместе с ним и ответственность он предоставлял Барклаю.

— Решиться на генеральное сражение, — продолжал он, — столь же щекотливо, как и от оного отказаться. В том и другом случае можно легко открыть дорогу на Петербург.

Но, проиграв сражение, трудно будет исправиться для продолжения кампании, На негоцияции же нам надеяться нельзя, потому чго Наполеон ищет нашей гибели и ожидать от него доброго — пустая мечта. — Александр опустил гочову, как бы борясь с разнородными мыслями, потом вскинул ее и с пафосом воскликнул: — Я решился покинуть войска, господа, ибо более всего нужен сейчас там, в России! Я готовлю манифест о создании большого народною ополчения и буду вести борьбу с Наполеоном, хотя бы пришлось мне ся на берегах Волги…

При последних словах послышались приглушенные рыдания — это заплакал от умиления Аракчеев, хлюпая своим красным носом.

Но государь тут же, как бы страшась испортить впечатление излишней эффективностью, сухо и деловито заговорил о том, что надлежит сделать в войсках, хотя так и не объединил руководство армиями, возложив

ответственность на двух главнокомандующих, Барклая и Багратиона, с неясными пределами власти.

— Почитаю нужным, — добавил импера гор, — произвесть и некоторые перемещения. Вместо Николая Ивановича Лаврова и временно заменяющего его маркиза Паулуччи назначаю на должность начальника главного штаба его превосходительство генерал-майора Ермолова…

Так, на семнадцатый день великой войны Ермолов сделался вторым по значению лицом в Западной, или главной, русской армии. В случае болезни или смерти главнокомандующего он обязан был вступить во временное командование ею.

5

Наполеон с жадностью искал решающего сражения.

Несмотря на то что его войска превосходили русских, несмотря на то что они заняли уже территорию, равную Пруссии, наконец, несмотря на то что взятием Вильно французскому императору удалось воспрепятствовать соединению обеих русских армий и даже удалить их друг от друга, главная цель так и не была достигнута. Не только ни один корпус, но даже ни один партизанский отряд не был уничтожен. Русские отступали, иногда с потерями, но организованно.

Сразу после того как Наполеон перешел Неман, им овладело беспокойство и удивление. Войдя в Ковно, император поразился отсутствию арьергардных частей противника вблизи города. Направляясь 15 июня к Витыю, он надеячся, что русская армия примет сражение под его стенами.

Глазам своим не верил Наполеон, когда увидел, что дефилеи покинуты русскими, и его арьергард прошел их беспрепятственно. Это довело императора до бешенства; с его губ посыпались на русских обвинения и угрозы.

Оставалась еще надежда, что Барклай даст бой, защищая Дрисский

лагерь.

2 июля французские войска начали наступление на укрепления русских. При непрерывном приближении к главным окопам, необычайно глубоким и снабженным бойницами, у многих чаще забилось сердце. Но, чем ближе подходили французы, тем тише становилось вокруг — не было слышно ни звяканья оружия, ни покашливания людей, ни ржания лошадей. Потом тишина сменилась шепотом и удивлением: за огромными окопами никого не было — ни одной пушки, ни одного солдата. Посланные патрули принесли известие, что русские на заре покинули свой лагерь.

Наполеон гнался за русскими, тщетно пытаясь дать сражение, а Барклай избегал этого, стараясь сохранить армию.

Маневры русских доводили Наполеона до приступов ярости. Среди кажущихся побед французское командование сбилось с ног, ища неприятеля. Между тем кавалерия таяла, пропадала, оголодавшие артиллерийские лошади не могли более везти орудия.

Начало постепенно сказываться и то, что всегда сопровождает армию оккупантов: росло сопротивление мирного населения.

Великая армия Наполеона показала себя армией захватчиков и грабителей еще задолго до вторжения в Россию, на пути к Неману, в немецких и польских землях. На походе войска должны были получать продовольствие от жителей. Во исполнение повелений Наполеона население Пруссии и Варшавского герцогства обиралось беспощадно. Поселян принуждали везти лошадей, рогатый скот, хлеб, последние остатки имущества вслед за полками, предававшимися грабежу. Земли подвергались разорению, безнравственность в войсках увеличилась, крестьяне, насильно взятые в погонщики, начали убегать, уводя с собой лошадей. Погонщиков заменяли солдатами из фронта, а они поморили лошадей, не умея обращаться с ними.

Жалобы в литовских провинциях сменились на русской земле, куда уже ступила нога захватчика, ропотом и угрозами. Молва о насилиях и реквизициях быстро передавалась из деревни в деревню, из города в город. Одни жители уходили в леса, другие следовали за русской армией

со всем своим имуществом, семействами и скотом, предавая пламени все, что могло быть полезным неприятелю. Оставаться дома никто из русских жителей не хотел. «Умрем, а рабами не будем!» — говорили в народе.

Так война, начатая императором Наполеоном против императора Александра I, постепенно становилась войной народной, войной против иноземных захватчиков всего русского народа.

6

Лавина забот, прежде неведомых, тысячи бумаг, отношений, предписаний, повелений, приказов, распоряжений, за каждым из которых были судьбы людей — в конечном счете, судьба всей 1-й армии, — обрушились на Ермолова.

Страшась не справиться с ответственнейшей должностью, он употребил все средства, чтобы от нее уклониться. Ермолов предвидел также, памятуя о своих натянутых отношениях с военным министром, неизбежность разногласий с Барклаем как главнокомандующим Западной армией. Он отправился к всесильному Аракчееву, прося поддержать его ходатайство перед государем.

— Нахожу намерение ваше избавиться от должности столь важной благорассудительным… — сказал ему граф Алексей Андреевич. — И доложу непременно об этом его величеству. Не скрою, что я предлагал государю на эту должность одного из старших генерал-лейтенантов.

— Смею спросить, ваше сиятельство, кого именно? — поинтересовался Ермолов.

— Тучкова-1-го.

— Николая Алексеевича? — воскликнул Ермолов. — Опытнейший и несравненно более достойный, чем я, военачальник.

Генерал-лейтенант Тучков командовал 3-м пехотным корпусом и приобрел общее уважение многими отличными качествами. Но в течение продолжительного служения еще не представился случай, в котором мог

бы он обнаружить особенные способности военного человека.

— То-то и оно, гог-магог! — согласился Аракчеев. — А вам, человеку молодому, предстоит слишком много хлопот. Михаил Богданович дурно по-русски изъясняется и многого недосказывает, а потому вам придется понимать и дополнять его распоряжения своими собственными…

Однако Александр I не внял доводам не только молодого генерала, но и своего фаворита и начальника канцелярии графа Алексея Андреевича. Пригласив к себе Ермолова перед отъездом из армии, он спросил:

— Кто же из генералов, по мнению твоему, более способен?

— Первый встретившийся, ваше величество! — прямодушно отвечал тот.

— Моя решительная воля, чтобы ты вступил в должность! — возразил непреклонно император. — Конечно, можно было бы найти другого, но каждый из них сейчас на своем месте.

— Если некоторое время буду я терпим в этом звании, то единственно по великодушию и постоянным милостям ко мне вашего величества, — сказал Ермолов, уже понимая, что отказываться далее от должности невозможно. — Приношу лишь одну просьбу. Не лишайте меня надежды возвратиться к командованию гвардейской дивизией.

Александр милостиво обещал и добавил на прощание:

— Чрезвычайные обстоятельства, в которые поставлена Россия, и несогласия между главнокомандующими понуждают меня иметь подробные и, по возможности, частые известия о всем том, что происходит в армии. Приказываю тебе извещать меня письмами о важнейших происшествиях…

Ко всем прочим трудностям, выпавшим на долю русских войск, отступавших ввиду превосходства неприятеля, добавились откровенно недоброжелательные и даже враждебные отношения главнокомандующих двух армий — Барклая-деТолли и Багратиона. Тому было несколько причин.

Трудно было бы нарочно отыскать более несхожие характеры, различные воззрения на воинское искусство, на роль и предназначение солдата, на само ведение войны, чем у этих двух полководцев.

Выходец из Грузии, князь Петр Иванович начал воинское поприще простым сержантом в Кавказском корпусе.

Во время неудачного похода в 1784 году против шейха Майсура, когда почти весь русский отряд был уничтожен, он получил тяжелое ранение, но остался жив. Война в Италии и Швейцарии под предводительством Суворова выявила его военный талант, озарила его славой, принесла ему почести, обратившие на него всеобщее внимание.

Потомок шотландских переселенцев, осевших в XVII веке в Лифляндии, Михаил Богданович Барклай-де-Толли проявил себя храбрым офицером под Очаковом, в сражении у Каушан, во взятии Аккермана и Бендер. Стремительное возвышение Барклая началось после сражения под Пултуском и Прейсиш-Эйлау, где он выказал особенное мужество и был тяжело ранен. Находясь на излечении в Петербурге, Барклай неоднократно беседовал с навещавшим его Александром и заслужил его исключительное расположение. Быстро достигнув чина полного генерала, звания военного министра и вскоре соединя с ним власть главнокомандующего 1-й армией, он возбудил во многих зависть и приобрел недоброжелателей. Неловкий при дворе, Барклай не расположил к себе лиц, близких государю, холодностью в обращении не снискал приязни равных и приверженности подчиненных.

Князь Петр Иванович, получивший те же высокие назначения, что и Барклай, кроме должности военного министра, имел завистников, но менее возбудил врагов. Обязательный и приветливый в обращении, он удержал равных в хороших отношениях и сохранил расположение прежних друзей своих. Он в истинном виде представлял заслуги каждого; каждый офицер и солдат награждался достойно и почитал за счастье служить с ним. Ученик и соратник Суворова и Кутузова, Багратион был истинным отцом солдату.

Князь Петр Иванович был дерзок и пылок в своих полководческих устремлениях, стремительных и неожиданных для противника комбинациях и опирался на безоговорочную веру в него солдат и офицеров. Барклая же отличали выдержка и холодный расчет, в которых

эмоциям не оставалось места. Он обладал широтой стратегического кругозора, однако не понимал и не принимал в рассуждение чегото очень простого и важного, что можно было бы обозначить словами «дух солдата», «русская душа». Барклай был тверд, выдержан, малообщителен и не пользовался любовью у солдат из-за надменности иноземца.

На Ермолова пала тяжкая обязанность примирять Баграгиона и Барклая, смягчать их взаимные резкости, увещевать и уговаривать прийти к согласию во имя общего святого дела. Верный сторонник князя Петра Ивановича, он видел и крайности его, отдавая дань осторожной опытности и умелости главнокомандующего 1-й армией, который вопреки всем и вся проводил единственно верную в сложившихся условиях отступательную стратегию.

Со всей пылкостью и даже яростью жаркой своей души отвергал Багратион действия Барклая, засыпая Ермолова письмами и требуя переменить тактику. Окруженный французами, он бил неприятеля, совершал форсированные марши, менял их направление, уверенный не только в том, что пробьется к 1-й армии, но и в том, что необходимы немедленные общие наступательные операции.

7

П.И.Багратион — А.П.Ермолову (Собственноручно.)

На марше 3 июля.

«Я Вам скажу, любезный мой тезка, что я бы давно с Вами соединился, если бы оставили меня в покое. Вам не известно, какие я имел предписания от мудрого нашего методика и совершенно придворного чумички М(инистра).

Я расчел марши мои так, что 23 июня главная моя квартира должна была быть в Минске, авангард далее, а партии уже около Свенцян. Но меня повернули на Новогрудек и велели идти или на Белицу, или на Николаев,

перейти Неман и тянуться к Вилейке, к Сморгони, для соединения.

Я и пошел, хотя и написал, что невозможно, ибо там 3 корпуса уже были на дороге Минска и места непроходимые.

Перешел в Николаеве Неман. Насилу спасся Платов, а мне пробиваться невозможно было, ибо в Воложине и Вишневе была уже главная квартира Даву, и я рисковал все потерять иобозы. Я принужден назад бежать на минскую дорогу, но он успел захватить. Потом начал показываться король вестфальский с Понятовским, перешли в Белицы и пошли на Новогрудек. Вот и пошла потеха! Куда ни сунусь, везде неприятель. Получил известие, что Минск занят и пошла сильная колонна на Борисов и по дороге Бобруйска.

Я дал все способы и наставления Игнатьеву и начал сам спешить, но на хвост мой начал нападать король вестфальский, которого бьют, как свинью точно. Вдруг получаю рапорт от Игнатьева, что неприятель приблизился в Свислочь, от Бобруйска в 40 верстах, тогда, когда я был еще в Слупке и все в драке. Что делать! Сзади неприятель, сбоку неприятель, и вчерась получил известие, что Минск занят. Я никакой здесь позиции не имею, кроме болот, лесов, гребли и пески. Надо мне выдраться, но Могилев в опасности, и мне надо бежать. Куда? В Смоленск, дабы прикрыть Россию несчастную. И кем? Гос(подином) Фулем! Я имею войска до 45 тысяч. Правда, пойду смело на 50 т(ысяч) и более, но тогда, когда бы я был свободен, а как теперь и на 10 тысяч не могу. Что день опоздаю, то я окружен. Спас Дорохова деташемент, и Платов примкнул! Жаль государя: я его как душу люблю, предан ему, но, видно, нас не любит. Как позволил ретироваться из Свенцян в Дриссу? Бойтесь бога, стыдитесь! России жалко! Войско их шапками бы закидали. Писал я, слезно просил: наступайте, я помогу.

Нет! Куда Вы бежите? За что Вы срамите Россию и армию?

Наступайте, ради бога! Ей-богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Они боятся нас; войско ропщет, и все недовольны. У Вас зад был чист и фланги, зачем побежали; где я Вас найду? Нет, мой милый, я служил моему природному государю, а не Бонапарте. Мы

проданы, я вижу; нас ведут на гибель; я не могу равнодушно смотреть.

Уже истинно еле дышу от досады, огорчения и смущения.

Я ежели выдерусь отсюдова, то ни за что не останусь командовать армией и служить: стыдно носить мундир, ейбогу, и болен! А ежели наступать будете с первою армиею, тогда я здоров. А то что за дурак? Министр сам бежит, а мпе приказывает всю Россию защищать и бить фланг и тыл какой-то неприятельский. Если бы он был здесь, ног бы своих не выдрал, а я выйду с честию и буду ходить в сюртуке, а служить под игом иноверцев-мошенников — никогда! Вообрази, братец: армию снабдил словно без издержек государю; дух непобедимый выгнал, мучился и рвался, жадничал везде бить неприятеля; пригнали нас на границу, растыкали, как шашки, стояли, рот разиня, обоср… всю границу и побежали! Где же мы защищаем? Ох, жаль, больно жаль России! Я со слезами пишу. Прощай, я уже не слуга. Выведу войска на Могилев, и баста! Признаюсь, мне все омерзело так, что с ума схожу. Несмотря ни на что, ради бога ступайте и наступайте! Ей-богу, оживим войска и шапками их закидаем…

Проси государя наступать, иначе я не слуга никак!

Вчера скакал 24 версты к Платову, думал застать стычку, но опоздал… Я волосы деру на себе, что не могу баталию дать, ибо окружают поминутно меня.

Ради бога Христа наступайте! Как хочешь, разбирай мою руку. Меня не воином сделали, а подьячим, столько письма! Вчерашний день бедный мой адъютант Муханов ранен пикою в бок, почти смертельно.

Прощай, Христос с Вами! а я зипун надену».

А.П.Ермолов — П.И.Багратиону

«Милостивый Государь,

Князь Петр Иванович!

Я говорил Министру о желании Вашем, что армии, имеющей честь служить под Вашими повелениями, угрожает несчастие, что Вы хотите сдать команду; это ему очень не понравилось; подобное происшествие трудно было бы ему растолковать в свою пользу. Нельзя скрыть, что Вы

не оставили бы армии, если бы не было несогласия; но каждый должен вразумиться, что частные неудовольствия не должны иметь места в деле, требующем усилии и стараний общих. Я заметил, что это его даже испугало, ибо впоследствии надо будет отдать отчет России в своем поведении.

Конечно, мы счастливы под кротким правлением Государя милосердного, но настоящие обстоятельства и состояние России, выходя из порядка обыкновенного, налагают на нас обязанности и соотношение необыкновенный. Не одному Государю надобно будет дать отчет в действиях своих Отечеству, также и Вы, Ваше Сиятельсшо, как и Военный Министр. Вам как человеку, боютворимому подчиненными, тому, на кого возложена надежда многих и всем России, обязан я говорить истину: да будет стыдно Вам принимать частные неудовольствия к сердцу, когда стремление всех должно быть к пользе общей; одно это может спасти погибающее Отечество наше!

Пишите обо всем Государю! Если голос подобных мне не достигнет престола Его, Ваш не может быть не услышан».

П.И.Багратион — А.П.Ермолову (Собственноручно.)

«Ну, брат, и ты пустился дипломатическим штилем писать. Какой отчет я дам России? Я субальтерн и не властен, и не Министр, и не Член Совета, следовательно, требовать ответа никто не осмелится. Я еще лучше скажу:

год уже тому, что я Министру писал и самому Государю и предвещал, что значит оборона и в какую пагубу нас введет.

Точно так и случилось. Однако шутка на сторону; Растопчина надобно предупредить, ополчения тоже. Из Смоленска нужно взять всех ратников во фронт и смешать с нашими. Я все делаю, что должно истинно Христианину и Русскому, и более бы сделал, если бы Ваш Министр отказался от команды. Мы бы вчера были в Витебске, отыскали бы Витгенштейна и пошли бы распашным маршем и сказали бы в приказе: «Поражай, наступай! Пей, ешь, живи и веселись!»

А на месте Витебска, Вашими какими-то демонстрациями, я думаю,

может, после завтра в Дорогобуже. Не дай бог, а так будет точно от мудрых распоряжений Ваших!

Впрочем, Вы более под ответом, нежели я, несчастный…»

А.П.Ермолов — П.И.Багратиону

«Несправедливо вините меня, благодетель мой, будто я стал писать дипломатическим штилем; я Вам говорю как человеку, имя которого известно всем и всюду, даже в самых отдаленных областях России, тому, на которого не без оснований полагает Отечество надежду свою. Вы соглашаетесь на продвижение Министра, не хочу сказать, чтобы Вы ему повиновались, но пусть будет так! В обстоятельствах, в которых мы находимся, я на коленах умоляю Вас, ради бога, ради Отечества, писать Государю и объясниться с Ним откровенно. Вы этим исполните обязанность Вашу относительно Его Величества и оправдаете себя пред Россией.

Я молод — мне не станут верить; если же буду писагь.

не заслужу внимания; буду говорить — почтут недовольным и охуждающим все; верьте, что меня не устрашает это.

Когда гибнет все, когда Отечеству грозит не только гром, но и величайшая опасность, там нет ни боязни частной, ни выгод личных; я не боюсь и не скрою от Вас, что там — молчание, слишком долго продолжающееся, служит доказательством, что мнение мое почитается мнением молодого человека. Однако я не робею, буду еще писать, изображу все, что Вы делали и в чем встречены Вами препятствия.

Я люблю Вас слишком горячо; Вы благодетельствовали мне, а потому я спрошу у самого Государя, писали ли Вы к нему или хранили виновное молчание? Тогда, достойнейший Начальник, Вы будете виноваты.

Если же Вы не хотите как человек, постигающий ужасное положение, в котором мы теперь находимся, продолжать командование армиею, я, при всем моем уважении к великой особе, буду называть Вас и считать не великодушным.

Принесите Ваше самолюбие в жертву погибающему Отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не назначат человека, какого требуют

обстоятельства!

Пишите, Ваше Сиятельство, или молчание, слишком долго продолжающееся, будет обвинять Вас».

8

Уже почти месяц продолжалось отступление русской армии.

Пыль, поднятая тысячами сапог, копыт, колес, плотными серыми холстами закрыла небо. Для облегчения войск на марше в наступившую сильную жару солдатам велено было снимать галстуки и расстегивать мундиры. Не видя в глаза французов и почти непрерывно отходя назад, армия роптала. Офицеры открыто говорили и судили про начальников, никого не стесняясь. Нападали больше всего на Барклая-де-Толли. Многие считали его трусом и чуть ли не изменником; в письмах Ермолову Багратион именовал военного министра «твой Даву».

11 июля Западная армия приблизилась к Витебску, пройдя за четыре дня более ста верст и снова опередив неприятеля.

Ермолов, исхудавший от неспанья и забот, отправился из села Белево, занятого главной квартирой, осматривать расположение утомленных сильными переходами войск.

Его сопровождал Семен Христофорович Ставраков, весьма недалекий и ленивый полковник, исправляющий при главном штабе должность дежурного генерала. Будучи в адъютантах у Суворова, он был представлен императору Павлу и на его вопрос, какими языками владеет, простодушно отвечал: «великороссийским и малороссийским». Павел тогда, оборотясь к Суворову, сказал: «Вы бы этого дурака заменили другим», на что фельдмаршал ответил: «О, помилуй бог! Это у меня первый человек!»

«Если возможно понять смысл слов римского поэта:

«Сие судеб преисполненное имя», — размышлял Ермолов, поглядывая на сонного, с безразличием на лице Ставракова, — то, кажется, более

всех может оно ему приличествовать. Судьба преследовала им всех главнокомандующих: он находился при Суворове в Италии, при Буксгевдене, а потом и при Беннигсене в Пруссии, а теперь не спасся от него и Барклай-де-Толли!»

С таким дежурным генералом Ермолову приходилось рассчитывать только на самого себя, но затраченный труд явил свои плоды.

С назначением его на должность начальника главного штаба возросла четкость в штабной работе, организованность и дисциплина. Строгий и требовательный, Ермолов приказал дежурным офицерам своевременно доносить о наличном состоянии войск, указывая их точное расположение. Не выполнившие эти требования арестовывались, с объявлением об этом по армии. Благодаря его усилиям было упорядочено снабжение войск продовольствием и фуражом. Все попытки лихоимства и обмана Ермолов пресекал со свойственной ему крутостью. В Полоцке он пригрозил кандалами комиссионеру Юзвицкому, который отправлялся с большой суммой казенных денег якобы для уплаты еврею-подрядчику за провиант, находившийся на вражеском берегу реки Полоты. Чтобы не оставлять неприятелю муку, он распорядился в течение четырех дней наряжать каждый день по три тысячи человек для хлебопечения, и все было вывезено в строгом порядке.

Барклай-де-Толли, хотя и не симпатизировал Ермолову, но не мог не оценить в молодом генерале необыкновенное трудолюбие, энергию, распорядительность, прекрасную память, умение быстро ориентироваться в обстановке и отлично читать карту, наконец, способность мгновенно и четко формулировать приказы и распоряжения, что для Барклая, худо говорившего на языке своей второй родины, было особенно важно.

«Против воли главнокомандующего дан я ему в начальники штаба, — размышлял Алексей Петрович, проезжая вдоль правого берега реки Лучесы, где расположились основные силы армии. — Он не любит меня и делает мне неприятности, однако доволен трудами моими и уважает службу мою…»

Воздействовать на нерешительного и мнительного военного министра

было очень трудно. На пути от Полоцка, в Будилове, приметив, что армия Наполеона очень растянулась и главные силы ее с тяжелой артиллерией далеко позади, Ермолов предложил Барклаю немедля перейти на левый берег Двины и поспешно следовать к югу, на Оршу, отвлекая на себя силы Даву и тем облегчая Багратиону соединение с 1-й армией. Представилась возможность уничтожить расположенный в Орше неприятельский отряд и, переправясь затем на левый берег Днепра, закрыть собою Смоленск. После некоторых колебаний главнокомандующий согласился с доводами Ермолова и приказал возвратить два кавалерийских корпуса, прошедших вперед, и две понтонные роты для сооружения моста при Будилове. Все было готово, и успех предстоял верный. Однако через полчаса главнокомандующий переменил намерение.

«Кто мог отклонить его от прежнего решения? — рассуждал про себя Ермолов. — Только флигель-адъютант Вольцоген! Сей тяжелый немецкий педант пользуется большим уважением Барклая. Беру в свидетели всевышнего, я сделал все, что мог. Видя, как теряются выгоды, которые так редко дарует счастье и за упущение которых приходится платить весьма дорого, и зная, что по недостатку опытности не имею права на полную ко мне доверенность главнокомандующего, склонил я некоторых корпусных командиров сделать о том ему представление.

Но все безуспешно! Барклай остался непреклонен, и армия продолжила путь к Витебску…»

Теперь оставалось ожидать вестей от Багратиона и Платова. 1-я армия развернулась на левой стороне Двины, только 6-й корпус Дохтурова находился на правом берегу, в полутора маршах впереди, для наблюдения за французами, имевшими с арьергардом графа Палена частые, но незначительные стычки…

Ермолов глянул сбоку на своего спутника, мерно, в такт лошади кивавшего головою в высоком кивере, и возмущенно прикрикнул:

— Ставраков! Ты что, спишь, лентяй?

— Ни, вашэ высокопрэвосходытэльство, зовсим пэ сплю… Так, з

закрытымы очыма думаю… — просыпаясь, медленно ответил тот.

Объехав позицию, выбранную для главного сражения генерал-квартирмейстером Толем, Ермолов был немало удивлен тем, что никто не обратил внимания на множество недостатков, которые заключала в себе местность. По большей части равнинная, она была покрыта кустарником, до того густым, что квартирьеры, не видя один другого, откликались лишь на сигналы голосом. Позади пролегал трудный для перехода, глубокий ров, а сделать спуски недоставало времени.

— Генеральное сражение давать здесь опасно, — заявил Ермолов. — Еще есть надежда соединиться со 2-ю армией. А что произойдет при неудаче? Большая часть войск будет отступать через город, по узким улицам, остальная — через ров. Если уж решено принять сражение, то несравненно лучше устроить армию по другую сторону города, имея в запасе кратчайшую дорогу на Смоленск.

— Но мы отдаем Витебск, — возразил Толь.

— Уступив его, мы прибавим лишь еще один город к многим потерянным губерниям, — отвечал ему начальник главного штаба. — Легче пожертвовать Витебском, нежели удобствами, которые сохранят армию…

Барклай-де-Толли колебался, затем изъявил согласие с Ермоловым, но не решился отменить приказ о сражении и повелел избрать место за городом, по дороге к Смоленску…

Казалось, все предвещало близость генеральной битвы, предмета желаний Наполеона, стремившегося, по обыкновению, одним ударом решить участь войны. Привыкнув к победам, за которыми непосредственно следовало заключение выгодного мира, он еще тешил себя мечтой легко сокрушить русских, потому что превосходил их в силах.

С рассветом 15 июля, в четвертом часу пополуночи, французы тронулись к Витебску и завязали перестрелку с передовой цепью графа Палена. Лейб-казаки первыми кинулись в атаку. С гиканьем и свистом отборные донцы прорвали вражеский авангард и налетели на батарею, возле которой стоял Наполеон. Они произвели такую тревогу вокруг него, что

на некоторое время император прекратил все действия.

Когда прошла суматоха, французы опять двинулись вперед. Пален отступал к берегам Лучесы на виду всей русской армии, стоявшей на возвышенностях позади Витебска и только что не рукоплескавшей его искусным маневрам.

Долго еще небольшой отряд удерживал все неприятельские силы, а затем, отойдя за реку Лучесу, умело воспользовался крутыми ее берегами для защиты бродов.

«Французская армия заняла все напротив лежащие возвышения и развернулась, кажется, только для того, — восхищался Ермолов, — чтобы дать каждому из своих воинов зрелище искусного сопротивления силам несравненно превосходящим и показать пример порядка. Словом, прославить Палена и уразуметь, что если армия российская имеет хотя бы нескольких ему подобных, то для противоборства ей нужны усилия необычайные!..»

Сам Алексей Петрович прибыл на рассвете к правому флангу русской армии, состоявшему из корпуса Багговута и упиравшемуся в Двину. Корпус был отделен от прочих частей глубоким оврагом. Храброму полковнику Никитину, полному тезке и ровеснику Ермолову, стоило величайших трудов перевести свою конноартиллерийскую роту через этот овраг. Позиции прочих корпусов были столь же невыгодны для принятия боя.

Ермолов, знавший эту местность с первых лет своей службы, поспешил к Барклаю и с резкой откровенностью высказал ему свое предостережение, что битва будет проиграна.

— Нас спасает одно обстоятельство! — с горячностью говорил он. — Фронт позиции прикрыт рекой Лучесой, которую трудно перейти вброд. Но можно отыскать его выше по течению. Пока неприятель займется этими поисками, мы должны поспешно начать отступление, иначе армия будет разбита по частям!..

На собранном военном совете генерал-квартирмейстер Толь утверждал, будто позиция выгодная и нужно принять сражение. Барклай колебался.

Старший из генерал-лейтенантов армии, Николай Алексеевич Тучков, предложил удерживать позицию до вечера.

Ермолов с величайшей запальчивостью возразил:

— Кто же вам поручится в том, что наша армия будет существовать до вечера? Может быть, вашим высокопревосходительством заключено условие, по которому Наполеон обязывается не тревожить нас?..

Был первый час пополудни. Авангард находился в жесточайшем огне, расстояние между французской и русской армиями все сокращалось. О том, что в неприятельских войсках находится Наполеон, сообщили в главном штабе пленные.

«О дерзость, божество, пред жертвенником которого военный человек не раз в своей жизни должен преклонить колена! — терзался, следя за непроницаемым Барклаем, Ермолов. — Ты иногда спутница благоразумия, но нередко, оставляя его в удел робкому, толкаешь смелого к великим предприятиям! Склони чашу весов и убеди Барклая согласиться с мнением младшего!»

Наконец главнокомандующий холодно сказал:

— Приказываю отступить по дороге на Поречье…

Русская армия все еще стояла под ружьем на высотах, господствовавших над полем битвы, где сражался авангард Палена, и была безмолвной свидетельницей его доблестного подвига. Ермолов наскоро составил диспозицию, согласно которой войска двинулись не мешкая на восток тремя колоннами. Отступление было совершено с таким искусством, что через полчаса лесистое местоположение уже скрыло всю армию от неприятеля.

Начальник главного штаба, оставаясь с небольшим казачьим конвоем на правом берегу Лучесы, с волнением и гордостью следил за продолжавшимся неравным боем. «Отделяющаяся армия, — размышлял Алексей Петрович, — вверив авангарду свое спокойствие, не могла оградить его силами, соразмерными неприятелю. Но поколебать его мужества ничто не в состоянии! Я согласен с Горацием: „Если разрушится вселенная, в развалинах своих погребет его неустрашенным“!..»

До пятого часа пополудни сражение продолжалось с равным упорством, и отряд Палена отошел на противоположную окраину Витебска, оставив неприятеля в ожидании генерального боя. Поутру Наполеон обнаружил, что русское войско исчезло как бы по мановению волшебного жезла.

Маршалам велено было найти его, но, несмотря на быстроту форсированного марша, французской армии не удалось не только отыскать русских, но даже напасть на их след.

Пройдя три версты за Витебск, неприятель не мог даже определить, в каком направлении совершилось отступление: нигде не было ни одной павшей лошади, ни забытой повозки, ни отставшего солдата.

Французы были настолько утомлены непрерывными переходами и наступившей сильной жарой, что Наполеон приказал приостановить движение и остановиться в Витебске. Решили пригласить из Варшавы и Вильно польскую и литовскую знать, выстроить театр и на открытие вызвать из Парижа знаменитого трагика Франсуа-Жозефа Тальма.

Наполеону нужно было время, чтобы собраться с мыслями и выработать дальнейший план действий…

На первом же переходе русской армии от Витебска прибыл адъютант Ьагратиона князь Меншиков с известием об успешном сражении при Дашкове и беспрепятственном движении 2-й армии на соединение с 1-й. Таким образом, битва близ Витебска ничего бы не дала для достижения топ цели, к которой стремились Барклай-де-Толли и Багратион.

Проведенная на крайне невыгодной местности с превосходящими в численности французами, предводимыми самим Наполеоном, битва эта неминуемо закончилась бы для 1-й армии жестоким поражением, которое могло бы иметь для вашего Отечества самые бедственные последствия.

«Хвала Барклаю, что после некоторого колебания решился на спасительное отступление, — занес в свой дневник адъютант при главном штабе Граббе, — хвала Ермолову, что способствовал тому доводами и убеждениями и настоял не дожидаться ночи…»

Глава вторая. НЕОБХОДИМО ЕДИНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

1

«Я в Смоленске! Там, где в ребячестве моем живал с моими родными, где служил в молодости, где знаком коротко со всем и каждым по связям бедного брата моего…

Здесь, могу сказать, живал в удовольствии, ибо беспечность и свобода, умножая тому причины, отдаляли всякое противное ощущение. Теперь я в летах, позади время пылкой молодости, и если не по собственному убеждению, то по мнению многих, человек порядочный и занимающий ужи важное в армии место. Какие удивительные и едва ли постижимые для меня самого перевороты!..»

Ранним летним утром Ермолов медленно ехал улицами древнего города, предаваясь нежным и горьким воспоминаниям, которым не мешал шум проходившего войска — стук лафетных колес, бряцание ружей, всхрапывание лошадей, перебранка солдат и голоса командиров…

20 июля 1-я армия беспрепятственно отошла от Поречья к Смоленску и расположилась на правом берегу Днепра, имея авангардами отряд графа Палена в Холме и генералмайора Шевича в Рудне. По мере ее приближения к Смоленску надежды на скорое соединение со 2-й армией превращались в реальность. Благодаря посредничеству Ермолова отношения между главнокомандующими, из которых князь Багратион был гораздо старше в чине Барклая, служившего некогда под его началом, сделались заметно дружелюбнее. Передавая приказания Барклая князю и читая письма Багратиона военному министру, Ермолов смягчал, по возможности, выражения. В результате Барклай, выслушивая донесения Багратиона, сообщаемые ему начальником главного штаба, и гладя, по своему обыкновению, раненую руку, говорил: «С вашим князем можно еще служить вместе…» Багратион в свою очередь писал теперь Ермолову: «С твоим методикой Даву можно еще ладить…»

«Прежней вражды уже нет, но по-прежнему необходимо единоначалие!» — думал Ермолов, возвращаясь к мысли, которая неотступно угнетала его, как и многих в русской армии.

Близ Смоленска у Барклая неожиданно возникла мысль идти с 1-й армией к городу Белому, направив 2-ю армию по Московской дороге. Военный министр объяснял свое намерение недостатком в Смоленске продовольствия, но Ермолов усматривал в этом интриги, которые вели против Багратиона Вольцоген и другие немцы. Он резко возразил Барклаю: «К чему вы подвергаете 2-ю армию опасности и ставите ее в то положение, из которого вырвалась она сверх всякого ожидания? Неприятель немедленно уничтожит ослабленные войска Багратиона! Вы не осмелитесь этого сделать…»

Барклай выслушал его тогда с ледяным спокойствием, заметив только, как мог Ермолов, дожив до тридцати пяти лет, остаться простодушным Кандидом. Однако повелел 1-й армии отступать по Московской дороге к Смоленску.

«Военный министр не переменил после этого ко мне своего расположения, — подумал Алексей Петрович. — Впрочем, приметить перемены невозможно, ибо и без этого нельзя быть ни менее холодным, ни менее обязательным…»

Ермолов поднял глаза, скинул офицерский кивер, который носил вместо генеральской шляпы, и троекратно перекрестился. Перед ним высился бело-голубой громадой Успенский собор, построенный при Екатерине на холме, где некогда находился храм XII века. Неподалеку, в Благовещенской церкви, хранилась знаменитая икона божьей матери, написанная, согласно преданию, евангелистом Лукой и носившая имя Одигитрии, или Путеводительницы. Когда греческий император Константин Порфироносный выдавал свою дочь Анну за князя черниговского Всеволода Ярославича, он благословил их этой иконой. Позднее она досталась Владимиру Мономаху, который перенес ее в Смоленск, заложив в 1101 году и храм. Затем Одигитрия путешествовала в Москву и воротилась в Смоленск при князе Василии Темпом.

Вспомнив о чудотворной иконе, Ермолов подумал о том, что с годами все далее отходит от увлечений ветреной юности и глубоко благоговеет перед русскими святынями. Отцовская ладанка с зашитым в нее псалмом «Живый в помощи Вышняго» шевельнулась на груди. Но то было лишь мимолетное видение, отвлекшее начальника главного штаба от многочисленных — крупных и мелких — забот, не оставляющих его ни днем ни ночью.

У двухэтажного грязно-желтого здания губернской казенной палаты генерал остановил коня. Здесь размещался теперь главный штаб 1-й армии. Ермолова уже ожит;алп гредставптели полевого интендантского управления, чиновники губернатора, офицеры земского ополчения.

Надобно было проверить, как исполняет генерал-интендант Канкрпн распоряжения о заготовлении хлеба и сухарэй: магазины в городе, как и ожидалось, оказались скудны, а из соседних губерний не могли в короткие сроки поголнить припасы. Между тем гражданский губернатор Смоленска барон Аш обладал такой беспечностью, что продолжал отсылать обозы с хлебом в Витебск, где уже были французы. Немногим более полезным оказался и губернский предводитель дворянства Лесли. Земское ополчение представляло наспех собранные толпы мужиков — самых разных возрастов, худо снабженных одеждою и совсем не вооруженных. В начальники им был назначен генерал-лейтенант Лебедев, старый и совершенно неспособный человек, достигший своего звания единственно долголетием…

В толпе, осаждавшей его двери, Ермолов приметил зиакомую курчавую голову с очень большим носом. Это был адъютант великого князя Константина Павловича — Курута. Кланяясь, он вошел в кабинет начальника главного штаба и высыпал на стол из тяжелого мешочка кутку блестя щих желтых монет.

— Это еще что такое? — сдвщхул густые черные брови Ермолов.

— Проигрыс его высоцества васему высокопревосходительству…

Да, как и предполагал Ермолов, действия корпусов Удино и Макдональда против Петербурга носили отвлекающий характер.

— Проигрыш принимаю. — Алексей Петрович огромной ладонью сгреб червонцы в ящик стола. — А где же теперь его высочество?

— Собирается в Смоленск и надеется скоро встретиться с васым высокопревосходительством.

Из Витебска Барклай-де-Толли, желая избавиться от великого князя, который только досаждал ему, послал его в Москву с письмом государю. Отъезжая, Константин Павлович всем жаловался, что военный министр сделал его простым фельдъегерем, и Барклай нажил еще одного могущественного врага. Но разве о сведении счетов могла идти сейчас речь? Ужасно было то, что все эти частные неприязни, подсиживания, раздоры мешали главной и святой цели.

— Я обязан его высочеству многими милостями и самым благосклоннейшим ко мне отношением, которые никогда не забуду, — сказал на прощание Куруте Ермолов. — Пусть же он просит государя о назначении начальника обеих армий! Соединение их будет поспешнее и действия согласнее…

Прежде чем принимать прочих посетителей, Ермолов отправил на утверждение военному министру написанные ночью документы и просмотрел почту, принесенную полковником Ставраковым. Здесь, в Смоленской губернии, на родной земле, крестьяне видели в русской армии избавителей от иноземных захватчиков. Как примечал Ермолов, невозможно было изъявить ни большей ненависти к врагам, ни большего усердия в помощи русским войскам. Крестьяне толпами прпходили к нему с одним вопросом: дозволено ли им будет вооружаться против французов и не подвергнутся ли за то они ответственности? Ермолов подготовил воззвание к жителям Смоленской губернии, призывая их противостоять неприятелю, который дерзает надругаться над святынями, вносит в жилища поселян грабеж, а в семейства бесчестье.

В восточных губерниях формировались ополчения. Киевскому военному губернатору Милорадовичу велено было прибыть в Калугу и создавать там из рекрутских отрядов новый корпус. Разделяя общее мнение о том, что настала пора решающего сражения, Ермолов писал ему: ((Спешите,

почтеннейший Михайло Андреевич, к нам, и, ежели войска Ваши не приспеют разделить славу пашу, приезжайте Вы одни. Я знаю, что Вы здесь нужны. Приезжайте, всеми любимый начальник; будьте свидетелями сражения, которому, конечно, равного долго не будет. Мы будем драться, как львы, ибо знаем, что в нас — надежда, в пас — защита любезного Отечества. Мы можем быть несчастливы, по мы Русские, мы будем уметь умереть, и победа достанется врагам нашим плачевною. Солдаты наши остервенены ужасно.

Надо показаться впереди, и ничто, конечно, устоять не может…»

…Догорела долгая июльская заря, отпустила томящая жара, но лишь тогда, когда взошел месяц и зажег кресты над Успенским собором, над надворотными церквями Смоленского кремля, надо всеми тридцатью прочими храмами древнего русского города, старшего брата Москвы, ровесника Киева и Новгорода, Ермолов отправился на ночлег.

Его уже давно ожидал с незамысловатым ужином верный денщик Ксенофонт — Федул. В темноте слышен был стук колясок и скрип телег: многие дворяне и чиновники в страхе перед Наполеоном покидали город. Черными глазницами окон глядел дом бывшего губернатора Тредьяковского, сыгравшего некогда злую роль в судьбе ермоловского брата.

Лунная дорожка явила у растворенных дверей брошенные при поспешном отъезде предметы: старый, с лентами, чепец, обкуренный чубук с длинным вишневым мундштуком, небольшую растрепанную книжицу. Ермолов слез с коня, поднял и раскрыл ее: то была державинская «Песнь лирическая Россу на взятие Измаила». На титульном листе генерал увидел знакомый герб и надпись: «Из книг Александра Михайловича Каховского». Он открыл последнюю страницу и перечитал знакомые строки:

А слава тех не умирает,

Кто за Отечество умрет;
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленье
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огнь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

2

22 июля князь Багратион, армия которого находилась еще в двенадцати верстах от Смоленска, в карете, сопровождаемый несколькими генералами и пышным конвоем, отправился на свидание к военному министру. Ермолов, зная о болезни храброго, но недальновидного графа СенПри, начальника штаба у Багратиона и ненавистника Барклая, которого он считал изменником, спешил уменьшить взаимную неприязнь обоих главнокомандующих. Он убедил военного министра выехать навстречу Багратиону.

Барклай-де-Толли молча надел шарф и, встретив Багратиона в пути, как старшему, с шляпой в руке, отдал рапорт д пригласил в занимаемый им дом. Князь не ожидал подобной любезности, которая произвела на него и на его гвиту большое впечатление. Оставшись с самыми ближними, оба главнокомандующих обсудили возможности наступательных действий против Наполеона.

Барклай, наклонив совершенно лысую, с высоким лбом, голову, говорил, подыскивая трудные для него русские слова:

— Перед мыслью, ваше сиятельство, что нам вверена защита Отечества, должны умолкнуть все остальные соображения… Соединимся же и будем бороться против врагов России…

Багратион, в своем неизменном мундирном сюртуке со звездою Георгия 2-го класса, с готовностью отвечал:

— Всему вашему желанию охотно повинуюсь! Рад был вас всегда любить и почитать! Но теперь вы более меня убедили и к себе привязали! Сие вам говорю правду. Поверьте, никому льстить не умею.

Он спешил выразить свою любимую мысль:

— Наконец соединением обеих армий совершили мы желание России. Мы получили над неприятелем преимущество. Наше дело пользоваться сей минутой! Надобно напасть на центр его, пока он разделен и рассеян форсированными маршами. Вся армия и Россия того требуют!..

Барклай колебался, медлил с ответом, спрашивал мнение Толя и Вольцогена, наконец, предложил собрать военный совет. Багратион, искренне готовый позабыть прежние раздоры, был разочарован. Главнокомандующие расстались со всеми возможными изъявлениями вежливости и наружной приязни, но с новым холодом в сердце один против другого.

Между тем 2-я армия прибыла к Смоленску, и Алексей Петрович примечал разительное ее отличие от 1-й. Желая проникнуть в дух солдат, он еще в переходах от Поречья к Смоленску, проводимых из-за большой жары ночами, расспрашивал их, не узнаваемый в темноте. Все неудачи солдаты приписывали начальнику-иноземцу и обвиняли его в измене. Армия Барклая, утомленная непрерывным и, по общему мнению, неоправданным отступлением, стала допускать беспорядки, появились признаки упадка дисциплины. В опустевших домах и даже в церквах отдельные солдаты производили грабеж и разбой. Тогда именем военного министра Ермолов повелел отдать приказ с оповещением по армии о казни главнейших преступников и тем пресечь бесчинства, которые могли умножиться. Одно средство укрепления дисциплины — победа. 2-я армия явилась под звукп неумолкающей музыки и песен. Можно было

подумать, что пространство между Неманом и Днепром она оставила, не отступая, но прошла, торжествуя. Исчезла усталость, на лицах видна гордость от преодоленных опасностей и готовность к превозможению новых. Солдаты желали, просили боя. Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим бороды пашнх отцов! Пора драться!» Старик гренадер ил числа последних суворовских чудо-богатырей объяснял Ермолову, вытягивая руку и разгибая ладонь с разделенными пальцами:

— Прежде мы были так! Теперь мы, — тут он сжал пальцы и свернул ладонь в кулак, — вот так! Так пора же, — он замахнулся дюжим кулаком, — так пора же дать французу хорошего леща вот этак!..

«Какие другие ополчения могут уподобиться вам, несравненные русские воины? — с гордостью размышлял, видя Багратионовых орлов, Ермолов. — Верность ваша не приобретается мерою золота, допущением беспорядков, терпимостью своевольств. Когда же пред рядами вашими встанет вождь, подобный Суворову, чтобы изумилась вселенная!..»

На военном совете, который был собран 24 июля, все — Багратион, вернувшийся в войска великий князь Константин Павлович, начальники главного штаба обеих армий Ермолов и Сен-При и генерал-квартирмейстеры Вистицкий и Толь высказались за немедленное наступление против центра неприятеля. Лишь уступая общему мнению, Барклай согласился с ними, но приказал ограничить наступление тремя днями.

Это была полумера, и, несомненно, опасная, ибо русской армии грозило быть отрезанной от Смоленска.

Три главные дороги вели из города: на северо-запад, к Витебску через Поречье, на запад, к Рудне, и на юго-запад, к Орше через город Красный. По имевшимся сведениям, в Поречье был размещен лишь небольшой кавалерийский отряд французов, а сам Наполеон с гвардией находился в Витебске. Конница Мюрата расположилась за Рудней. Корпус маршала Даву медленно собирался в районе Орши. Рассеянные на большом пространстве неприятельские войска, хорошо зная о длительном бездействии русских, шли на соединение медленно.

Все благоприятствовало предпринимаемому наступлению. 26 июля под звон смоленских колоколов обе армии двинулись вперед. 1-я армия шла на Рудню двумя колоннами через селения Приказ-Выдра и Ковалевское, имея в авангарде казаков Платова. С левой стороны ее, недалеко от Днепра, проходила 2-я армия. В Красный, для наблюдения за дорогой к Орше и обеспечения левого фланга русских войск, Барклай приказал отделить от 2-й армии 27-ю пехотную дивизию генерал-майора Д. П. Неверовского, составленную в основном из новобранцев.

Воспрянула бодрость в сердцах начальников, невозможно было передать радости солдат. То было первое наступательное движение русских войск во всей кампании.

3

На первом же переходе от Смоленска к Рудне, в селении Приказ-Выдра, военный министр снова заколебался.

Не имея точных сведений о противнике, он страшился углубляться вперед и порешил обратиться сперва к Поречью, чтобы открыть силы французов. Багратиону было предложено перевести 2-ю армию на место 1-й — в ПриказВыдру. Тот досадовал на потерю времени, тревожился за свой слабый левый фланг, который мог быть отрезан у Красного, но нехотя повиновался. Так как приказ Барклая был передан Ермоловым, Багратион перенес часть недонольства на него, считая и его соучастником ошибочного решения. На эти операции ушло два драгоценных дня.

Только храбрый атаман Платов, не получивший известий о передвижении 1-й армии на пореченскую дорогу, продолжал двигаться к Рудне и 27 июля у села Молево Болото встретил два французских гусарских полка. Неожиданным ударом во фланг он обратил их к Рудне, где стоял генерал Себастьяни, вовсе не помышлявший о близости русских. Завязалось горячее дело. Французы дрались упорно, подошли к

самым орудиям донской батареи и ранилп многих канониров пулями. Но Платов семью казачьими полками обошел неприятеля с флангов. Противник бежал.

Дальнейшее преследование атаман поручил подошедшему отряду Палена, который гнал французов восемь верст. «Неприятель пардона не просил, — докладывал Платов, — а российские войска, быв разъярены, кололи и били его».

Барклай терялся в догадках, упустив из виду Наполеона: то полагал, что он обходит Смоленск и тянется боковыми путями на Москву, то боялся, что он заслонил русским Петербург и думает дать туда направление всей армии.

В деревушку Гаврики, на дороге к Рудне, прибыл Багратион. Он не соглашался с Барклаем-де-Толли и не считал, что им грозит опасность со стороны Поречья, и предлагал продолжать марш на Рудню, утверждая, что Наполеон будет охватывать левый, а не правый фланг русских и поведет нападение из Красного. Барклай резко возражал. Мало-помалу оба главнокомандующих пришли в сильное возбуждение, доказывая каждый свою правоту.

Барклай сидел на самом солнцепеке, посреди крестьянского двора, на бревне, приготовленном для постройки сарая, в наглухо застегнутом мундире и при всех орденах. Багратион, в белой нательной рубахе, накинув на плечи сюртук, большими шагами мерил двор.

— Ты немец! Тебе все русское нипочем! — почти кричал Багратион, сузив восточные, с тяжелыми веками, глаза и хлеща по голенищу своего сапога казачьей нагайкой.

— Дурак! — в сердцах отвечал ему военный министр. — Ты сам не знаешь, почему ты называешь себя коренным русским!

— Тебе этого никогда не понять с твоей глупой немецкой методикой! — не оставался в долгу Багратион.

Единственный свидетель их перепалки, Ермолов горестно размышлял: «Никогда не забуду я странного намерения твоего, Барклай-де-Толли, отменить атаку на Рудню!

Но за что терплю я упреки от тебя, Багратион, благодетель мой?! При первой мысли о нападении на Рудню не я ли настаивал на исполнении ее, не я ли убеждал употребить возможную быстроту? Я всеми средствами старался удерживать между вами, как главными — начальниками, доброе согласие. Нет, только единоначалие и мудрость полновластного вождя помогут избежать распрей и приблизить победу!»

Сам Алексей Петрович заботился лишь о том, чтобы кто-нибудь не подслушал горячего разговора Багратиона и Барклая. Он стоял у ворот, отгоняя всех, кто близко подходил, со словами:

— Главнокомандующие очень заняты, совещаются…

Войска бесплодно маневрировали четыре дня. Убедившись в их медлительности, Наполеон решил обойти русских левым берегом Днепра, захватить у них в тылу Смоленск и отрезать от Москвы. 31 июля неприятельские части двинулись к деревне Россасна, навели мосты и 2 августа переправились через Днепр, держа путь на Ляды — Красный — Смоленск. Впереди шел корпус Нея под прикрытием кавалерии Мюрата, а из-под Орши сюда же двинулись корпуса Жюно и Понятовского.

На пути 200-тысячной громады вражеской армии, в Красном, стоял только семитысячный отряд Неверовского при 12 орудиях. Ему-то и суждено было расстроить планы Наполеона.

Целый день 2 августа отряд сдерживал огромные силы французов, медленно отступая к Смоленску, куда успел тем временем вернуться корпус Раевского.

4

Смоленск пылал.

Весь город, большей частью деревянный, даже окружавшие его старинные каменные башни, — все было в огне.

150 французских орудий, не переставая, били по городу ядрами. Был прекраснейший летний вечер, без малейшего ветра. Огонь и дым,

восходя столбом, расстилались под самыми облаками. Несмотря на гром пушек, ружейную пальбу, шум и крики сражающихся, в соборной и во всех приходских церквах раздавался колокольный звон, возвещая о приближении праздника преображения господня.

Уже некоторые церкви пылали, но народ молился, не помышляя о спасении своего имущества и жизни, как бы в упрек неприятелю, что наградою для него будет один пепел.

Ермолов, отправленный главнокомандующим осмотреть, в каком положении обороняющиеся войска, следил со стен Смоленской крепости за ходом битвы.

Накануне, 4 августа, Раевский весь день удерживал город от яростных атак неприятеля, не позволив ему ни в чем одержать верх.

«Наполеон не знал расположения города и его окрестностей, — размышлял Алексей Петрович, перебирая события минувшего дня, — продолжая бесплодно пробиваться через Малаховские ворота. Если бы он обратился к левому флангу крепости, прилегавшему к реке, и поставил против моста сильную батарею, наши войска подверглись бы ужасному истреблению…»

Удостоверившись в сосредоточении всех неприятельских сил под Смоленском, Барклай-де-Толли и Багратион решили: 2-й армии отступить на Московскую дорогу; для прикрытия этого движения корпусу Дохтурова удерживать Смоленск, а прочим войскам 1-й армии разместиться подле города, на правом берегу Днепра.

Наполеон все еще ожидал, что русские вот-вот выйдут из города и примут сражение. Надежда его скоро рассеялась: на правом фланге заметили движение русских, отступающих по Московской дороге. То была 2-я армия.

Марш ее не мог укрыться от неприятеля, потому что дорога, по которой следовал Багратион, несколько верст шла вдоль днепровского берега. Наполеон вознамерился овладеть Смоленском, чтобы перейти на правый берег Днепра, и повелел начать общую атаку.

В четыре пополудни одновременно двинулись на город французские

колонны. Ней шел на красненское предместье, Даву на мстиславское и Малаховские ворота, Понятовскип атаковал предместье Раченку и поставил батареи, направленные против днепровского моста. Два часа держался Дохтуров в предместьях, но наконец принужден был отойти в город и расставил пехоту по стенам, а артиллерию — по бастионам. Только небольшое число стрелков оставались вне стен. Многочисленность войск дала Наполеону возможность атаковать город со всех сторон одновременно, однако стены спасали защитников от орудий и ружейных выстрелов и оставались непреодолимой преградой для неприятеля.

Недаром в старину называли смоленские стены дорогим ожерельем России. Благодаря им урон у русских был незначителен в сравнении с огромными потерями французов.

Пыль и дым потемняли воздух; шум и треск заглушал»

барабаны и слова команды. Главный натиск был обращен на Малаховские ворота, защищаемые Коновницыным, возле которого находился и Дохтуров. Лишь немногие из тех, кто окружал генералов, остались невредимы. Убийственный огонь так свирепствовал, что пришлось четырежды менять стоявшие у ворот орудия — прислуга и лошади за короткое время выходили из строя. Коновницына ранило пулей в руку, но он не оставил сражения и даже не дозволил сделать себе перевязку.

Барклай-де-Толли начал беспокоиться о защитниках, видя с высот правого берега действия неприятеля и получая от Дохтурова донесения о беспрестанном усилении атак. Ермолов сообщил о необходимости помочь левому крылу, на которое французы особенно усилили натиск. Тогда Барклай приказал Евгению Вюртембергскому, племяннику вдовствующей императрицы, с 4-й пехотной дивизией идти на подкрепление сражающихся.

С крепостной стены Ермолов наблюдал, как, перейдя мост через Днепр, дивизия разделилась: два полка двинулись на левое крыло, к Раченкам, а остальные с принцем Евгением направились через весь город к

Малаховским воротам. Навстречу тянулось множество раненых, а на горящих улицах дивизия была осыпана ядрами. Егеря подоспели в самую опасную минуту, когда войска, находившиеся вне города, в беспорядке возвращались в ворота. Дохтуров велел принцу Евгению сделать вылазку и потеснить неприятеля, засевшего в ближайших к стене домах. Расчистив с трудом проход в Малаховских воротах, егеря ружейным огнем заставили французов отступить, а затем и прекратить дальнейшее наступление.

На левом крыле одно мгновение могло решить участь города, но неустрашимость генералов Неверовского и Кутайсова, начальника артиллерии 1-й армии, направлявшего действия батарей, позволяла восторжествовать над усилиями неприятеля. Особенно много вредила атакам польского корпуса Понятовского батарея подполковника Нилуса, установленная на правом берегу Днепра. Красные шапки поляков подались назад. Следя за молодеческими действиями артиллеристов, Ермолов подумал: «Не позабыть ее в реляции!..» С появлением егерей корпус Понятовского был отброшен, причем командовавший бригадою генерал Грабовский погиб в штыковом бою.

Видя бесплодность атак, Наполеон велел идти напролом. Впереди головных колонн вывезли артиллерию. Крепость и толщина стен, воздвигнутых Годуновым, противостояли чугуну, но тучи ядер и гранат свистели и лопались без конца. В единый хаос смешались гром, треск, пламя, дым, стон, крики. К шести пополудни французы овладели всеми предместьями города. Русская пехота, расположившаяся на стенах, непрерывно стреляла — стены были как бы в огненной, сверкающей полосе.

Канонада французской артиллерии все ужесточалась.

Пылающие окрестности, густой разноцветный дым, гром пушек, кипящие перекаты ружейной стрельбы, стук барабанов, улицы, заполненные ранеными, вопли старцев, стоны женщин и детей, толпы людей, упадающих на колени с поднятыми к небу руками, — таково было зрелище, открывшееся Ермолову в лучах догоравшего солнца. Почитая

этот депь светопреставлением, а Наполеона — антихристом с воинством дьяволов, жители бежали из огня, между тем как полки русские шли в огонь: одни спасали свою жизнь, другие неслп ее в жертву.

Близились сумеркп. Покидая пылающий город, Ермолов велел артиллерийской роте 2-й пехотной гвардейской дивизии вынести из Благовещенской церкви чудотворную икону Смоленской божьей матери, которую поместили на запасном лафете. Шествие сопровождалось треском рушившихся зданий. Удалилась заступница Смоленская, но русские солдаты не сходили со стен — спереди гонимые неприятелем, сзади опаляемые разлившимся по всему городу пожаром.

Переехав под сильным обстрелом единственный мост через Днепр, Ермолов встретил Барклая-де-Толли, с необыкновенным хладнокровием смотревшего на двигавшиеся неприятельские колонны и отдававшего приказания адъютантам. От гремевшей батареи Нилуса отбежал маленький человечек в обожженном офицерском мундире и припал к седлу генерала:

— Ваше высокопревосходительство! Алексей Петрович!..

— Степан Харитоныч? Ты ли это? — изумился Ермолов, обнимая Горского.

— Да что ж это происходит? — причитал тот, не стесняясь слез. — Ах, август крушит и круглит! Говорят, в августе серпы греют, а вода холодит. Да видно, не нам, а французу жать жатву суждено. А нам от позора сидеть в воде студеной!..

В его глазах Ермолов прочел все накипевшее за постоянные отступления, за смоленский пожар, за разорение и гибель русских людей.

— Ты с артиллеристами выполнил сегодня свой долг, — не зная, что сказать ему, повторял Ермолов и гладил седые волосы старого друга.

— Что делать, друзья! — вызывающе громко проговорил кто-то рядом, и Ермолов, обернувшись, увидел подъехавшего к ним великого князя Константина в согшовожденип Куруты и гвардейских офицеров. — Что делать! Мы пе виноваты. Не русская кровь течет в том, кто надш

командует. А мы — и больно! — должны повиноваться ему! У меня не меньше вашего сердце надрывается!..

Барклай-де-Толли, слышавший эти слова, даже не повернул в сторону цесаревича головы. С тем же невозмутимым, даже, как показалось Ермолову, брезгливым хладнокровием отдавал он слова команды, равнодушный к проносящейся мимо него смерти.

На правом берегу Днепра толпы несчастных смолян, рассыпавшихся по полю, без крова, в ужасе глядели, как догорает их город, как обращаются в прах их жилища и гибнег достояние. Весь гребень высоты был покрыт генералами и офицерами, лица которых, обращенные к Смоленску, страшно были освещены пожаром. Никто пе мог отвести глаз от огромного костра церквей и домов. Блеск ослепительного пожара проникал даже сквозь закрытые веки.

Крики детей, рыдания женщин надрывали душу.

«Не видел я прежде опустошения земли собственной, не видел пылающих городов Родины моей, — прошептал генерал, чувствуя, как и у него подступают слезы. — Первый раз в жизни коснулся ушей моих стон соотчичей! Первый раз раскрылись глаза на ужас бедственного положения их! Великодушие всегда почитал я даром божества. Но теперь едва ли я ему дал бы место прежде отмщения!..»

5

Ночью Барклай созвал совет.

Багратион предлагал еще один день продолжать оборону города, а затем переправиться за Днепр и атаковатьиеприятеля. Генерал-квартирмейстер Толь со своей стороны заявил, что у него готова уже диспозиция наступления.

— Какая же? — бесстрастно осведомился Барклай.

Толь отвечал, что надобно атаковать двумя колоннами из города.

Ермолов высоко ценил Карла Федоровича Толя за его замечательные

способности и большие знания, почерпнутые еще в годы учебы в одном из кадетских корпусов, которыми командовал уже тогда покровительствовавший ему Михаил Илларионович Кутузов. Однако Толь был еще молод, малоопытен и нередко допускал довольно значительные ошибки.

— В городе весьма мало ворот, и они с поворотами в башнях, — возразил Толю Ермолов. — Большое число войск скоро пройти их не сможет. А как они устроятся потом в боевой порядок? Впереди нет свободного пространства, и батареи неприятеля придвинуты весьма близко к dene.

А скоро ли приспеет необходимая для атаки артиллерия?

Да и как войска собрать без замешательства — в тесных улицах, среди развалин?

— Признаю замечания основательными, — отозвался военный министр. — Какие предложения будут у господ генералов?

Большинство говоривших не согласились с мнением Багратиона, который намеревался перейти Днепр выше города и ударить в правый фланг Наполеона.

— Уж если необходимо атаковать, — рассуждал Ермолов, — то куда удобнее перейти реку у самого города, с правой его стороны, устроив мосты под защитой батарей правого фланга крепости. Предместье тут еще не оставлено нами, и против него действует всего одна неприятельская батарея. К ней — удобный путь обширными садами. В случае же отступления можно занять монастыри и церкви в предместье и не допустить натиска французов на мосты.

Александр Иванович Кутайсов от имени корпусных командиров предложил еще один день продолжить защиту города. Ермолов поддержал его.

— Защищать, чтобы затем атаковать? — спросил Барклай.

— Нет, чтобы потом отступить, собрав силы, — отвечал Кутайсов.

Позднее Ермолов понял неправоту своего мнения: удерживать разрушенный город было совершенно бесполезно.

Но так велика была жажда отмщения и ярость против жестокого завоевателя, что и он поддался общему порыву — пе отступать!

Барклаи-де-Толли молчал.

Он знал, что сдачей Смоленска окончательно уронит в глазах государя свою репутацию —главнокомандующего и даст многочисленной враждебной партии право добиться его отставки. Но он не видел иного выхода, кроме отвода войск далее на восток.

Наконец военный министр медленно проговорил:

— Приказываю сей же ночью оставить Смоленск.

6

Распорядившись о порядке отхода 1-й армии, Барклай и Ермолов ночевали в арьергарде близ самого города.

От Смоленска Московская дорога тянется несколько верст вдоль правого берега Днепра, затем идет на восток через Лубино, Бредихино и перед Соловьевом вновь переходит через Днепр, к Дорогобужу. По ней уже сутки огступала 2-я армия, приближавшаяся к Соловьевой переправе. Для охраны Московской дороги Багратион оставил в четырех верстах от Смоленска сильный арьергард под командой племянника Суворова, князя Горчакова. Ему было дано приказание отходить за 2-й армией.

Между тем вся 1-я армия еще занимала позиции на пореченской дороге, верстах в трех к северу от Смоленска.

Барклай не пошел тотчас по прямому пути, ведущему на Москву, так как Наполеон мог артиллерийским огнем с левого берега нанести войскам сильный урон. Однако, когда после полудня замечено было движение французов вверх по Днепру, положение сделалось опасным: теперь, наведя переправу, Наполеон мог легко прервать сообщение обеих русских армий.

1-й армии непременно надлежало выйти на Московскую дорогу, но боковой марш трудно было предпринять днем, на виду у неприятеля.

Барклай вознамерился выждать ночи и, простояв 6 августа под Смоленском, приказал с наступлением вечера перейти с пореченской дороги на столбовую Московскую проселками, которые проходили севернее и выходили к ней у лубинского перекрестка. Движение осуществлялось двумя колоннами — генерал-лейтенантов Тучкова и Дохтурова; в голове армии назначено идти особому отряду под начальством генерал-майора Тучкова-3-го.

Тучков выступил в 8 вечера и шел всю ночь перед колонной своего брата лесами и болотами. Только через сутки он прибыл на лубинский перекресток, имея целью дальнейшее движение по Московской дороге. Однако Горчаков при первом же известии о приближении 1-й армии двинулся к Соловьевой переправе, оставив лишь три казачьих полка. Таким образом, несогласованность в действиях двух армий привела к тому, что 1-я при своем фланговом движении лишилась бокового прикрытия.

Барклай, убежденный, что вся армия выдвигается к Соловьевой переправе, в полночь с ужасом обнаружил, что второй корпус все еще у Смоленска, и обратился к Ермолову:

— Мы в большой опасности! Поезжайте вперед, ускорьте марш войск, а я пока здесь останусь…

Достигнув лубинского перекрестка и увидев, какая опасность грозит 1-й армии, Ермолов помчался далее, к Соловьевой переправе, и возвращал назад все встречаемые им войска. В это время Тучков-3-й взял в плен двух вестфальцев из корпуса маршала Жюно и препроводил их Ермолову, которому они объявили, что у них шестнадцать полков одной кавалерии.

Ермолов нашел отряд Тучкова-3-го только в двух верстах от соединения дорог. Он приказал пехоте продвинуться несколько вперед. Вскоре прибыла неприятельская артиллерия, и огонь с обеих сторон усилился чрезвычайно.

На позиции появился Барклай, который, увидев, что приняты все необходимые меры, дозволил Ермолову руководить боем.

В продолжение всего сражения Алексей Петрович подкреплял центр

свежими войсками, подходившими из Бредихина. По обе стороны дороги кипел самый упорный бой.

Ермолов дважды возглавлял штыковую атаку, отбрасывая от перекрестка французов. Наконец в седьмом часу пополудни совершил свое боковое движение корпус Багговута.

Цель, ради которой велось сражение, была достигнута.

Сражение при Лубино явилось крупным успехом русских войск. У французов, по их словам, выбыло из строя более шести тысяч человек; погиб и участник всех наполеоновских походов — командир дивизии граф Цезарь Гюден. Потери русских были, очевидно, не меньше. Важно то, что неприятель не сумел захватить участок соединения дорог и отрезать часть 1-й армии.

За отличие и особенное участие в этом бою Ермолов по представлению Барклая-де-Толли был произведен позднее в генерал-лейтенанты.

7

Разбранившись с военным министром, атаман Платов решился уехать из армии.

Когда он явился в главный штаб, Ермолов с полковником Кикиным разрабатывали диспозицию для отхода армии по Московской дороге. Алексей Петрович не мог нахвалиться способностями, неутомимой деятельностью, строгими правилами чести нового дежурного генерала. «Прощай, Ставраков, плачевный комендант главной квартиры! — говаривал он теперь про себя. — Ты уже не будешь мучить мозг мой непрерывной работой, а я получу минуты отдохновения и вновь выну из походной сумы Горация и Тацита…»

— Обманут! Всеми обманут! — закричал Платов с порога, выкатывая маленькие, глубоко сидящие подо лбом глазки и напуская строгость на морщинистое загорелое лицо с спвыми бровями. — Что за коловратство ты с военным миь пстром надо мною производишь?

— Ты, Матвей Иванович, — загремел Ермолов в ответ, подымаясь из-за стола, — сам виноват! Дерешься храбро, но уже не раз замечаем в самовольстве. Постой, да ты, никак, выпил?

— Горчичная… моя любимая… — сразу понизил голос атаман, усаживаясь на лавку.

Несмотря на большую разницу в возрасте (он был старше Ермолова на четверть века) и в звании (еще в 1809 году его произвели в генералы от кавалерии с награждением Георгием 2-го класса), Платов побаивался Ермолова. Когда Барклай приказал своему начальнику главного штаба сформировать легкий отряд, тот назначил командиром Ивана Георгиевича Шевича, с подчинением ему казаков генерала Краснова. Рассерженный Платов написал Ермолову официальную бумагу, в которой спрашивал, давно ли старшего отдают под команду младшего, как, например, Краснова относительно Шевича, и притом в чужие войска? Алексей Петрович ответил официальной же бумагой: «О старшинстве Краснова я знаю не более Вашего, потому что в Вашей канцелярии не доставлен еще формулярный список этого генерала, недавно к Вам переведенного из Черноморского войска. Я вместе с тем вынужден заключить из слов Наших, что Вы почитаете себя лишь союзником русского государя, но никак не подданным его». Правитель дел атамана предлагал обжаловать эти обидные слова, но Платов сказал ему: «Оставь Ермолова в покое! Ты его не знаешь.

Он в состоянии сделать с нами то, что лишь приведет наших казаков в сокрушение, а меня в размышление,..»

— С горя, с горя выпил, — уже совсем миролюбиво проговорил казачий атаман. — Глаза бы мои не глядели на всех этих немцев и их главного покровителя.

— Ты думаешь, мне легче?! — отрезал Ермолов. — Да дай тебе одного Вольцогена — ты волком завоешь. Тупой аккуратист. Он не Вольцоген, а вольгецоген note 5 ..

Платов оживился:

— Ты бы прислал мне этого скверного немца-педапга!

Я бы тотчас отправил его в авангардную цепь, откуда бы он, конечно, не выбрался живым! Не вылезаю из огня. Позавчера у селения Рыбки мои донцы шесть раз на сильную кавалерию в атаку ходили!

— А теперь ты атакуешь главный штаб, чтобы покинуть армию? — впился в лицо атамана Ермолов своими серыми проницательными глазами.

— Что делать! — забормотал тот. — Ведь ты же обещал исходатайствовать мне через Барклая графский титул.

А где твои обещанкж?..

В самом деле, Багратион с Ермоловым сдерживали порывы горячего, выходящего из повиновения атамана надеждой на скорое получение графского достоинства. Платов часто осведомлялся у Алексея Петровича, не привезен ли в числе бумаг указ о возведении его в этот сан. Начальнику главного штаба 1-й армии долго удавалось обманывать Платова, но теперь атаман потерял терпение, видя в этом козни военного министра.

— Да зачем тебе графский титул? — сказал Ермолов, улыбаясь тому, что, и шестидесятилетний, казак по натуре своей был чистое дитя.

— А Федька? — снова наливаясь хмельным гневом, воскликнул Платов. — Мы с ним вместе волам хвосты крутили. Он — «его сиятельство», а я — никто?! А ведь даже войсковым атаманом не был…

Казачий генерал Федор Денисов во всю службу Платова оставался у него бетьмом на глазу и главным соперником.

— Так ведь уже год, как помер Федор Петрович! — укоризненно возразил Ермолов. — Вот, право, чудак! Я клянусь, что никогда бы не принял искусственного сею титу ла. Если бы меня когда-нпбудь подумали обезобразить граф ским достоинством — это был бы указ о моей отставке!

— Ты барин, ты белая кость, — словно бы трезвея, ответил серьезно казак. — Ты и без графства всюду свой. А я мужик. Я невежа. Я могу заставить всех этих бар уважать меня лишь тогда, когда они мне понуждены будут говорить: «Что вы хотите, ваше сиятельство?..»,

«Помилуйте, ваше сиятельство…», «Конечно, ваше сиятельство…».

На короткое время Матвей Иванович Платов уехал в Москву. Когда в армию отправился Кутузов, он вызвал Платова оттуда и в октябре 1812 года доставил отважному атаману графский титул.

8

По войскам пронеслось известие о назначении нового главнокомандующего — Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Минута радости была неизъяснима. Имя этого славного полководца произвело всеобщее воскресение духа в армии, от солдата до генерала. 11 августа Кутузов покинул Петербург и выехал в действующую армию. Главнокомандующего провожали толпы народа, кричавшие ему вслед: «Спаси нас!» На всем пути жители городов и сел выходили на дорогу и приветствовали его, стоя на коленях. Все, кто мог, летели навстречу почтенному полководцу принять от него надежду на спасение России. Офицеры весело поздравляли друг друга. Старые солдаты припоминали походы с ним еще при Екатерине, его подвиги в прошедших кампаниях.

Говорили, что сам Наполеон давно назвал его старой лисицей, а Суворов шутил, что и хитрый адмирал де Рибас Кутузова не обманет. 15 августа Кутузов прибыл в Вышний Волочек, где ему сообщили, что невдалеке от Вязьмы показались неприятельские разъезды. Тогда он повернул на Гжатск и 17 августа застал у Царева Займища всю русскую армию.

«То, что любовь войска к знаменитому полководцу — не мечта, а существенность, производящая чудеса, — думал Ермолов, ожидавший Кутузова вместе с главнокомандующими обеих армий и прочими генералами, — это показал всему свету незабвенный для славы России Суворов с горстию сынов ее…»

Ермолов уже давно обращался на высочайшее имя, настаивая на необходимости единого главнокомандующего.

Как мы помним, Александр I, верный своей привычке никому вполне не

доверять, уезжая из армии, возложил на Ермолова обязанность откровенно извещать его обо всех чрезвычайных событиях. Помимо него это право предоставлено было только Барклаю-де-Толлп, Багратиону и начальнику главного штаба 2-й армии Сен-При. Ермолов написал государю четыре письма и в каждом настойчиво повторял:

«Нужно единоначалие…» 10 августа, в тот самый момент, когда в Петербурге решался вопрос о назначении Кутузова, он обратился к Александру с самым обширным посланием, как бы подводящим итоги двухмесячной борьбы с Наполеоном и предлагающим необходимые средства для спасения Отечества.

«Отступление, долгое время продолжающееся, тяжелые марши, — писал Ермолов, — возбуждают ропот в людях, теряется доверие к начальнику. Солдат, сражаясь, как лев, всегда уверен, что употребляет напрасные усилия и что ему надобно будет отступать. Соединение армий ободрило войска, отступление и худое продовольствие, уменьшая силы, необходимо уменьшает дух их».

Он убежден в близости генерального сражения и предвидит возможность потери самой Москвы:

«Москва не далека, драться надобно! Россиянин каждый умереть умеет!.. Если никто уже, в случае поражения армии, не приспеет к защите Москвы, с падением столицы не разрушаются все государственные способы. Не все Москва в себе заключает! Есть средства неисчерпаемые, есть способы все обратить на гибель врагов Отечества нашего, завиствующих могуществу и славе нашего народа».

В заключение Ермолов горячо утверждает:

«Я люблю Отечество мое… люблю правду и поэтому обязан сказать, что дарованиям главнокомандующего здешней армии мало есть удивляющихся, еще менее имеющих к нему доверенность, войска же и совсем не имеют».

Самому Ермолову письма эти, резко критикующие Барклая, принесли дурную славу. При отъезде Кутузова в армию они были переданы ему двоедушным Александром I. Осторожный и предусмотрительный Кутузов,

столь любивший Ермолова, которого недаром именовали его баловнем, начал с той поры обнаруживать к нему холодность и недоверчивость. Это было на руку завистникам из окружения главнокомандующего: известны старания их не допускать Алексея Петровича действовать самостоятельно и умалчивать, по возможности, о нем в реляциях.

Письма Александру I, а также смелые и резкие возражения Ермолова своему начальству и старшим генералам, которым он часто и в присутствии многих свидетелей высказывал горькие истины, дали повод многочисленным и сильным врагам, людям, главным образом, бездарным и завистливым, упрекать его в том, что он интриган, обязанный своим возвышением происках и искательству у вышестоящих командиров.

Зато Ермолов сделался кумиром среднего, боевого офицерства. Он выделялся не только бесстрашием и отвагой среди военачальников, но и самой внешностью — высокий рост, римский профиль, проницательный взгляд серых глаз, что вместе с приятным, необыкновенно вкрадчивым голосом, редким даром меткого слова привязало к нему множество молодых командиров и даже дало ход едкому, завистливо-критическому отзыву, свысока на него павшему: «Это герой прапорщиков».

Особенно любили, нет, даже боготворили Ермолова офицеры-артиллеристы, и среди них — полковник Никитин, подполковник Нилус, гвардейской конной артиллерии капитан Сеславин, штабс-капитан Горский, подпоручик артиллерии и адъютант начальника штаба Граббе. Все они чувствовали себя теперь как на празднике и находились возле Ермолова. Тут же был и подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов, ожидавший в ставке ответа Багратиона на свою записку о ведении партизанской войны в России.

— Вы слышали, господа, что сказал Михайло Ларионович штабным офицерам в Гжатске, которых Барклай по слал туда для обозрения оборонительных позиций? — не оборачиваясь, проговорил Ермолов. — Его светлость изволил заметить: «Не нужно нам позади армии нпкакпх позиций. Мы и без того слишком далеко отступили…»

Накануне назначения Кутузова главнокомандующим всех русских армий

ему был пожалован за успехи в войне с турками титул князя с правом именоваться не «сиятельством», как обычные графы и князья, а «светлостью» как немногие владетельные особы.

— Вся надежда на Кутузова! — отвечал Давыдов своим резким тонким голосом. — Скажу откровенно: если не прекратится избранная Барклаем тактика отступления — Москва будет взята, мир в ней подписан и мы пойдем в Индию сражаться за французов!

Ермолов, насупившись, оглядел брата. Лицо обветренное, живое, глаза блестящие, в черных густых волосах белый клок на левой стороне лба; на груди Аннинский крест 2-го класса, у пояса — золотая сабля с надписью: «За храбрость».

— Нет, друг мой, — перевел он разговор в шутку, — это у тебя поэтическая вольность. И вот как она родилась.

От усиленного поклонения тезке твоему — богу вина Дионисию. Это ведь он, возвращаясь в Грецию, завоевал со своими вакханками Индию. А мы Индии и с казаками Платова при Павле Петровиче не достали. Думаю, сын не повторит сумасбродства отца. А ты не забывай о себе: ты сперва воин, а уж потом поэт.

Давыдов мегнул на Ермолова быстрый взгляд и блеснул ослепительной улыбкой из-под гусарских усов:

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мой золотел!.

Алексей Петрович Никитин твердо сказал:

— U золотом веке, господа, будем рассуждать лишь после того, как ни

одного француза не останется на нашей земле…

— Едет! Едет, батюшка наш Михаила Ларионович! — перебил его Горский, и Ермолов тотчас перешел в головную группу, где стояли Барклай-де-Толли и Багратион.

Приветственный гул, сперва смутный, разрастаясь, приближался. Барклай-де-Толлп с обычным непроницаемым видом оглядывал свиту и выстроенный для встречи главнокомандующего почетный караул. Наконец из-за поворота на проселочной дороге показался экипаж, который с криками «ура!» везли на себе выпряггппе лошадей жители Царева Займища. Возбуждение достигло предела. Чуйки, армяки, сатиновые и посконные рубахи, облепившие простую гоходную карету, были уже рядом. Их оттеснили свитские о рицеры и казаки. И вот он, военачальник, в руках которого судьба России: белая фуражка, пухлое лицо с орлиным носом, расстегнутый на животе сюртук.

Выслушав рапорт военного министра, Кутузов сказал:

— Высочайшим повелением вручено мне предводительство 1, 2, 3-й Западных и бывшей Молдавской армий. Власть каждого из господ главнокомандующих остается при них на основании учреждения больших действующих армий. Каждому приказываю исполнять свой долг…

«Наш талисман, — невольно подумал Ермолов, — седой старик, от невероятной раны в молодости чудом сохрапенныл!..»

Главнокомандующий между тем шел к почетному караулу, рассеянно внимая что-то быстро говорившему ему Вольцогену. Внезапно он приостановился и твердо, молодо ответил:

— Вы как бы возвышаете меня перед Румянцевым и Суворовым. Много бы я должен был иметь самолюбия, сударь мой, когда бы на сию дружескую мысль вашу согласился. И ежели из подвигов моих что-нибудь годится преподанным быть потомству, то оттого только, что силюсь я по возможности моей и по умеренным моим дарованиям идти по следам великих сих мужей.

А по рядам мушкетеров, егерей, гвардейцев накатывалось уже могучее, троекратное «ура!». Это восклицание повторил весь расположенный

невдалеке военный лагерь. Даже солдаты, шедшие с котлами за водой, узнав о прибытки Кутузова, побежали к реке с криком «ура!», воображая, что уже топят неприятеля. Тотчас явилась поговорка: «Приехал Кутузов бить французов». Солдаты видели в нем не вновь прибывшего командира, по полного распорядителя, давнего начальника их; почти не было полка и генерала, который не служил бы под его командой.

Оглядывая здоровым глазом усатые, курносые, загорелые лица под киверами, Кутузов оборотился к генералам, почтительно следовавшим за ним, и в наступившей тишине проговорил:

— Ну как можно отступать с такими молодцами!..

Глава третья. «НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ…»

1

Все без исключения в русской армии ожидали от Кутузова немедленного повеления о решающем сражении с Наполеоном. Ждал этого и Барклай-де-Толли, загодя занявшийся поисками позиции для боя. Князь Михаил Илларионович осмотрел ее, нашел выгодной и даже приказал ускорить работы. Каково же было удивление военного министра, когда вскоре за этим Кутузов отдал повеление обеим армиям идти в Гжатск. Барклай с внутренним одобрением решил тогда, что новый начальник будет продолжать его отступательную методу, завлекая неприятеля как можно далее и глубь России. Но кто может проникнуть в мысли гения!

Кутузов один видел то, чего не видели все остальные, однако лишь по отдельным фразам, вырывавшимся у него в редкие минуты откровенности, можно постигнуть, к каким испытаниям готовил светлейший князь себя, армию и Россию. Уезжая из Петербурга, он заверил Александра, что Москва никогда не будет сдана; позже в письме

московскому губернатору Ростопчину утверждал: «По моему мнению, с потерею Москвы соединена потеря России». Но когда на первой же станции от Петербурга, в Ижоре, Кутузов встретил курьера с известием о падении Смоленска, то сказал: «Ключ к Москве взят». И все же он прекрасно отдавал себе отчет в том, что Отечество ждет решительных действий и генеральное сражение скоро наступит.

Новый период войны начался единоначалием: главнокомандующие отдельными армиями подчинялись одному лицу и заняли места второстепенные; все распоряжения теперь исходили единственно от 67-летнего полководца. Враг советов, он не требовал мнений посторонних и был развязан в своих действиях: при отправлении из Петербурга Кутузову не было дано письменного стратегического плана, и Александр I силою крайних обстоятельств вынужден был разрешить ему вести войну по собственному усмотрению.

На пути в армию, в Торжке, Кутузов встретил генерала Беннигсена, который по разномыслию с Барклаем возвращался из главной квартиры в Петербург. Кутузов объявил ему повеление ехать обратно в армию, с занятием должности начальника главного штаба. Встретил он также и Фуля, но не пригласил его с собой.

Приближалась пора решающей схватки с Наполеоном.

Позади Кутузова, до Москвы, пе было более регулярных войск. Хотя формирование земского ополчения Тульской, Калужской, Рязанской, Владимирской и Тверской губерния подходило к концу, но силы эти находились еще в пределах своих губерний. Как и у ополчений Смоленского и Московского, полки которых все еще не присоединились к армии, у них почти не было огнестрельного оружия. Недавно взятые от сохи, отуманенные быстрым переходом от пашен в стан воинский, обутые в лапти, с кольями вместо пик, они горели усердием сразиться. Но их еще нельзя было вести в бой с опытными, закаленными в битвах полками Наполеона. От Гжатска до Москвы не имелось ни крепости, ни укрепленного лагеря, где можно было бы хоть на короткое время удержать превосходящего силой неприятеля.

19 августа армия выступила из Царева Займища, прошла через Гжатск, Колоцкий монастырь и потянулась к Можайску. Во время этих маршей Кутузов усилил войска резервами в пятнадцать тысяч, приведенными Милорадовичем. Между тем посланные в тыл офицеры донесли, что, не доходя одиннадцати верст до Можайска, найдено место для боя близ села Бородина, имения Василия Денисовича Давыдова — дяди Ермолова.

Рано поутру 22 августа, опередив армию, Кутузов прпбыл в Бородино, объехал окрестности и нашел их соответствующими своим намерениям.

Бородинская позиция пересекается надвое большой Смоленскою дорогой. Правое крыло примыкает к роще, между Москвой-рекой и впадающей в нее рекой Колочей; левый фланг оканчивается в густом кустарнике у деревни Утицы, на Старой Смоленской дороге, ведущей из Гжатска через Ельню в Можайск. Фронт позиции, занимая протяжением около семи верст, до Бородина прикрыт Колочей, извивающейся по глубокому оврагу, далее ручьем Семеновским и кустами. В тысяче саженях впереди левого фланга находилось несколько холмов у деревни Шевардино.

Не желая дать неприятелю возможности овладеть этим пунктом и обозревать все расположение российских войск и вместе с тем угрожать с фланга наступающим по большой дороге к Бородину колоннам, Кутузов повелел на кургане у Шевардина построить пятиугольный редут на двенадцать батарейных орудий. Для обеспечения правого крыла он приказал соорудить перед лесом, близ Москвы-реки, три отдельных укрепления, да еще насыпать укрепление для обороны переправы через Колочу, на большой Смоленской дороге. В центре, на кургане между Бородином и Семеновским, начали воздвигать большой люнет на восемнадцать орудий, вошедший в историю как Курганная высота, или батарея Раевского. Целью ее было обстреливать весь скат к ручью Семеновскому и кусты по его левому берегу, довершая тем самым фланговую оборону Бородина. Левее Семеновского Кутузов приказал устроить три флеши для прикрытия слабейшего пункта позиции и поддержания стрелков, которые должны были занять овраг перед

фронтом и кусты по направлению к Утице. Главная квартира расположилась в селе Татаринове, позади центра русских позиций.

На плодоносных полях Бородина закипели инженерные работы; ряды штыков засверкали среди жатвы; конница, пехота и артиллерия занимали свои места. «Здесь наконец остановимся!» — думал каждый воин.

2

Утром 23 августа Ермолов прощался с Денисом Дэвыдовым, которому Кутузов дозволил с легкой командой из казаков и гусар идти в партизанский рейд по тылам Наполеона.

За околицей села Семеновского, резиденции Багратиона, Давыдов, завернувшись в бурку, лежал прямо на траве и с обычной своей пылкостью говорил двоюродному брату, расположившемуся на полусгнившем пеньке:

— Бог мой! Вот поля, вот село, где провел я беспечные лета детства моего и ощутил первые порывы сердца к любви и к славе… Но дом отеческий одевается дымом биваков, и громады войск толпятся на родимых холмах и долинах. Там, на пригорке, где некогда я резвился и мечтал, где я с алчностью читывал известия о завоевании Италии Суворовым, о победах русского оружия на границах Франции — там закладывают редут. Красивый лесок перед пригорком обращается в засеку и кипит егерями — как некогда стаею гончих собак, с которыми я носился по мхам и болотам. Все переменилось! И сам я лежу под кустом, не имея у!ла не только в собственном доме, но даже и в овинах, занятых начальниками. Гляжу, как шумные толпы солдат разбирают избы и заборы Семеновского, Бородина и Гсрок для строения биваков и для костров… Брат! Признаюсь, слезы наворачиваются на глаза мои. Но их осушает чувство счастья видеть себя, Льва щ Евдокима вкладчиками крови и имущества в сию священную лотерею!

Два родных брата Дениса Давыдова в рядах боевых офицеров готовились принять участие в сражении.

— Мы будем биться, как львы, потому что в нас — надежда, в нас — защита любезного Отечества… — глухим, низким голосом отвечал Ермолов. — Мы можем быть несчастливы. Но мы русские, и в несчастье победа будет одинаково гибельна для врага! — Он с горькой нежностью посмотрел на двоюродного брата, почитая ею идущим на верную смерть, и попросил: — Расскажи же поскорее о подробностях нового твоего назначения. Я каждую минуту жду адъютанта с вызовом к Михаилу Богдановичу…

Ермолов и с прибытием Кутузова оставался в должности начальника главного штаба 1-й армии и теперь имел, во своим расчетам, всею полчаса времени на проводы.

Давыдов приподнялся на локте и с гусарской беспечностью проговорил:

— Иду на злодеев с малой горсткой! Вчера вечером князь Багратион вызвал меня и объявил: «Светлейший согласился послать для пробы одну партию в тыл французской армии. Но, полагая успех предприятия сомнительным, назначает только пятьдесят гусар и сто пятьдесят казаков.

Он хочет, чтобы ты сам взялся за это дело». Я отвечал:

«Я бы стыдился, князь, предложить опасное предприятие и уступить исполнение его другому. Вы сами знаете, я готов на все. Надо принести пользу — вот главное, а для пользы людей мало!» — «Он более не дает». «Если так, — говорю я, — то иду с этим числом. Авось открою путь большим отрядам!» «Я этого от тебя и ожидал, — сказал князь Петр Иванович и добавил: — Впрочем, между нами, чего светлейший так опасается? Стоит ли торговаться несколькими сотнями людей, когда дело идет о том, что в случае удачи ты можешь разорить у неприятеля и заведенпя, и подвозы, столь для него необходимые? А в случае неудачи — лпшиться горсти людей…»

— В том числе и своей собственной головы, — бросил Ермолов.

— Да ведь ты не хуже моего знаешь, Алексей Петрович, что война не для

того, чтобы целоваться! — мгновенно ответил Давыдов своим высоким, резким голосом. — Но слушай. «Верьте, князь, — объясняю я ему, — клянусь честью, что отряд будет цел. Для сего нужны только при отважности в залетах решительность в крутых случаях и неусыпность на привалах и ночлегах. За это я ручаюсь…

Только, повторяю, людей мало. Дайте мне тысячу казаков, и вы увидите, что будет». «Я бы тебе дал с первого разу три тысячи, ибо не люблю ощупью дела делать. Но об этом нечего и говорить. Светлейший сам назначил силу отряда — надо повиноваться!..»

— Ах, князь Петр Иванович! Лев с орлиным сердцем! — воскликнул Ермолов. — Узнаю любимца русского солдата!

— Тогда Багратион, — продолжал Денис Давыдов, — сел писать и написал мне собственною рукою инструкцию, а также письма к командиру Ахтырского гусарского полка Васильчикову и генералу Карпову. Одному — чтобы назначил мне лучших гусар, а другому — казаков. Спросил: имею ли карту Смоленской губернии. У меня ее не было. Он дал мне свою и, благословя меня, сказал: «Ну с богом! Я на тебя надеюсь!»

Давыдов поднялся, вынул из-за обшлага два документа и подал их Ермолову. То были карта Смоленской губернии, Юхновского уезда, вычерченная от руки, и Инструкция Ахтырского гусарского полка подполковнику Давыдову, в которой значилось:

«Предписываю Вам предпринять все меры беспокоить неприятеля со стороны нашего левого фланга и стараться забирать их фуражиров не с фланга его, а в середину и в зад, расстроивать его обозы, парки, ломать переправы и отнимать все способы. Словом сказать, я уверен, что, сделав Вам такую важную доверенность, Вы почтитесь доказать Вашу расторопность и усердие и тем оправдаете мою к Вам доверенность и выбор. Впрочем, как и на словах я Вам делал мои приказания, Вам должно только меня обо всем рапортовать, а более никого. Рапорты же Ваши присылать ко мне тогда, когда будет удобный иметь случай.

О движениях же Ваших никому не должно ведать, и старайтесь иметь в

самой непроницаемой тайности. Что же касается до продовольствия команды Вашей, Вы должны иметь сами о пей попечение.

Генерал от инфантерии кн. Багратион».

Ни Денис Давыдов, ни Ермолов, читавший инструкцию, не подозревали, что то была последняя служебная бумага, подписанная Багратионом.

3

Со вступлением в Смоленскую губернию Наполеон очутился в безлюдной пустыне.

В понятии французов и их союзников только Смоленск составлял рубеж, где кончалась Польша и начиналась Россия. Поэтому, переступив за Смоленск, они почитали себя на земле неприятельской, полагая насильственные поступки позволительными и предаваясь всяческим неистовствам. На своем пути они ничего не щадили, грабили и жгли. Подле изб раскладывали бивачные огни и не гасили их, подымаясь с ночлегов. Дома и биваки загорались, пламя распространялось по селениям и городам. Огонь разводился часто единственно из удовольствия вредить; неприятель не оставлял за собою ничего, кроме пепла, в отмщение за то, что нигде не находил жителей. Беспорядков никто не прекращал, и солдаты предавались им, как будто имея на то разрешение начальства. В церквах помещались без разбора люди, лошади, обозы…

В Гжатске Наполеон узнал о прибытии в русскую армию Кутузова. Уверенный, что пробил час решающей битвы, он остановился на два дня для подготовки к ней.

22 августа Наполеон выступил из сожженного собственными солдатами Гжатска, имея на левом крыле корпус Евгения Богарнэ и корпус Понятовского на правом; остальные войска следовали столбовой дорогой за авангардом, состоявшим под начальством Мюрата. 23 числа Мюрат атаковал у села Гриднева, в пятнадцати верстах от Бородина, русский

арьергард, которым командовал Коновиицын.

Коновницын долго не уступал ни шагу, пока под вечер корпус Богарнэ не показался на его правом крыле. Тогда, пользуясь темнотой, он отошел к Колоцкому монастырю.

На следующее утро французы продолжили наступление.

Но их движению преграждал редут при Шевардине. Оборона выдвинутого вперед укрепления не имела бы смысла, если бы Кутузов не нуждался в том, чтобы выиграть время для завершения инженерных работ, которые велись на позиции.

Неприятель шел новой Смоленской дорогой и полями тремя колоннами. Часа в два пополудни французы начали переходить реку Колочу у Фомкнпа и Валуева и наступать на редут. Корпус Понятовского следовал туда же от Ельни.

Шевардияский редут оборонялся войсками 2-й армии под начальством генерал-лейтенанта Горчакова. Надо было защищать большой курган, где расположилась 12-пушечпая батарея, справа — деревню Шевардино и слева — лес близь Старой Смоленской дороги. Против 27 дивизии Неверовского, пяти гренадерских и двух драгунских полков Наполеон бросил корпус Пэнятовского, кавалерию Мюрата и три дивизии корпуса Даву.

Дело началось с сильнейшей яростью. Редут и стоявшие в обороне войска были засыпаны ядрами, гранатами, картечью, пулями. Неприятель ломил всеми силами, гул пушек был беспрерывный, дым их мешался с дымом пожаров, и вся окрестность была как в тумане. Всего на редут двинулось около 30 тысяч пехоты, 10 тысяч конницы и обрушился огонь 186 орудий. Французские колонны горвались в укрепление, по торжество их было непродолжительным. Гренадерские полки, имея впереди священников в облачении, с крестом в руке, встретили неприятеля.

Затрещали кости, завязался рукопашный бой. То русские опрокидывали французов, то французы теснили русских, и вечеру редут перешел в руки неприятеля. Тогда Багратион сам повел две гренадерские дивизии в атаку и выбил французов. Редут, село Шевардино и лес на левом фланге

остались за русскими.

С поступлением мрака пальба с вражеской стороны зпгичла. Но когда совсем смерклось, Горчаков услышал чежду курганом и деревней сильный топот. Загоревшиеся и расположении французов стога гена озарилч внезапным светом колонну войск, направляющуюся к правому флангу русской позиции. Горчаков послал за 2-й кирасирской дивизией, а генерал-майору Неверовскому приказал остановить противника, который в темноте не мог видеть числа русских.

В резерве у начальника 27-й дивизии имелся лишь одни батальон Одесского пехотного полка, и довольно слабый. Неверовский отдал команду ссыпать порох с полок и, подойдя к неприятелю, молча ударить в штыки.

Приказание было исполнено в мертвой тишине. Атакованные внезапно с флангов французы оробели, остановились и побежали. Русские смешались с врагами, кололи и гнали их. Подоспевшие кирасиры довершили поражение французов, принужденных в бегстве бросить пять орудий.

Сражение прекратилось. Долее удерживать редут стало бесполезно из-за его отдаленности от позиций; главнокомандующий велел Горчакову отступить.

Во время всего дела Кутузов со штабом находился на поле сражения. Он сидел на скамейке, которую всегда за ним возили, держал связь с Багратионом, не выходившим из огня, внимательно обозревал местоположение и оставался там, пока не утихла пальба. Ночь осветили новые пожары.

Как показал затем ход событий, Кутузов разгадал стратегический замысел Наполеона, намеревавшегося большим числом войск, обращенных на полутораверстное пространство между Бородином и лесом, прорвать центр русских и отбросить их от Московской дороги. Поэтому почти три четверти всех сил князь Михаил Илларионович сосредоточил в центре и на правом крыле своих позиций.

Он стремился прочно прикрыть новую Смоленскую дорогу как главное

направление на Москву и одновременно создать угрозу флангу и тылу противника. Кроме того, эта главная группировка выполняла роль основного резерва, способного не допустить обход врагом русской армии с правого фланга и могущего поддержать более слабое левое крыло.

Боевое построение русских войск от Москвы-реки до леса около деревни Утица походило на натянутый лук перед спуском тетивы. На оконечности правого крыла, в лесу, засели три егерских полка. От них по направлению к центру располагались пехотные корпуса 1-й армии: 2-й — генерал-лейтенанта Багговута, 4-й — генерал-лейтенанта Остермана-Толстого, 6-й — генерала от инфантерии Дохтурова. Далее, по отклоненной назад линии, занимала позиции 2-я армия: 7-й корпус генерал-лейтенанта Раевского, 8-й — генерал-лейтенанта Бороздина и на оконечности левого крыла — две дивизии под начальством генерал-лейтенанта Горчакова: сводная гренадерская — генерал-майора Воронцова и 27-я — Неверовского.

В состав общего резерва была назначена вся кавалерия, за исключением небольшого числа, приданного пехотным корпусам, и гвардейская конница, а также 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Тучкова, 2-я гренадерская дивизия Карла Мекленбургского, пехота 5-го гвардейского корпуса в команде генерал-лейтенанта Лаврова, гвардейский резервный кавалерийский корпус генерал-адъютанта Уварова и атаман Платов с полками войска Донского на правом крыле 1-й армии. Московское ополчение в числе двадцати пяти тысяч человек, вооруженных пиками, прибывшее за два дня до начала боя, было разделено по корпусам для принятия раненых, чтобы не отвлекать для того людей от фронта.

Всего в русской армии под ружьем находилось 120 тысяч человек при 640 орудиях против 130—135 тысяч человек и 587 орудий у французов.

Диспозиция, разработанная лично Кутузовым и подписанная им 24 августа, заканчивалась словами:

«В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время сражения на всех пунктах, полагаюсь на

известную опытность гг. Главнокомандующих и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля.

Возлагая все упование на помощь Всесильного и на храбрость и неустрашимость Российских воинов, при счастливом отпоре неприятельских сил дам собственные повеления на преследование его, для чего и ожидать буду беспрестанных рапортов о действиях, находясь за 6-м корпусом… На случай неудачного дела Генералом Вистицким открыты несколько дорог, которые он гг. Главнокомандующим укажет и по коим армии должны будут отступать. Сей последний пункт единственно для сведения гг. Главнокомандующих».

4

Рано утром 25 августа Кутузов осматривал армию.

Он объезжал войска, надев против обыкновения полную парадную форму, в больших дрожках в сопровождении Беннигсена, немногих генералов и малой свиты. Ермолов ехал у колеса для принятия приказаний. Погода была пасмурная, изредка шел мелкий дождь.

Тревожная тишина царила на другом, низком и болотистом берегу извилистой реки Колочи; обманчиво пустынными казались леса за Бородином и Доронином, Лишь изредка на открытое место выскакивал всадник, направлявшийся для обозрения в сторону русских позиций, и тогда в него посылался одиночный картечный или ружейный выстрел.

Совсем иная картина открывалась, однако, с высокой колокольни Бородина. Квартирмейстер главного штаба восемнадцатилетний прапорщик Николай Муравьев, только что побывавший на колокольне, возбужденно рассказывал:

— Французы все более подаются влево… Леса наполнились их стрелкамп… Артиллерия, пробираясь скрытными тропками, выезжает на холмы и пригорки…

У Курганной высоты, составляющей оконечность правого крыла 2-й

армии, дрожки застряли и не могли продвинуться далее по всхолмленной местности. Главнокомандующий вышел и в сопровождении спешившихся генералов направился к редуту, где кипела работа. С трех сторон кургана солдаты копали канавы для двенадцати батарейных и шести легких орудий, насыпали валы, подтаскивали пушки и зарядные ящики. Это были артиллеристы и пехотинцы из корпуса Раевского, именем которого назвали потом и саму батарею.

— Вот он, ключ всей позиции, — торжественно проговорил Беннигсен.

Кутузов быстро глянул на него, удивляясь всегдашней способности барона Леонтия Леонтьевича изрекать со значительным видом всем очевидные истины. Беннигсен стоял, опершись на эфес шпагп, высокий, поджарый, самоуверенный, и, будучи ровесником светлейшего, выглядел в своп шестьдесят семь лет молодцом. «Любвеобильной императрице Екатерине Алексеевне, — вспомнилось вдруг Ермолову, — он был известен с полковничьего чина и не одной военной храбростью…»

Ермолов высоко ценил, даже преувеличивал полководческие способности Беннигсена, несмотря на его пагубную нерешительность; проявленную в минувшей войне с французами. Барон Леонтий Леонтьевич был приятельски знаком с отцом Ермолова, знал самого Алексея Петровича с ребячества. И случалось, держал его на коленях. А затем с персидского похода графа Зубова и своего губернаторства в Вильно покровительствовал ему и поддерживал в трудные времена…

Между тем солдаты, бросив шавцевать, с криком «ура!»

окружили главнокомандующего. Кутузов, переждав возгласы восторженного приветствия, обратился к ним:

— Братцы! Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови. Надеюсь на вас. Бог вам поможет. Отслужите молебен.

Кутузов говорил просто, языком, доступным всем. Единодушное «ура!» вновь загремело, провожая светлейшего к дрожкам. Главнокомандующий подозвал к себе Ермолова и повелел, не изменяя положения войск, отвести левое крыло 1-й армии, в самом месте ее соприкосновения со 2-

й, довольно далеко назад. Этим, как понимал Ермолов, устранялась опасность внезапных атак во фланг 1-й армии скрывающегося в лесу неприятеля и возможность быть им обойденной.

Шевардинский бой убедил Кутузова, что общий левый фланг войск слабо укреплен, и он выдвинул к Утице 3-й пехотный корпус Тучкова. На главные позиции от Шевардина отошла 27-я дивизия Неверовского. Свою квартиру Кутузов перенес из Татаринова в селение Горки, на новой Московской дороге, между 6-м и 4-м корпусами.

Возвращаясь в ставку, фельдмаршал сказал своим офицерам:

— Французы переломают над нами свои зубы. Но жаль, что, разбивши их, нам нечем будет доколачивать…

Жаль…

Перед вечером, исполняя повеление Кутузова, Ермолов приказал коиноартиллерийской роте 2-й пехотной гвардейской дивизии, у которой хранилась икона Смоленской божьей матери, пронести ее по лагерю. «Священнопобедпые венцы от Христа прияша…» — летело над полем, и дым кадильниц мешался с дымом пороховым. В день преставления Сергия, Радонежского чудотворца, благословившего кшт ш Московского на битву с ордами Мамая, начальник и осидаты укрепились молитвой, готовясь противостоять полчищам, сжавшим разгромить Россию.

Наступавшее сражение не могло походить на битву обыкновенную. С одной стороны пароды чуть не всей Европы, различные обычаями, нравами, языком, стремились сломить последнюю препону для довершения всемирного прзооладания завоевателя и, может быть, для водружения его знамен за Уралом. С другой стороны стояли русские, ровные по чувству и крови, а за ними были их дома и семьи, моги ты предков, Москва и вера отцов.

Солдаты точили штыки и отпускали сабли; артиллеристы передвигали орудия, избирая для них выюднейшие места; генералы и полковые начальники говорили солдатам о великом значении наступавшего дня. Один из них сказал:

«Ведь придется же умирать под Москвою: так не лучше ли лечь здесь?»

Наступил вечер. Поднялся ветер и с воем гудел по бивакам. Сторожевые цепи одна другой протяжно посылали отголоски. На облачном небе изредка искрились звезды. Мало кто спал обычным сном в эту ночь. Ермолов вовсе не сомкнул глаз.

Поздно за полночь вернулся он из главного штаба на место ночлега — в простой овин, который занимал вместе с начальником артиллерии 1-й армии Кутайсовым и дежурным генералом Кикиным. Они рассуждали о том, что на этом поле вверяется жребию участь Москвы, а возможно, и России, ч го многим из тех, кто бодрствует пли дремлет сейчас, не суждено будет дожить до завтрашнего вечера.

— Нот, господа, — сказал двадцативосьмилетний Кутайсов. — Я всегда иду смелее вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится, а смерти не минуешь!

Ермолов любил молодого генерала за пылкость нрава и одаренность натуры: Кутайсов знал в совершенстве шесть языков, писал стихи по-русски и по-французски, отлично рисовал и обладал большой эрудицией в военном деле. Оп вллянул Кутайсову в лицо и вдруг содрогнулся, встретив неподвижный, странный взгляд, в котором, казалось бы, виделся отпечаток неизбежной судьбы. Алексей Петрович вспомнил о давнем пророчестве монаха Авеля, угадавшего в нем дар предвидения. И сейчас, глядя в глаза Кутайсову, он проговорил как бы против собственной воли:

— Мне кажется, завтра тебя убьют…

Пораженные этими словами Кутайсов и Кикин молчали; не сказал больше ничего и Ермолов, прислушивавшийся к звукам затихающего лагеря. Все было спокойно на позиции русских. Но ярче обычного блистали огни неприятельские, и в стане французов раздавались приветствия Наполеону, разъезжавшему по корпусам.

Разноплеменная армия, завлеченная в дальние страны хитростями великого честолюбца, имела нужду в возбуждении: надо было льстить и потакать страстям. Наполеон не жалел ни вина, ни громких слов, ни лести. Его озабочивала только мысль: не отступит ли Кутузов без

сражения? Окончив обозрение русских позиций, он расположился в своей палатке, влево от столбовой дороги, между Бородином и Валуевом. Мучительное беспокойство прерывало сон Наполеона. Он беспрестанно подзывал своих приближенных, спрашивал, который час, не слышно ли какого-либо шума, и посылал осведомиться, на месте ли неприятель.

С заблестевшей зарей Наполеон был уже на ногах. Он указал на нее адъютантам и воскликнул:

— Вот оно, солнце Аустерлица!

Но солнце теперь было против французов. Оно всходило со стороны русских и ослепляло незваных пришельцев.

5

Было темно, когда Ермолов услышал выстрел, пущенный из русского тяжелого орудия. На батарее, впереди Семеновского, солдатам во мраке показалось, что приближается неприятель. Но враги еще не двигались, и после первого выстрела все смолкло.

Ермолов поднялся и в сопровожденин Кикина направился на батарею за деревней Горки. Там уже находился Кутузов. Один, не предупредив свой штаб, он обозревал при свете догоравших биваков бранное поле и армию, становившуюся в ружье.

Вскоре прибыли Барклай-де-Толлп, Беннигсен, начальник правого фланга Милорадович и командующий центром Дохтуров, ближние корпусные командиры со своими штабами.

Солнце поднималось, исчезали длинные тени, светлая роса блестела на лугах и полях. Погода была прекрасная.

Давно уже пробили зорю, и войска в тишине ожидали начала жестокого побоища. Каждый горел нетерпением сразиться и с ненавистью глядел в сторону неприятеля, не помышляя о смертельной опасности.

Впереди главных позиций, за Колочей, в Бородине, стоял гвардейский егерский полк, с 24 августа охранявший переправу через реку.

Внезапно из лесу на поле перед Бородином высыпал эскадрон неприятельских конных егерей. За ними медленно выдвигались густые колонны пехоты. В то время как командир 4-го корпуса Остерман-Толстой отдавал приказание батарейцам пустить несколько ядер во вражеских коноводов, Барклай-де-Толли после короткого совещания с главнокомандующим послал своего адъютанта князя Чавчавадзе в Бородино с повелением егерям отступить.

Лишь только Чавчавадзе проскакал небольшое пространство между Горками и Бородином, как град пуль посыпался на егерей. На виду у Кутузова полк очистил Бородино, отошел за мост, и егеря начали ломать его.

Огромные синие колонны французов спускались к Колоче со стороны Бородина, и из леса выезжала, строилась и начинала обстрел многочисленная артиллерия. Солнце ярко освещало вражеских пехотинцев, и блеск от ружейных стволов слепил глаза наблюдавшему за ходом боя Ермолову.

Русские батареи обрушили на наступающих всю силу своего огня. Стреляли двенадцать пушек, расположенных неподалеку от Кутузова, стреляли многочисленные батареи левее и правее Горок. Перекатов ружейного огня не было уже слышно — пх заглушала канонада. Французские колонны шли без выстрела, сохраняя стройность, зато сколько наполеоновских солдат легло на этом пути! По мере приближения к реке колонны постепенно скрылись в пороховом дыму и пыли.

Между тем французские стрелки появились уже на правом берегу Колочи и пытались атаковать батарею, блпз которой находилась главная ставка. Удержать противника велено было двум егерским полкам — Карпенкова и Вуича.

Карпенков построил батальоны за бугром, скрытно, на пистолетный выстрел от неприятеля, и, когда гвардейские егеря отходили назад, быстро выдвинул полк на гребень бугра и дал меткий залп. Дым выстрелов клубился еще перед лицом ошеломленных французов, когда

русские ударили в штыки. Неприятель бросился пазад, к мосту, но не мог перейти через него всей колонной: гвардейские егеря при отступлении успели снять более десятка мостовин. Оставшихся на правом берегу французов приперли к реке и перекололи до последнего. Карпенков послал стрелков за Колочу, но получил приказание Кутузова воротить их и полностью разрушить мост. Он исполнил повеление под сильнейшим огнем.

С самого начала боя Ермолов формально оставался начальником главного штаба 1-й армии, хотя в действительности исполнял эту должность при самом Кутузове. Он принимал адъютантов с донесениями и обо всем важнейшем докладывал главнокомандующему.

В шесть пополуночи раздались громы с левого крыла русских войск, в главную ставку понеслись гонцы от Багратиона. Огромные массы войск Наполеон двинул против слабейшего фланга, чтобы опрокинуть его или запереть в колено, образуемое Колочей и Москвой-рекой. Становилось ясно, что нападение на деревню Бородино представляло собой всего лишь отвлекающий маневр.

6

Атака на Семеновские флеши поручена была войскам лучших маршалов Наполеона — Даву, Нею и Жюно, усиленным тремя кавалерийскими корпусами под начальством Мюрата. Впереди шли три дивизии Даву: дивизия Компана следовала по опушке леса, другая — Дезе — проходила через лес и кустарники, третья — Фриана — была в резерве.

Местность препятствовала быстрому наступлению.

Миновав лес, французы начали строиться в колонны для птаки. Однако лишь головы колонн показались перед Семеновскими флешами, как выстрелы артиллеристов и егерей, рассыпанных в кустарнике, остановили французов. Русский огонь был губителен. При начале дела дивизионного генерала Компана ударило осколком гранаты. Он сдал

команду другому генералу — Дезе, но и тот вскоре был опасно ранен. Его заменил присланный Наполеоном генерал-адъютант Рапп, однако и его не пощадил русский свинец. Сам корпусной командир маршал Даву упал с лошади, убитой ядром, и получил сильную контузию. Он скоро оправился, но не мог заменить своих раненых дивизионных генералов.

Дивизия Компана понесла большие потери, в корпусе произошло замешательство, и последующие атаки французов оказались безуспешными.

В семь часов Наполеон приказал возобновить наступление. Маршал Ней атаковал на левом фланге; корпус Жюно, отданный в распоряжение Нея, стал во вторую линию; Мюрат двинул три кавалерийских корпуса. Латур-Мобур оставался в резерве.

Видя невозможность дивизиям Воронцова и Неверовича устоять против столь великих сил, которые развертывались на его глазах, Багратион послал за полками Коновшщына, стоявшими на Старой Смоленской дороге, взял несколько батальонов из второй линии Раевского, располагавшегося правее от него, подвинул из резерва 2-ю гренадерскую дивизию принпа Мекленбургского и разместил ее влево от Семеновского. Словом, он стянул к угрожающему месту все войска, находившиеся у него под рукой, и послал просить Кутузова о немедленном подкреплении.

Главнокомандующий направил Багратиону со своего правого фланга 2-й пехотный корпус Багговута, несколько полков 3-го кавалерийского корпуса и из общего резерва — три пехотных гвардейских полка, восемь гренадерских батальонов, три кирасирских полка и три артиллерийские роты. Но пока помощь приспела и князь Петр Иванович готовил ответный удар, неприятель ворвался в Семеновские флеши, защищаемые одной сводно-гренадерской дивизией Воронцова.

Ней, Даву, Жюно и Мюрат вели атаку, подкрепляемую 130 орудиями, большею частью гаубицами. Их навесной огонь производил ужасные опустошения среди русских егерей. Однако артиллерия и пехота Воронцова вела ответный меткий огонь по наступающим, хотя и не могла

остановить их. Воронцов, находившейся в центре своих позиции, видя, что редуты потеряны, взял батальон егерей и повел его в штыки, но сам получил штыковое ранение. Ему выпала судьба быть первым в длинном списке русских юнералов, гыбывших из строя в этот день.

Сюявшая во второй линии дивизия Неверовского пошла в штыковую контратаку. Кирасиры, несколько полков драгун и улан помогли пехоте, и сражение сделалось всеобщим. Даву и Ней несколько раз посылали к Наполеону гонцов просить подкрепления. Наполеон отвечал, что еще слишком рано вводить в дело свежие войска.

Против самой оконечности левого фланга русской армии, по Старой Смоленской дороге рано поутру двинулся корпус Понятовского, вытеснил русских стрелков из деревни Утица и атаковал гренадер 31-го корпуса Тучкова. Нападение было отбито. Понятовскпй возобновил атаку и понудил Тучкова отошн к высотам за Утицей. Неприятель последовал за ним, атаковал высоты и овладел ими.

Силы были неравные: против Понятовского Тучков имел лишь одну дивизию, так как другая — Коновницына — была уже отправлена на помощь Багратиону. Тучков просил о подкреплении; Кутузов отрядил ему дивизию Олсуфьева из корпуса генерал-лейтенанта Багговута, только что переведенного на левое крыло. Когда дивизия заняла боевой порядок, Тучков решил вернуть высоты. Он смело атаковал противника с флангов, и высоты были возвращены. Но Тучков, смертельно раненный пулей, скончался. Начальство над войсками принял Багговут. Понятовсшш отступил и несколько часов ограничивался канонадой, опасаясь быть завлеченным в засаду и не имея сообщения с главной армией Наполеона.

Меж тем Багратион стоял в кровопролитном бою. Взаимные атаки русских и французов возобновлялись с новой и новой яростью. Сколько ни отбивали солдаты Багратиона неприятелей, но те, смыкаясь, валили и валили, наконец утвердившись в Семеновских флешах.

Подоспел Коновницын. Не дав французам передышки, он кинулся на них со своей дивизией. Презирая всю жестокость огня, солдаты пошли в штыки и с криком «ура!» опрокинули французов.

Тела убшых и раненых покрывали окрестности. Солдаты выбывали тысячами, офицеры — сотнями, генералы — десятками. После ранения Воронцова пали племянник Суворова Горчаков и принц Мекленбургский. Командир Астраханского гренадерскою полка Буксгевден, истекая кровью от трек полученных ран, пошел впереди своих солдат и погиб на батарее. Начальник штаба 6-го корпуса полковник Моыахшн, указывая колонне захваченную неприятелем батарею, сказал: «Ребята! Представьте себе, что это Россия, и отстаивайте ее грудью богатырской!» Картечь повергла его полумертвым на землю. Генерал-майор Александр Алексеевич Тучков-4-й у ручья Огника под огнем противника закричал своему Ревельскому полку:

— Дети, вперед!

Солдаты, которым стегало в лицо свинцовым дождем, стоили и нерешительности.

— Вы стоите? — воскликнул Тучков. — Я один ПОЙДУ!

Он схватил полковое знамя и кинулся вперед. Картечь

пробила ему грудь. Ревельцы подхватили знамя и бросились прямо на пушки.

Судьба Тучковых беспримерна. Три родных брата, достигнув генеральских чинов и пройдя невредимо многие войны, почти в одно время окончили свое поприще. Один, израненный штыками, полонен близ Смоленска, двое пали на Бородинском поле. Мать их лишилась зрения от слез, а юная супруга одного из павших соорудила затем на поле Бородина обитель и удалилась в нее от света…

Желая во что бы то ни стало сломить русских на их левом фланге, Наполеон поставил здесь более четырехсот орудий. Под их прикрытием пехота и конница возобновили наступление на Багратиона. Французы смело атаковали наши позиции, отвагой своей вынуждая похвалы у самого Багратиона. Видя невозможность остановить неприятеля ружейным и пушечным огнем, Багратион приказал идти в штыковую атаку.

Заскрежетало железо о железо, завязался кровопролитный бой.

Кажется, все усилия храбрости истощились, и уже нельзя было отличить французов от русских. Конный, пехотпнец, артиллерист — в пекле сражения все перемешалось:

бились штыками, прикладами, тесаками, банниками; попирая ногами павших, громоздили новые тела убитых и раненых. Вражеские всадники, увлеченные запальчивостью, были захвачены в глубоком тылу. Героически сражались наши пушкари. Верные своему долгу, они ложились на пушки; часто, лишась одной руки, канонир отбивался другой. У подножия редутов лежали русские, немцы, французы. Истекая кровью, они язвили друг другу, а иные, случалось, грызлись зубами…

Багратион личным бесстрашием ободрял и вел вперед солдат. Черепок ядра ударил ему в правую ногу и пробил берцовую кость. Боготворимый войсками, князь Петр Иванович хотел утаить от них тяжкую рану и превозмочь боль, но кровотечение отняло у него силы. Зрение его помрачилось, он едва не упал с лошади.

Эта потеря была невосполнимой.

Увозимый с поля боя, теряя по временам сознание, Багратион заботплся о распоряжениях, посылал к Коновницыну узнавать о происходившем и останавливался в ожидании ответа. Состояние его было тяжелое. Подозвав к себе одного из адъютантов, он отправил его к Барклаю-де-Толли со словами примирения. Честная, солдатская душа его сказалась в эту минуту во всей своей чистоте. Барклай, узнав о смертельном ранении Багратиона, поскакал по позиции, ища смерти. Под ним пали пять лошадей; все его адъютанты, кроме одного — Левенштерна, были убиты и ранены, а он был невредим…

Оставшись старшим после Багратиона, Коновницын послал гонца к Раевскому, приглашая его в Семеновское для принятия команды. Тот отвечал, что не может отлучиться, так как едва держался под ударами корпуса вице-короля Италии Евгения.

При начале боя на левом крыле русских корпус Богарнэ стоял близ Бородина. Наполеон приказал ему прорвать центр русской армии.

С тремя дивизиями своего корпуса и кавалерией Груши Богарнэ перешел

Колочу, направляясь прямо на Курганную батарею, защищаемую Раевским. Ее прикрывали четыре пехотных полка дивизии Паскевича.

Раевский расположил войска таким образом, чтобы при атаке неприятеля на курган взять французские колонны с обоих флангов. Паскевич приказал начальнику артиллерии своей дивизии не свозить орудий с батарей при приближении противника, а только отослать назад лошадей и зарядные ящики.

Оттеснив стрелков, засевших в кустарнике, войска вицекороля двинулись на батарею. Восемнадцать орудий и стоявшие по сторонам конноартиллерийские роты поражали их метким огнем. Неприятель не колебался. Выстрелы русских артиллеристов ежеминутно становились все чаще, заряды истощались, густой дым закрыл неприятеля.

Вдруг в пороховом дыму французские солдаты перелезли через бруствер и оказались на Курганной высоте. Неприятель не мог употребить в дело захваченные им восемнадцать орудий, так как при них не было зарядов. Но по обеим сторонам занятой батареи французы стали подвозить и лстанавливать свои орудия для поражения отступающих войск Раевского.

Наступил решительвый момент великой битвы. Казалось, только одно усилие — и неприятель восторжествует.

7

Кутузов в своей белой фуражке и расстегнутом на животе сюртуке сидел на скамейке подле батареи, возле селения Горки. Ни рев орудий, ни падавшие вблизи ядра не смущали его.

Он был незримым центром всего происходившего теперь на семиверстном пространстве Бородинского поля. Все вокруг двигалось, суетилось, перемещалось, спешило, волновалось, требовало внимания, ответа, помощи. Он один выглядел воплощением неподвижности и спокойствия, словно знал все наперед. Вот почему он мог позволить себе расслабленно и спокойно сидеть на скамейке, подставив пухлое лицо с

орлиным носом августовскому ласковому солнцу. Рядом томился Ермолов, которому Кутузов запретил от него отлучаться. Равно как и начальнику артиллерии 1-й армии Кутайсову, чья горячая храбрость уже увлекла молодого генерала в самое горнило опасности, за что главнокомандующий на него долго досадовал.

Время уже клонилось к полудню; Ермолов тихо переговаривался с Кутайсовым о том, что назначенный командующим 2-й армией генерал Дохтуров, при всей его холодности и равнодушии к опасности, не заменит никак Багратиона.

К Кутузову подъехал любимец военного министра Вольцоген.

— Ваша светлость, — заговорил он своим резким, скрипучим голосом, — по поручению его высокопревосходительства генерала от инфантерии Барклая-де-Толли вынужден сообщить, что сражение проиграно! Наши важнейшие пункты в руках неприятеля, и войска расстроены.

Кутузов, словно не понимая, сперва молча рассматривал Вольцогена, а потом начал говорить все громче и громче ударяя по скамейке пухлым старческим кулаком.

— Милостивый государь!.. Да как вы смеете!.. Все это вздор!.. Поезжайте и передайте Барклаю… Что касается сражения, то ход его известен мне самому как нельзя лучше. Неприятель отражен во всех пунктах!..

Эти слова, словно ледяной душ, остудили главнокомандующего 1-й армией. В течение всей битвы он более не посылал адъютантов с подобными донесениями. Спокойствие Кутузова, его безграничная вера в стойкость русского солдата передавались всем.

Но вот в череде гонцов, прилетавших с разных мест боя явился, в пыли по самые брови и в простреленной шляпе зять Кутузова полковник Кудашев.

— На левом фланге неприятель чрезвычайно умножил свои батареи… — задыхаясь от скорой езды, доложил он. Начальник главного штаба Сен-При серьезно ранен, генерал Тучков-4-й убит… Войска отходят назад… Артиллерия уступает превосходному огню неприятеля…

Слушая, Кутузов согласно кивал головой, точно все зю отвечало его замыслу, а затем поманил к себе Ермолова.

— Голубчик, Алексей Петрович, — доверительно, словно говоря о чем-то интимном, домашнем, не приказал, а попросил он, — вот и приспел твой черед. Надобно тебе немедля отправиться к левому флангу и привести артиллерию в надлежащее устройство. — Он прикрыл веком здоровый глаз и добавил: — Артиллерия в нынешнем сражении решает не половину победы, а поболе. Отправляйся, и господь с тобой!..

Чрезвычайно обрадованный тем, что ему предстоит наконец горячее дело, Ермолов объявил Кутайсову, чтобы тгт приказал трем конноартиллерийским ротам из резерва следовать за ним на левое крыло.

— Хочу, Александр Иванович, — пояснил он начальнику артиллерии, — чтобы это были роты полковника Никитина…

— Алексей Петрович! — взмолился Кутайсов. — Возьми меня христа ради с собой!

— Да что ты? — почти рассердился Ермолов. — Ты всегда бросаешься туда, куда тебе не следует. Давно ли тебе был выговор от светлейшего за то, что тебя нигде отыскать не могли? Я еду во 2-ю армию, мне совершенно не знакомую, приказывать там именем главнокомандующего. А тыто что делать будешь?

— Не могу я сидеть и глядеть, как дерутся другие! упрямо возразил Кутайсов. — Ни ты мне, ни я тебе, Алексей Петрович, не подчиняемся. И ты можешь считать, что я еду из праздного любопытства…

Ермолов молча махнул рукою: «Делай, как знаешь» — и сел на лошадь.

Во весь карьер понеслись роты из резерва. Перекаты пушечной и ружейной стрельбы все усиливались по мере приближения Ермолова с его маленьким отрядом к центру рус.

ских позиций. И вот справа открылся на холме редут Раевского, позади которого заметно было большое смятение. Солдаты нестройными толпами валили от Курганной высоты, осыпаемые вдогонку картечными выстрелами французов.

Это были приведенные в полное расстройство егерские полки из дивизии Паскевича. Над высотой, в разрывах пороховых туч, трепетало с вспыхивающим на солнце золотым орлом вражеское знамя.

Решение родилось мгновенно. Прежде чем ехать во 2-ю армию, необходимо восстановить здесь порядок и выбить неприятеля из редута, господствующего над всем полем сражения и справедливо названного ключом Бородинской позиции.

— Алексей Петрович! — крикнул Ермолов зычно старому своему другу и тезке Никитину. — Поворачивай вправо, к редуту!..

Надо было остановить ретирующееся разношерстное воинство, но сделать это можно было лишь вооруженной рукой. Ермолов бросился к резервному отряду 6-го корпуса, самому ближнему к высоте.

— Какая часть? — наехал он на торопливо опоясывавшегося форменным шарфом офицера.

— Третий батальон Уфимского пехотного полка, ваше высокопревосходительство! — с веселой готовностью ответил тот.

— Батальон, слушай мою команду! — загремел Ермолов. — В атаку развернутым фронтом! За мной!

Он развернул солдат так, чтобы линия оказалась длиннее и ей удобнее было захватить большее число бегущих.

Командиру батальона майору Демидову велено было находиться на правом фланге наступления, а полковнику Никитину с тремя конноартиллерийскими ротами остановиться на левом фланге и артиллерийской поддержкой отвлекать на себя огонь неприятеля.

Егеря десятками присоединялись к уфимцам, создавая толпу в образе колонны. Так войско Ермолова достигло небольшой углубленной долины, отделяющей занятую неприятелем Курганную высоту. Здесь задержались остатки дивизии Паскевича, команду над которыми принял полковник И. Я. Савоини.

Ермолов спешился и вынул саблю.

— Ребята! — закричал он, вращая клинком. — Воротите честь, которую вы уронили! Пусть штык ваш не знает пощады! Сметем врага! По-

русски!..

Веселое лохматое слово прозвучало, перекрывая выстрелы и вызвав дружные улыбки на измученных лицах. Кутайсов подъехал к Ермолову:

— Я возьму часть людей и поведу их вправо от кургана…

Они с чувством пожали друг другу руки.

— Барабанщик! — скомандовал Ермолов. — Сигнал «На штыки»!

Загремела тревожная дробь; генерал с поднятой саблей первым побежал на крутизну.

Как начальник главного штаба, Ермолов имел с собой несколько Георгиевских крестов. Выдернув левой рукой из кармана пук черно-оранжевых лент со знаками отличия боевого ордена, он швырнул их далеко, на брустверь, из-за которого высовывались французские ружья. Множество егерей, обгоняя Ермолова, бросились вверх, навстречу выстрелам. Закипел бой, яростный и ужасный; сопротивление было встречено отчаянное. Прискакавший к батарее Раевского Барклай-де-Толли не имел под рукой резерва, и вся его свита мужественно пристроилась к атакующим.

Бились на батарее молча, не было сделано ни одного выстрела; с обеих сторон урон возрастал, доколе все французы не были переколоты. Пощады не давалось никому — солдаты сбрасывали с вала вместе с неприятелем и вражеские пушки. Всюду была кровь; умирали в судорожных страданиях тяжелораненые. Ермолов услышал сквозь хрипы и стоны мольбу о пощаде:

— Не убивайте… Я король Неаполитанский…

У вала Ермолов снял со штыков получившего двенадцать ран генерала, назвавшегося сим именем. В главную ставку помчался гонец с известием о пленении Мюрата. Все вокруг светлейшего тотчас закричали «ура!». Умеряя общую радэсть, Кутузов спокойно сказал:

— Подождем подтверждения…

Вскоре привели пленного. Им оказался бригадный гепорал Бонами. Он назвался Неаполитанским королем, желая спастись от неминучей смерти. Позднее Ермолов отправил Бонами в Орел и просил отца своего

заботиться о нем…

Вся масса атакующих не могла взойти на тесный редут; многие в пылу преследования устремились по глубокому оврагу, покрытому лесом, и были встречены свежими войсками Нея. Ермолов тотчас приказал кавалерии, заскакав вперед, вернуть увлекшихся обратно на редут, а барабанщикам бить сбор. Явился израненный полковник Савоини с малым числом офицеров и нижних чинов. После жестокой схватки батальоны, которыми командовал Ермолов, были малочисленны, при орудиях в укреплении — ни одного заряда. Наблюдавший за боем Барклай-де-Толли, не ожидая требования о помощи, прислал псмедля батарейную роту и два полка пехоты. Теперь под руками Ермолова было все готово для отражения Богарнэ. Заменив свежими войсками утомленные, он вернул в резерв и артиллеристов Никитина.

Временно затихший бой разгорелся с новой силой. Чтобы не дать русским закрепить успех, все пространство перед Курганной высотой покрылось артиллерией и засыпало храбрецов картечью, гранатами и ядрами. Сто двадцать орудий под начальством генерала Сорбье били беспрерывно.

Занятая Ермоловым высота сильно выдавалась вперед, вражеский огонь был перекрестным и губительным. Несмотря на это, пехота по обе стороны батареи Раевского стояла насмерть. Ермолов послал Граббе с разрешением пехоте лечь.

Однако все оставались стоять и смыкались, когда вырывало ряды. Ни хвастовства, ни робости не было — умирали молча.

В третьем часу пополудни Ермолов получил известие о смерти Кутайсова. Верховая лошадь его прибежала в лагерь; седло и чепрак на пей забрызганы кровью. На другой день офицер, принявший Кутайсова, падающего с лошади, уже бездыханного, принес Ермолову знак св. Георгия 3-го класса и золотое оружие…

«Вечным будет сожаление мое, — терзался Алексей Петрович, распоряжаясь на батарее, посреди осколков и пуль, — что не внял он моим убеждениям воротиться к своему месту! Судьба! Поневоле станешь

фаталистом, когда видишь, как пресеклась жизнь в лета ттветущей молодости, среди блистательного служения, Он словно сам искал сегодия смерти, а смерть подстерегала его…»

В этот момент тупая боль застлала Ермолову пеленой ыаза, и он потерял сознание. Картечь, поразившая насмерть стоявшего впереди унтер-офицера, пробила Ермолову воротник шинели и сильно контузила. Генерала унесли с возвышения, и через недолгий срок он пришел в себя. Оставаться далее на батарее Ермолов не мог и вызвал на свое место начальника дивизии Лихачева.

Взятие французами Курганной высоты разорвало бы позицию русских войск и осложнило ее дальнейшую оборону.

С отбитием высоты поколебалась вся наступательная мощь противника, едва не оставившего Семеновские флеши. Участвовавший в Бородинском сражении в качестве адъютанта Кутузова Муравьев-Карский написал впоследствии: «Сим подвигом Ермолов спас всю армию».

8

М.И.Кутузов — Александру I

»…Наполеон, видя неудачные покушения войск правого крыла своей армии и что они были отбиты на всех пунктах…

потянулся влево, к нашему центру… все его батареи обратили действие свое на курган, построенный накануне и защищаемый 18 батарейными орудиями, подкрепленными всею 26-ю дивизиею под начальством генерал-лейтенанта Раевского; избежать сего было невозможно, ибо неприятель усиливался ежеминутно противу сего пункта, важнейшего во всей позиции, и вскоре после того большими силами пошел на центр наш, под прикрытием своей артиллерии густыми колоннами атаковал Курганную батарею, успел овладеть оною и опрокинуть 26-ю дивизию, которая не могла противустоять превосходнейшим силам неприятеля.

Начальник главного штаба генерал-майор Ермолов, видя неприятеля,

овладевшего батареею, важнейшею во всей позиции, со свойственною ему храбростию и решительности ю, вместе с отличным генерал-майором Кутайсовым взял один только Уфимского полка баталион и, устроя сколь можно скорее бежавших, подавая собою пример, ударил в штыки.

Неприятель защищался жестоко, но ничто не устояло противу русского штыка; 3-й баталион Уфимского пехотного полка и 18-й егерский полк бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й — по левую сторону оной, и в четверть часа батарея была во власти пашей с 18 орудиями, на ней бывшими… Генерал-майор Ермолов переменил большую часть артиллерии, офицеры и прислуга при орудиях были перебитп, и, наконец, употребляя Уфимского пехотного полка люден, удержал неприятеля сильные покушения во время полутора часов…»

После Бородинского сражения Барклай-де-Толли написал собственноручное представление, в котором просил удостоить Ермолова орденом св. Георгия 2-го класса; но так как этот орден был пожалован самому Барклаю, то Алексей Петрович был лишь награжден знаками св. Анны 1-й степени.

9

Кутузов получал беспрестанно все новые донесения об усилении неприятельских атак на левом крыле. Желая лично удостовериться в справедливости донесений, он сел на лошадь и въехал на пригорок, осыпаемый обломками гранат, летевшими со всех сторон. На волоске была жизнь того, в ком видела свою надежду вся Россия. Тщетно уговаривали его спуститься с пригорка. И когда увещевания не подействовали, адъютанты взяли лошадь за узду и вывели главнокомандующего из-под выстрелов.

После лично проведенного обозрения Кутузов отдал два приказания: Милорадовичу со стоявшим на правом крыле 4-м пехотным корпусом Остермана-Толстого я 2-м кавалзрпйским Корфа сблизиться к центру;

Платову с казаками и Уварову с 1-м кавалерийским корпусом переправиться вброд через Колочу, выше Бородина, и атаковать левое крыло неприятеля.

Этим движением главнокомандующий решил оттянуть часть сил Наполеона от русского левого крыла.

После ужасного боя на левом фланге были оставлены неприятелю Семеновские, или Багратионовы, флеши, защищаемые несколько часов с геройским мужеством. Успеху французов способствовало их превосходство в численности и ранение князя Багратиона, лучшего из русских боевых генералов. Коновницын отвел войско за Семеновский овраг и занял ближайшие высоты. На них в один миг возвели батареи и жестокой пальбой удержали наступление французов. Появившись на батарее, Коповницын шутил под огнем, подбадривая пушкарей:

— Жарко у вас!

— Греемся около неприятеля! — отвечали ему.

И действительно, было жарко! Русские, говоря языком старых преданий, парились в банях кровавых железными вениками.

Овладев флешами впереди Семеновского, Наполеон приказал Мюрату с кавалерийскими корпусами Нансути и Латур-Мобура обойти левое крыло русских, отрезать от войск, стоявших на Старой Смоленской дороге, и тем утвердить за собой победу. К левому флангу дивизии Коновницына примыкали полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский, мужественно стоявшие в дыму сражения. Вдруг, как воздушное явление, засветилась вдали медная стена; она неслась неудержимо с грохотом и быстротою бури. Саксонские кирасиры под начальством генерала Талемана промчались и бросились на правое крыло измайловцев.

Полки построились в каре и, подпустив кирасир на ближайший выстрел, открыли густой огонь. Латы, не придавая мужеству врагу, были слабой защитой. Враги показали тыл.

Конные гренадеры покусились исправить неудачу кирасир, но, принятые тем же образом, были опрокинуты. Третья атака была столь же безуспешна, как и первые две. Если бы в русских рядах хотя бы на самое

короткое время водворился беспорядок или солдаты оробели, сражение было бы проиграно. Громады неприятельской конницы только и ждали момента, чтобы обрушиться на них всей своей тяжестью.

В промежутках между атаками ядра и картечь сыпались на гвардейские полки, почитавшие нападения кавалерии сущим отдыхом, хоть на время избавлявшим их от пушечных выстрелов.

Сила русских войск, прп всем их мужестве, начинала истощаться. Это ослабление не укрылось от Наполеона. В подкрепление кавалерийских атак Мюрата он отправил молодую гвардию. Назначенная решить участь великой битвы, гвардия тронулась, но едва прошла небольшое расстояние, как Наполеон заметил на своем левом крыле появление русской конницы и отступление колонн вице-короля Евгения, беготню и тревогу в обозах и в тылу армии. Это появились кавалеристы Уварова и еще далее и правее их — казаки Платова.

Вблизи обозов, где соединены были экипажи главной квартиры Наполеона, канцелярия министров, письменные дела штабов, подвижные госпитали, артиллерийские парки, пекарни и запасы разного рода, равнина вдруг запестрела донцами. Они начали по-своему делать круги и щеголять разными проделками. Французские пикеты дрогнули и побежали. Казаки сели им на плечи. Напрасно отмахивались французы и немцы длинными палашами и шпорили тяжелых коней своих. Донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадках мчались стрелами, кружили, подлетали и жалили дротиками, как сердитые осы. Сам вице-король Евгений вынужден был искать спасения в одном из пехотных каре от русских кавалеристов.

Наполеон повелел гвардии остановиться и понесся вперед, желая лично удостовериться, какие силы Кутузов отрядил для обхода и нападения. Драгоценное время было выиграно, центр укреплен корпусами Остермана-Толстого и Корфа. Дохтуров с остатками 2-й армии и войсками, утром отправленными к ней на подкрепление, примкнул правым флангом к Остерману, а левым расположился по косой линии к Старой Смоленской дороге.

Восстановив порядок, Наполеон воротился и отдал приказ открыть канонаду по центру и левому флангу русских войск.

Над полем смерти и крови, затянутым пеленою разноцветного дыма, красным огнем опламенились вулканы, заревели по стонущим окрестностям батареи. Гранаты лопались в воздухе и на земле, ядра гудели, сыпались со всех сторон, бороздили землю рикошетом, ломали в щепы, вдребелгм все встреченное ими в своем полете. Выстрелы были так часты, что не оставалось промежутков между ударами. Русские артиллерийские роты, прибывшие из резерва, порою теряли прислугу и ящики, еще не вступив в бой. В конной роте Никитина в течение часа было убито 90 человек и много лошадей. Недоставало людей для поднятия орудий на передкп; из пехоты брали солдат для прислуги; ратников ополчения сажали на артиллерийских лошадей. Чугун дробил, но не колебал грудь русских.

Видя губительные действия своей артиллерии, Наполеон повел конные атаки. Кирасиры и уланы понеслись тучей на корпус Остермана-Толстого, однако были встречены таким жестоким огнем, что искали спасения в бегстве. Табуны лошадей без всадников, разметав гривы, ржали, бегали посреди мертвых и раненых. Вскоре были замечены у французов новые приготовления к атаке; их конница показалась впереди пехоты в колоннах. Необходимы были последние усилия с русской стороны.

Барклай-де-Толли послал за кавалергардским и коняогвардейскпм полками — из всей русской кавалерии они одни еще не вводились в дело. Услышав приказание идти вперед, отборные латники огласили воздух радостными восклицаниями. Пока они подвигались, неприятельская конница, предводимая генералом Коленкуром, братом наполеоновского посла, врубилась в пехоту 24-й дивизии, прикрывавшую Курганную батарею, а пехотные колонны вице-короля Евгения подошли под самый курган.

Бывшие на кургане орудия после окончательного залпа умолкли. Неприятельская пехота взбиралась на вал со всех сторон; ее опрокидывали штыками в ров, наполнившийся трупами; свежие колонны

заступали место павших и с новой яростью лезли умирать. На разных европейских языках раздавались клики: уроженцы Италии, дети Неаполя, пруссаки, поляки, австрийцы и, конечно, галлы дрались с подмосковной Русью, с уроженцами Сибири, с соплеменниками черемис, мордвы, заволжской чуди, калмыков и татар! Пушки лопались, зарядные ящики вспыхивали страшными взрывами. Это было уже не сражение, а бойня. Стены сшибались и расшибались, и рукопашный бой кипел повсеместно.

Штык и кулак работали неутомимо, иззубренные палаши ломались на KJ ски, пули сновали в воздухе и пронизывали все насквозь…

Наконец бывшая в голове французов саксонская конница Талемана ворвалась на Курганный редут с тыла. За саксоацами мчался весь корпус Коленкура. Груды тел лежали внутри окопа и возле него, почти все храбрые его защитники пали. Однпм из последних выстрелов, пущенных с русской батареи, был убит Коленкур. Начальник дивизии Лихарев, несмотря на полученные им раны, искал смерти в рядах неприятеля. Заметив генерала, французы уважили его мужество и предпочли полонить его. Покорение Курганной батареи было последним усилием истощенных неприятельских сил.

На левом крыле все усилия французов, действия их артиллерии и многочисленные атаки конницы не могли сбить Дохтурова с занятой им позиции. Солдаты отстреливались и отбивали атаки, а Дохтуров, сидя на барабане посреди войск, подавал им пример хладнокровия.

8 шесть пополудни по всему полю только ревела канонада до наступления мрака. Изнурение обеих армий положило предел военным действиям. Глубокая темнота летнего вечера спустилась на гробовую равнину, безмолвную, словно огнедышащая гора после извержения. Ночью Наполеон приказал отступить от Багратионовых флешей и батареи Раевского, на которых оставил убитыми свыше пятидесяти тысяч французских солдат и офицеров и сорок семь генералов…

Наполеон, впервые за свою полководческую деятельность проигравший генеральную битву, признал это впоследствии, заявив: «Русские стяжали

право быть непобедимыми… из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех».

По меткому выражению Ермолова, в сражении при Бородино «французская армия расшиблась о русскую».

9 сентября Кутузов отдал приказ по армии, где, в частности, указывалось:

«Особенным удовольствием поставляю объявить мою совершенную благодарность всем вообще войскам, находившимся в последнем сражении, где новый опыт оказали они неограниченной любви своей к Отечеству и государю и храбрость, русским свойственную…

Ныне, нанеся ужаснейшее поражение врагу нашему, мы дадим ему с помощью божьею конечный удар. Для сего войска наши идут навстречу свежим воинам, пылающим тем же рвением сразиться с неприятелем».

10

По поручению Кутузова Ермолов отправился вместе с генерал-квартирмейстером Толем и полковником Кроссаром к Москве выбрать место нового сражения.

Он ехал верхом, превозмогая сильную боль: обмотанная шелковым платком раненая шея побагровела и распухла, жилы на ней были повреждены. Но боль его утишалась вблизи страданий, неизмеримо более мучительных, многие тысяч других. Насколько хватал глаз, вся Московская дорога была запружена подводами, откуда неслись мольбы и стенания. Главнокомандующий сделал все, чтобы вывезтп с поля боя искалеченных героев, но никто не считал, сколько несчастных осталось там умирать посреди тел и лошадиных трупов, обломков лафетов и зарядных ящиков, перемешанных с землей. Жители окрестных селений толпами выходили на большак, чтобы оделить раненых деньгами, омыть раны водой и перевязать их.

— Алексей Петрович! Господин Ермолов! — услышал генерал знакомый бодрый голос и повернул коня к одной из повозок.

Вглядевшись в беспорядочную, слабо копошащуюся груду из замотанных платками, бинтами, полотенцами, разорванными рубахами голов, рук и ног на пропитанной кровью соломе, Ермолов с удивлением воскликнул:

— Граф? Федор Иванович? И ты здесь?

Да, это был близкий приятель Дениса Давыдова по гусарской службе Федор Толстой, бретер и забияка, Толстойамериканец. В шведской кампании 1808 года он воевал в одном полку с Давыдовым, но за буйства и дуэли был дважды разжалован в рядовые.

В фуражке с крестом и смуром кафтане, обросший смоляной бородой, граф Федор Иванович живо и весело, словно на гусарской пирушке, отвечал:

— Поступил в Московское ополчение простым ратником… Ходил на штыки… Получил картечную рану в ногу…

Не веришь?

Ермолов не успел возразить, как Федор Толстой сорвал грязный бинт, из-под которого тотчас хлынула кровь.

— Не балуй, барин. Не торопись на тот свет. Еще успеешь… — прохрипел лежащий рядом меднолицый солдат — зеленый мундир висел на нем клочьями. Он поднял бинт и принялся перевязывать рану. Повозка потащилась далее.

— Мы еще поколотим Наполеона! — кричал Федор Толстой.

«Да, в Бородинском бою все русское воинство увенчало себя бессмертной славой! — думал Ермолов, присоединяясь к штабу. — Не было еще случая, в котором оказано более равнодушия к опасности, более терпения, твердости, решителыюсти и презрения к смерти. В этот день испытано все, до чего может возвыситься достоинство человека!..»

Позднее по представлению Ермолова Федору Толстому был исходатайствован чин полковника…

Все в армии — от генерала до ополченца-ратника — желали новой схватки с Наполеоном. Когда утихли бои, Кутузов приказал объявить

войскам, что назавтра он возобновляет сражение. Адъютант Ермолова артиллерии поручик Граббе был послан с этим объявлением; в полках его приглашали сойти с лошади, офицеры целовали за радостную весть, а солдаты встречали дружным «ура!». Кутузов, возведенный за Бородинскую битву в чин фельдмаршала, в присутствии всего штаба заявил, что скорее готов «пасть при стенах Москвы, нежели предать ее в руки врагов», однако же приказал отступать…

И вот она, древняя столица и само сердце России, матушка Москва! В ясном, прозрачном воздухе видна она вся, горящая под лучами яркого солнца тысячами цветов: золоченые маковки церквей, высокие белокаменные колокольни, зеленые железные крыши дворцов и усадеб, сады и парки, уже тронутые багрецом. Было 1 сентября — день преподобного Симеона Столпника, Семена летопроводца. Как говаривал Горский? На Семена дитя на коня сажай, на ловлю в поле выезжай. На Семена ласточки ложатся вереницами с колодцы, на Семена мух и тараканов хоронят. Грыбье, бабье лето. Коли бабье лето ненастно — осень сухая, а коли на Семена ясно — осень ведреная, но к холодной зиме…

Отсюда, с высот, мирно и кротко раскинулась Москва, словно бы и не гремели невдалеке орудия, словно бы Наполеон не шел на плечах русского арьергарда. Ермолов принялся осматривать позицию, загодя избранную Беннигсеном.

Правый ее фланг примыкал к изгибу Москвы-реки впереди деревни Фили, центр находился между селами Волынским и Троицким, а левое крыло располагалось на Воробьевых горах. На Поклонной горе по приказу Беннигсена возводился обширный редут и у большака учреждалась батарея.

Подходившие части корпуса принца Евгения Виртембергского располагались и устраивались, словно и впрямь намереваясь защищать Москву, впереди Дорогомиловской заставы. Ермолов отправился к Кутузову, который остановился в открытом поле и сидел на своей деревянной скамеечке в окружении генералов, успевших уже осмотреть

позицию.

Многие находили ее неудачной, но никто не решался сказать об этом. Это было равносильно предложению оставить Москву без боя.

Никто не знал истинных намерений и видов светлейшего. Недостаток самых хитрых людей заключается в том, что хитрость заменяет им ум. Чтобы ввести всех в заблуждение, народный ум Кутузова часто принимал вид хитрости и казался ею.

На вопрос светлейшего, какова ему кажется позиция, Алексей Петрович не без жара отвечал:

— Местоположение чрезвычайно невыгодное!

Кутузов тотчас принял мину самую простецкую и с притворными вздохами переспросил:

— Голубчик, дай-ка свой пульс! Уж не болен ли ты?..

Ермолов вперился в главнокомандующего своими серыми

глазами. «Нет, меня не перехитришь, Михаила Ларионыч, я не так прост!» — подумал он и с невинным видом возразил:

— Я настолько здоров, чтобы видеть, что мы здесь будем разбиты.

Окружавшие Кутузова генералы молчали. Немногие из вих могли догадаться, что главнокомандующий не нуждается в их мнении, желая лишь показать видимое намерение защищать Москву. Он только ласково попросил Ермолова внимательно осмотреть позицию еще раз.

Чем больше вникал в местоположение Ермолов, тем больгае убеждался в его непригодности, особенно для войска, ослабленного недавним кровопролитнейшим сражением. По8ИЦИЯ тянулась на четыре версты, с правого фланга впереди себя имела довольно обширный лес, в котором мог утвердиться неприятель; несколько рытвин с крутыми берегами и овраг у реки Карповки рассекали войска, лишая их взаимной поддержки. Глубокая лощина с почти обрывистыми берегами, начинавшаяся близ деревни Воробьеве, совершенно отрывала резервы на левом фланге от боевой линии. В тылу находилась Москва-река, на которой хоть и наведено было восемь мостов, но спуски к большинству из них по своей крутизне доступны были одной пехоте. Наконец, сразу за рекой

начинался огромный город, отступление через который в случае неудачного боя, под натиском врага, предвещало неизмеримые трудности.

Он вновь поспешил к Кутузову, который беседовал с генерал-губернатором Москвы Ростопчиным.

Закончив разговор, Ростопчин направился к своему экипажу, но, завидя Ермолова, приостановился.

— Не понимаю, Алексей Петрович, — горячо, словно продолжая прерванный спор, воскликнул он, — для чего усиливаетесь вы защищать Москву, из которой все вывезено!

Ермолов вежливо отвечал гордому вельможе:

— Ваше сиятельство! Вы видите во мне исполнителя воли начальника, не допускающего свободы рассуждения.

— Честно сказать, — добавил Ростопчин, — я подозреваю, что светлейший князь далек от желания дать сражение. Но знайте! Лишь только вы оставите Москву, она по моему распоряжению запылает позади вас!

Последние слова поразили воображение Ермолова. Мысль сдать столицу без боя показалась ему чудовищной, но и вести сражение на выбранном месте не представлялось возможным. Достав карандаш и бумагу, Алексей Петрович наскоро сделал рисунок позиции и стал доказывать Кутузову ее порочность. Главнокомандующий в ответ принялся подробно пересказывать ему свой разговор с Ростопчиным, уверяя, будто ничего не знал ранее о том, что неприятель, приобретя Москву, не сыщет никаких выгод, что ее можно было бы оставить, и спросил на то мнение Ермолова. Тот, страшась, что повторится испытание его пульса, молчал. Кутузов приказал ему говорить.

— Если уж отступать, то для соблюдения наружности я приказал бы арьергарду нашему в честь древней столицы дать сражение… — ответил Алексей Петрович.

Воцарилась тишина. Ермолов думал о том, что с Москвой сопряжены были понятия о славе, достоинстве и даже самобытности Отечества. Ее

сдача врагам воспринялась бы как бессилие защищать Россию. Продолжительное отступление от Немана, неразлучные с ним трудности, кровопролитные сражения в течение трех месяцев, пылавшие, преданные на расхищение врагам города и селения были жертвы тяжкие, но жертвы, принесенные, мнилось в народе и в армии, для сохранеппя Москвы, а не для потери ее. В стране от Немана до Москвы-реки, от Стыри и до Двины развевались вражеские знамена; уже не только Москве, но и Петербургу и Киеву угрожало нашествие, а полуденную Россию опустошала моровая язва. В эту пору в глазах Европы падение Москвы почиталось ручательством, что Россия низойдет в разряд второстепенных государств.

— Приказываю в четыре пополудни созвать военный совет, — повелел наконец Кутузов.

11

Русский главнокомандующий не произносил решительного мнепия, всегда держась правила древнего полководца, пе хотевшего, чтобы и подушка его знала о его намерениях.

В деревце Фили, в избе крестьянина Севостьяпова, собрались Барклай-де-Толли, Ермолов, Дохтуров, Платов, Толь, Уваров, Остерман-Толстой, Коновницып. Ждали Беннигсена, который запаздывал. Милорадович не был приглаш„н по причине невозможности отлучиться от арьергарда. Только в шестом часу приехал Беннпгсен, который, не считаясь с присутствием фельдмаршала, тотчас взял на себя роль председательствующего и задал вопрос:

— Выгоднее сражаться перед Москвою шш оставить ее неприятелю?

Кутузов недовольным тоном прервал начальника штаба, заметив, что предварительно надо объяснить положение дел, и, подробно изобразив неудобство позиции, заявил:

— Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии

противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну. Но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия…

В заключение он обратился к генералам, поставив вопрос так:

— Ожидать ли нападения в неудобной позиции или отступить за Москву?

Во вспыхнувшем споре главными действующими лицами были Барклай-де-Толли и Беннигсен как старшие в чинах после Кутузова.

Барклай, страдая от изнурявшей его лихорадки, медленно говорил:

— Главная цель заключается в защите не Москвы, а всею Отечества, для чего прежде всего надобно сохранить армию. Позиция невыгодна, и армия подвергнется несомненной опасности быть разбитой…

Он глубоко таил в себе обиду за несправедливое отношение к нему в войсках во всю пору вынужденного отступления. Правда, мужество и отвага Барклая, проявленные им яа виду солдат в Бородинской битве, переменили общее мнение, и после сражения войска встречали его криками «ура!». Но Ермолов прекрасно помнил, как на другой день после Бородина сухой и аккуратный Барклай сказал ему со слезами на глазах: «Вчера я искал смерти и не нашел ее…»

— Оставлять столицу тяжело, — продолжал военный министр, — но, если мужество не будет потеряно и операции будут вестись деятельно, овладение Москвой приготовит гибель Наполеону…

Все выступление Барклая было направлено против Беттнигсена; присутствующие ожидали, что начальник главного штаба в ответ станет оправдываться и защищать избранную им позицию. Однако хитрый интриган ловко уклонился от предложенного на совете выбора.

— Хорошо ли сообразили те последствия, которые повлечет за собою оставление Москвы, самого обширного города в империи, и какие потери понесет казна и множество частных лиц? — воскликнул Беннигсен с наигранным пафосом. — Подумали ли, что будут говорить крестьяне и общество, весь народ, и какое может иметь влияние мнение их на способы продолжения войны? Подумали ли об опасности провес гь через город войска с артиллерией в такое короткое время, когда неприятель

преследует нас по пятам? Наконец, о стыде оставить врагу столицу без выстрела? Я спрашиваю, будет ли после этого верить Россия, что мы выиграли Бородинское сражение, как это было обнародовано, если последствием его станет оставление Москвы?.. Какое впечатление произведет это на иностранные дворы и вообще в чужих краях? Не должно ли наше отступление иметь предел?

Я не вижу поводов предполагать, что мы будем непременно разбиты… Я думаю, что мы остались такими же русскими, которые дрались с примерной храбростью!..

К удивлению присутствующих, Беннигсен неожиданно предложил новый наступательный план действий — ночью перевести войска с правого крыла на левое и ударить в центр Наполеона.

Барклай резко возразил:

— Надлежало ранее помышлять о наступательном движении и сообразно тому расположить армию. На то было еще время поутру, при первом моем объяснении с генералом Беннигсеном о невыгодах позиции. Теперь уже поздно.

Ночью нельзя передвигать войска по непроходимым рвам.

Неприятель может внезапно атаковать нас. Армия потеряла большое число генералов и штаб-офицеров. Многими полками командуют капитаны, а бригадами — неопытные штабофицеры. Армия наша, по сродной ей храбрости, способна сражаться в позиции и отразить нападение. Но она не в состоянии исполнить сложное движение в виду неприятеля.

Я предлагаю отступить к Владимиру и Нижнему Новгороду…

Кутузов с видимым удовольствием выслушал реплику Барклая и добавил, что со своей стороны никак не может одобрить план Беннигсена.

— Передвижения войск в близком расстоянии от неприятеля всегда бывают опасны, и военная история знает много подобных примеров, — самым наивным тоном сказал он и словно задумался, подыскивая пример, — Да вот хотя бы сражение при Фридланде, которое граф

хорошо помнит, было не вполне удачно, как я думаю, только оттого, что войска наши перестраивались слишком близко от противника…

Едкая ирония достигла цели: Беннигсен. главный виновник фридландского поражения, поневоле умерил пыл. Генералы кратко высказали свое мнение. Храбрый Дохтуров, маленький, кругленький, под влиянием патриотического горя заявил, что он, безусловно, против сдачи Москвы неприятелю. Граф Остерман-Толстой отверг предложение Беннигсена и, впившись в него своими блестящими глазами, спросил:

— Можете ли вы в случае сражения поручиться за нашу победу?

Начальник главного штаба, рассердившись, грубо ответил:

— Подобных требований нельзя предъявлять одному человеку. Победа может зависеть лишь от храбрости наших солдат и умения наших генералов…

Совещание подходило к концу, когда приехал Раевский, занятый расположением войск. По приказанию Кутузова Ермолов объяснил ему суть разномыслии. Раевский, наклонив черную курчавую голову, сказал:

— Если позиция отнимает у нас возможность пользоваться всеми нашими силами и если уж решено дать сражение, то выгоднее идти навстречу неприятелю, чем ожидать его. Но для подобного предприятия мы не готовы и потому можем только на малое время замедлить вторжение Наполеона в Москву. Россия не в Москве, среди сынов она.

Следовательно, более всего должно беречь войска. Мое мнение: оставить Москву без сражения. Но я говорю как солдат. Князю Михаилу Илларионовичу предоставлено судить, какое влияние в политическом отношении произведет известие о взятии Москвы…

Ермолов высказался на совете последним. Он видел, что решение оставить Москву без боя предрешено и его мнение на исход споров уже не повлияет. Но как генерал с небольшим военным опытом, он не вмел дать согласия на оставление столицы и, страшась упреков соотечественников, дорожа завоеванной популярностью в войсках, предложил атаковать неприятеля.

— Девятьсот верст непрерывного отступления, — утверждал он, — не

приготовили врага к неожиданным для него нашим наступательным действиям. И нет сомнения, что в войсках его от этого произойдет большое замешательство.

Кутузов, ожидавший, что Ермолов повторит мысль об отступлении, высказанную им на Поклонной горе, недовольно заметил:

— Такие мнения может предлагать лишь тот, на ком не лежит ответственность.

Наступило продолжительное молчание, которое нарушил фельдмаршал. Тяжело вздохнув, он заговорил:

— Вы боитесь отступления через Москву… А я смотрю на это как на провидение — это спасет армию. Наполеон, словно бурный поток, который мы еще не можем остановить.

Москва будет губкой, которая его всосет…

Из всех русских генералов лишь один Кутузов мог оставить неприятелю Москву, не повергнув государство в глубокое уныние. На этом совете вновь подтвердилась неоспоримо великая истина, что в Отечественной войне Кутузов был сущей необходимостью для России.

— С потерею Москвы не потеряна еще Россия, — размышлял вслух фельдмаршал. — Первою обязанностью ставлю себе сохранить армию, сблизиться с теми войсками, которые идут к ней на подкрепление, и уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю. Поэтому я намерен, пройдя Москву, отступить по рязанской дороге. Знаю, ответственность обрушится на меня. Но жертвую собой для блага Отечества. — Он поднялся со стула, давая понять, что заседание совета закрыто, и твердо добавил: — Приказываю отступать…

Генералы тихо разошлись, и фельдмаршал остался один.

Он ходил взад и вперед по избе, когда вошел полковник Шнейдер, находившийся при нем безотлучно двадцать лет.

Пользуясь правом свободного с ним разговора, он старался рассеять фельдмаршала и заводил речь о разных предметах.

Слова его, однако, оставались без ответа.

— Где же мы остановимся? — спросил Шнейдер наконец.

Будто пробужденный вопросом, Кутузов подошел к столу, сильно ударил своим пухлым кулаком и с жаром сказал:

— Это мое дело! Но уж доведу я проклятых французов, как в прошлом году турок, до того, что они будут лошадиное мясо есть!..

Успокоившись, фельдмаршал принялся отдавать приказания о движении войск на рязанскую дорогу. При этом он запретил начальнику интендантской службы генералу Ланскому перевозить продовольствие с калужской дороги, куда Кутузов загодя, еще после Бородина, распорядился направить хлебные запасы. Милорадовичу велено было командовать арьергардом.

Всю ночь Кутузов был чрезвычайно печален и несколько раз принимался плакать. Как полководец, он видел необходимость уступить врагам Москву. Но, как русский, мог ли он не болеть о ней?..

12

До зари 2 сентября, в понедельник, обозы и артиллерия потянулись в Москву; на рассвете последовали за ними пехота и конница. Армия шла двумя колоннами: одна под командою генерал-адъютанта Уварова — через заставу и Дорогомиловский мост (при ней находился Кутузов); другая под начальством генерала Дохтурова — через Замоскворечье и Каменный мост. Далее путь их лежал к Рязанской заставе.

Накануне к Ермолову явился незнакомый артиллерийский штабс-капитан — крепкий белокурый красавец с холодными голубыми глазами, в мундире из толстого солдатского сукна и Георгием в петлице.

— Ваше превосходительство! — твердо сказал он. — Обращаюсь именно к вам по тому уважению, каковым пользуется в армии имя ваше. Представьте меня его светлости.

Я хочу остаться в Москве, в крестьянской одежде, собирать сведения о неприятеле, вредить всеми способами французам и, если представится возможность, убить Наполеона…

Все это было сказано так обыденно и просто, что у Ермолова закралось сомнение: уж не душевнобольной ли перед ним?

— Ваше имя? — впиваясь глазами в офицера, спросил он.

— Штабс-капитан Александр Фигнер.

— За что награда?

— Измерил ширину рва Рущукской крепости перед штурмом, — так же просто сказал штабс-капитан.

Ермолов доложил о нем Кутузову, и фельдмаршал, хоть он и был очень занят, ласково принял Фигнера, поблагодарил его, обласкал и обещал употребить для важного дела.

Между тем Ермолов получил повеление ехать к Милорадовичу с приказанием насколько возможно дольше удержать неприятеля, дабы вывезти из города тяжести. «Сколько бесстрашных духом сынов России!» — размышлял он в пути, вспоминая встречу с Фигнером. У Дорогомиловского моста Алексей Петрович встретил Раевского, которому и передал повеление главнокомандующего. Сойдя с лошади, геыералы глядели на Москву и грустили, думая о выпавшей ей судьбе.

Переправы, тесные улицы, большие обозы, многочисленная артиллерия, толпы спасавшихся бегством жителей — все это так затрудняло движение, что армия до самого полудня не могла выйти из города. Ермолов покидал Москву одним из последних. В то время как арьергард задерживал Мюрата, он ехал вместе с адъютантом Граббе по бесконечным улицам, мимо высоких зданпй, которые, казалось, вымерли.

На пути из края в край обширнейшего города встретил Алексей Петрович всего человек семь или восемь, оборванных, с подозрительными физиономиями. Было убийственно тихо. И лишь стоны раненых надрывали душу. Многих искалеченных героев Бородина не успели вывезти из столицы.

Ермолов думал о том, с каким негодованием восприняла это армия. «На поле брани, — рассуждал он с собой, — солдат иногда видит оставленных товарищей. Но там, под огнем, другое дело. Его сиятельству Ростопчину следовало бы позаботиться о несчастных заранее. И в каком положении

находились они здесь все это время! В Москве, где все возможности окружить заботой воина, жизнью жертвующего во имя Отечества, богач блаженствует в неге и гордые чертоги его возносятся под облака, а воин, герой? Он омывает своей кровью последние ступени его лестницы или истощает остаток сил на каменном полу его двора! О, жестокосердие вельмож, о, равнодушие богатства! Нет, я никогда не покину благородное сословие неимущих, чтобы не зачерствела душа, чтобы не оглохнуть к чужим страданиям…»

Приближаясь к Рязанской заставе, Ермолов стал нагонять москвичей, поодиночке или группами покидавших родной город. Толпы делались все гуще и гуще, превратившись наконец в сплошную массу. Исход из Москвы являл картину единственную в своем роде — ужасную и вместе с тем комичную. Там виден был поп, напялivший на себя одна на другую шесть или восемь риз и державший в руках тяжелый узел с церковной утварью; тут четырехместный отромный рыдван еле тащили две лошади, тогда как в иные Легкие дрожки впряжено было их пять или шесть; здесь сидела в тележке дородная мещанка или купчиха в парчевом наряде и жемчугах — во всем, чего не успела уложить. Конные и пешие валили валом, гнали коров и овец, собаки в необычайном множестве следовали за великим побегом, и печальный вой их, чуя горе, сливался с мычанием, блеянием, ржанием, криками и детским плачем…

У перевоза через Москву-реку Ермолов нашал часть войск, задержанных на мосту обозами и экипажами, толпившихся в страшном беспорядке. Пушечные выстрелы со стороны Москвы усиливали панику. Начальники, не зная об истинном замысле неприятеля, торопились и не могли переправить свои части. Из коляски, даже не решаясь подъехать к мосту, беспомощно взирал на это столпотворение лейб-медик Александра I баронет Вилье.

— Боже мой! — закричал он, завидя Ермолова, которого знал еще со времен Аустерлица. — Мы погибли! Мы все саанем добычей французов!

— Успокойтесь, Яков Васильевич, — хладнокровно отвечал генерал. — По части переправ у меня богатый опыт.

Он тотчас приказал командиру находившейся здесь конноартиллерийской роты сняться с передков и обратить дула орудий на мост. Зааем, шепнув офицеру, чтобы тот не заряжал пушки, Алексей Петрович выехал перед батареей и громовым голосом, перекрывающим шум и хаос, прокричал:

— Орудия картечью зарядить!.. По моей команде охкрыгь огонь по обозам!..

Все смолкло, задние ряды перестали напирать, а сгрудившиеся на мосту принялись подавать назад.

— По мосту!.. — страшно проревел Ермолов.

И последние обозники, бросившись кто в реку, кто на берег, вмиг очистили мост.

Генерал тронул лошадь и подъехал к Вилье:

— Сэр Яков, прошу вас…

— О, человек великих способностей! — прошептал пофранцузски бледный лейб-медик, откидываясь на спинку коляски.

Вслед за войсками Ермолов переправился на другой берег и нашел Кутузова, сидевшего на скамеечке у ворот старообрядческою кладбища. Проходившие мимо него солдаты имели вид бодрый, ни на одном лице не приметил Ермолов следов отчаяния, но видел мрачное и сосредоточенное чувство мести. Видя главнокомандующего, солдаты переговаривались: «Несдобровать Наполеону на понедельничьем новоселье в Москве», «Обходим француза», «Война только начинается».

Ермолов доложил о выполнении отданного ему повеления; оба молча глядели на оставтенньтй город, вчера полумиллионный, а сегодня опусюшонныи и покинутый жителями. Вдруг гулко прогремет взрыв, за ним — второй. Алексей Петрович вздрогнул, вспомнив слова Ростопчина, сказанные ему накануне. В набегающих сумерках все осветилось в той стороне, где лежала Москва. Над краем неба поднялась и зависла огромная черно-багровая туча дыма.

— Стыд поругания своего, — сказал себе Ермолов твердо, — Москва скроет в собственных развалинах и пепле…

Глава четвертая. ВОЗМЕЗДИЕ

1

Маленькая деревушка Леташовка на старой калужской дороге, вблизи Тарутина, на целых две недели сделалась военным центром России. Сюда приезжали со всех концов страны, чтобы убедиться, что русская армия готовится к новым сражениям, и предлагали свои услуги Кутузову. Откуда что явилось! Из Южной России к Тарутинскому лагерю везли всякие припасы. Среди биваков вдруг открылись лавки с разными предметами для военных людей и налади лась торговля. Крестьяне из ближних и дальних селений приезжали повидаться с оставшимися в живых родственниками и земляками. Крестьянки толпами ежедневно приходили с гостинцами в полки отыскивать мужей, сыновей, братьев и говорили:

— Только дай нам, батюшка, пики, то и мы пойдем на француза…

Казалось, вся Россия сходилась душой в Тарутинском лагере. Каждый истинный сын Отечества из самых отдален ных пределов стремился сюда, если не сам, то мыслью и сердцем, жертвуя зачастую последним своим достоянием.

Армия в короткий срок возросла до ста тысяч человек, не считая казаков и ополчения. Войска укомплектовали рекрутами, лошадьми, зарядами, снабдили сухарями и тулупами, сапогами, валенками, а лошадей — овсом и сеном.

Всем выдали жалованье, и сверх того нижние чины награждены были за Бородинское сражение по пять рублей ассигнациями. Ежедневно в Тарутино прибывали из Тулы новые пушки и единороги, и артиллерийский парк снова умножился, составив 622 ствола. 2-я армия, особенно пострадавшая при Бородино, была присоединена к 1-й,

Западной, а начальником главного штаба приказом фельдмаршала оставлен Ермолов.

Он не сразу постиг стратегическую мудрость Кутузова, который искусным боковым движением обманул Наполеона и огсек французские войска от плодородных южных губерний России.

Сделав два перехода по рязанской дороге, армия остановилась на сутки у Боровского перевоза через Москву-реку.

Рассчитывая, что этих двух маршей будет достаточно, чтобы уверить неприятеля в движении русских к Коломне, за Оку, Кутузов повелел идти влево, к Подольску, проселочной дорогой, прикрываясь рекою Пахрой. Кроме корпусных командиров, никто не знал настоящего направления; офицеры и солдаты истощались в догадках, рассуждая о намерениях сьетлейшего князя. Оставленному на месте отряду было приказано делать вид, будто вся армия отступает к Рязани.

5 сентября с рассветом войска двинулись двумя колоннами мимо опустелых селений и поздно вечером раположились на тульской дороге у Подольска, при страшном зареве пожара московского, освещавшего весь небосклон. Густые облака, в которых отражался пламень Москвы, текли, как потоки лавы, по темной синеве неба.

Когда армия совершала боковое движение, арьергард под командой Милорадовича в назначенное время тоже пошел влево. На всех пересекаемых им дорогах Милорадович оставлял отряды с приказанием каждому из них не следовать уже за общим движением, а при появлении неприятеля отступать той дорогой, на которой находился. Мюрат, посланный Наполеоном, долго шел по Рязанскому тракту за двумя казачьими полками в уверенности, что перед ним главные силы Кутузова. Только в Бронницах, за Пахрой, король Неаполитанский понял свою ошибку и поворотил к Подольску.

Тем временем Кутузов, прибыв с войсками в Красную Пахру, немедленно велел конному отряду Дорохова идти на можайскую дорогу для истребления французских транспортов и команд, двигавшихся к Москве. Набеги Дорохова были удачны: в течение недели он взял в плен до

полутора тысяч человек и уничтожил парк в восемьдесят ящиков. Узнав о появлении русских в своем тылу, Наполеон спешно послал для очищения можайской дороги сильный отряд, но Дорохов отступил так искусно, что, ретируясь, наголову разбил два эскадрона гвардейских драгун.

Кутузов намеревался собраться с силами, дать время разгореться народной и партизанской войне и в особенности, по любимому его выражению, «усыпить Наполеона в Москве». Никто не мог знать, что предпримет Наполеон, но Кутузов, развивая свой план, добивался военного перевеса сил над неприятелем. Русский полководец продолжал отступать по старой калужской дороге, выигрывая время, усиливая свою армию и постепенно изматывая противника.

Великий его ум постиг характер и свойство Отечественной войны.

15 сентября армия выступила из Красной Пахры в Тарутинский лагерь. Мюрат несколько раз производил внезапные налеты: самый значительный бой произошел 17 сентября под Чириковым, где был взят в плен начальник штаба Мюрата генерал Феррье. Мюрат просил об освобождении его под честное слово, но Кутузов ласково отказал. 20 сентября русские войска перешли реку Нару и вступили в Тарутинский лагерь. Фельдмаршал приостановился на высоком берегу Нары и, словно предрекая будущее, произнес:

— Отсель ни шагу назад!

2

Вместе с Матвеем Ивановичем Платовым Ермолов квартировал в версте от Леташовки, местоположения фельдмаршала. Самолюбивый, знающий себе цену, он чувствовал себя оставленным не у дел. Поводом для недовольства было то, что Кутузов назначил при себе дежурным генералом с широкими полномочиями Петра Петровича Коновницына. До тех пор все доклады главнокомандующему делал только Ермолов, он же отдавал его приказания. Теперь между фельдмаршалом и начальником

штаба 1-й армии встал Коновницын, подогреваемый интригами генерал-квартирмейстера Толя.

Алексей Петрович чтил Коновнпцына как отлично храброго и твердого в опасности военачальника, но не видел я нем ровно никаких способностей штабного работника. Подтверждение не заставило ожидать себя долго. Когда Коновдицын стал получать от Кутузова бумаги, то, не умея вникать в них, тотчас отсылал Ермолову, прося класть резолюции. Тот вначале исполнял его просьбы, но затем, выведенный из терпения частыми присылками большого количества бумаг, принялся возвращать их в том виде, в каком получал. Однако дежурный генерал не унимался. В концо концов Ермолов отправил ему резкую записку: «Вы напрасно домогаетесь сделать из меня вашего секретаря». Коновницын явился тогда к Кутузову с заявлением, что возложенная на него должность выше его сил и что «Алексей Петрович ругается и ворчит», Рассерженный фельдмаршал вызвал к себе Ермолова.

Господский дом князя Волконского, прекрасной архитектуры, в котором размещалась главная ставка, был заполнен военными, а цветник перед крыльцом весь истоптан лошадьми. Однако сам Кутузов занял простую избу в три окна, составлявшую его столовую, приемную, кабинет и позади перегородки спальню. Насупротив светлейшего, в просторной пятистенке, жил Беннигсен, проводя время праздно и угощая ежедневно роскошным обедом свою многочисленную свиту. Простак и рубака, Коновницын находился подле Кутузова, в курной избе в два окна на улицу.

Войдя в горницу, над дверью которой мелом было начертано: «Главнокомандующий», Ермолов увидел Кутузова, уместившего свое полное небольшое тело на складном стульчике. Он был в коротеньком сюртуке, имея, по обыкновению, шарф и шпагу не по-уставному, через плечо. Рядом, на крестьянской лавке сидел Коновницын, лицо которого выражало растерянность.

Завидя Ермолова, Кутузов закричал, передразнивая их с Коновпицыным:

— Один уверяет, что не может, а другой все может, да не хочет! Я о вас

обоих напишу государю…

— Ваша светлость, — отвечал Ермолов, — штабная работа мне противна, и я прошу направить меня во фронт.

— Не я тебя назначал, а государь, следовательно, не мне и отменять его распоряжения, — остывая, сказал Кутузов.

…Ермолов ехал Тарутинским лагерем, мало-помалу освобождаясь от гнетущих мыслей. В землянках и шалашах играла духовая и роговая музыка, звучали песни. Тихая погода, приятное зрелище заходящего солнца возбуждали надежду и радость. Еще более поднимали настроение утешительные разговоры солдат. Старые усачи припоминали предания отцов своих, когда Петр Великий завлек шведа, на его погибель, во глубину страны и разбил наголову под Полтавой.

— Что произошло с Карлом Двенадцатым, то и с Наполеоном Карловичем случиться может, — говорили они новобранцам у курящихся биваков, — ежели постоять грудью, до последней капли крови…

Ермолов отправился в расположение артиллерийской роты штабс-капитана Горского и, застав его приятельски беседующим с подчиненными, встал поодаль, чтобы не смутить батарейцев своим внезапным появлением.

— Слышите, друзья мои, — рассуждал ветеран. — Вы небось думаете, что все французы умны? Образованны? Вздор!

Поболтать о гтустяках красно, повр?ть л?дно о небывалом, поплясать, как прыгает сорока, — это их дело. А знать настоящее? Э, нет, у них в голове путаница! Да и самые их разум пики-то, коль коснется до святой нравственности, так вот слышите, господа, в этих делах они хуже моего слуги Потапки. Славны бубпы за горами! А наши-то большие богачи от нпх без души. И детей-то своих отдавали им в паученье, и без француза-компаньона дом не дом. А французто иной, слышите, друзья мои, был кучером да лакеем во Франции, а у нас стал во всем учителем. Хороши ж будут детки господ богачей! Знатные будут внуки! Будет прок — дожидайся!

— Позвольте, Степан Харитонович, — возразил один из молодых

офицеров, — как же это? По-вашему, не должно знать паук? А ведь и сам Суворов говаривал: «Ученье свет, а неученье — тьма».

— Так, истинно так! — отозвался Горский. — Да, слышь ты, тте понял ты меня и не проник в золотые слова батюшки Александра Васильевича. А он тут же добавлял: «Дело мастера боится…» Наука и познания нужны и необходимы.

Ты должен знать непременно историю Отечества, всемирную историю, географию, статистику, знать науки — математику, рисование, черчение планов, инженерное и артиллерийское искусство и понпмать для необходимости — слышь ты, — для одного дела языки иностранные. И все это нужно, необходимо. Но сынкам богачей и бояр передавали ли все это в совершенстве учителя-французы? Нет! Они и самп того не зттгли. Это, слышь ты, наемники, и самый лучший из них, из иностранцев, водь пе знает нас, нашего характера, нашей Руси и, презирая все русское, образовывал дитя по своему уму-разуму заграничному. И вот этот выросший боярпч стал не то русский, не то иностранец: о своей матери-России ничего вовсе не знает. О ней у него — так темно, о все заграничное — светло. И от этого в душе его не явится любовь к своему Отечеству, а явится презрение к народу русскому…

А-Ай да Харитоныч! Аи да хват!» — одобрительно думал Ермолов, снова ощущая, как далеко ушел сам он душой от прежнего себя, того безусловного приверженца французских идей и мыслей, каким был в смоляничской «галере» у Каховского. Он хотел уже ЕЫКТИ из своего укрытия, когда ктото тронул его за плечо. Адъютант Фонвизин почтительно ц вместе с тем с принятой у Ермолова почти семейной простотой доложил:

— Алексей Петрович, я вас насилу отыскал… Вас разыскивает какой-то странный крестьянин… Он пригнал крупную партию пленных… Говорит, важные сведения…

— Да где же он? — поинтересовался генерал.

— За лагерем, где содержатся французы…

К тому времени в многочисленных мелких стычках с неприятелем было

отбито уже несколько тысяч ПЛРННЫХ.

Любопытно было видеть их всех вместе в загоне для скота:

голубой гусар стоял возле малинового улана; длинный кирасир в рыцарском шишаке возвышался подле тощего итальянца-стрелка; гвардейский артиллерист в куньей шапке глядел с презрением на малорослого вестфальца; француз с голландцем, испанец с поляком, баварец с итальянцем являли собой странную смесь европейских наций в одной толпе. Сами они дивились своему стечению; многие не понимали друг друга, как при вавилонском столпотворении, и только некоторые слова языка господствующей нации давали разуметь им, что все они суть сподвижники одного кровавого владыки. Многие из них имели разные вещи, бронзовые и серебряные, награбленные в Москве: перстеньки, серьги, колечки. Они торговали ими, и добрые русские солдаты выменивали на хлеб и сухари или покупали за деньги то, что могли бы отнять у грабителей как им не принадлежащее…

К Ермолову приблизился человек в крестьянском кафтане, с окладистой светло-русой бородой и остриженными в кружок волосами. Вглядевшись в его лицо, генерал с удивлением воскликнул:

— Штабс-капитап Фигнер?

— Да, ваше превосходительство, — отвечал тот. — Я прибыл из Москвы. С французским паспортом.

От Фигнера Ермолов узнал подробности происшедшего в несчастной столице.

Когда, по выезде из Москвы, Кутузов был у Коломенской заставы, Наполеон стоял уже у Дорогомиловской. Он с нетерпением ожидал депутатов с мольбою о пощаде и городскими ключами; перед ним лежал на траве большой план Москвы. Не видя депутатов, Наполеон посылал одного за другим гонцов узнать о причине, замедлившей их прибытие. Но напрасно блуждали посланные по пустым безлюдным улицам. Наконец Наполеон приказал государственному секретарю Дарю ехать в Москву:

— Приведите же ко мне бояр!..

Обуявшее Наполеона недоумение распространилось и на окружающих.

Они стояли в молчании, ожидая развязки столь непредвиденного случая, тем более что распоряжения к торжественному вступлению в Москву были сделаны еще утром.

Наконец воротились и посланные Наполеоном офицеры, ведя с собою нескольких живших в Москве иностранцев — десятка два гувернеров, коммерсантов и одного книгопродавца.

— Кто вы? — обратился к нему Наполеон.

— Француз, поселившийся в Москве, — последовал ответ.

— Следственно, мой подданный. Где сенат?

— Выехал, — ответствовал книгопродавец.

— Губернатор?

— Выехал.

— Где народ?

— Его нет.

— Кто же здесь?

— Никого…

— Быть не может! — воскликнул Наполеон.

— Клянусь вам честью…

— Молчи! — перебил его Наполеон и тем кончил разговор.

Неожиданность поразила французов громовым ударом, рушились победные грезы, радость обращалась в уныние, а потом и в ропот. До наступления темноты в городе сохранялась видимость порядка, но когда пала ночь, насилия сделались повсеместными. Изнуренные недостатком пищи и усталостью, неприятели врывались в дома и, утолив голод и жажду, предавались порывам необузданных страстей. Ответом было мщение.

Едва Наполеон вступил в чертоги царей русских, запылали Гостиный двор и Каретный ряд.

К вечеру разгоравшийся в разных местах огонь при поднявшемся вдруг порывистом ветре соединился в один огромный пожар. В полночь вокруг Кремля ничего не было видно, кроме извивавшегося под облаками пламени. Рассвирепевший вихрь носил во все стороны горящие головни и

пламель. Огонь перебрасывался с церквей на дома и с домов на церкви. Буря и пламень рвали кресты с божьих храмов; растопленные металлы текли по улицам, точно лава. Гибли сокровища наук, запасы торговли и промышленности, памятники искусств, знаменитые библиотеки и коллекции (в числе последних, в собрании А.И.Мусина-Пушкина, сгорела копия бесценного «Слова о полку Игореве»). Горели общественные здания, древние палаты царей и патриархов, рушились жилища мирных граждан и церковные храмы. Гробы праотцов и колыбели настоящего поколения — все было пожираемо огнем; неприкосновенными остались только честь и свобода России.

Яркий свет, разливавшийся в окна дворца, неоднократно прерывал сон Наполеона. Он выходил на балкон, смотрел на огненное море, вздымаемое бушующими ветрами. Пораженный зрелищем столицы, тонущей в огне, он говорил:

— Москвы нет более! Я лишился награды, обещанной войскам!.. Русские сами зажигают… Какая решительность!..

Что за люди? Это скифы!..

Палящий жар согнал Наполеона с балкона, он не мог даже стоять у окон: стекла трещали и лопались. Головни начали падать на Кремль; несколько раз загорался арсенал.

Гвардия стала в ружье. Вице-король Евгений и начальники гвардии Лефевр и Бессьер упрашивали Наполеона выехать из Кремля за город. Он долго не соглашался, пока ему пе донесли, что все находящиеся в Кремле подвергаются неминуемой опасности сгореть заживо.

Ближайшая дорога в Петровский дворец, куда он решил перебраться, была недоступна: на Тверской с оглушающим треском обрушивались кровли, падали стены, горевшие бревна и доски; в разные стороны летели железные листы с крыш. Пламя крутилось в воздухе над головой Наполеона, пылающие бревна и раскаленные кучи кирпича преграждали ему дорогу. Он шел по огненной земле, под огненным небом, среди огненных стен. С окружавшей его охраной добрался он через огненный лабиринт до Арбатской части и Дорогомиловской ямской слободы, откуда

поехал вправо, вверх по Москве-реке, и потом мимо Ваганьковского кладбища, открытым полем.

Четыре дня жил Наполеон в Петровском дворце, между тем как несчастная Москва была позорищем неслыханных злодейств. Посреди пламени совершались разбои, душегубства, поругание церквей. Не были пощажены ни пол, ни возраст, ни невинность, ни святыня. В неприятельской армии исчезли все узы повиновения; корысть соединяла генерала с простым солдатом. Вооруженные мечом, опьяненные крепкими напитками и злобою, враги бегали по улицам и осиротевшим домам, стреляли в окна, губили все живое и уносили все ценное.

Но в развалинах пылающей столицы захватчики почувствовали упорное сопротивление какого-то отважного и скрытого мстителя. Вооруженные отряды среди пламени, на улицах и в домах, делали засады, нападали на грабителей, особенно по ночам. Так Фигнер с набранными им удальцами начал истреблять неприятелей.

Тщетно французы искали его, хоть он был у них перед глазами. В простой одежде мужичка, днем он бродил между неприятельскими солдатами, чем мог, им прислуживал, вслушиваясь в разговоры; потом давал распоряжения своим удальцам для ночных нападений, и к утру на всех улицах находили тела убитых врагов.

— Хотелось мне пробиться к Наполеону, — рассказывал Фигнер, поглаживая бороду. — Но каналья-гвардеец, стоявший на часах, шибко ударил меня прикладом в грудь…

Я был схвачен и долго допрашиваем, потом стали за мной присматривать, и я ускользнул из Москвы…

Фигнер показывал Ермолову выправленный им французский билет, удостоверяющий, что податель сего — хлебопашец из города Вязьмы, возвращающийся на жительство.

По выходе из Москвы отважный партизан был взят в проводники небольшим вражеским отрядом, направляющимся от Можайска. Целый переход следовал он с ним и высмотрел, что шесть орудий итальянской артиллерии охраняют выписавшиеся из госпиталей солдаты. С ночлега

Фигнер бежал в лес, где недалеко от дороги скрыт был его отряд. Неприятельский парк был захвачен почти без сопротивления — казну Фигнер раздал сподвижникам своим, все прочее сжег, а пушки зарыл в землю.

— Я старался, — закончил свой рассказ Фигнер, — чтобы французы не чувствовали себя спокойно ни днем ни ночью в тех местах, через которые проходил отряд мой…

4

«Его светлости высокоповелительному г. генерал-фельдмаршалу, главнокомандующему всеми армиями князю Голенищеву-Кутузову Начальника главного штаба 1-й армии генерал-майора Ермолова Рапорт Вчерашний день имел я честь предупредить г. дежурного генерала всех армий для доклада вашей светлости о действиях отряженной с артиллерии штабс-капитаном Фигпером партии; ныне рапорт его в подлиннике имею честь представить вашей светлости.

Сей офицер, известный своею предприимчивостью и прежними отличными действиями, был употреблен мною в полной уверенности, что он воспользуется первым случаем, чтобы доказать свое рвение к пользам службы. Действия его, но лучше свидетельство самих пленных, вполне оправдали сделанный мною выбор и выказали все его способности.

Благоволите, ваша светлость, вознаградить сего офицера, имеющего единым предметом пользу службы своего государя, и обратить благосклонное внимание свое на его усердие, заслуживающее величайших похвал. Простите также смелость моего предложения о том, что надо отрядить сего отличного офицера с большею партией, избрав ему предприимчивых офицеров, дабы малочисленность конницы его не ослабила его деятельности и не вынудила его часто по необходимости скрываться в лесах.

Сентябрь, 25, 1812 г.».

Генерал-майор Ермолов

5

Приезжая в главную ставку, начальники партизан обыкновенно останавливались на квартире Ермолова, а их подчиненные, привыкшие легко переносить неудобства лесной жизни, располагались прямо в чистом поле. Здесь помимо красных, синих гусар и улан, пехотинцев с разными воротниками можно было увидеть воинов-мужичков верхом на своих возовиках и с самым причудливым вооружением: кто с косой, утвержденной на длинном древке, кто со штыком, прикрученным к дубине, а кто и с большим гвоздем, прикрепленным к дрючку, наподобие пики, или с рогатиной за спиной.

Фигнеру и Сеславину Ермолов не раз, шутя, говорил:

— Вы, право, обращаете мою квартиру в вертеп разбойников.

К этой поре Москва была окружена плотным партизанским кольцом. На новой калужской дороге стояли отряды капитана Сеславина и поручика Фонвизина, у Вереи — генерала Дорохова, на тульской дороге — зятя Кутузова полковника Кудашева, на рязанской — полковника Ефремова, между Можайском и Вязьмой — Дениса Давыдова, у Можайска — полковника Вадбольского, у Волоколамска — А. Бенкендорфа, у Воскресенска — майора Фиглева, у Рузы — майора Препделя, а на Дмитровском, Ярославском и Владимирском трактах действовали казачьи отряды.

Фпгпер все время бродил в окрестностях Москвы между главными силами Наполеона и авангардом Мюрата. В «малой» войне, ширившейся против французов, он сыграл совершенно исключительную роль.

Исполнив с успехом поручение, данное ему Ермоловым, Фигнер с двумя сотнями разнокалиберных удальцов начал производить свои дерзкие набеги. Днем обыкновенно прятал он своих молодцов в чащу леса, а сам, переодевшись французом, поляком или итальянцем, иногда с трубачом, а

иногда один ездил к неприятельским форпостам. Тут он делал выговор пикетному караулу за оплошность и невнимательность, давая знать, что в стороне появилась партия казаков, в другом месте извещал, что русские занимают такую-то деревню, а потому для фуражирования лучше идти в противоположную сторону. Изучив состав и движение частей неприятеля и направив их по пути в соответствии со своим замыслом, он с наступлением вечера принимал настоящий вид партизана и с удальцами являлся как снег на голову там, где его вовсе не ожидали и где французы почитали себя в совершенной безопасности. Таким образом, Фигнер почти ежедневно присылал в лагерь главной квартиры по двести и триста пленных, так что стали уже затрудняться с их размещением и советовали ему истреблять злодеев на месте.

На записку Ермолова, где были слова: «Смерть врагам, преступившим рубеж России», Фигнер отвечал: «Я не стану обременять себя пленными».

Уже повсюду, где только ступила нога захватчиков, занялся пожар войны народной. В селениях запирали ворота и ставили в них караулы; у околиц устраивали шалаши в виде будок, а подле них — сошки для пик. Никому из посторонних не дозволялось приближаться к деревням, даже русским курьерам и партизанам: на уверения, что они свои, первым ответом бывал выстрел или пущенный с размаха топор. Лишь после переговоров, убедившись, что нет обмана, крестьяне объясняли причину своей осторожности: «Да ведь у злодея всякого сброда люди…»

Соединяясь в крупные партии, ведомые кем-либо из отставных солдат или отважных товарищей и старост, крестьяне нападали на неприятеля, становясь страшнее врагам, по мере того как привыкали к кровавым встречам. Когда французы бывали в превосходном числе, против них применялись разные хитрости. Ласково, с поклоном встречая бродяг и фуражиров, поселяне предлагали им яства и напитки, а потом во время сна или опьянения гостей отнимали у них оружие, душили либо припирали двери домов бревнами, обкладывали сени хворостом и сжигали супостатов вместе с собственными избами.

Случалось, что в отсутствие отцов, мужей и братьев на мародеров нападали женщины, брали пх в плен и с кола-ми и вилами сопровождали в ставку. Воины так называемой «великой армии» со стыдом, а иногда с бешенством и слезами вынуждены были подчиняться им. По своему ожесточению против неприятеля известнее других сделалась старостиха Василиса Кожина, смелая дородная женщина с длинной саблей через плечо поверх французской шинели.

В ее отряде сначала были только бабы, вооруженные вилами, простыми рогатинами. После первых встреч с французами обзавелись бабы ружьями и саблями. К ним в отряд стали проситься и мужики.

— Приказывай, матушка, слушаем тебя! — говорили они.

— Бен до конца неприятеля! Это единстс-енный приказ! — отвечала Василиса.

Простые сыны и дочери России преобразились в воинов, чем и как могли разили врагов. Князь Кутузов раздавал храбрейшим Георгиевские кресты. Подвиги их прославлялись в песнях.

…Наполеон, заперший себя в Москве, окруженный враждебным и вооруженным народом, начал тревожиться за свое положение и искать пути к замирению. Сперва через русского чиновника Яковлева (отца Герцена) он обратился к Александру I с предложением начать переговоры — ответом было лишь презрительное молчание. Тогда он направил своего генерал-адъютанта Лористона в Тарутино. Искусно притворившись, что он со своей стороны душевно желает мира, Кутузов ввел в заблуждение и Наполеона, и ею посланника.

В то время как французы в надежде на вожделенный мир оставались в бездействии в Москве, вся Россия готовилась к изгнанию и истреблению неприятеля. Ожесточение народа усиливалось, партизанская борьба приобретала все больший размах; Кутузов руководил из своей ставки действиями главнейших отрядов и готовил контрнаступление.

«Малая» война, истощавшая французскую армию, грозно перерастала в большую.

6

Начальник Калужского ополчения Василий Федорович Шепелев дал 4 октября большой оСед, на котором тепералы от души веселились, а начальник гвардейской кавалерия

Депрерадович даже пустился плясать. Читаны были стихи, присланные из Петербурга:

Хоть Москва в руках французов,
Это, право, по беда:
Наш фельдмаршал князь Кутузов
Их на смерть впустил туда.
Свету целому известно,
Как платили мы долги,
И теперь получат честно
За Москву платеж врага.
Побывать в столице — слава!
Но умеем мы отмщать.
Знает крепко то Варшава,
И Париж то будет знать!

Возвращаясь в девятом часу вечера в свою деревушку, Ермолов нашел там офицера Кавалергардского полка с письменным приказанием Кутузова собрать назавтра всю армию для наступления против неприятеля. Ермолов спросил ординарца, почему приказание доставлено ему так поздно. Тот ответил, что не знал, где находился начальник главного штаба.

Ермолов, прибыв тотчас в Леташовку, доложил Кутузову, что в столь короткое время армию собрать невозможно.

В присутствии Беннигсена, настаивавшею на скорейшем выступлении, фельдмаршал изобразил сильный гнев, по затем отложил сбор войск на вечер. При всей своей проницательности Ермолов не догадывался, что Кутузов в душе был только доволен отсрочкой. В образе ведения войны и способах восторжествовать над Наполеоном он резко расходился с Беннигсеном.

Самым логичным казалось навалиться всеми силами на 26-тысячный кавалерийский авангард под командованием Мюрата, сторживший русских перед Тарутином и отдалившийся от главной армии на пятьдесят верст. Разгром этого отряда представлялся тем более достижимым, что противник, не ожидавший нападения, был беспечен. Казаки заезжали даже в тыл Мюрату, через его левый фланг, лесом, который не охранялся. Однако поражение авангарда повлекло бы немедленное выступление французской армии из Москвы. В задачу же Кутузова входило как можно дольше оставить в бездействии неприятеля, которому каждый час и каждый клок сена стоили крови.

— Чем долее останется в Москве Наполеон, — повторял главнокомандующий, — тем вернее наша победа.

Между тем Беннпгсен, отношения которого с Кутузовым сделались уже откровенно враждебными, вместе с английским генералом Вильямсом торопил фсчьдм-фшяла, упрекал его в медлительности и старался еще более восстановить против него и так не благоволившего к главнокомандующему Александра I. Из-за интриг Беннигсена вынужден был под предлогом болезни покинуть армию Барклай-де-Толли…

По разработанной в штабе диспозиции правое крыло русской армии под начальством Беннигсена тремя колоннами должно было атаковать незащищенный левый фланг Мюрата. Казакам Орлова-Денисова и гвардейской кавалерии Меллер-Закомельского вменялось зайти в тыл французам и отрезать им отступление по столбовой Московской дороге.

Вторая колонна Багговута назначена ударить с фланга.

В центре должен был наступать корпус Дохтурова.

Кутузов прибыл в Тарутинский лагерь, когда стало смеркаться. Десять казачьих полков графа Орлова-Денисова уже начали марш и переправлялись через реку Пару для обхода французов. Ночь была не очень темная, хотя и с облачным небом. Погода сухая, по земля влажная, так что не слышно было даже колес под артиллерией. Никто не смел курить трубки, высекать кремнем огня, кашлять; говорили шепотом, лошадей удерживали от ржания. Все шло согласно диспозиции, однако Кутузов имел недовольный вид и, ни к кому не обращаясь, произнес:

— Вот, просят наступления, предлагают разьые проекты… А чуть приступишь к делу — ничего не готово. Предупрежденный неприятель, приняв меры, заблаговременно отступает.

Ермолов, понимая намек, толкнул коленом Раевского, шепнув ему:

— Он на мой счет забавляется…

Шло время, наступил рассвет, по сигнала об атаке левого крыла Мюрата все не поступало. Наконец с большим промедлением впереди загремели пушечные выстрелы. Ермотов, горевший нетерпением, подъехал к фельдмаршалу:

— Ваша светлость! Время не упущено, неприятель не ушел. Нам надлежит со своей стороны дружно наступать, потому что гвардия отсюда и дыма не увидит…

Кутузов скомандовал наступление, но через каждые сто шагов войска останавливались: главнокомандующий уже понимал, что правый фланг запоздал с атакой.

Полной победы над Мюратом пе произошло из-за того, что Беннигсен со своими колоннами сбился в лесу с пути, долго блуждал, и только один Орлов-Денисов оказался перед зарею у края леса. Казачий генерал несколько раз выезжал на возвышение и глядел влево, откуда долиты Гили появиться пехотные колонны Багговута и Остермаиа Толстого, но никого не было видно. Небо от бивачих огней неприятеля покрылось светлым заревом, приметно было, что войско уже подымается ото сна. Опасаясь быть открытым Французами и ожидая ежеминутно появления

пехоты, Орлов-Денисов понесся с десятью казачьими полками прямо на французов. Внезапность застала врасплох неприятелей; они едва успели поворотить пушки и, сделав несколько выстрелов, побежали за Рязанский овраг. Весь лагерь на правом берегу реки Чернишни и 38 орудий были захвачены казаками.

Пока Орлов-Денисов собирал рассыпавшихся по французским бивакам казаков, показался из леса Багговут с одной егерской бригадой. Случайное вражеское ядро сразило командира наповал. С его смертью общая связь с корпусом прекратилась, егеря поодиночке храбро бились с врагом, но не были своевременно поддержаны запоздавшим подкреплением. Мюрат уже успел собрать и построить солдат, переменил фронт и отправлял обозы, чтобы они не мешали (искуплению.

На лицах генералов — Ермолова, Раевского, Милорадовича Кутузов читал неудовольствие из-за того, что войска не идут далее пожинать плоды одержанной победы. Милорадович просил дозволения догнать неприятеля.

— Если не умели мы поутру взять Мюрата живьем и прийти вовремя на места, — отвечал фельдмаршал, — то преследование бесполезно. Нам нельзя отдаляться от занятой позиции.

Он только что получил перехваченное полковником Кудашевым предписание маршала Бертье одному из французских генералов об отправлении тяжестей с подольской на можайскую дорогу. Кутузов из этого заключил о намерении Наполеона выходить из Москвы. Но куда? Когда? С какой целью? Он готовил армию к кровопролитным сражениям с главными силами Наполеона, жертвуя временным успехом.

Притворяясь, что не замечает недовольства генералов, Кутузов спокойно сел на разостланном ковре. Приехал Бепнигсен. Фельдмаршал поднялся, сделал несколько шагов ему навстречу и сказал:

— Вы одержали победу. Я обязан вам благодарностью, а государь вас наградит…

Беннигсен не сошел с лошади, холодно поклонился главнокомандующему, в нескольких словах донес о ходе дела на правом

крыле и присовокупил, что, получив ядром контузию, он имеет на несколько дней нужду в покое.

Трофеи заключались в 38 орудиях, знамени, 40 зарядных ящиках, около 2000 пленных и большом количестве обоза. В числе убитых были генералы Фишер и Дери. Русские узнали о бедствии, переживаемом французами. В неприятельском лагере, вокруг догоравших бивачных огней, валялись заколотые для пищи или уже объеденные лошади и ободранные кошки. Около шалашей разметаны были иконы, похищенные из соседних церквей и употребляемые вместо дров.

Под вечер армия воротилась в Тарутино. На дороге стояли отбитые неприятельские орудия. Тут же на крыльце полуразрушенной избы в окружении генералов сидел Кутузов. Указывая на трофеи, он приветствовал проходившие мимо него колонны со словами:

— Благодарю вас именем царя и Отечества!..

«Ура!», перемешанное с веселыми песнями, было ему ответом. Шумно и радостно вступали войска в свой лагерь, покой пе шел на ум. К Ермолову явился Фигнер, расскёзавший об участии своей партии в горячей сшибке с французскими кирасирами. Он был близок к Мюрату, который в одной рубахе едва мог спастись. Во время партизанского рейда в тылу неприятеля французы в панике —бросали свои фуры, повозки и сами взрывали зарядные ящики.

Тарутинское сражение, стоившее нам 1200 убитых и раненых, имело великое нравственное значение. С самого начала похода оно было первым наступательным действием главной армии и увенчалось хоть и неполным, но, по крайней мере, значительным успехом. Милорадович с авангардом расположился при Винкове, где русские впервые в этой войне стали на земле, отбитой у неприятеля.

…Тарутино, где был рассвет русской победы, украсилось и первым, сооруженным во славу Отечественной войны памятником. Получив в наследство Тарутино, сын знаменитого полководца Румянцева-Задунайского в 1828 году отпустил крестьян в вольные хлебопашцы, желая, чтобы село это никогда не переходило в руки частным лицам.

Крестьяне порешили воздвигнуть на собственный счет монумент, который был окончен и освящен в 1834 году. На нем помещена следующая надпись:

«НА СЕМ МЕСТЕ РОССИЙСКОЕ ВОИНСТВО, ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВУЕМОЕ ФЕЛЬДМАРШАЛОМ КУТУЗОВЫМ, УКРЕПЯСЬ, СПАСЛО РОССИЮ И ЕВРОПУ».

7

Продолжительный осенний дождь совершенно пспортил дорогу. Пехотный корпус Дохтурова, при котором находился Ермолов, медленно продвигался в направлении села Фоминского, по новой калужской дороге. Начальник передового кавалерийского отряда генерал-майор Дорохов донес, что французы в небольших силах занимают Фоминское и деревню Катово, а также стоят ОКО.ЦР города Боровска, что их не более восьми тысяч человек, и просил дать два полка пехоты, чтобы разбить неприятеля.

Кутузов вызвал к себе Ермолова и, осыпав его тысячью приветствий, сказал:

— Голубчик! Ты пойдешь с Дохтуровым, и я буду покоен. Только уведомляй меня чаще о том, что у вас будет…

Перед выступлением из лагеря Ермолов приказал Фигнеру и Сеславину отправиться вверх по левому берегу реки Нары и выяснить, не имеет ли неприятель поблизости других войск.

Сам Дохтуров расположился на ночлег в деревне, а Ермолов остался с конноартиллерийской ротой полковника Никитина на биваках. Ермолов предупредил своего приятеля:

— Утром предстоит съесть лакомый кусочек. Охватить стоящий у Катова отряд. Нужна величайшая осторожность, чтобы не спугнуть французов…

Никитин приказал, чтобы огней не разводили, орудий с передков не снимали, лошадям задали корм у дышел. В холодную дождливую ночь, кутясь в мокрые шинели, прислуга старалась согреться, свалившись

вповалку под пааянутым канатом, к которому были привязаны строевые нерасседланные лошади. Уже наступила полночь. Офицеры раздували уголья, готовясь согреться чайком. Шагах в двухстах от батареи, внимательно наблюдая за чайником, сидел Ермолов. Вдруг послышался конский топот и показалось в темноте несколько всадников; на одной из лошадей сидели двое. Раздался голос Сеславина:

— Где Алексей Петрович?..

В темноте партизаны сперва не узнали Ермолова и на первый его оклик: «Кто там?» — отвечали: «Наши». Затем появился Сеславин, ведя с собой рослого и стройного французского гвардейца в синем щегольском мундире с красными отворотами и в медвежьей шапке с белыми кистями.

— Наполеон с главными силами следует к Боровску по повой калужской дороге, — доложил Сеславин.

Фигнеру не удалось перейти реку Лужу, тщательно охраняемую неприятельскими пикетами; Сеславину посчастливилось больше, и, оставив за Лужей свой отряд, он с горстью партизан пробрался до боровской дороги сквозь лес, где на деревьях еще было немного листвы. Отсюда наблюдал он за движением неприятельских колонн, следовавших одна за другой к Боровску. Сеславин высмотрел и самого Наполеона, окруженного маршалами и гвардией.

Страшное зрелище представляла собой французская армия. Войска, шедшие в авангарде, сохраняли еще воинский вид и порядок, но артиллерия и некогда знаменитая гвардейская кавалерия, съевшая своих лошадей и спешенная, выглядели жалко. Арьергард же и вовсе напоминал банду разбойников после удачного грабежа. На несколько верст тянулась вереница карет, фур, богатых экипажей. Тут были и трофеи в виде русских, турецких и персидских знамен, и гигантский крест с колокольни Ивана Великого, и бородатые крестьяне, которые шли, задыхаясь под тяжестью навьюченной на них добычи и сами составляя часть ее…

Не довольствуясь увиденным, Сеславин выхватил из колонны старой гвардии унтер-офицера, связал его и доставил в Аристово.

Пленный показал, что в шести верстах от Фоминского расположились на ночлег корпус Нея, две дивизии гвардии и Наполеон, что войска уже пятый день как выступили из Москвы, в которой, кроме больных, никого не осталось.

Таким образом, открылся замысел Наполеона: проскользнуть мимо левого фланга русской армии и тем самым выпутаться из сетей, расставленных ему Кутузовым при Тарутине, открыть себе беспрепятственный путь к Днепру, по краю, не разоренному войной.

Известие было столь важным, что Ермолов, приказав тотчас отряду подыматься и становиться в ружье, отправился па квартиру Дохтурова. Этот бесстрашный, но далеко не проницательпый генерал пришел в крайнее замешательство. Он не решался продолжать движение к Фоминскому из опасения наткнуться на главные силы неприятельской армии и вместе с тем боялся отступлением из Аристова навлечь на себя гнев Кутузова за нарушение его повелений.

«В этот решительный момент, — рассказывает Денис Давыдов, — Ермолов, как и во многих других важных случаях, является ангелом-хранителем русских войск. Орлиный взгляд его превосходно оценил все обстоятельства, и он именем главнокомандующего и в качестве начальника главного штаба армии приказал Дохтурову спешить к Малоярославцу».

Приняв на себя всю ответственность за неисполнение предписаний фельдмаршала, Ермолов послал к нему дежурного но корпусу штаб-офицера Волховского, которому было поручено лично объяснить причины, побудившие изменить направление войск, и убедительно просить Кутузова поторопиться с прибытием армии к Малоярославцу.

Не доверяя быстроте своего копя, Волховский взял с собой для перемены еще две лошади и, мчась с возможной прытью, глубокой ночью прискакал в Леташевку к Коновницыну. Тот вместе с полковником Толем немедленно понес Кутузову привезенное донесение и через несколько минут по приказанию фельдмаршала ввел в избу Волховского.

Кутузов сидел на постели в сюртуке, потому что на войне никогда по

ночам не раздевался. Радость сияла в его глазах.

— Скажи, друг мой, — спросил он посланного, — что за событие, о котором привез ты мне весть? Неужели воистину Наполеон оставил Москву и отступает? Говори же скорей, не томи сердце, оно дрожит!..

Волховский подробно доложил о происходившем. Когда он кончил рассказ, Кутузов, содрогаясь от слез, оборотился к висевшей в углу иконе:

— Боже, создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей! С сей минуты Россия спасена!

Он приказал Дохтурову употребить все способы для скорейшего перехода из Аристова к Малоярославцу и отправил ему тотчас усиленным маршем четыре казачьих полка; Платову повелел идти туда же со всеми казаками и ротой конной артиллерии. Армии приказано быть готовой к выступлению.

Настало 12 октября, день, обильный величайшими последствиями, когда была поставлена преграда дальнейшим наступательным действиям завоевателя и началось сокрушение исполинского могущества, добытого шестнадцатилетними победами.

8

Малоярославец был объят пожаром. С обеих сторон ни на минуту не прекращалась ружейная и пушечная пальба.

Казаки за цепью пехоты стояли в линии перед пылающим городом, из пламени которого, словно адские тени, выскакивали итальянцы и задирали русских стрелков. В Малоярославец вошла дивизия генерала Дельзона из корпуса вицекороля Италии Евгения.

Город уже пять раз переходил из рук в руки.

Лишь только Ермолов отослал гонца к Кутузову, как сам ночью с конноартиллерийской ротою Никитина поскакал к передовому отряду Дорохова, чтобы своими глазами удостовериться в справедливости

полученных сведений. Через молодой березник, еще сохранивший лист, Алексей Петрович достиг перед рассветом обширной поляны, которая простиралась от Боровска до Малоярославца. Вскоре горизонт со стороны Боровска зачернел неприятельскими войсками. Узнав от пленных, что Наполеон должен в тот же день обедать в Боровске, Ермолов бросился в Малоярославец, перед которым уже находились три батальона итальянцев.

Малоярославец, уездный город Калужской губернии, расположен на правом, возвышенном и крутом берегу реки Лужи. Он запирал собой несколько дорог: новую почтовую из Москвы через Боровск на Калугу, проселочные из Тарутино через Спасское, из Серпухова через Черную Грязь и из Медыни, лежащей на пути между Юхновом и Можайском. Дохтуров, устроившись лагерем позади города, поручил защиту его Ермолову, которого подкрепил пехотой. Два раза русские брали Малоярославец и оба раза были выбиты из него.

Безуспешность атак заставила Ермолова открыть мощный артиллерийский огонь, а легкие пушки подкатить к самой окраине города. Штабс-капитан Горский повел свою батарею рысью, хотя лошади и были утомлены. Не доезжая Малоярославца, батарея заняла позицию на левой стороне калужской дороги.

Горский приказал заряжать орудия картечью. Неприятели были уже совсем близко. Первый выстрел уложил целый ряд итальянцев. Потом загремели выстрелы второй, третий, четвертый. Все они были очень меткими, и в рядах итальянцев произошло замешательство. Адъютант Ермолова капитан Поздеев, сидевший на колокольне, умело корректировал стрельбу русских батарей.

На левый берег Лужи прибыл вице-король Италии Евгений. Он приказал ввести в бой все три дивизии своего корпуса. Перед полуднем в город, куда Ермолов посылал один полк за другим, вступила с севера дивизия Брусье.

Вслед за егерями, удерживавшими часть Малоярославца, с неимоверной быстротой явились Софийский и Либавский полки. Ермолов приказал

построить их в колонны и лично подтвердил нижним чинам не заряжать ружья и без крика «ура!» ударить в штыки. Неприятель был сбит и преследовался до центра города, где полковник Никитин со своей конноартиллерийской ротой занял на возвышении кладбище и учредил батарею. На улицах загорелось самое упорное сражение, но победа не склонялась ни на ту, ни на другую сторону.

Для действия конницы в городе не было места, и она оставалась охранять броды и дорогу к Спасскому, откуда должны были прийти части главных сил. Ермолов отправил навстречу Кутузову генерал-адъютанта Орлова-Денисова с убедительнейшей просьбой спешить к Малоярославцу.

Сам французский император приехал к Малоярославцу в полдень и остановился на левом берегу Лужи. Окинув взором место битвы, он приказал навести понтонный мост выше города. Но главное его внимание было обращено не столько на сражение, сколько на левую сторону, к Спасскому, откуда мог прийти Кутузов.

Итальянцы усиливали натиск. Ермолов, отступая, поставил против главных ворот Малоярославца сорокапушечную батарею. Вскоре из-за пыльных облаков, обыкновенно поднимавшихся впереди движущихся войск, блеснули штыки и ружейные стволы. На дороге от Спасского показался корпус Раевского, и за ним — вся армия. Пришедшие из Тарутина корпуса сразу же вступили в бой. Кутузов руководил сражением. Вокруг него свистели ядра и пули. Тщетно упрашивали его удалиться из-под выстрелов. Он не внимал просьбам, желая удостовериться собственными глазами в намерениях Наполеона. Дело шло о результате всего похода, а потому ни в одном из сражений Отечественной войны Кутузов так долго не оставался под выстрелами, как в Малоярославце.

Он повелел Платову с двадцатью казачьими полками отделиться от армпи влево по берегу Лужи и произвести ночной поиск на дороге, ведущей из Боровска в Малоярославец, в тылу у противника.

На рассвете 13 октября в обгорелом, дымившемся Малоярославце не

видно было ни одного неприятельского стрелка: все они попрятались за развалинами домов и заборов.

В унисон мертвой тишине наступил мрачный пасмурный день. Кутузов приказал авангарду отойти назад и присоединиться к армии; полки, стоявшие всю ночь под ружьем, медленно отступили.

Глубокой ночью три сильных отряда казаков двинулись в обход французов и в четвертом часу поутру переправились па левый берег Лужи, а затем скрытно пошли к столбовой дороге. По тракту тянулись колонны пеших и конных войск.

То была неприятельская артиллерия, следовавшая из Боровска к Малоярославцу. Начальники казачьих отрядов решили ударить по орудиям.

Сперва донцы пошли шагом, потом рысью, наконец, с обычными криками высыпали на дорогу. Артиллеристы своротили в сторону, стараясь спастись по полям, но были настигнуты; при этом захвачено более 50 орудий. Пока одни казаки поворачивали пушки, чтобы увезти нч, остальные кинулись на обозы, наскакав на драгун под огромными шишаками и в светлых плащах. Посреди них окруженный генералами всадник в треугольной шляпе, с мокрой от пота челкой, обнажил шпагу.

Под угрозой пленения оказался сам Наполеон.

В пятом часу пополуночи поехал он из Городни вторично в Малоярославец в сопровождении только трех взводов, так как остальной конвой не успел отправиться за ним.

Дорогой у генерала Паца упал эполет. Он сошел с лошади поднять его и, наклонясь к земле, услышал конский топот и ржание. Поднялась тревога, кое-кто из челяди стремглав кинулся назад. Часть экипажей начала поворачивать и несколько из них опрокинулось.

Наполеон, не понимая причины внезапного переполоха, продолжал двигаться навстречу войскам. Вдруг адъютант императора Рапп крикнул ему:

— Скорей назад! Это они! — Он схватил за повод лошадь Наполеона, поворачивая ее со словами: — Ваше величество! Это необходимо!

Гордость не позволила Наполеону бежать, и он остался на месте, ожидая казаков; маршалы Бертье и Коленкур последовали его примеру. Рапп едва успел повернуться лицом к казакам, как один из них с такой силой вонзил копье в лошадь, что поверг ее на землю. В ту же минуту вся лава, пересекая дорогу, устремилась на богатый обоз, опрокидывая людей, лошадей, экипажи. Тем временем из Городни подоспели конвойные драгуны и конные гренадеры.

Вместе со свитой императора они атаковали донцов и принудили их отступить. После тревоги Наполеон продолжал путь к Малоярославцу, снова обозревал поле сражения и русскую позицию, но на сей раз не сделал никаких распоряжений к бою.

Бездействие противника привело Кутузова к заключению, что Наполеон имеет новые замыслы и что, не успев при Малоярославце пробиться на Калугу, он, вероятно, хочет открыть себе путь через Медынь на Юхнов. Фельдмаршал еще более укрепился в этом мнении, получив известие о появлении на медынской дороге авангарда Понятовского.

Желая предупредить Наполеона со стороны Медыни и в то же время не упустить из виду новую калужскую дорогу, он приказал войскам в ночь на 14 октября отойти на Детчпну, а затем еще дальше, к Полотняному Заводу.

Перед вечером в ставку прискакал Ермолов, уставший, осунувшийся после трех суток сражений, но с неукротимой жаждой продолжать бой. Кутузов, указывая на него генералам, воскликнул с довольным лицом:

— Еще этому орлу я полета не даю!..

— Неужто мы опять отступаем? — спросил Ермолов.

Он принялся горячо убеждать Кутузова не покидать позиции перед Малоярославцем, доказывая, что ничто не обнаруживает готовности французов к наступательным действиям: с начала дня артиллерия подкреплений не получала, и можно предполагать, что город занят одним авангардом.

— Не от Наполеона следует ожидать безрассудной решительности, — говорил Ермолов. — Позиции нашей армии выгодны, а неприятель

никогда не решится принять бой в городе, имея позади неудобные спуски к реке, пагубные в случае неудачи, и мосты, на которые нацелены наши пушки. Армия наша превосходит неприятеля в силах. Кавалерия свежа и в хорошем состоянии, а у французов большой в ней недостаток…

— Голубчик, все равно надобно идти, — возразил на это Кутузов.

— Если уж отступать, то на малое расстояние. Только на Медынь, — предложил тогда Ермолов.

— Как же можно двигаться в виду неприятельской армии? — не согласился с ним главнокомандующий.

— Но ведь опасности никакой нет, — горячился начальник главного штаба. — Атаман Платов захватил на той стороне реки орудия и не встретил большого сопротивления. Нам нечего бояться!..

— Я люблю говорить с тобою, — с ласковой непреклонностью заметил Кутузов, давая тем понять, что спор окончен, — ибо никогда обстоятельства не представляются тебе в худом виде. Но потерпи. Очень скоро мы пойдем за Наполеоном. И не пешком, а бегом…

Фельдмаршал ясно видел, что стоять долее при Малоярославце не было причины. Позиция у Детчины была крепче, и расстояние от нее к медынской дороге вдвое ближе, нежели от Малоярославца. Коль скоро Кутузов приближался к медынской дороге и потом выходил на нее, Наполеону не оставалось ничего другого, как отходить на Можайск, Гжатск и Вязьму, по пепелищам сожженных городов и селений, где не было никаких запасов и где его ожидал голод.

9

Приказ по армии фельдмаршала Голенищева-Кутузова «Наполеон, не усматривая впереди ничего другого, кроме продолжения ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию, видя в каждом жителе воина, общую непреклонность на все его обольщения, решимость всех сословий грудью стоять за любезное

Отечество, постигпув наконец всю суетность дерзкой мысли:

одним занятием Москвы поколебать Россию, — предпринял поспешное отступление вспять. Теперь мы преследуем силы его, когда в то же время другие наши армии снова заняли край Литовский и будут содействовать нам к конечному истреблению врага, дерзнувшего угрожать России. В бегстве своем оставляет он обозы, взрывает ящики с снарядами и покидает сокровища, из храмов божипх похищенные. Уже Наполеон слышит ропот в рядах своего воинства, уже начались там побеги, голод и беспорядки всякого рода. Уже слышен нам глас Всеавгустейшего Монарха, который взывает:

«Потушите кровию неприятельскою пожар Московский!)

Воины! потщимся выполнить сие, и Россия нами будет довольна, и прочный мир водворится в неизмеримых ее пределах. Бог поможет нам в том, добрые солдаты Русские!»

10

Ночью 14 октября возвратился Ермолов в главную квартиру. В тот день дивизионный генерал Бахметьев-1-й давал обед в честь корпусного своего командира Александра Ивановича Остермана-Толстого. Празднество было устроено на свежем воздухе, произносилось множество тостов, и Ермолов, вопреки своей обычной умеренности, их поддерживал.

После окончания обеда Алексей Петрович был внезапно вызван к Кутузову, который встретил его словами:

— Милорадович доносит, что Малоярославец оставлен неприятелем и занят нашим авангардом… Наполеон с армией в пяти верстах за городом…

Ермолов в ответ папомнил, что просьба его не отходить к Калуге оставлена без внимания.

Как бы не слыша и глядя единственным глазом куда-то вдаль, Кутузов принялся рассуждать:

— Неприятеля наблюдают теперь одни передовые казачьи посты.

Милорадович приказал барону Корфу с кавалерийским корпусом и донскими полками генерала Карпова, по исправлении мостов через Лужу, следовать за французами. Корпусам же Остермана и князя Долгорукого вовсе не сделал назначения…

Фельдмаршал поднял свое пухлое лицо и, зорко всматриваясь в Ермолова снизу, сказал:

— Отправляйся теперь же к Милорадовичу. Собери все сведения, назначь приличное направление войскам, и Милорадовичу объяви на то мое повеление. Мне обо всем давай знать подробно. Впредь до особого приказания оставайся у Милорадовича! — Он положил ему руку на плечо и добавил: — Ты знаешь, голубчик, что в рапорте не все можно писать. И потому уведомляй меня просто записками. Движение армии я буду согласовывать с действиями авангарда…

— Ваша светлость, — радуясь новому делу, отвечал Ермолов, — раз уж открылось решительное отступление Наполеона, полезно усилить авангард. Прошу выделить ему в помощь пехотную дивизию генерала Паскевича.

— Отдай Паскевичу приказ моим именем, — разрешил Кутузов. — И да хранит тебя бог!..

Наполеон шел так поспешно, что направление его отхода угадать было нелегко. Однако близ Медыни Ермолов получил сведения, что Платов преследует французов по Смоленской дороге, что он атаковал неприятеля с фланга и отбил у него у Колоцкого монастыря двадцать пять орудий.

Стало ясно, что Наполеон стремится покинуть Россию, и надо было не допустить французов в неразоренные губернии.

Ермолов тотчас отправил донесение о необходимости главной армии двигаться кратчайшим путем на Вязьму. Кутузов согласился с этим и поручил ответ Толю, который известил начальника главного штаба: «Вследствие Вашего письма ко мне и рапорта к светлейшему делает армия ныне движение свое по дороге от Кременского к Вязьме».

С этого момента, приняв направление, предложенное Ермоловым,

Кутузов начал свое знаменитое параллельное преследование, которое привело французскую армию к катастрофе.

Французы следовали столбовой дорогой: в голове Наполеон с гвардией; за ним — Жюно и Понятовский, потом вице-король Евгений и Ней; Даву заключал бегство. Они покидали на пути раненых, больных, тяжести. Конница их перестала показываться в арьергарде; из-за недостатка корма и подков лошади так ослабели, что кавалерию отвели за пехоту, беспрестанно ускорявшую отступление. Поспешность была единственным средством скорее миновать пустыню без средств пропитания, достигнуть Днепра, где французы надеялись найти хлебные запасы, и соединиться с корпусами Виктора и Сен-Сира. Французы шли так быстро, что Милорадович с Ермоловым не застали их в Гжатске, а потому 20 октября русский авангард проселочными дорогами спустился через Никольское к Воронцову. Платов двигался столбовым трактом позади Даву.

Между тем погода с каждым днем становилась суровее.

Холодный осенний ветер выгонял французов из ночлегов.

Впотьмах снимались они с лагеря, все рода войск старались обгонять один другой. Взятые из Москвы запасы были скоро съедены, а сворачивать с дороги для добывания продовольствия не представлялось возможным: казаки рыскали по сторонам, кололи и брали в плен всех, кто ни попадался.

К авангарду присоединялись из соседних селений крестьяне, нередко во французских плащах, киверах, касках с лошадиными хвостами, стальных кирасирских нагрудниках.

Они выезжали из лесов, где скрывались их семейства, приветствовали появление русского войска, поздравляли его с бегством супостатов и изливали на врагов в последний раз свое мщение.

Ермолову навсегда запомнились слова шедшею возле него солдата:

— Ну слава богу, вся Россия в поход пошла!..

Страх попасть в руки казакам и крестьянам превозмогал в неприятеле чувство голода и удерживал от мародерства.

Французы начинали бросать оружие, чему первыми подали пример

спешенные всадники, получившие в Москве вооружение пехотных солдат. Мешаясь между полками, они положили корень страшному злу — неподчиненности. Из безоружных составились сперва небольшие толпы; тащась за войском, они увеличивались подобно катящемуся снежному кому. Императору уже было не до них. Миновав Гжатск, Наполеон не ехал более среди солдат, а пересел в карету, надев соболью шубу, теплые сапоги и шапку. Он двигался с гвардией, опережая прочие войска свои на целые сутки. Русская армия противником была потеряна. Начальствующий над замыкающими тремя корпусами вице-король Евгений, видя всегда одних казаков, даже не подозревал, что на левом его фланге может появиться пехота Кутузова в значительных силах.

Ермолов мечтал одним ударом сокрушить расстроенное уже войско Наполеона. Он посылал одну за другой записки Кутузову и просил ускорить прибытие главной армии к Вязьме. Фельдмаршала, имевшего иные планы, сердила его настойчивость. Кутузов вел армии параллельным курсом, «усматривая, — как писал позднее Ермолов, — с известною своею прозорливостью, что огромное пространство, начинающееся холодное время года, голод и всякого рода лишения уготовят гибель французской армии».

В конце концов генерал-квартирмейстер Толь известил Ермолова, что главные силы прибудут в окрестности Вязьмы 21 октября.

В тот же день Наполеон, дав гвардии сутки отдохнуть в Вязьме, пошел далее по Смоленской дороге на Дорогобуж. Он приказал маршалу Нею остановиться в городе, пропустить прочие войска и вместе с Даву составить новый арьергард. Корпуса вице-короля Италии и Понятовского пришли в село Федоровское, перед Вязьмой, а корпус Даву еще тянулся дорогой из Царева Займища. Русские силы располагались так: авангард Милорадовича — в нескольких верстах южнее Федоровского, в селении Спасском; Платов — на марше позади Даву; главная армия — на проселочной дороге, в 27 верстах от Вязьмы.

Конница авангарда приблизилась к Смоленскому тракту, и начальники корпусов Васильчиков и Корф взошли на сельскую колокольню. Отсюда в

зрительную трубу они ясно увидели неприятельскую армию, шедшую в сильном беспорядке. На их глазах казаки генерала Карпова выскочили прямо на тракт и напали на обозы противника. Они гнали отступающих по большой дороге, рубя и коля все, что ни попадалось на пути.

На совещании было решено подвести авангард скрытно от неприятеля к удобному для атаки месту и поутру вместе с полками Платова и 26-й дивизией напасть на французов со стороны Царева Займища. По личному повелению Кутузова Ермолов переехал к Платову и получил в командование все находившиеся здесь регулярные войска.

Утром 22 октября в отряде Платова услышали пушечные и ружейные выстрелы. 26-я дивизия была еще позади.

Ермолов послал приказание Паскевичу спешить в дело, велел посадить на казачьих лошадей три сотни егерей и отправил вперед донскую артиллерию, два драгунских и несколько казачьих полков.

Перед Вязьмой уже кипел бой. На рассвете ахтырские гусары и киевские драгуны выехали на столбовую дорогу, в промежуток между головами колонн Даву и войсками вице-короля Евгения, частью рассеяли, частью полонили их.

Харьковские драгуны приняли левее и перешли за дорогу, против которой Милорадович поставил три конные батареи.

За орудиями и по сторонам их расположились прочие кавалерийские полки в ожидании пехоты. Если бы она подошла в то время, Даву, уже отрезанный от Вязьмы, оказался бы в мешке. Но пехота находилась еще далеко.

Ермолов вогнал французский арьергард в село Федоровское, где противник оказал упорное сопротивление и даже покушался захватить батарею, огнем которой руководил вездесущий адъютант Поздеев. Подоспевшие полки 26-й дивизии восстановили порядок. Капитан Поздеев брызнул в лицо французам картечью, а Ладожский полк обратил их в бегство. Развивая успех, Ермолов послал донцов с частью артиллерии в обход Даву с правого его фланга, на соединение с авангардом.

Видя себя окруженным, Даву остановился в намерении собраться, устроиться и потом идти напролом. Находившиеся в Вязьме вице-король Евгений и Понятовский услышали за спиной сильную канонаду и поворотили назад. Они превосходили числом русских.

Было 10 часов пополуночи. Авангард Милорадовича оказался между двух огней: Даву выступил из Федоровского в сомкнутых колоннах, а вице-король Евгений и Понятовский шли от Вязьмы. Однако Милорадович, завязав сражение, не хотел прекращать его, стремясь выиграть время до подхода главных сил. В результате, совершенно расстроенный повторными атаками Ермолова и огнем батарей Милорадовича, Даву бросил обозы и стороною от большой дороги, левым берегом реки Черногрязье, пробрался в тыл корпуса вице-короля Евгения.

Милорадович двинул свои войска вперед и в полдень соединился с Платовым, который рассеял по большой дороге остатки арьергарда Даву. Кавалерия вместе с партизанами Сеславина и Фигнера обходила фланги французского корпуса. Вскоре положение неприятеля сделалось еще опаснее: после полудня к Вязьме прибыл Уваров с двумя кирасирскими дивизиями. Русские пошли на штурм города.

Перновский и Белозерский полки с музыкой, барабанным боем и распущенными знаменами ворвались в Вязьму, объятую пламенем. Одним из первых в городе оказался состоявший при Милорадовиче ермоловский адъютант поручик Граббе с командою стрелков и двумя орудиями копной артиллерии. С правого крыла на улицы Вязьмы влетели донцы Платова, а с противоположной стороны — партизаны Фигнера и Сеславина. Неприятель стрелял из домов; разбросанные бомбы и гранаты с треском взрывались в пожарищах, но ничто не остановило натиска. Начавшееся на рассвете сражение кончилось в семь пополудни. Французы не выдержали штыковой атаки и бежали, а защищавшиеся в домах были истреблены или взяты в плен.

Неприятель потерял в этом бою до 4000 убитыми и ранеными и более 2000 пленными, в том числе и артиллерийского генерала Пелетье. Здесь,

на пепелищах старинного русского города, французы убедились, что их преследуют не одни казаки, и с этого момента они предались паническому страху быть на каждом шагу настигнутыми пехотой и регулярной конницей.

Когда Ермолов вечером въехал в город, то ужаснулся от представшей ему картины полного опустошения. Вязьма превращена была в развалины; по улицам грудами лежали убитые французы, которых присыпал начавший падать снег.

Везде валялись обломки оружия, обгорелые остатки взорванных зарядных ящиков, брошенные пушки. В центре города были собраны пленные. Освещаемые бликами пожара, оборванные, почерневшие, с искаженными лицами они занимались дележом мяса падших лошадей. Одни усердно резали себе большие куски из конских окороков, другие с жадностью делили, как лакомое блюдо, печенку, третьи уже держали мясо на шомполах. Некоторые тут же, в стороне, над огнем догоравших развалин, жарили свои, порции, посыпая их вместо соли порохом. Стоявшие вокруг конвойные солдаты смотрели на них с отвращением и жалостью.

«В Вязьме в последний раз мы видели неприятельские войска, победами своими вселявшие ужас повсюду и в самих нас уважение. Еще видели мы искусство их генералов, повиновение подчиненных и последние усилия их, — записал Ермолов. — На другой день не было войск, ни к чему не служила опытность и искусство генералов, исчезло повиновение солдат, отказались силы их, каждый из них был более или менее жертвою голода, истощения и жестокостей погоды».

11

Наутро после сражения забушевали ветры и поднялись метели. К голоду, опустошавшему армию пришельцев, теперь присоединилась свирепая зима. И хотя термометр показывал еще не более 10 градусов, вьюги

сделали холод нестерпимым. Все пространство от Вязьмы до Смоленска представляло собой беспрерывное кладбище. На той самой дороге, по которой всего два месяца перед тем гордо шли к Москве никем дотоле пе побежденные неприятели, валялись они теперь тысячами, мертвые или умирающие, ползали по пепелищам сожженных ими селений, по конским и человеческим трупам. Голод, стужа и обуявший их после Вяземского сражения страх ежеминутного нападения начали помрачать рассудок многих французских солдат. Иные даже потеряли дар речи: не могли отвечать на вопросы, глядели мутными глазами и обнаруживали признаки жизни только движением рук и тем, что молча продолжали глодать лошадиные кости.

Ермолов в голове авангарда шел Смоленской дорогой.

Картина гибели «великой армии» становилась ему все более очевидной. Ослепительной пеленой расстилался вокруг глубокий снег. Он не переставал идти пять дней, почти беспрерывно сопровождаемый резким, порывистым ветром.

После первых утренних морозов дороги покрылись стеклянистым ледяным лоском, стали скользки. Французские лошади, не подкованные на шипы, падали под седоками.

Конница гибла. Для артиллерии стали брать лошадей из обозов, а обозы кидать на дороге вместе с награбленной в Москве добычей. Близ деревни Семлево французы бросили в озеро большую часть старинных воинских доспехов из московского арсенала. Наполеону было уже не до трофеев.

Авангард без единого выстрела взял в плен более тысячи человек. Ермолов отовсюду получал известия о победах над французским войском. С ним вошел в связь Денис Давыдов, слава о подвигах которого гремела уже по всей России.

Радуясь его успехам, Ермолов посылал отважному партизану прямо с марша записки, уведомляя его о местоположении неприятеля.

«Любезнейший брат! Ты не худо делаешь, что иногда пишешь ко мне, ибо я о заслугах других всегда кричать умею… — сообщал он Давыдову. — Мы ожидаем неприятеля; войска будут драться с

ожесточением и будут уметь мстить за взятие Москвы. Озлобление ужасное! если неприятель будет маневрировать, то мы его непременно атакуем… Паршзапы паши открыли партию пленных наших, следующую по Смоленской дороге, в числе 1500 человек, их прикрывают два орудия и 200 человек несчастных вестфальцев; надеемся, что ты ее не пропустишь. Дерзни, любезный брат:

в этом случае пленные помогут тебе! Партизаны распространили ужас по Смоленской дороге, неприятель дрожит за свои сообщения. Прощай! Твой верный брат Алексей Ермолов».

В Дорогобуже было получено предписание Кутузова авангарду двигаться на соединение с главной армией, а Ермолову велено прибыть в квартиру фельдмаршала, расположившегося в Ельне.

Общее положение к тому времени настолько переменилось в пользу русских, что Наполеону оставалось помышлять только о спасении остатков своих войск и собственной персоны поспешным бегством. На северо-западе корпус графа Витгенштейна потеснил маршалов Виктора и СенСира и овладел Витебском; на западе адмирал Чичагов с частью Молдавской армии оторвался от стороживших его австрийцев и саксонцев и пошел на Минск. Но, пожалуй, самым важным было известие, которое вез Ермолов главнокомандующему: Наполеон с гвардией уже более суток как начал марш из Смоленска к Красному.

Прискакав в Ельню, Ермолов в тот же час явился к Кутузову. В городе не оставалось почти ни одного целого строения: солдаты и офицеры размещались в избах с выбитыми окнами, без дверей и с разломанными печами. Главоокомандующий занял один из уцелевших теплых домов и в самом приятном расположении духа завтракал в небольшой горнице со своими генералами. Услышав Ермолова, он просиял и в ответ на его просьбу преследовать неприятеля с большей настойчивостью сказал ему с обычным напускным простодушием:

— Голубчик! Не хочешь ли перекусить?..

Он положил Ермолову на тарелку котлету и подал рюмку вина. Тот, подавив огорчение, молча отправился к окошку: за столом не было

места. Во время завтрака Ермолов просил Беннигсена поддержать его, но генерал упорно молчал. Когда фельдмаршал вышел из комнаты, Беннигсен холодно заметил:

— Любезный Ермолов, если бы я тебя не знал с детства, я бы имел полное право думать, что ты не желаешь наступления. Мои отношения со светлейшим князем таковы, что мне достаточно одобрить твой совет, чтобы князь никогда бы ему не последовал…

Воротившись в горницу, Кутузов, как бы отвечая на молчаливый упрек Ермолова, проговорил:

— Теперь надобно беречь людей… Мы должны подвести к границам сильную армию. И я за одного русского не отдам и десяток французов…

12

Трехдневный бой у Красного завершился полным разгромом неприятеля. Трофеи сражений 4, 5 и 6 ноября составили 26 тысяч пленных, в том числе шесть генералов, 116 пушек и несметный обоз. Убитых никто не считал.

Корпуса Даву и Нея перестали существовать.

Впрочем, это уже был не бой, а трехдневное избиение голодных, полунагих французов, целые толпы которых при одном появлении русских отрядов бросали оружие. Только старая гвардия, обеспечившая отход остаткам наполеоновского воинства, сохраняла боеспособность. Отдавая дань противнику, Ермолов восхищался тем, как стройно и грозно маневрировала она во время сражения. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, гвардейцы казались маковым цветом среди снежного поля. Тем ужаснее выглядели орды, составлявшие некогда грозный корпус Нея.

Вышедший последним из Смоленска 6 ноября с 15-тысячным отрядом (половина его войск была без оружия), Ней был брошен Наполеоном на

произвол судьбы и попал в огневой мешок, уготованный ему Милорадовичем. Ермолов принял капитуляцию шеститысячной толпы; Ней с несколькими сотнями солдат ползком перебрался через полузамерзший Днепр и бесславно явился в Оршу.

Милорадович просил Кутузова «удостоить особенным вниманием» службу Ермолова, наконец-то удостоенного звания генерал-лейтенанта. В рапорте фельдмаршала Александру I было сказано, что в сражении под Красным Ермолов «оказал опыты рвения к службе, личной неустрашимости и военных способностей, чем содействовал к совершенному поражению неприятеля». Кутузов за удачные действия под Красным и во всей Смоленской губернии указом на имя сената был удостоен титула Смоленского.

Милорадовичу были пожалованы знаки ордена Георгия 2-го класса; Платов возведен в графское достоинство.

Когда в пятом часу пополудни на третий день сражения Кутузову сделалось известно о множестве захваченных пленных, пушек и обозов и, наконец, фургона Даву, где нашли и жезл его, престарелый фельдмаршал пришел в восторг. Это был единственный случай, когда Ермолов видел его пустившимся в галоп на своем белом мекленбургском коне. Он подъехал к выстроенным по случаю победы гвардейским полкам и вскричал «ура!», которое повторилось мощным эхом пз сотен грудей великанов. Поздравив отборное войско с победой, фельдмаршал сказал:

— Дети! Знаете ли, сколько взято орудий? Сто шестнадцать! — и, указывая на французские орлы, присовокупил: — Как их, бедняжек, жаль! Вон, они и головки повесили. Ведь им холодно и голодно…

Приняв от войска поздравления, Кутузов был встречен начальником гвардейского корпуса Лавровым, который пригласил кпязя на чашку чаю. Фельдмаршал сошел с лошади, сел на походный стул и, рассматривая знамена, подвешенные к французским орлам, прочитал вслух:

— «Ульм… Аустерлиц…» — Тут он оглядел плотную толпу, собравшуюся вокруг, и добавил, указывая на надпись «Аустерлиц»: — Вот имя, которого я терпеть не могу. Но впрочем, умываю в этом руки. Я этого

сражения никогда не хотел…

Уже весь гвардейский корпус от старого до малого сбежался к биваку с обнаженными головами, желая наглядеться на обожаемого полководца: великаны преображенцы с красными воротниками, семеновцы — со светло-синими, измайловцы — с темно-зелеными, бело-голубые кирасиры, кавалергарды в белых однобортных колетах и касках с густым черным плюмажем, гвардейские гусары в красных доломанах и синих чачкирах. Никто из них не чувствовал ни грязи под собой, ни сыпавшего с неба вслед за наступившей оттепелью дождя. Ермолов жадно вглядывался в обветренные мужественные лица. Гвардия!-Которой он командовал, в которой знал каждого офицера и сотни солдат по имени и с которой — кто знает! — ему доведется совершить новые победы.

Кутузов достал из кармана бумажку, прочитал ее и заговорил снова в благоговейном молчании:

— Где этот собачий сын Бонапарт сегодня ночует?

Я знаю, что в Лядах он не уснет спокойно. Александр Никитич Сеславин дал мне слово, что он сегодня не даст ему покоя… Вот послушайте-ка, господа, какую мне прислал побасенку наш краснобай Крылов… — И, не заглядывая в бумажку, начал пересказывать: — Собрался волк в овчарню, а попал на псарню. Войти-то он вошел, да вот как пришлось выбираться оттуда — давай за ум. Собаки на него стаей, а он в угол, ощетинился и говорит: «Что вы, друзья! За что это вы на меня? Я не враг вам. Пришел только посмотреть, что у вас делается, а сей час и вон пойду». Но тут подоспел псарь да и отвечает ему: «Нет, брат волчище, не провесть тебе нас! Правда, ты сер… — Тут фельдмаршал скинул свою белую фуражку и, потрясая наклоненною головою, продолжал: — А я, приятель, сед!» И пустил стаю псов на него…

Воздух сотрясся от громовых восклицаний гвардии.

Вильна, до нашествия Наполеона цветущая и веселая, представляла в декабре 1812 года обитель смерти.

Ермолов со своим отрядом вступил в этот древний город, свидетель его молодости, на исходе Юрьева дня в двадцатисемиградусный мороз. Как любил говорить Горский?

«Юрий холодный оброк собирает… Осенью Юрий с мостом, Никола с гвоздем…»

На тех самых улицах, где только пять месяцев назад литовская шляхта восторженно встречала Наполеона, теперь привидениями бродили никем не охраняемые, никому не нужные пленные французы, более похожие на мертвецов, чем на живых людей. Иные падали и умирали от истощения; другие были в одурении, вытаращив глаза, хотели что-то сказать, но испускали только невнятные звуки. На одной из площадей выросла стена, составившаяся из смерзшихся тел, накиданных одно на другое.

Как примечал Ермолов, вильненские помещики и шляхта с боязнью и опасением встречали победителей Наполеона.

Бдительная французская полиция, скрывая поражения, до последнего дня распускала молву о мнимых его успехах.

Перед самым проездом, или, лучше сказать, бегством, Наполеона мимо Вильны там состоялись торжества в честь взятия Риги и покорения Киева. Город был освещен иллюминацией, на площадях гремела музыка, выставлены были пышные картины, где французский орел раздирал когтями русского, и произносились грозные речи… Теперь литовские дворяне без стыда принялись восхвалять нового кумира — фельдмаршала Кутузова, который некогда, после сражения при Аустерлице, был здесь Литовским военным губернатором. Посыпались совсем иные речи и оды, на театральной сцене засияло изображение Кутузова с надписью: «Спаситель Отечества».

Ермолов явился к светлейшему князю. Какая перемена в главной квартире! Вместо разоренной деревушки и курной избы, окруженной одними караульными, выбегавшими и вбегавшими адъютантами, маршировавшими милю войсками, вместо тесной горницы, в которую

вход был прямо из сеней и где Ермолов видел фельдмаршала на складном стульчике, облокотившегося на оперативные планы, ему предстали улица и двор, заполненные великолепными каретами, колясками и санями. На крыльце, в передней и в зале теснилось множество русских и пленных неприятельских генералов, иные на костылях, страждущие и бессильные, другие — бодрые и веселые. Толпы польских вельмож в губернских русских мундирах, штабных трутней и просто льстецов, надеявшихся преуспеть на завоеванных другими лаврах, осаждали кабинет главнокомандующего.

Ермолов нашел у Кутузова адмирала Чичагова и графа Витгенштейна. Сорокапятилетний Чичагов держался скромно, в то время как Витгенштейн, покручивая маленькие усики, без перерыва рассказывал о нескольких выигранных им сражениях таким тоном, будто на долю главной армии оставались лишь незначительные действия.

Кутузов, покойно расположившись в креслах, ласково кивал ему, но даже его совершенная тонкость не могла скрыть внутреннего негодования. Едва завидя Ермолова, он перестал обращать внимание на завравшегося немца, попять которого ему хватило четверти часа.

— Голубчик, Алексей Петрович! — поднялся он навстречу огромному и уже почти седому в свои тридцать пять лет генералу. — Вот я и опять в Вильне. Ты помнишь восемьсот пятый год? Я в том же доме, в той же самой комнате, и та же прислуга пришла меня встретить. Не странно ли это?

Вчерась я долго не мог уснуть. Проклятая память и превратности судьбы мешали мне…

— О, глориа мунди! Слава мира… — тихо отвечал Ермолов, как всегда чувствуя, что невольно поддается обаянию этого удивительного человека. — Люди обращаются со вчерашними кумирами, словно с худыми горшками.

— Но ведь этим горшком был сам Наполеон! — перебил его Кутузов. — И это его армия очистила наши границы. Заметь, что Карл XII вошел в Россию с сорока тысячами войска, а вышел с восемью. Наполеон же

прибыл с шестистами тысяч, а убежал едва с двадцатью и оставит нам, по крайней мере, сто пятьдесят тысяч пленными и восемьсот пятьдесят пушек!..

Витгенштейн и Чичагов, чувствуя себя лишними, откланялись и вышли.

Кутузов приобнял Ермолова ц, глядя ему в глаза снизу вверх, сказал с пародиен, простодушной прямотой:

— Ты помнишь, Алексей Петрович, что в бытность мою здесь военным губернатором я имел в распоряжении только два батальона внутренней стражи. Голубчпк! Ежели бы кто сказал мне тогда, что судьба изберет меня низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я, право, плюнул бы тому в рожу!

Он, улыбаясь, прикрыл здоровый глаз.

— Я временно отбываю из армии и передаю главное командование графу Александру Петровичу Тормасову. Тебе надлежит вернуться к исполнению прежней должности в главном штабе. Голубчик! Война передвигается за пределы России…

«Сердце, ты слышишь? — с волнением думал Ермолов. — Русская земля уже очищена от врага! Лишь тела его густо устилают дорогу от Москвы до Вильно — их жгут в штабелях, их закапывают во рвах. Лпшь десятки тысяч пленных — безоружных, больных, обмороженных — тянутся на восток, часто без конвоя, стучатся в крестьянские избы с жалостливой просьбой: „Шер ами, дю пэп…“ — „Дорогой друг, хлеба…“. И вот уже явпено повое русское слово: „шаромыжник“. Так будут звать отныне в народе с презрением шатуна и плута, обиралу, обманщика, промышляющего на чужой счет. „Он все на шаромыжку пожпвляется!“ — вот чго останется в памяти народной от Наполеона и его воинств?!..

Велик подвиг России. В точение семи месяцев, потеряв не менее восьми губерний, попавших во власть неприятеля, лишившись древней столицы, боролась она с более полумиллионом вражеских полчищ. И Россия восторжествовала! Все было исполинским в Отечественной войне: великость и дерзость предприятия, способы, принятые для его исполнения, средства обороны, наконец, возможные от войны

последствия. Она была борьбой столько же вещественных, сколько и нравственных сил. Исполненные самоотвержения, двинулись храбрые ополчения России, боелюбпвое, богатырское ее войско. Ударил час освобождения!..»

Глава пятая. ГЕРОЙ КУЛЬМА

1

12 апреля 1813 года русская гвардпя готовилась торжественно вступить в Дрезден, столицу Саксонии, король которои оставался союзником Наполеона.

Французы продолжали бегство. Мнение о их непобедимости постепенно рассеивалось; некоторые, прежде покорные им народы присоединялись к победителям; зато другие, ошеломленные неожиданностью события и еще подвластные устрашающему авторитету Наполеона, с робостью выжидали. Русским надлежало пользоваться успехами и до прибытия новых армий из Франции затопить своими силами как можно больше пространства, никем или почти уже никем не защищенного. Этим достигались две выгоды: увеличение простора для военных влияний в случае нового появления Наполеона из-за Рейна и действие на воображение нерешительных. В конце декабря 1812 года русские вошли в Кенигсберг, 20 января следующего года — в Варшаву, 16 февраля Кутузов подписал союзный договор с Пруссией, население которой всенародно вооружалось. Летучие отряды корпуса Витгенштейна выгнали французов из Берлина, Ганновера, потревожили Гамбург, и уже граф Чернышев с казаками залетел на самый Рейн, к Майнцу…

Ермолов находился в огромной свите Александра I.

Здесь же были боевые генералы, овеянные славою двенадцатого года, — все, кроме Кутузова. Торопясь на торжества в Дрезден, полководец

вышел из кареты и пересел на коня.

Одетый, по обыкновению, в один только мундир, он простудился в Бунцлау и не мог далее продолжать путь. Здоровье его ухудшалось с каждым часом. Начальствование над войсками Александр I вверил графу Витгенштейну, хотя в действующих армиях старше его чинами были четыре генерала:

Тормасов, Милорадович, Барклай-де-Толли и пруссак Блюхер.

«Граф Петр Христианович, — думал о новом главнокомандующем Ермолов, — никогда не отличался большими способностями. Кроме одной: уметь нравиться государю…»

Волею того же Александра I Ермолов оказался в новой должности, которая обещала ему одни неприятности: с упразднением главного штаба 1-й армии ему поручалось командование артиллерией во всех армиях.

«Вместе с звучным сим именем, — размышлял он, — получил я часть обширную, расстроенную и запутанную. Тем более что в каждой из армий были особенные начальники артиллерии и не было общего. Устроить ее трудно, продолжительною кампанией все средства истощены, и способы исправления сопряжены с неизбежною медленностью…

Я объяснился с государем, чтоб избавиться от сего назначения, признавая себя не довольно знающим внутреннее управление артиллерией. Государь в облегчение мне приказал в случаях затруднительных относиться к графу Аракчееву. И мне осталось повиноваться…»

Военная музыка и барабанный бой прервали его мысли.

Церемониальное шествие в Дрезден началось.

Стоял прекраснейший весенний день. Улицы и оба берега Эльбы были усеяны тысячами жителей, одетых в праздничные платья. Воздух оглашался восклицаниями народа и звоном колоколов: большинство саксонцев не разделяло приверженности своего короля Наполеону. Каштаны на другом берегу, в Старом городе, еще были без листьев, но уже одевались млечным и красноватым цветом черешни и яблони и ярко зеленел крыжовник. Высоко над прочими строениями поднимал острые

шпили колоколен собор св. Петра, стоявший на площади за мостом через Эльбу, к которому впереди гвардии медленно двигался на белой энглизированной лошади русский император.

Окна домов в Новом городе, улицами которого шла гвардия, были наполнены женскими головками — черными, седыми, рыжими, в париках под пудрою, в чепчиках и под гребенками. Между последними Ермолов увидел миленькие лица. Мимо бронзовой статуи Станислава Августа III, короля польского, колонны прошествовали через широкий двухсотсаженный мост, две арки которого были разрушены французами, и войска шли по деревянному настилу. Ермолов приметил, что берега над водою были обнажены, не имея набережной, и уступали в красоте и величавости Неве.

На площади перед собором император со свитой остановился, пропуская мимо себя широкоплечих богатырей гвардейцев. Апрельское солнце сверкало, вспыхивая на стальных жалах штыков, ярко начищенных медных гербах и смазных круглоносых сапогах. Немолчное «ура!» перекатами текло от батальона к батальону, от полка к полку. Радуясь выправке солдат, Александр улыбался и успокаивал нетерпеливо перебиравшую ногами лошадь ласковым касанием щегольского, с кисточкой, сапога.

«А ведь главною героя Дрездена — Дениса Давыдова, который занял Новый город с горсткой казаков и гусар еще 11 марта, здесь нет, — с горечью подумал Ермолов. — Вместо благодарности за подвиг он подвертя разносу барона Винценгероде. И если бы не старик Кутузов, отправившийся с докладом к царю, еще неизвестно, чем бы все закончилось…»

Кутузов! Всезнающие штабные офицеры шушукались о том, будто дни фельдмаршала сочтены и что в выздоровлении его отчаялся даже спецпалыю призванный прусским королем знаменитый лекарь Гуфеланд…

Чтобы отвлечься от дурных мыслей, Ермолов по окончании церемонии под предлогом нездоровья не поехал на пышный прием, который устроили русским городские властн, а отправился осматривать город. Он

побывал в Пантеоне скульптуры, где были собраны творения из одушевленного греческим и римским резцом мрамора, затем в Зеленой Палате, в которой хранились всяких родов драгоценности, в наполненном раритетами японском дворце и, конечно, в Королевской библиотеке, известной своим собранием рукописных и печатных редкостей. Вечером Ермолов пошел в театр, где специально для гостей шла довольно пошлая комическая опера «Рохус Помперникель», а после — жалкий балет, в котором прыгали и вертелись как попало две малютки. Он не ожидал увидеть столь дурную шру на Дрезденском театре, знаменитом в Европе. Или, может быть, саксонцы полагали, что русские не стоили чего-либо лучшего?..

На другой день стало известно, что неприятель недалеко и в больших силах. Ермолов явился в штаб Витгенштейна.

Толпа генералов окружала нового главнокомандующего; здесь были: Блюхер, Берг, Йорк, Клейст, Клюке, Цайц, Винцепгероде, Сакен, Мантейфель, Корф. Немцы на русской службе громко галдели с пруссаками на отменном берлинском, швабском, голштинском и прочих диалектах.

Ермолов вышел на середину залы, выждал мгновение, дабы обратить на себя внимание, и зычно спросил:

— Господа! Здесь кто-нибудь говорит по-русски?

После некоторого замешательства первым нашелся граф Витгенштейн.

— Мы все патриоты России и верные слуги его величества! — раздраженно ответил он.

До этого часа Витгенштейн едва терпел Ермолова за его насмешки, теперь он его возненавидел.

…Торжественным вступлением в столицу Саксонии закончилось мирное шествие Главной армии, начавшееся от границ России… Наступал час битв.

13 апреля Наполеон приехал в Эрфурт, который был местом сбора неприятельских войск, следовавших туда по разным направлениям из Франции, Италии и владений Рейнского Союза. Он уже успел собрать

новую армию силою в 128 тысяч человек. Старые французские войска, вытребованные из Испании, следовали на обывательских подводах и лошадях; большую часть составляли юные новобранцы. Пехота и артиллерия находились в удовлетворительном состоянии, чего нельзя было сказать о коннице. Невзирая на слабость ее, Наполеон решил немедленно начать поход из долины Майна к Лейпцигу, чтобы обойти правое крыло союзников и отбросить их на юг, в Богемские горы. По пути к нему должен был присоединиться вице-король Италии, что увеличивало его силы до 170 тысяч. 19 апреля вся французская армия, вместе с итальянскими войсками вице-короля Евгения, пасынка Наполеона, находилась уже недалеко от Лейпцига, растянувшись на пространстве в сорок верст.

Ей противостояло девяносто с небольшим тысяч русских и прусских солдат под командованием Витгенштейна.

2

В темную ночь под проливным дождем Ермолов ехал среди стона раненых и бегущих по обширному полю сражения солдат. Начавшийся счастливо для союзников в полдень 20 апреля бой у местечка Люцен, в двадцати верстах от Лейпцига, обернулся неудачей.

До рассвета союзные войска двпнулись вперед через город Пегау и выстроились на равнинах, удобных для действия конницы. Появление их было столь неожиданным, что обыватели не успели увести стада, которые разогнали пушечными выстрелами. Вскоре пространное и ровное поле покрылось длинными линиями пехоты. С бугра, на котором остановилась главная квартира, Ермолову открывалось великолепное зрелище. Пруссаки заняли правый фланг и выстроились, как на учениях, выровняв головы колонн. Конница оставалась позади; гвардия стояла в резерве, подкрепляя правый фланг. Корпус Милорадовича находился в нескольких верстах от левого фланга союзников и вовсе не участвовал в

сражении.

Неприятель стал показываться в колоннах против центра, но на довольно большом расстоянии. Русские линии подвинулись, чтобы атаковать его, и несколько артиллерийских рот по приказу Ермолова поскакали вперед, остановились и начали перестрелку ядрами. Среди них была и батарея Степана Харитоновича Горского, который накануне удачно пущенным ядром сразил наповал маршала Бессьера, неосмотрительно выехавшего для обозрения наших позиций.

Обрадованный надеждами на легкую победу, Александр I велел войскам идти вперед; неприятель отступал, и по всей линии завязался сильный огонь.

Пруссаки храбро ворвались в деревню Гросс-Гиршау, занятую французскими стрелками. Добровольцы-егеря, почти мальчики, слепо лезли вперед, переступая через павших товарищей. Французы упорно защищались; несколько раз селение переходило из рук в руки. Русский гренадерский корпус пришел на подкрепление, и деревня Гросс-Гиршау, а за ней и Клейн-Гиршау были очищены от противника. С правого фланга и от центра тянулись толпы раненых, которые немедленно заменялись свежими войсками. Ермолов тревожился о своевременном подвозе для артиллерии снарядов, которых он загодя заготовил в шести верстах от Люцена в большем количестве, чем было выпущено за все Бородинское сражение.

Уже казалось, что победа склоняется на сторону союзников. Ермолов видел, как прусский король — высокий, худощавый, в клеенчатой фуражке и синем сюртуке — подъехал к императору Александру с поздравлениями. Тот поблагодарил его и, пришпорив лошадь, поскакал в сопровождении свиты на правое крыло, где еще продолжался беспорядочный ружейный огонь. В это время на левом фланге возгорелись частые залпы. Французские колонны атаковали союзников.

Наполеон, двигаясь к Люцену, услышал позади себя сильную канонаду. Оп остановил лошадь, всматриваясь в направление порохового дыма, и сразу осознал, какая опасность нависла над его растянутой армией:

союзники грозили уничтожить слабый корпус Нея и разорвать французскую армию на две части в районе Люцена. Наполеон приказал своим корпусам как можно скорее идти к месту сражения, а вице-королю Евгению обойти правое крыло русских войск.

Сражение принимало новый оборот. Император Александр приказал выдвинуть из резерва сорокапушечную батарею генерал-майора Никитина и отправить ее на левый фланг, где появился корпус маршала Мармона.

— Я сам буду смотреть на действие твоей артиллерии, — сказал царь Ермолову.

Между тем обеспеченный справа частями Мармона и усиленный подошедшими от Лейпцига войсками, Наполеон в пять часов пополудни возобновил наступление в центре.

Французы ворвались в Клейн-Гиршау, но были отброшены.

На подкрепление нерешительно действовавшему Винценгероде подошли две русские кирасирские дивизии. Исход сражения снова заколебался, но тут часу в седьмом вдруг поднялось с правой стороны густое облако пыли — это появились колонны вице-короля Евгения.

Наполеон только и ждал этого. Он велел Мармону возобновить наступление справа, а сам построил шестнадцать бататьонов молодой гвардия, подкрепил их старою гвардией и двинул вперед под огнем 80 орудий. Витгенштейн послал Коновницына с гренадерским корпусом остановить войска вице-короля. Бой разгорался. Наполеон сделал новое усилие и ворвался в Клейн-Гиршау. Гросс-Гиршау остался у союзников. Близ этой деревни и по всей линии сражение кипело до наступления полной темноты…

Мокрый, расстроенный и злой, Ермолов въехал в город Пегау, улицы которого были забиты ранеными, умершими, зарядными ящиками, орудиями, фурами. Он спрашивал себя: в чем была причина Люценской неудачи? Конечно, в том, что не имелось настоящего главнокомандующего. Император Александр приказывал; Витгенштейн приказывал как нареченный главнокомандующий; князь Волконский

приказывал как начальник штаба; Дибич приказывал как генерал-квартирмейстер Витгенштейна; Толь приказывал как генерал-квартирмейстер, бывший при Кутузове; прусский король приказывал как король; Блюхер приказывал как начальник над прусскими войсками. Приказания часто противоречили одно другому. Видя беспорядок, корпусные командиры стали сами распоряжаться, так что все приказывали при отсутствии общей диспозиции.

Прежнего мудрого предводителя русской армии уже не существовало. 16 апреля Кутузов скончался в Бунцлау, оплакиваемый всей Россией. С его смертью Наполеона надлежало уже побеждать не превосходством гения, а преимуществом в простой силе…

Мрачное настроение Ермолова усугублялось еще и тем, что Витгенштейн приказал ему доложить императору Александру и королю прусскому, которые ночевали в деревне Гертен, о неблагоприятном исходе Люценского сражения.

Таким образом, граф Петр Христианович, избрав Ермолова вестником неудачи, желал отомстить ему за язвительные насмешки над немцами. В этом случае он достиг своей цели, что подтвердил впоследствии обер-гофмаршад граф Толстой, сказавший о Ермолове: «Ему деревня Гертен много повредила в глазах государя…»

Однако Ермолов не мог предвидеть, какой новый удар подготовил ему Витгенштейн. Желая оправдаться перед императором Александром за понесенное поражение, он объяснил его царю недостатком зарядов в артиллерии. Ермолов лишился своей должности. Всем своим существом преданный военной службе, он был глубоко и болезненно уязвлен этой несправедливостью и 17 мая обратился с горячим письмом к Аракчееву.

«Долгое время имевши честь служить под начальством Вашего сиятельства, — писал Ермолов, — пе мог я укрыть от Вас образа поведения моего по службе, и не сомневаюсь, что известно Вашему сиятельству, что я никогда и ничего не достигал происками, не позволял их себе и не терпел их в подчиненных моих…

Общая молва обвиняет меня недостатком снарядов. Я все то имел при

армии, что имел в распоряжении; более не мог иметь того, что мне дано. Записки мои объяснят Вашему сиятельству точное состояние артиллерийской части. Если что упущено мною по нерадению о должности, по недостатку деятельности, я испрашиваю одной и последней милости — военного суда, которого имею я все причины пе страшиться и считать единственным к оправданию средством».

По повелению Александра I Ермолов был назначен начальником 2-й гвардейской пехотной дивизии в составе лейб-гвардии Егерского, Перновского и Кексгольмского гренадерских, Глуховского кирасирского полков, гвардейского экипажа и конноартиллерийской роты.

3

Как скучна ретирада! Жители всюду прячутся, а те, что провожают союзную армию, не скрывают слез, опасаясь мщения французов. Многие уезжали с имуществом, оставляя пустые дома, и тем напоминали о горестном отступлении в России. Избаловавшись постоем на богатых саксонских квартирах, гвардейские офицеры ворчали, предвидя наступление цыганской бивачной жизни.

На совещании в главной ставке решено было отступить за Эльбу. Имея в арьергарде отряд Милорадовича, союзники двинулись через Дрезден, но уже не таким парадом, как прежде. Обозы летели по мостовой с громом и стуком, все спешили, стараясь достигнуть понтонных мостов, наведенных ппже и выше города.

Император Александр и король прусский решили остановить Наполеона у города Бауцен, на большой силезской дороге. Позиция эта была выбрана по двум причинам: вопервых, здесь пролегал путь сообщения через герцогство Варшавское с Россией, а во-вторых, союзная армия не отдалялась от границ Австрии, которая все более склонялась выступить против Наполеона. В арьергардных боях Милорадович имел частые и горячие сшибки с французами и за искусное отступление от Люцена к

Бауцену был возведен в графское достоинство.

С 4 по 8 мая войска спокойно стояли на новых позициях, не видя неприятеля.

Бауцен находился перед центром линий, верстах в двух или трех. Союзная армия занимала возвышения, своим левым флангом примыкая к высоким горам, отделяющим Саксонию от Богемии. Горы эти были покрыты лесом и удобны лишь для действия пехоты. От гор и до конца правого фланга тянулось почти ровное поле, пересеченное только несколькими оврагами и селениями. По всей линии построили батареи, огонь которых должен был вредить неприятелю.

Часть центра и правый фланг занимали пруссаки, а на самом конце крыла стоял отдельно от главной армии Барклай-де-Толли, присоединившийся накануне со слабым корпусом — в 8 тысяч человек. Кирасиры, часть артиллерии и гвардейский корпус, в который входила дивизия Ермолова, находились в резерве за центром. Еще далее возвышался бугор, укрывавший от неприятельских ядер. Тут расположился император Александр и вся главная квартира.

В гвардии никто толком не знал, кто является главнокомандующим: одни называли по-прежнему Витгенштейна, другие — Милорадовича, как старшего по выслуге лет. А некоторые утверждали, что сам император принял звание генералиссимуса и командует всеми союзными войсками.

8 мая, на рассвете, началась перестрелка в авангарде, потом на правом фланге, где неприятель усиливался. Ермолов в сопровождении адъютанта — двоюродного брата Петра Николаевича Ермолова выехал полюбопытствовать на высоты близ селения Креквиц. В подзорную трубу он видел, как по другую сторону Шпрее, от Бауцена, тянулись неприятельские колонны на правое крыло русских позиций, к деревне Малыпвиц, где маршал Ней теснил слабый отряд Барклая-де-Толли.

— Кажется, перейдя на другой берег Эльбы, — сказал Ермолов своему адъютанту и родственнику, не отнимая подзорной трубы от глаз, — мы перенесли с собой и неудачи…

Взгляни, армия наша, и без того малочисленная, растянулась на

двенадцать верст. Между корпусом Барклая и пруссаками Блюхера образовался разрыв. Не решит ли Наполеон нанести именно тут главный удар и загнать нас в Богемские горы?..

Между тем французы перешли мелководную Шпрее за авангардом Милорадовича, который на глазах Ермолова отступил после упорного сопротивления к левому флангу общей позиции. Вдоль линии союзных войск понеслось несколько неприятельских эскадронов драгун в красных мундирах. По кавалеристам ударили батареи.

— Проверяют силу и местоположение нашей артиллерии! — с досадой бросил Ермолов. — Нельзя всем батареям обнаруживать себя ради такой ничтожной цели!

— Алексей Петрович! Глядите! — перебил его двоюродный брат. — Французы готовят удар на нашем левом крыле!

В самом деле, слева, на лесистых высотах, по крутизнам и оврагам, поднялась ужасная перестрелка. Пруссаки, занимавшие горы, были сбиты с позиции. Ермолов поспешил в расположение гвардии. Отсюда было хорошо видно, как влево, на горах, ружейный дымок из кустарника спускался вниз; Ермолов уже ожидал, что французы вместе с пруссаками посыплются оттуда на большую дорогу.

Большинство русских и прусских генералов приняли эту атаку за главную. Милорадовичу, сдерживавшему французов, начали посылать подкрепления: корпус князя Горчакова, потом часть корпуса Берга, бригаду гренадер и наконец Павловский и лейб-гренадерский гвардейские полки.

В ночь на 9 мая в расположении союзных войск перемены сделано не было.

С рассветом стрелки начали постукивать в горах на левом фланге. Однако молодые солдаты Наполеона, при всей своей горячности, не могли сдвинуть с гор русских, и прежнее превосходство французских стрелков в закрытых местах переменилось. Тогда разгорелся сильный огонь в центре.

Французская пехота от Бауцена построилась в огромное каре и по

открытой долине начала медленно приближаться к середине нашей линии. Одновременно неприятель в превосходящих силах принялся теснить правый фланг.

Только теперь открылось намерение Наполеона: ложными нападениями отвлечь все резервы союзных войск к их левому крылу, затем главными силами атаковать правый фланг и, сбив и обойдя его, отрезать им путь отступления в Силезию. Большая часть войск оставалась на левом фланге, в центре находились только гвардия и кавалерия. Барклай-де-Толли со своим отрядом едва мог держаться, хотя и занял новую, более выгодную позицию, почти под прямым углом к линии всей армии.

Наполеон ожидал, что Ней зайдет в тыл союзной армии, однако тот не сумел исполнить данных ему инструкций и вместо обхода ввязался в серьезный бой на правом фланге и в центре. В два часа пополудни французский император велел корпусам Бертрана и Мортье, с частью гвардии, атаковать Креквицкие высоты — ключ ко всей позиции. Две огромные гвардейские батареи открыли огонь против Блюхера. Хотя ошибочное движение Нея вправо не подавало повода к опасениям за тыл армии, усиление неприятельских войск в центре угрожало прорывом боевой линпп. Полетел гонец от Витгенштейна к Ермолову спешно отправиться на подкрепление Блюхеру.

Ермолов пошел в огонь и оставался неколебимо со своими гвардейцами даже тогда, когда пруссаки очистили правый фланг союзной армии. Уже более половины офицеров выбыло в батальонах, уже Ермолов получил сквозную пулевую рану в мякоть руки. Знакомый голос окликнул его.

В группе подскакавших казаков он увидел бледного офицера с длинными усами, в высокой медвежьей шапке с изображением серебряной мертвой головы и в синем плаще. Из-под мундпра на груди всадника виднелся эмалевый образ Николая чудотворца, рука крепко держала обнаженную саблю.

— Александр Самойлович? — не сразу признал Фигнера Ермолов.

В армии стоустно передавались истории, одна удивительнее другой, об отчаянной дерзости партизана, который под личиной итальянского

офицера совершал диверсии во французском тылу. Теперь он имел вид настоящего казака.

— Благодетель мой! — пылко отвечал Фигнер. — Я только что со своими партизанами выгнал французов из Глейнэ; но не был подкреплен. Барклай в опасности быть отрезанным. Я еду теперь с донесением государю…

— Тогда торопись, потому что неприятели уже заходят к нам в тыл.

Поворачивая серую свою лошадь, Фигнер крикнул:

— Прощайте! Я буду дожидаться случая доказать, что по гроб свой буду почитать и любить вас!

Через два месяца преследуемый французами Фигнер утонул в Эльбе…

Ермолов держался. К этому времени успех Наполеона на правом крыле союзников был очевидным. На отнятую у Блюхера Креквицкую высоту стал корпус Бертрана и было установлено 50 орудий. Мармоп, гвардия и резервная кавалерия двинулись по центру. В союзной армии, кроме гвардейских Преображенского, Измайловского и Литовского полков и двух кирасирских дивизий, не было ничего для подкрепления боевых линий. Витгенштейн испросил разрешения у союзных монархов прервать бой и начать отступление.

Арьергард был поручен Ермолову.

Отходя шаг за шагом, цепляясь за каждую высотку, гвардейцы медленно следовали за главными силами, спешившими к Рейхенбаху. Армия отступала неорганизованно. Причиною было то, что все главнокомандующие и оба царя уехали, не сделав никаких распоряжений войскам. Около 60 орудий, которые не успели вовремя вывезти, могли стать добычей неприятеля и считались уже потерянными, если бы не Ермолов. «Где тот случай, — позднее вспоминал участник этой битвы Муравьев-Карский о Ермолове, — в котором бы не нашелся великий начальник мой, из которого бы он не вышел со славою! Но не умеют ценить или, вернее сказать, не жалуют его. Он имеет много завистников, которые, забывая Отечество, стараются запятнать сего великого мужа в мыслях легковерного государя».

Но все, даже зависть и недоброжелательство, имеет свои пределы. Подвиг Ермолова был столь значительным, что Витгенштейн принужден был отдать ему должное в донесении русскому императору.

4

Граф Витгенштейн — Александру I

«В начале сражения при Бауцене 9 мая, командуя гренадерскими полками, Кексгольмским и Перновским, и гвардейским экипажем, к которым присоединены были два батальона лейб-гвардии Егерского полка, Ермолов по приказанию моему сменил прусские войска корпуса генерала Йорка, шедшего на подкрепление генералу Блюхеру, и, получив еще один батальон прусской пехоты и часть артиллерии, защищал деревню Литен, владевшую дорогами, по обеим сторонам идущими, и препятствовал атакам неприятеля с таким мужеством и упорною храбростью, что и тогда даже, когда прусские войска оставили высоты в центре позиции нашей и неприятельские колонны на них явились, а сильная батарея вступилась против правого крыла его отряда и устроилась на продолжении всех его батарей, не отступал до тех пор, пока не получил на то моего повеления; когда же неприятель, преследуя прусские войска, занял деревню Баушуц, находящуюся в тылу его, и я поручил ему арьергард, отступавший через Виршен, и неприятельские колонны, двинувшиеся на Баушуц, были уже ближе к большой дороге, дабы отразить его от оной, то, соединя примерную храбрость свою с решительностью, он обратил конную артиллерию свою на сии колонны и, невзирая на жесточайший огонь с подвигавшихся неприятельских батарей, удержал стремление колонн и, прикрыв отступление свое кирасирами, вышел на большую дорогу и отступил в Виршен, где присоединился к прусскому корпусу генерала Клейста и, составив левое крыло его, дал сильнейший отпор неприятелю и, защищавшись в дефилеях и садах, отступил к ночи на позицию при деревне Кетиц в

совершенном порядке, оказав во все сражения отличное искусство в распоряжении и примерную храбрость и мужество, одушевлявшие подчиненных среди самых опасностей».

На сей раз Ермолова не обошли наградой: за храбрость и умелое ведение арьергардных боев он получил алмазные знаки ордена св. Александра Невского.

5

Хотя в обоих сражениях — Люценском и Бауценском — у союзников не было разбито ни одного отряда и даже не захвачено ни одной пушки, они были вынуждены очистить всю Саксонию и отойти в Силезию, к подножию Ризегебирге — Исполинских гор. До глубокой ночи Наполеон преследовал русско-прусскую армию, по затем приказал прекратить наступление, опечаленный новой потерей. По воле случая ядро, пущенное из той же самой батареи Горского, которая сразила Бессьера, разорвало живот любимцу французского императора маршалу Дюроку.

Главную надежду будущих успехов союзники возлагали на вступление в войну Австрии, однако из Вены дали знать о невозможности собрать армию ранее июня. Надлежало в этом положении выиграть время. 23 мая с Наполеоном было заключено перемирие до 8 июля, продолженное впоследствии до августа, которое использовалось обеими сторонами для умножения своих сил.

Тем временем все шло к возобновлению кампании.

30 июля Австрия наконец решилась объявить войну Франции. Ее главная 130-тысячная армия, находившаяся в Богемии, должна была присоединиться к союзникам. В двух русских армиях, а также у пруссаков и шведов под ружьем было до полумиллиона человек. Наполеон тоже усиливался, доведя общую численность войск почти до 400 тысяч. Но главные его силы составляла пехота, а союзники имели преимущество в коннице, которым, правда, не всегда умоли

воспользоваться.

При соединении с австрийцами Ермолов ожидал встретить отличное войско, напротив того, увидал несчастных солдат, одетых в грязные мундиры, бывшие некогда белыми.

Амуниция была в небрежном виде, офицеры выглядели очень дурно, войско было невыучено. Гренадеры, набранные из славян или хорватов, выделялись ростом, силой и храбростью, но нижние чины не говорили по-немецки, а офицеры не понимали их языка. Случалось, австрийские командиры не могли объясниться со своими людьми иначе как с помощью русского переводчика. В австрийской армии Ермолов не нашел ни воинского духа, ни необходимого повиновения.

Лишь венгерские гусары, лихие и хорошо экипированные, стояли особняком, но они всегда находились в ссоре с цесарцами и не выказывали приверженности к венскому двору.

Подлинным злом в их войсках были обозы — колонны огромных крытых белых фур, которые тащились по всем дорогам, грабили и разоряли край и задерживали движение армии.

Общим главнокомандующим у союзников был назван австрийский фельдмаршал Шварценберг, недавний враг русских в кампании двенадцатого года, получивший фельдмаршальский жезл по представлению Наполеона. Александр I согласился на это назначение, чтобы удержать союз с цесарцами. Шварценберг, родом чех или богемец, отличался высоким ростом, тучностью, гордостью, был лично храбр, но, как говорили и как доказали вскоре военные действия, лишен военных дарований, отличался нераспорядительностью и нерешительностью. Главнокомандующим российскопрусскими войсками стал Барклай-де-Толли; Витгенштейну вверили русские корпуса первой линии, а в резерве великого князя Константина Павловича Ермолов начальствовал над гвардейским пехотным корпусом, в который входили две дивизии и три артиллерийские роты.

По выработанному плану Блюхер с армией, состоявшей из пруссаков и русских, должен был идти в Силезию, тогда как главные силы союзников

направлялись на Дрезден через Теплиц, Кульм и далее горными дорогами Богемии. На севере, в тылу у французов, находилась армия шведского кронпринца Бернадота силою в 90 тысяч. Наполеон, утвердившийся в Дрездене, надеялся центробежными действиями разгромить союзников по отдельности. Но они могли теперь оттягивать его с одной стороны от центра, теснить с другой и, постепенно утомляя, ослабить до того, что смогут разгромить обоюдным нападением. Кажется, с тех пор как гений Наполеона ознобился в России, он стал теряться в своих стратегических соображениях.

Таким образом, в пределы маленького королевства Саксонии сходилось и стояло в нем не менее шестисот тысяч вооруженных людей.

6

Вторые сутки кряду продолжался проливной дождь, растворивший топкую и вязкую почву до того, что гвардейцы на походе оставляли в пей свои башмаки. Во мраке ненастного вечера слышался непрерывный ровный гул со стороны Дрездена: там с самого утра 14 августа кипело сражение между союзниками, покушавшимися войти в город с запада, и Наполеоном, явившемся из Силезии на помощь корпусу Сен-Сира.

Первая гвардейская дивизия под командой Ермолова спешила на выручку отряда Остермана-Толстого, весь день стоявшего в кровопролитном бою двадцатью верстами выше Дрездена, у местечка Пирна. Наполеон загодя послал почти сорокатысячный корпус Вандама с приказом перейти Эльбу и отрезать союзной армии путь отступления на юг, в Богемию.

Квартирмейстер великого князя Константина подпоручик Николай Муравьев, молодой, горячий, с толстеньким и чуть шишковатым носом, встретил Ермолова в тесном ущелье и проводил его до места сражения. Он с обожанием глядел на славного генерала, невозмутимо ехавшего по топкому болоту, из которого лошадь с громким хлюпаньем выдергивала

ноги. Ермолов вспомнил поручика и стал хвалить фамилию Муравьевых, назвав отца, начальника главного штаба в корпусе ратников восточных губерний, и родных, про которых он слышал и с некоторыми был знаком…

Александр Иванович Остерман-Толстой, ссутулясь, сидел на барабане среди чистого поля, позади оборонявшихся колонн. На нем не было и сухой нитки. Он поднял свою большую, со смелыми чертами и блестящими глазами, голову и, узнав Ермолова, вскочил с барабана.

— Алексей Петрович! — воскликнул он. — Наконец-то!

Ожидал вас с нетерпением. Советы ваши будут служить мне приказаниями!..

Русские занимали тесную позицию, упираясь левым крылом в Эльбу, а правым — в горы и лес за местечком Цегист и не давая тем самым Вандаму зайти в тыл сражающейся у Дрездена союзной армии. Решили оставить в первой линии пехотный корпус Евгения Виртембергского, во второй разместить гвардейцев Ермолова, а в третьей — лейб-гусар, кирасир и татарский уланский полк. Отряд ОстерманаТолстого возрос теперь до 18 тысяч человек против 37 у Вандама.

С приходом гвардии и наступлением ночи покушения французов прекратились. Все ожидали начала неравного боя поутру. В семь пополуночи от Дрездена начали донос .ться выстрелы, мало-помалу слившиеся в глухой, с раскатами, гром. Однако корпус Вандама, выстроенный в боевые порядки у деревушки Кольберг, не трогался с места. Русские генералы долго судачили о причинах бездействия неприятеля и решили наконец, что Вандам считал их отряд гораздо сильнее, чем он был на самом деле. Позже получили подтверждение этой догадки. Взятый в плен французами у Пирны лекарь Ревельского полка на вопрос: «Сколько у графа Остермана войск?», чтобы ввести врага в заблуждение, отвечал: «У принца Евгения двадцать тысяч да гвардии подошло пятьдесят…»

Так истек томительный день. Ермолов, чтобы скрыть малочисленность русского отряда, предложил предпринять ложную атаку. К вечеру 4-й

егерский полк двинулся с криком «ура!» на Кольберг, опрокинул передовые цепи и, встреченный артиллерией, отошел в полном порядке.

Никто не знал о судьбе главного сражения, пока ночью не прискакал от Барклая-де-Толли капитан Новосильцев с повелением идти от Пирны на соединение с главными силами к местечку Максен. В предписании говорилось о том, что союзная армия отходит от Дрездена с намерением расположиться на окрестных высотах. В случае атаки на их правый фланг союзники тотчас перейдут в наступление и опрокинут Наполеона в Эльбу.

Однако истинное положение дел было совершенно иным.

Новосильцев, находившийся в приятельских отношениях с Петром Николаевичем Ермоловым, конфиденциально объявил ему, что вся армия в полном отступлении на Богемию.

От Новосильцева стало известно и о подробностях поражения, понесенного союзниками в двухдневном бою.

16 августа началось трудное отступление союзной армии через горы. В тесном ущелье Диппольдисвальде произошло страшное столпление войск и обозов. Однако главные испытания были впереди. Войскам предстояло горными тропами перейти высоты Богемии и спуститься к городу Теплиц.

Вместе с ними предполагалось отходить и отряду Остермана, который должен был удалиться влево от корпуса Вандама.

7

Ермолов нашел Остермана-Толстого среди дороги между Пирной и местечком Дона, возле обоза с инструментами. Облака, сочившиеся мелким дождем, закрывали утреннее солнце. Генералы совещались, не слезая с лошадей, в окружении адъютантов.

— Союзная армия поспешно отступает в Богемию… И если мы направимся к Максену, то окажемся между двух огней, — убеждал Ермолов начальника отряда. — Позади — Вандам, а от Дрездена наши

войска преследует Наполеон…

На типично южном лице Остермана с тонкими чертами и выразительными черными глазами явилось смятение. После совещания в Филях, где он высказался за сдачу Москвы, и особенно после Тарутинского сражения, когда ею корпус сбился с пути и тем лишил русских полной победы, генерал страшился упреков в трусости и временами впадал в меланхолическую рассеянность.

— Что же вы предлагаете, Алексей Петрович? — не сразу осведомился он. — Ведь ослушанием можно погубить весь отряд…

— Я досконально изучил эти места по сражениям Фридриха II в Семилетнюю войну, — возразил Ермолов, давая знак Фонвизину, который тотчас протянул ему карту. — Вот ежели мы направимся на Максен, отряд будет неминуемо окружен и не избегнет совершенного поражения. В доказательство я предлагаю отправить ио этому пути обоз с инструментами, который нас так много затрудняет. И я ручаюсь, что вы его более не увидите…

— Может быть, нам следует пойти вверх берегом Эльбы?

На Кепигштейп? — нерешительно проговорил Остерман.

— Я уже предвидел это, — быстро отвечал Ермолов, — и посылал заблаговременно Михаила Александровича Фонвизина с лейб-гусаром для осмотра дорог.

— Ваше сиятельство, — почтительно наклонил тяжелый набухший кивер ермоловский адъютант, — путь на Кенигштейн крайне опасен. Местность сильно пересеченная. Дорога проходит слишком близко от укрепленной кенигштейнской крепости…

— Остается только одно, — решительно сказал Ермолов, сближая свою лошадь с конем Остермана и указывая пункты на мокрой карте, — двигаться не мешкая к Теплицу по Петерсвальдскому тракту.

— Но ведь нам придется пробиваться через корпус Ван-~ дама! — воскликнул Остерман.

— Прошу вас, Александр Иванович, — упрямо сказал Ермолов, — взять в расчет, в каком положении окажется главная армия, ежели Вандам по

Петерсвальдскому тракту поспеет к Теплицу раньше нее.

В самом деле, если бы французам удалось войти в Богемию и занять спуск с гор по южную сторону, союзной армии угрожала бы опасность быть запертой с севера главными силами Наполеона и с юга — корпусом Вандама в узких теснинах Рудных гор. Поэтому Наполеон не случайно сказал, что никогда Вандам не имел лучшего случая заслужить маршальский жезл.

Ермолов предлагал в виду вдвое сильнейшего неприятеля фланговым движением прорваться через ущелье у Гигсгюбеля на Петерсвальде и преградить Вандаму путь к Теплицу. От удачного выполнения этого смелого плана зависело теперь спасение всей союзной армии.

— Вы сознаете, какая ответственность ложится на нас? — уже сдаваясь, спросил Остерман. — Мы рискуем потерять гвардию!

— Беру эту ответственность перед его величеством на себя! — отрезал Ермолов.

Было решено: принцу Евгению Вюртембергскому вместе со 2-м корпусом атаковать Кричвиц — слабейшую часть в позиции французов, оттягивая на себя их силы; Остерману поспешно идти прямо к теснине Гигсгюбеля с Преображенским, Семеновским, Измайловским полками, морским экипажем, лейб-гусарами и кирасирами; Ермолову оставаться в арьергарде и с полками 4-м и гвардейскими егерскими, Ревельским пехотным и Татарским уланским атаковать Кольберг, делая на Вандама ложные нападения.

Обоз с инструментами и денежный ящик лейб-гвардии Финляндского полка были отправлены на Максен и, как и предсказал Ермолов, стали добычей французов.

8

Только оглядываясь назад, на пройденный 16 августа путь, Ермолов полностью осознал, какую невыполнимую задачу решил русский отряд.

Отборные войска, цвет русской армии, опрокинули неприятеля у Кричвица и отдалили его от дороги. Их успешные атаки имели крайне выгодное последствие: Вандам, обманутый ложными атаками, начал стягивать к этим пунктам силы, которые ранее были отряжены наперерез Остерману.

Бесстрашные гвардейцы егеря, которыми командовал Карл Иванович Бистром, выбили по приказанию Ермолова французов с высот Кольберга, по другую сторону Петерсвальдского тракта. Кавалерия, предводимая принцем Леопольдом и генералом Кнорингом, опрокинула французскую пехоту и загнала ее в лес.

Прикрытый этими атаками Остерман спокойно прошел десять верст по тракту до Гигсгюбеля и вступил в ущелье. Выход из теснины преграждали вражеские колонны, выстроившиеся в две линии с артиллерией. Здесь Ермолов нагнал Остермана, который, видя, что весь отряд, имевший до тридцати орудий, сильно растянулся, начинал уже раскаиваться, что последовал его совету.

— Повторяю, ваше сиятельство, — говорил Ермолов графу, — я беру на себя всю ответственность за то, что может приключиться с гвардией.

В этот момент генерал-майор Кнорринг, сын героя турецкого и финляндского походов, прискакал с донесением об одержанных 2-м корпусом успехах. Ермолов в присутствии Остермана повелел ему тотчас возвращаться к войскам, строго добавив:

— Вы сперва доделайте, Карл Богданович, а уж после приезжайте досказывать…

Став, по существу, начальником отряда, Ермолов поехал в голову колонны.

— Преображенцы! — крикнул он. — Ружья не заряжать!

Сблизиться с неприятелем и взять его по-русски, на штыки!

Едва французы открыли батальный огонь, как широкоплечие усатые ветераны-преображепцы с криком «ура!» опрокинули их с дороги. Морской экипаж рассыпался в лесу, влево от тракта, и заслонял движение колонны, держась на одной высоте с гвардейцами.

Семеновский полк сменил преображенцев и стал в голове. В таком порядке отряд продолжал марш далее, к Геллендорфу.

У Геллендорфа почти перпендикулярно Петерсвальдскому тракту сходилась другая дорога, идущая по ущелью, образуемому рекой Бар, на Кенигштейн. Ермолов приметил, что по ней тянется тяжелая французская артиллерия. Как она нужна была Вандаму, чтобы зажать армию союзников у Теплице! Ермолов немедленно остановил гвардейскую артиллерийскую роту полковника Ладыгина и, лично расположив пушки на высотах, приказал открыть огонь. Приведенные в замешательство французы поворотили назад; несколько фур, зарядных ящиков и одно орудие были подбиты.

Вандам, сбитый с толку ложными донесениями, получил еще одно подтверждение тому, что русские превосходят его корпус в численности пехоты и артиллерии.

Начиная с Петерсвальде, дорога сделалась менее удобной, перейдя в непрерывную теспину. Ермолов вместе со своим двоюродным братом и Фонвизиным отправился в арьергард встречать 2-й корпус. Весь день прикрывая марш главной колонны и сражаясь с превосходящим неприятелем, корпус потерял много людей и обозов, а также одну пушку с подбитым лафетом, который некогда было чинить. Происходило организованное отступление, и уже почти была достигнута цель, намеченная Ермоловым: занять точку, где отряд мог стать лицом к неприятелю и дать возможность армии без потерь спуститься с гор.

Ермолов приказал обер-квартирмейстеру 2-го корпуса Гейеру расположить стрелков в садах и виноградниках на Ноллендорфских высотах и удерживать их, по возможности, дольше, дабы дать возможность войскам занять удобную позицию.

Вечерело. Ермолов только лишь проскакал до головы колонны, как с возвышенности Ноллендорфа французы открыли сильный огонь по отступающим войскам Гейера. Вандам потеснил русских и успел расположить на высотах свою артиллерию.

Ермолов вызвал к себе Гейера и при Остермане зло заявил:

— Благодарите бога, что я подчиняюсь графу Александру Ивановичу, а то бы я вас расстрелял здесь на месте!..

Скоро пала ночь. Вандам остановился в Геллендорфе. Его позиция отделялась от русских лощиной; передовые цепи стояли на виду одна у другой. Ряды огней засверкали с обеих сторон и осветили мрачные леса Исполиновых гор.

Одна важная задача русскими была решена. Надобно было решать другую, более трудную: Вандам, узнавший наконец от пленных о малочисленности отряда Остермана, решился быстротой и боевой активностью загладить пассивность двух прошедших дней. Он надеялся 17 августа запять Теплиц, отрезать колоннам главной армии выход из Рудных гор и тем довершить ее поражение под Дрезденом.

9

Рано поутру, когда густой молочный туман сполз в долины, Ермолова разбудил его двоюродный брат и адъютант:

— Алексей Петрович! Французы в больших силах теснят наш арьергард!..

Взяв Измайловский и Егерский гвардейские полки, Ермолов поспешил к Ноллендорфу.

Скрытые густым туманом, французы напали с левого фланга на егерей, взяли триста пленных и перемешались с русскими войсками. Прибывшие гвардейцы остановили их и оттеснили к Ноллендорфу.

Остерман твердил Ермолову:

— Приказывайте, а я исполнять буду…

Порешили: корпусу принца Евгения Вюртембергского сдерживать натиск французов, а Ермолову с гвардией занять, не доходя до Теплица, выгодную позицию и остановить на ней войска. Выслав вперед для обозрения поручика Александра Муравьева, Ермолов отправился искать место для предстоящего боя.

Несколько верст почтовая дорога шла тесниной, не позволяя нигде развернуть войска. Так Ермолов со своим двоюродным братом Петром Николаевичем добрался до селения Кульм с каменным господским двором под черепичной крышей. Отсюда влево открывалась волнообразная долина с разбросанными на ней аккуратными немецкими деревнями.

Справа Рудные горы опускались почти до самого тракта, покрытые лесом и прорезанные глубокими и крутыми ущельями, по дну которых текли маленькие речушки, впадающие ниже Кульма в реку Страден.

— Вот тут, за ручьем, мы и остановимся, — мнновав Кульм, сказал Ермолов Петру Николаевичу. — На нашем правом крыле местность хотя и открытая, но затрудняет движение рекой с топкими берегами.

— Зато слева холмы дают французам выгоды для атаки, — заметил капитан Ермолов. — А ведь это самый важный фланг.

— Вижу, брат, вижу. Но что поделать! — согласился с ним Алексей Петрович. — Укрепим это крыло войсками.

Ведь лучшей позиции нам все равно не сыскать. Поручик Муравьев проехал до самого Теплица да так и вернулся ни с чем.

По предложению Ермолова войска расположились так:

в центре, у селения Страден, — батальоны 2-го пехотного корпуса; на левом и правом флангах, а также в резерве — гвардия. Отряд генерала Кнорринга занял мызу в полутора верстах впереди позиции. Артиллерия устроилась на отлогих скатах высот, господствующих над местностью. Муромский полк вместе с гвардейскими егерями был послан на лесистую высоту, за деревней Страден, которую надлежало оборонять особенно упорно: здесь должна была спускаться союзная армия, идущая через Богемские горы.

Общая численность русского отряда не превышала 4 тысяч человек. При этом 2-й пехотный корпус был совершенно расстроен предыдущими боями.

Когда войска устраивались на позиции, на тракте от Теплица показалось несколько всадников в прусских мундирах, мчащихся во весь опор. Адъютант Фридриха-Вильгельма прискакал, чтобы известить Остермана о

положении союзной армии.

— Все колонны и император Александр еще в горах, — сказал он. — Король уже в Теплице и просит вас держаться как можно долее. От вашей твердости зависит участь армии…

Граф Остерман и Ермолов объехали ряды войск, объявляя, что решено не отступать ни шагу и надобно устоять или умереть. «Ура!» было общим ответом. Измайловцы просили, чтобы им первым позволено было идти в огонь; музыканты, барабанщики, писаря требовали ружей и патронов.

Из-за густого тумана трудно было угадать движение и численность французов. Только гремела с обеих сторон пушечная пальба. Принц Евгений держался с егерями часа два и начал отступать к Кульму, теснимый неприятелем.

В десятом часу туман постепенно стал рассеиваться, открывая синие колонны французов, спустившихся с гор. Они выбили слабый отряд Кнорринга из Кульма, открыли огонь из батарей и построились к атаке. Вслед за тем неприятельская бригада двинулась на левый фланг русских, чтобы оттеснить их от гор. Егеря встретили французов у деревни Страден, где загорелся отчаянный бой. Солдаты сражались на пересеченной ручьями и каменными заборами местности, стояли не цепью, а толпами ж дрались отчаянно против превосходных сил. Русские и французские стрелки, перескакивая через кучи камней и рвы, отделявшие сады и рощи, сшибались на полянах. Если какой-либо взвод подавался назад, офицеры бросались на врага, увлекая за собой солдат. Когда французы ворвались в Страден, генерал-майор Храповицкий с Измайловским полком опрокинул их штыками и был ранен во вражеских колоннах. Вандам снова овладел Страденом и атаковал свежими колоннами Пристен.

Бывшие там полки 2-го корпуса, расстреляв последние патроны, отступили. За пими продвинулся неприятель, учредил батареп и открыл огонь против гвардпи. Таким образом, ей одной пришлось продолжать сражение.

Отборное войско стояло неколебимо. Семеновцы пошли в штыковую

атаку на Пристен. Два неприятельских батальона были окружены и почти совершенно истреблены. Но и Семеновский полк потерял до девятисот человек. Подпоручик Семеновского полка Матвей Муравьев-Апостол своим примером ободрял солдат: он вскочил на пень среди бушевавшего огня, надел коротенький плащ на конец шпаги и, махая ею, созывал своих солдат к новому приступу, но в этот миг пуля ужалила его. Па помощь семеновцам Ермолов послал два батальона Преображенского полка. Пристен переходил из рук в руки.

Ермолов находился возле Остермана, когда черепок чиненного ядра ударил в начальника отряда. Остерман не свалился с лошади, однако раненная выше локтя его рука болталась, едва держась в плечевом суставе. Александр Муравьев с другим адъютантом подхватили его. Остерман, без кровинки в лице, был отнесен в сторону и тотчас окружен врачами из разных полков. Поминутно теряя сознание, граф Александр Иванович остановил свой взор на молодом медике, недавно поступившем на военную службу, и твердым голосом произнес:

— Твое лицо мне нравится… Отрезай мне руку…

Перед операцией Остерман-Толстой попроспл:

— Соберите солдат. Пусть поют мне русскую песню…

Руководя с самого начала боем, Ермолов после ранения Остермана стал и формальным командующим. Положение отряда было отчаянное. В резерве оставалось только две роты Преображенского полка; все остальные подразделения уже побывали в огне и выбивались из последних сил. Напор неприятеля возрастал, вновь прибывавшие части корпуса Вандама увеличивали натиск.

Ермолов, разъезжая посреди огня, воодушевлял солдат, объяснял им важность удерживаемых позиций, обнадеживал скорым подкреплением. Несколько раз посылал он в Теплиц узнать, не идет ли на помощь корпус Раевского, но никто не показывался. Силы таяли, таяли и боеприпасы.

Вандам подвел к полю битвы все свои 35 тысяч солдат и 80 орудий. К счастью, местоположение не позволяло ему развернуть весь корпус в боевой порядок. Но количество войск вселяло несомненную уверенность

в победе, если бы успех зависел только от числа солдат, а не от нравственного состояния войск. Сражение достигло высшей степени упорства и перешло в рукопашный бой.

Но вот позади, при выходе из ущелья, засветились медные каски русских кирасир, заиграли трубы, и вместе с этими звуками блеснула искра надежды в сердце каждого солдата. Из ущелья длинной колонной потянулись конные латники, приспевшие раньше прочих. Одна часть заняла равнину на правом фланге и начала перестрелку с неприятельскими уланами, другая выстроилась в резерве за полковыми колоннами.

Ермолов встретил командира кавалерийского корпуса князя Голицына, чтобы как старшему сдать ему команду, Но тот, выслушав доклад, сказал:

— Победа за вами, довершайте дело. Если вам нужна будет кавалерия, я немедленно вышлю ее по первому вашему требованию…

За кирасирами стали спускаться полки легкой гвардейской дивизии, расположившейся за правым крылом. Они стояли неподвижно под сильнейшим ружейным огнем, так что через несколько часов в каждом из них недоставало уже по два эскадрона. Местность мешала кавалерии вступить в бой.

Ермолов ехал на позиции, когда какой-то толстяк в шляпе с обвисшими полями, закрывающими лицо, и с обнаженной шпагой заступил ему путь с криком:

— Великая военная операция… Вы делаете все совсем не так!..

Притворившись, что он не узнал полусумасшедшего квартирмейстера великого князя Константина полковника Кроссара, Ермолов взревел:

— Это что за чучело! Прочь с дороги!..

Он обхватил всадника, в воздухе мелькнули коротенькие ножки, и Кроссар оказался на обочине…

Ермолов вернулся вовремя. Вандам вознамерился решительным ударом сломить оборону и в два часа пополудни пустпл две колонны, приказав им пробиться сквозь русскую линию между левым крылом и центром.

Французы овладели Пристеном и вышли на равнину на левом фланге. Здесь расположилась батарея подполковника Бистрома, который с четырьмя орудиями храбро действовал целый день и наносил большой урон неприятелю.

Ермолов послал Николая Муравьева с приказанием 2-му батальону Семеновского полка идти на защиту орудий Бистрома. «Никогда не видел я что-либо подобное тому, — восхищался Муравьев, — как батальон этот пошел на неприятеля.

Небольшая колонна эта хладнокровно двинулась скорым шагом и в ногу. На лице каждого выражалось желание скорее столкнуться с французами. Они отбили орудия, перекололи французов, но лишились всех своих офицеров, кроме одного прапорщика Якушкина, который остался батальонным командиром».

В теснину спустился генерал-квартирмейстер Барклая Дибич, маленький, рыжий, пылкий и нетерпеливый. Увидя, что французы напирают в больших силах, он поскакал к лейб-гвардии драгунскому полку и велел ему следовать за собой. Но драгуны не знали его в лицо, и никто не тронулся с места, пока Дибич не показал им своей звезды. Он пришпорил коня с криком:

— За мной, драгуны!..

Сперва один солдат поскакал за ним, потом другой, третий, и наконец весь полк в беспорядке пустился в атаку.

Ермолов, приметив эту вылазку, которая делалась без его приказания, велел Александру Муравьеву, брату Николая, остановить драгун, но было уже поздно. Гвардейская кавалерия опрокинула неприятельскую пехоту, загнала ее в болото, и, хотя часть драгун завязла в топях, остальные заскакали французам в тыл. Тогда Ермолов бросил вперед, через пылающее селение Пристен, преображенцев и измайловцев.

То была самая блистательная минута битвы: с одной стороны скакала конница и трубы гремели атаку, с другой наступала пехота с барабанным боем.

Удачная атака восстановила успех русских. До вечера продолжался

сильный огонь на левом фланге. Когда уже миновала критическая минута, приехал Милорадович. По праву старшего он отдавал приказания Ермолову, который пс! юл пял их молча, внутренне досадуя на запоздалое появление новоиспеченного графа. Еще позже прибыл и Барклай, в свою очередь принявший командование от Милорадовича.

Только в девять вечера с гор сошел долгожданный корпус Раевского. Хотя Ермолов и был в приятельстве с Николаем Николаевичем и даже находился с ним в родстве, он не позволил ему в ту ночь занять передовой цепи. В этот знаменитый день не должны были торжествовать никакие другие войска, кроме гвардейцев 1-й дивизии, потому что только исключительно им принадлежал успех. Ермолов ездил по цепи, уговаривая своих людей терпеливо провести еще одну ночь в караулах.

Гвардия под начальством Ермолова, сражавшаяся целый день против вдвое сильнейшего неприятеля, спасла своим геройским самоотвержением всю союзную армию.

10

Мы оставили главную армию союзников, когда она 17 августа тянулась через Богемские горы на Теплиц. Небо наконец очистилось от мрачных облаков, затмевавших его в последние четыре дня. Порывы ветра разнесли туман, и солнце явилось в полном блеске.

Император Александр со свитой выезжал из леса, покрывавшего хребет Гейерсберга, когда вдали с левой стороны показался дым. Сначала его приняли за дым биваков, но вскоре удостоверились, что это стреляют орудия. Желая выяснить, в чем дело, Александр поворотил с дороги и остановился на возвышенности, откуда открывался вид на Теплицкую долину. По густому пороховому дыму и частым вспышкам огня он понял, что там кипит бой. В долине был один отряд Остермана, и надлежало сколь можно поспешнее подкрепить его. Но чем?

Вскоре показались сходившие с гор колонны австрийского корпуса

Коллоредо. Император послал ему приглашение спешить на помощь русским к Теплицу, однако союзный генерал объявил, что, «имея повеление идти на Дукс, а не на Теплиц, он без особого приказания Шварценберга не может переменить направления своих колонн». Тогда Александр I разослал приказания всем русским корпусам: по мере выхода с гор следовать к Теплицу. Вскоре начали поступать донесения, что войска спешат туда по частям и в беспорядке от утомительных маршей.

Подошедшему прусскому корпусу Клейста, направлявшемуся к Теплицу, император Александр предложил изменить маршрут и свернуть на Ноллендорф, с тем чтобы атаковать Вандама с фланга и тыла.

Утром 18 августа русско-австрийские войска начали наступление на Вандама. Бой длился несколько часов. Вандам держался, ожидая подкрепления от Наполеона, и вскоре увидел в тылу своем пыль от подходивших войск. Радость его была недолгой: это был корпус Клейста. Только коннице генерала Карбино удалось прорваться сквозь порядки пруссаков. Удар ее был так стремителен, что на какое-то мгновение Клейст подумал, что сам попал в ловушку. Когда французские уланы промчались сквозь его ряды и за ними появился Дибич, Клейст, обняв его, в слезах воскликнул:

— Ах, любезный генерал, и вы тоже в плену!

Недоразумение рассеялось, пруссаки сомкнули ряды. Окруженные со всех сторон, французы сложили оружие. Трофеями были 12 тысяч пленных, 4 генерала и корпусной командир Вандам, 84 орудия и весь обоз.

Александр I щедро раздавал награды. Барклай-де-Толли, который вовсе не участвовал в деле, получил высший военный орден — Георгия 1-й степени. Генералы главной квартиры также получили награды. Честь победы старались приписать себе многие. Даже Кроссар уверял, что причиной выигрыша была сделанная по его совету атака Раевского с гренадерами с левого фланга. Другим претендентом в герои явился голландец Диест, подполковник квартирмейстерской части. Он приехал в

разгар сражения и, видя, что позиции необходимо удержать, поскакал назад к Барклаю и доложил ему о своем мнении, утверждая, что Ермолов должен непремеыно стоять под Кульмом до последнего человека. По уставу Георгиевского ордена он давался и за благой совет; на этом основании назначили Диесту св. Георгия 4-й степени В сущности, за то только, что он советовал разбить неприятеля.

Пока штабные чины заботились о приписании себе чести победы, Ермолов оставался с войсками на ноле сражения и мало беспокоился о том, что говорили. В рапорте графу Александру Ивановичу о битве под Кульмом он отнес весь успех мужеству войск и распоряжениям ОстерманаТолстого. Однако Остерман, страдая от жестокой раны, написал весьма неразборчиво в ответ: «Довольно не могу возблагодарить Ваше превосходительство, находя лишь только, что Вы мало упомянули о генерале Ермолове, которому я всю истинную справедливость отдавать привычен…»

Свидетельствуя о заслугах своих сподвижников, Ермолов сообщал в донесении: «Не представляю особенно о подвигах отличившихся господ штаб— и обер-офицеров. Надобно б было представить списки всех вообще; не представляю и о нижних чинах: надобно б исчислить ряды храбрых полков, имевших счастие носить звание лейб-гвардии государя…»

Подвиги истинных героев были отмечены. Преображенский и Семеновский гвардейские полки и Морской экипаж получили Георгиевские знамена; Измайловский и Егерский — Георгиевские трубы. Александр Иванович ОстерманТолстой был удостоен ордена св. Георгия 2-й степени. Когда флигель-адъютант Голицын привез ему награду, мужественный генерал принял ее со словами:

— Этот орден должен бы принадлежать не мне, а Ермолову, который принимал важное участие в битве и окончил ее с такою славою…

Прямо на месте битвы Александр I надел на Ермолова орден св. Александра Невского, а Константин Павлович при этом произнес:

— Ермолов укрепил за собою гвардию.

Прослышав, что при отступлении к Кульму повозка Ермолова пропала, и зная его скудное состояние, великий князь предложил ему свой новый, шитый золотом генеральский мундир.

— Алексей Петрович, я тебя хорошо знаю, — говорил Константин Павлович. — Ты не станешь просить вспомоществования, хотя имеешь на то полное право. Тем более что многие лица, ничего не потерявшие, выхлопотали себе денежное вознаграждение. Я теперь без денег и не могу предложить тебе их. Но возьми в знак дружбы мой мундир…

— Ваше высочество, — отвечал Ермолов, — я настолько высоко ценю ваше дружеское ко мне расположение, что не хочу, чтобы оно омрачалось подарками…

Кульмское сражение внесло перелом во всю кампанию 1813 года.

Поражение Вандама лишило Наполеона всех плодов победы, одержанной при Дрездене, и заставило его отступать к Лейпцигу. Одновременно пришли вести о победе шведского принца Бернадота над корпусом Удино при ГроссБеерене и Блюхера над Макдональдом в Силезии, на реке Кацбах.

В честь Кульмского сражения в Пруссии был учрежден специальный орден — Кульмский крест, которым были награждены шесть тысяч русских солдат, офицеров и генералов, принимавших участие в сражении. В Теплице был воздвигнут памятник русской гвардии.

В официозной военной истории роль Ермолова в этом сражении долгое время сознательно затушевывалась и принижалась. Ни многочисленным и сильным врагам Ермолова, ни императору Александру, а затем и Николаю I не хотелось связывать подвиг опоры престола — гвардии с его именем. Однако справедливыми останутся слова Дениса Давыдова: «Знаменитая Кульмская битва, в первый день этого великого по своим последствиям боя, принадлежа по преимуществу Ермолову, служит одним из украшений военного поприща сего генерала».

Глава шестая. РУССКИЕ В ПАРИЖЕ

1

Чем занимаются воины перед сражением? Кто спит, кто чинит или чистит амуницию, проверяет оружие. Одни офицеры вперили взор в топографические карты, уточняя будущие маршруты, а другие уставились в карты игральные: захибают углы валетов или двоек. И все это среди дымных биваков, соломенных шалашей, развалин и обгоревших строений. Тут человек, наслаждаясь свободою духа, часто забывает прошедшее и не заботится о будущем. Чувства его возносятся над мирским бытием: чем ближе к смерти, тем более презирает он опасность; с мстительным чувством смотрит на пепелища врагов своих и, будучи виною гибели неприятеля, сам готов вкусить гибель и быть жертвою собственного честолюбия.

Война пришла во Францию!..

Здесь встретил Ермолова французский язык, здесь он увидел себя впервые посреди той нации, которая принесла столько зла всей Европе и любимому Отечеству. Первое впечатление было необыкновенным: в немецких городах Ермолов привык наблюдать медленных, большей частью молчаливых и надутых бургомистров, а тут его встречали говорливые и учтивые, но угрюмые мэры со смуглыми лицами, на которых попеременно отражались все страсти. Он увидел Liberte et Egalite — свободу и равенство под бременем неограниченного наполеоновского деспотизма.

Французы глядели на русских мрачно, с нахмуренными лицами, которые, однако, еще более вытягивались, когда им напоминали о московском пожаре и разорениях в России. «Да! — сказал себе Ермолов. — Наши неприятели должны быть счастливы. Мы с ними обходимся совсем не так, как армия Наполеона с русскими в двенадцатом году: отыскиваем только вооруженных и не мстим никому. Русские!

Будьте для всех народов примером своей храбростью и

великодушием!..»

Франция… Странно видеть было какого-нибудь оборванного мужичонку в синем кителе, грязную бабу или нищего мальчугана, болтающих чисго на языке, которым в России щеголяют модники большого света и знание которого непременно для дворянстра.

«Вот где открылась ничтожность нашей моды!..» — желчно думал Алексей Петрович.

Русская гвардия под начальством Ермолова церемониально проходила через город Мо-на-Марне. Впереди — шесть полков тяжелой гвардейской пехоты: старая гвардия из преображенцев, семеновцев, измайловцев, литовцев и молодая гвардия из гренадер и павловцев. За ними следовала пехота легкая — лейб-гвардии егерский полк и батальон Финляндского полка. Шествие замыкала конница: бело-голубые кирасиры, кавалергарды в белых однобортных колетах и касках с густым черным плюмажем, гвардейские гусары в красных доломанах и синих чакчирах, уланы с бело-красными флюгерами на пиках.

Пропуская мимо себя великанов преображенцев с красными воротниками, семеновцев — со светло-синими, измайловцев — с темно-зелеными, Ермолов зычно приветствовал их:

— Бауцен — слава! Кульм — слава! Лейпциг — слава!

Иод Лейпцигом, в трехдневной «битве народов», командуя русской и прусской гвардиями, Ермолов смелой атакой захватил в центре позиций деревню Госса. После этого сражения Наполеон вынужден был отойти за Рейн и уже не покушался наступать на Европейском театре за пределами Франции…

Все улицы, площади и все дома города Мо были полны зрителями, большею частью женщинами. Старухи глядели испуганно, пожилые — плаксиво, молодые — весело. Мужчины прятались за баб и громко удивлялись чистоте и красоте, росту и мужественному виду гвардейцев.

«Велика разница между французским и русским солдатом! — думал Алексей Петрович. — Никто не превзойдет нашего в терпении, послушании и выносливости. Надобно знать русского солдата, чтобы

уметь побеждать с ним. Суворов знал его — и делал чудеса!..»

— Гвардии российской — слава! — воскликнул Ермолов.

И в ответ из-под киверов, обшитых черной глянцевитой кожей, с высокими черными волосяными султанами и медными блестящими двуглавыми орлами спереди, засверкали гордостью глаза, и над строем густо прокатилось всесокрушающее «ура!». Ударили барабаны, засвистели флейты, загремели трубы.

Горожане постепенно теряли страх, перебегали взад-вперед; ребятишки плясали под полковую музыку. Но кто? Почти все нищие. Простой француз, как подметил Ермолов, был одет беднее русского поселянина: на нем холщовый синий китель сверх рубахи и панталон, на голове колпак, на ногах деревянные башмаки. Повсюду царила дороговизна, какой Ермолов не встречал в Европе, и не столько из-за пришедшей во Францию войны, сколько от пошлин, которые Наполеон много лет брал за все на свете, начиная с табака и вплоть до дверей, окон и труб. «Вот какою ценой обернулись для французов их вольность и равенство, — усмехнулся Алексей Петрович. — Зато теперь Наполеон между ними — как аист между лягушками: глотает по выбору…»

Правду сказать, дела завоевателя, еще недавно стремившегося положить к своим ногам весь мир, день ото дня становились все хуже. Лишь февраль 1814 года, когда он напал на Силезскую армию, растянувшуюся на пути к Парижу, был счастливым для Наполеона. Прусская пехота должна была пятнадцать верст пробиваться сквозь неприятельскую кавалерию, за шесть дней армия потеряла 18 тысяч солдат и 43 орудия, а главнокомандующий Блюхер едва не попал в руки французов.

Зато небольшой русский отряд под началом Михаила Семеновича Воронцова покрыл себя неувядаемой славой под Красном, где успешно противостоял главным силам Наполеона. Только тогда бездействовавшие долгое время австрийцы, которые не желали низвержения императора Франции как родственника Габсбургского дома, двинулись в глубь страны. Союзная армия разгромила сначала самого Наполеона при Арси,

а затем — корпуса маршалов Мармона и Мортье при Фер-Шампенуазе. После этого дела, в котором особенно отличилась русская кавалерия, путь к столице Франции был открыт.

На окраине Мо, следуя в центре гвардии, Ермолов приметил груду разбросанных камней — накануне ночью русский лагерь был разбужеп взрывом порохового магазина, подожженного саперами Мармона. Впереди, у моста через Марну, между тем образовался затор. Колонны гвардейцев останавливались, по рядам перекатывался гул недоумения.

Ермолов, пришпорив коня, поскакал в голову корпуса. Навстречу ему уже мчался адъютант Михаил Муромцев.

— Обоз его сиятельства генералиссимуса Шварценберга… — доложил он.

Обозы австрийцев, состоящие из сотен огромных белых фур, были настоящим бедствием для союзной армии. Они тащились по всем дорогам, грабили и разоряли край и останавливали движение войск. Князь Шварценберг, возведенный тремя монархами в сан генералиссимуса, обладал несметным числом крытых повозок, как пустых, так и с награбленным добром.

От гнева у Ермолова на виске набухла жила.

— Тебя что, учить надо, как поступать с фурами цесарцев!..

Ермолов скоро нашел средство, как обгонять австрийские обозы. Он посылал к первой фуре расторопного адъютанта, тот, занимая разговором начальника обоза, незаметно вынимал из колеса чеку. Колесо сваливалось, фура ложилась набок, и вся колонна останавливалась. Около опрокинутой фуры немедленно собирался совет, на котором после долгих обсуждений принималось решение общими усилиями вставить новую чеку. Тем временем русский отряд двигался дальше.

— Алексей Петрович! Адъютант Шварценберга никого к фурам не подпускает.

— Верно, пронюхал немчура о нашей хитрости… — буркнул Ермолов и погнал коня.

Рыжий австриец в пестром наряде императорского гвардейца — сером мундире, красных штанах и треугольной шляпе с зеленым султаном —

встретил русского генерала надменно:

— Его сиятельство господин генералиссимус дал мне полномочия не подчиняться ничьим приказаниям, даже если это будет ваш император…

— А я сейчас прикажу, — грозно проговорил Ермолов, надвигаясь вместе с лошадью на цесарца, — сбросить все эти дурацкие телеги в Марну! Муромцев! — обратился он к адъютанту. — Две роты преображенцев! Искупаем союзников!..

На холеном лице австрийского офицера высокомерие быстро сменилось растерянностью и страхом.

— Экселенц, не горячитесь… Можно же все решить миром… — пролепетал он, — Мы отодвинем обоз и пропустим вашу гвардию, знаменитую столькими победами!..

К этой поре популярность Ермолова в союзной армии была так велика, что Шварценберг, увидев однажды его, сказал:

— Я узнал с прискорбием, генерал, что один из моих адъютантов позволил вести себя с вами дерзко, и тотчас наказал его, отослав вон из штаба в войска…

Русская гвардия двинулась через мост большой почтовой дорогой. Ермолов, в окружении адъютантов, громогласно воскликнул:

— На Париж, братцы! Идем на Париж!..

2

— На Париж! — говорили генералы. — И Москва будет отомщена.

— Идем в Париж! — радостно вторили офицеры. — Тамто найдем отдых и удовольствия. Пале-Рояль, держись! Есть ли деньги, господа, чтобы было на что повеселиться? Если не хватит — возьмем контрибуцию…

— На Париж! — судачили, размахивая руками, гвардейцы-солдаты. — Там кончится война. Государь, слышь, всем даст по рублю, по фунту мяса и по чарке вина! Наконец станем на квартиры…

— Направо, налево — раздайсь! — слышалась сзади команда, которая

обыкновенно отдавалась, если через колонну проезжал кто-либо из генералов.

Гвардейцы поспешно расступались и видели в середине бегущего полкового козла, который шел с войсками от самых Рудных гор.

— Васька тоже идет в Париж! — кричали усатые ветераны. — Держись, француз! Направо, налево — раздайсь!

И общий хохот ускорял движение.

Большая парижская дорога, по которой споро двигалась гвардия, была испорчена, и как будто нарочно: огромные камни выворочены на ребро, а величественные тополи, росшие по сторонам, вырублены и свалены поперек тракта.

Иногда попадались трупы ободранных лошадей, куски кожи от киверов и ранцев.

Чем ближе к столице, тем чище и обширнее становились строения в деревнях и местечках, а земля — плодороднее.

Фруктовые деревья и зеленеющая пшеница готовы были развернуться с первым дыханием весны, и жаворонки уже купалпсь в небе.

— Ишь, щевропок, юла, порхает на месте, — говорили гвардейцы и вспоминали родные деревни. — Жаворонок — к теплу, зяблик — к стуже…

Во дворах стояли скирды с хлебом, но не было ни души.

Ермолов запретил фуражировку и везде, где проходил, оставлял для охранения деревень караулы. Наконец за Суассоном солдаты увидели вдалеке, на возвышенностях, густой пушечный дым. Это Раевский с авангардом главной армии сбивал французов, которые, слабо сопротивляясь, отступали к Парижу.

Сняв треуголку, Ермолов указал ею на холмы справа от дороги, украшенные машущими крыльями мельницами:

— Монмартр! Предместье Парижа!..

— Здравствуй, батюшко Париж! — разнеслось по рядам. — Как-то ты расплатишься с нами за матушку Москву!..

Сорокатысячный отряд маршалов Мармона и Мортье готовился защищать

столицу Франции, в то время как Наполеон с остальной частью войск пытался с тылу тревожить главную армию.

Наступило 18 марта — радостный день для славы русского оружия и несчастный и бедственный для Наполеона.

3

Гром битвы и крики «ура!» наполнили окрестности Парижа — такой» столица Франции не слыхала с салгых древних времен. Ермолов в свите Александра I внимательно следил за действиями корпуса Раевского, стоящего в огне с пяти утра. Тут же находились великий князь Константин, Шварценберг, Барклаи-де-Толли, Милорадович, Аракчеев, многочисленные штаб-офицеры, флигель-адъютанты и приближенные императора. Непрестанная пушечная пальба и ружейные хлопки слышались впереди, от Бельвильской высоты, пкрывающей Париж. Густые колонны неприятельских каг.алеристов в светло-серых мундирах и высоких куньих шапках силились вернуть селение Пантеп и Роменвиль, занятые русским авангардом.

По диспозиции Раевскому назначено было атаковать центр французских войск; одновременно принцу Вюртембергскому — овладеть на левом фланге мостами через Марну и очистить Венсенский лес; Силезской армии Блюхера на правом крыле — занять высоты Монмартра. Однако принц Вюртембергский был еще далеко от поля сражения, а офицер, повезший Блюхеру приказ, заблудился и прибыл к нему поздно, когда уже кипел бой, в котором дрались только русские.

Так прошло несколько томительных часов. Все опасались, что в Париже появится Наполеон, который даже без счежего войска может дать сражению новый оборот. Нужно было торопиться, чтобы упредить противника. Но вот наконец справа послышался ружейный и пушечный огонь, возвестивший о прибытии Блюхера. Русские егеря во всей парадной форме пошли прямо в лоб на французов, защищавших

Монмартр, с музыкой, песнями и барабанным боем.

Александр I подозвал к себе Ермолова, которому помимо русской подчинялась прусская и баденская гвардейская пехота.

— Алексей Петрович, настала пора определить жребий сражения, — сказал царь по-французски громче, чем нужно, так как чувствовал, что изрекает историческую фразу. — Я не хочу мстить Франции за Москву, но воюю только с Наполеоном. Ступай на Бельвиль и возьми эти восточные ворота Парижа!..

Щадя русскую гвардию, Ермолов двинул вперед пруссаков и баденцев. К тому времени корпус Витгенштейна и гренадеры Раевского четыре раза атаковали Бельвиль, доолраясь до самых батарей, и четыре раза были вынуждены отступить. Кровопролитие началось ужасное, потери с ооеих сторон были значительны, и неприятель несколько отступил. Два полка прусской гвардии насчитали убитыми и ранеными более 80 офицеров, а у бадепцев из 800 человек в батальоне осталось всего лишь 80.

Перелом был достигнут. Пруссаки подходили к Ермолову и в присутствии государя поздравляли его, прибавляя:

— Сегодня ваш Красный Орел почернеет…

Ермолов получил от прусского короля крест Красного Орла 1-й степени за Кульм, но высшим военным орденом считался крест Черного Орла. Фридрих-Вильгельм, однако, не пожаловал ему эту награду из-за потерь, понесенных прусской гвардией.

Теперь надо было развить успех, тем более что на левом крыле союзников показались наконец колонны принца Вгортембергского. Ермолов во главе гвардейской пехоты пошел большой дорогою через Пантен, в то время как Милорадович повел гренадер еще левее — через Турель на Мениль-Монтан.

Яростным было последнее сопротивление французов. С высот Бельвиля поднялась страшная стрельба, несшая с собой смерть и разрушение. Гранаты беспрестанно разрывались вокруг; один осколок просвистел мимо ушей Ермолова. Заметя, что семеновцы нагибаются после каждого пушечного выстрела, он громко крикнул:

— Стыдно, ребята, кланяться французу! Ведь вы ядра реже видите, чем сухари!

Громкое «ура!» было ему ответом. Обгоняя своего командира, гвардейцы кинулись на гору. Неподалеку русская батарея беспрестанно посылала ядра, поражая французских канониров.

— Ваше превосходительство! Алексей Петрович! — услышал Ермолов знакомый голос и, обернувшись, увидел совершенно седого подполковника в обожженном артиллерийском мундире.

— Степан Харитонович! — воскликнул генерал, спрыгивая с лошади и обнимая Горского.

— Не верю, батюшка Алексей Петрович, что протопали мы с тобой от Москвы до Парижа!.. — плакал и смеялся Горский. — А ведь сегодня второй день третьей недели великого поста… В церквах наших читают книгу пророка Исайи… «Ты превратил город в груду камней, твердую крепость — в развалины… Чертогов иноплеменников уже не стало в городе… Вовек не будет он восстановлен… Как зной в месте безводном, ты укротил буйство врагов… Как зной тенью облака, подавлено ликование притеснителей…»

Удары пушек заглушали слова, сотрясая землю. Ермолов только выпустил Горского из своих крепких объятий, как заяц с прижатыми от ужаса ушами шмыгнул мимо батареи ь кусты.

— Ну, ваше превосходительство, не быть добру! — прокричал огромный канонир с закопченным лицом, в то время как другие усачи стали атукать.

— Для тех будет беда, кто верит этому, — перекрикивая выстрелы, отвечал Ермолов, но старый солдат только покачал головой и взялся за банник, чтобы очистить ствол от нагара.

Батарейцы работали безостановочно, забрасывая ядрами и гранатами вершину Бельвиля. После каждого удачного залпа Горский приказывал подать орудия вперед, вслед за гвардейской пехотой. Уже близок был гребень горы, уже показались за ним в туманной долине крыши зданий. Ермолов приметил большой позолоченный купол Инвалидного дома и две

гигантские колокольни собора Божьей Матери — Нотр-Дам. «Наша Москва, — подумалось ему, — столь же огромная, до пожара была красивее Парижа. Потому что в ней не один, а множество позлащенных куполов и соборных глав, а сверх того — башни Кремля…»

Вдруг из-за гребня горы выехал в синем мундире французский полковник и, размахивая белым платком, поскакал прямо на батарею. Не велев стрелять, Ермолов направился ему навстречу.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Где ваш государь или князь Шварценберг? — вопросом на вопрос ответил полковник. — Остановите огонь! Мы сдаемся!..

Не знавшие чужого языка батарейцы тотчас поняли смысл сказанного, и громкое «ура!» огласило восточное предместье Парижа.

Француз поскакал далее, в тыл русских.

— Конец войне, товарищи! — воскликнул Горский, высоко вскидывая руки. Он как бы подал тем сигнал неприятельской батарее, ответившей новым залпом. Осколок ядра попал Горскому в бок, старик еще постоял на ногах, словно удивляясь случившемуся, а потом повалился рядом с пушкой. Когда Ермолов приподнял его и положил на разостланную шинель, все тело Горского била дрожь, а из уст раздавался страшный стон.

— Проклятие! — вскричал Ермолов.

Он подбежал к орудию и пустил навесно ядро на город.

— Стойте! Не стрелять! — послышалось от группы штабных офицеров, впереди которых ехал с белым флагом флигель-адъютант императора полковник Орлов. — Французы капитулировали!

Но Ермолов даже не обернулся.

— Алексей Петрович? — в крайнем удивлении остановился возле него Орлов. — Государь разыскивает вас! Он желает поздравить ваше превосходительство с блестящим успехом союзной гвардии…

Александр I встретил Ермолова самой обворожительной из своих улыбок.

— Скажи мне, Алексей Петрович, не потерял ли ты, часом, чего-нибудь у

Бельвильской высоты? Что? Кажется, я нашел принадлежащую тебе вещь…

— Вы ошибаетесь, ваше величество, — еще находясь во власти горестной утраты, глухо отвечал Ермолов. — То, что я потерял на Бельвиле, уже не вернешь.

— А вот и нет, а вот и нет, — поняв ермоловский ответ по-своему, возразил император. — Я сам нашел то, что принадлежит тебе!

Он, не оглядываясь, протянул назад пухлую руку, и Орлов под завистливыми взглядами свиты тотчас же вложил в нее небольшой конверт.

— Возьми же, Алексей Петрович, — повторил Александр. — Это твое!

Ермолов отрешенно развернул бумагу и увидел знаки св. Георгия 2-ой степени. Вокруг зашептали, зашушукали генералы и свитские лица. Только Аракчеев наклонил голову, чтобы спрятать недовольство: не слишком ли приближает к себе государь этого выскочку?!

— И еще одна просьба, друг мой, — истолковав молчание Ермолова подавленностью от непомерной благодарности, продолжал Александр. — Наш Боян Шишков теперь в Праге. Так что манифест о взятии Парижа будешь писать ты…

4

МАНИФЕСТ ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ ПАРИЖА В 1814 ГОДУ

«Буря брани, врагом общего спокойствия, враюм России непримиримым подъятая, недавно свирепствовавшая в сердце Отечества нашего, ныне в страну неприятелей наших перенесенная, на ней отяготилась. Исполнилась мера терпения Бога — защитника правых! Всемогущий ополчил Россию, да возвратит свободу народам и царствам, да воздвигнет падшие! Товарищи! 1812 год, тяжкий ранами, принятыми в грудь Отечества нашего для низложения коварных замыслов властолюбивого врага, вознес Россию на верх славы, явил перед лицом

вселеиныя ее величие, положил основание свободы народов. С прискорбием души, истощив все средства к отвращению беззаконной войны, прибегли мы к средствам силы. Горестная необходимость извлекла меч наш; достоинство народа, попечению нашему вверенного, воспретило опустить его во влагалище, доколе неприятель оставался на земле нашей. Торжественно дали мы сие обещание! Не обольщенные блеском славы, не упоенные властолюбием, не во времена счастия дали обещание! С сердцем чистым, излияв у алтаря Предвечного моления наши, в твердом уповании на правосудие Его, исполненные чувств правоты нашей, при,?валн Его на помощь! Мы предприняли дело великое, во благое гп Божией снискали конец его! Единодушие любезных нам верноподданных, известная любовь их к Отечеству утвердили надежды наши. Российское дворянство, твердая подпора престола, на коей возлежало величие его, служители алтарей всесильного Бога, их же благочестием утверждаемся на пути веры, знаменитое заслугами купечество и граждане не щадили никаких пожертвований! Кроткий поселянин, не знакомый дотоле со звуком оружия, оружием защищал веру, Отечество и государя. Жизнь казалась ему малою жертвою!

Чувство рабства незнакомо сердцу Россиянина. Никогда не преклонял он главы пред властию чуждою! Дерзал ли кто налагать его, не коснело наказание! Вносил кто оружие в Отечество его, указует он гробы их!.. Дабы оградить Отечество от вторжения неприятеля, надлежало вынести войну вне пределов его, и победоносные воинства наши явились на Висле… Неприятель пребыл непреклонным к миру. Но едва протек год, узрел он нас на берегах Рейна! Французский народ, никогда не возбуждавший в нас чувств враждебных, удержал гром наш, готовый низринуться. Франция открыла глаза на окружающую ее бездну, расторгла узы обольщения властителя ее, устыдилась быть орудием его властолюбия! Глас Отечества возбудился в душе народа…

Франция возжелала мира. Ей дарован он, великодушный, прочный. Мир сей, залог частной жизни каждого народа безопасности, всеобщего и продолжительного спокойствия, ограждающий независимость,

утверждающий свободу, обещает благоденствие Европы, приуготовляет возмездия, достойные перенесенных трудов, преодоленных опасностей…»

5

19 марта в семь часов утра союзные войска торжественно вошли в Париж через предместье Сен-Мартен.

Шествие открывали гвардейские казаки, в алых куртках со стоячими воротниками, синих шароварах и в шапках из черной смушки с белым волосяным султаном. За лесом казачьих пик появилась кавалерия, потом — гвардей325 ская пехота, а за ней — император Александр I в сопровождении великого князя Константина, Шварценберга, короля Пруссии, английского посланника и генералитета.

От Сен-Мартена до Елисейских полей, где должен был состояться парад, плотной стеной на тротуарах; слева и справа стояли тысячи парижан, восхищаясь блестящему виду российской гвардии и красавцев офицеров. «Они, верно, воображали, по описаниям наполеоновских газетчиков, — подумал Ермолов, — увидеть в русских — варваров, питающихся человеческим мясом, а в казаках — брадатых циклопов!» В толпе было немало сторонников свергнутой династии Бурбонов — роялистов, которые вдели в петлицу белую лилию. Хорошенькие француженки выглядывали из окон, посылали из толпы воздушные поцелуи и даже подбегали к офицерам свиты и просили уступить им на минутку лошадь, чтобы увидеть русского императора.

«Как бойки!» — удивился Ермолов. При первой же встрече француженки показались ему весьма милыми, ловкими, а некоторые — просто прекрасными, «В их глазах, движениях, интонации читаешь любовь, — размышлял Алексей Петрович, невольно настраиваясь на лирический лад. — Кажется, все их существо дышит страстью. Насколько же отличен характер француженок от немок! В первых — живость, ветреность,

легкомыслие, непостоянство, горячность. У вторых — медлительность, основательность, недоверчивость, холодность. Ближайшее сходство с француженками имеют польки, и моя Надйн, к которой я испытал некогда страсть, тому подтверждение…»

Однажды Ермолов с начальником штаба Алексеем Александровичем Вельяминовым долго бродил по Парижу. Небольшая улица, носящая имя Наполеона, привела их к Вандомской площади. Посреди нее стояла медная колонна вышиной сажен пятнадцать с колоссальной статуей императора на вершине. Наполеон был в мундире и своей знаменитой шляпе, в правой руке сжимал золотой шар — символ власти.

— Она сделана по подобию Траянова столпа в Риме, — заметил Ермолов Вельяминову, — и вылита из меди трофейных пушек.

На пьедестале была представлена воинская арматура новейших времен: мундиры с эполетами, каски Павловского гренадерского полка, русские знамена, пушки, а по углам одноглавые французские орлы. Толпа простого народа окружала колонну.

— Высоко взошел ваш император, — обратился по-французски Ермолов к одному из зевак, по виду — мастеровому.

— Ничего, — усмехнулся тот, — сейчас сойдет вниз…

Действительно, по лестнице, скрытой в пустоте колонны, уже поднималось несколько молодцов, и вот один проказник вскочил на плечи медного императора и начал обматывать его шею толстым канатом, концы которого свисали до земли. Ермолов угадал зачинщиков этой затеи, приметив разъезжающих в толпе угрюмых роялистов в черных фраках с белыми кокардами на круглых шляпах. Оборванные простолюдины, среди которых были и женщины, схватились за канат в намерении стащить бывшего своего идола.

— Как не вспомнить древний Рим и тамошнюю чернь! — сказал Ермолов Вельяминову. — Люмпены, преклонявшиеся перед своим цезарем, теперь топчут его!..

В негодовании на ветреность французов, Ермолов повернулся и зашагал влево и вскоре оказался на широкой и многолюдной улице Сент-Оноре.

Пройдя мимо высоких, трех— и четырехэтажных, домов с магазинами галантерейных и модных вещей, генерал и начальник штаба остановились у огромного портика с толстыми колоннами — у входа в знаменитый Пале-Рояль.

Через нижнюю галерею за толпою народа Ермолов и Вельяминов прошли до длинного двора, образованного высокими сплошными зданиями в несколько этажей. В нижнем размещались галереи с лавками наподобие петербургского Гостиного двора. Множество парижан расхаживало там взад и вперед, в блеске, пестроте витрин и непрерывном шуме.

Ермолов слышал, что в галереях Пале-Рояля собраны лучшие и драгоценнейшие товары, но, не имея надобности ничего покупать, лишь бегло оглядел витрины. Восковые бюсты с париками, выставленные в некоторых лавках под стеклом, показались ему столь же белы и натуральны, как и живые парикмахеры.

В среднем этаже огромного здания, вмещающего до пяти тысяч посетителей, располагались сплошь ресторации, в которых было соединено все, что только изобрела роскошь для приманки мотов и удовлетворения их прихоти и сладострастия. «Сам Лукулл мог бы восхититься этим царством изысканного обжорства», — подумал Ермолов, останавливаясь у знаменитой ресторации «О Мий Колонн» — «У тысячи колонн». Ему рассказывали, что здесь хозяйка, словно царица, сидит с утра до вечера на троне, рассылая приходящим дары через своих прислужников и собирая с них дань золотом и серебром.

В подземелье этого дома, как говорили Ермолову, находились также приюты для нищих, где за несколько су можно было пообедать супом из костей, соусом из мышей и жарким из кошек. В самом же верхнем этаже жили жрицы сладострастия. В общем, Пале-Рояль сам по себе казался городом. Он был похож не на бывший королевский дворец, а на толкучий рынок.

Ермолов любовался простыми француженками. Все они одевались просто, красиво и опрятно, были круглолицы, бледны, темнорусы или брюнетки, с живыми быстрыми глазками и всегдашнею улыбкой. При

тонкой талии и гибком стане, они носили коротенькие платья, чтобы были видны ножки, ручки прятали в фартучные карманы, а волосы убирали под сеточки или чепчики. После двухлетней бивачной жизни Ермолов впервые ощутил острую тоску по теплой и мягкой женской руке.

В толпе, не стыдясь тесниться к мужчинам, сновали щегольски разряженные красотки, стреляя направо и налево подведенными глазками. Одна из них, большеглазая, с глубокой переносицей и маленьким кукольным носиком, повела осаду Ермолова по всем правилам воинского искусства, а когда он попытался ретироваться, пребольно ущипнула его.

— Алексей Александрович, — чувствуя, что не в силах побороть искушение, взмолился Ермолов, обратившись к Вельяминову, — обожди меня, тезка, на Императорской площади перед Тюильри…

Он последовал за красавицей, смущенно вздыхая: «Забыты осторожности, и ты, любезный товарищ, долго будешь ждать меня перед дворцом бывших королей и самого Наполеона. Ах, не так, не так жил я еще год назад…»

6

Император Александр, остановившийся сначала в доме наполеоновского министра иностранных дел Талепрана, беспринципного карьериста, затем переехал в Елисейский дворец. Чуть не каждый день устраивал он пышные приемы и празднества, на которые Ермолов должен был являться как начальник гвардейского корпуса.

Правду сказать, праздная парижская жизнь все менее нравилась ему. Парады устраивались так часто, что солдату в Париже было более трудно, чем в походе. Притом победителей морили голодом и держали как бы под арестом в казармах. Государь был до такой степени пристрастен к французам, что приказал парижской национальной гвардии брать встреченных на улицах русских солдат под арест, отчего

произошло много драк, в которых большей частью русские выходили победителями. Своих притеснителей имели и офицеры, и первым был фон Сакен, который получил пост военного генерал-губернатора Парижа и всегда держал сторону французов. Комендантом покоренной столицы Александр I назначил своего флигель-адъютанта Рошешуара. Он был родом француз — из числа тех, кто во время революции оставил родину под предлогом преданности изгнанному и неспособному королю, но, в сущности, с единственной целью миновать бедствия и трудности, которые его соотечественники переносили ради спасения Франции. Этот Рошешуар чинил всяческие неприятности русским офицерам, окружил себя французами и не упускал случая дать им предпочтение перед русскими.

— Увы, цель нашего государя вполне достигнута, — пробормотал Ермолов. — Он приобрел расположение французов и вместе с тем впервые вызвал на себя ропот победоносного своего войска…

Ермолов одиноко стоял в беломраморной, украшенной зеркалами и золочеными жирондолями зале, такой громадной, что даже при теперешнем многолюдстве помещение казалось пустым. По высочайшему повелению он должен был являться на приемы во фраке и чувствовал себя в нем очень неудобно.

Но куда более, чем неловкость от непривычной цивильной одежды, раздражала его надобность находиться среди придворных государя, испытывать их уколы от ревности и зависти, отвечать язвительными остротами и наживать новых врагов.

Конечно, благоволение к нему императора было велико, что еще раз подтвердилось поручением написать манифест.

Барклаев приказ к армии, очень неловкий, с порицанием французов, не понравился государю, и Константин Павлович указал на Ермолова. Алексей Петрович заимствовал коечто из Тита Ливия и в проекте приказа первый раз употребил слово «товарищи». Была также фраза: «Я знаю каждого из вас; по крайней мере место, ознаменованное его подвигом». Ермолов прочел государю текст один раз, потом другой, и тот подписал,

вычеркнув слово «товарищи» и фразу о подвиге…

В центре залы наполеоновские маршалы и генералы, изменившие своему императору, представлялись Александру I.

От пестрой, блестящей золотым шитьем и орденами толпы отделились двое. Великий князь Константин с генералом исполинского роста во французском мундире времен республики направились к Ермолову.

— Алексей Петрович! — сказал Константин. — Генерал Лекурб прослышал, что ты здесь, и пожелал непременно познакомиться с тобой.

— Очень рад увидеть героя Граубиндена, — пожимая руку генералу, живо ответил Ермолов. — Вы один из немногих французов, кому не пришлось изменять присяге…

Произведенный в дивизионные генералы, Лекурб в 1799 году деятельно вспомоществовал Массену в его неудачных битвах с непобедимым Суворовым и после Муттенского сражения сам оказался в плену. Зато в следующем году, командуя правым крылом армии Моро, он перешел через Рейн, овладел Фельдкирхеном и всем Граубинденом, разгромив австрийцев. После воцарения Наполеона Лекурб обрек себя на добровольное изгнание.

Указывая на вчерашних наполеоновских маршалов, которые заискивали теперь перед русским императором, Лекурб громко произнес:

— Презираю их за непостоянство и отсутствие верности долгу. Я не желал бы видеть этих трусов в качестве моих полубригадных начальников…

— Вас просит его величество… — подошел к Ермолову один из флигель-адъютантов.

Император что-то говорил, сладко улыбаясь, маршалу Виктору, получившему свой жезл от Наполеона за Фридланд, но, завидя Ермолова, вмиг сменил выражение лица, явив крайнюю холодность:

— У тебя, Алексей Петрович, гренадеры разучились маршировать. Взвод на вчерашнем параде сбился с ноги…

— Из-за неправильной музыки, ваше величество, — заметил Ермолов.

— Приказываю, — не слушая его, продолжал Александр, — арестовать и

препроводить на гауптвахту батальонного и полкового командиров.

Ермолов нахмурил густые брови и твердо возразил:

— Государь! Полковники сии — отличнейшие офицеры.

Уважьте службу их, а особливо не посылайте их на иностранную гауптвахту. У вас есть на то Сибирь, крепость!

— Исполняйте долг свой! — почти закричал Александр, теряя привычное самообладание.

Девятнадцатилетний великий князь Николай Павлович, округлив глаза, гневно добавил:

— Возмутительное непочтение к особе его величества!..

Ермолов молча поклонился и решил не арестовывать заслуженвых воинов, надеясь, что случай забудется. А если бы император проверил выполнение приказа, у Алексея Петровича уже был готов ответ, что оба полковника повели гренадер в селения и их нет в Париже.

Вечером Ермолов был в театре, где давали оперу Моцарта «Волшебная флейта», которую он не имел случая слушать в Петербурге. Он восхищался аллегро в исполнении Папагено, который чрезвычайно забавлял всех своими колокольчиками и дудочками. Только некоторые монологи показались ему скучными — например, разговор жреца с Тамино или речи самого царя Басов, волшебника Карастро. Зато гений Моцарта околдовывал. «Музыка эта стара, но, видно, хорошее не старится…» — думал Ермолов, когда кто-то осторожно тронул его за плечо. Это был перепуганный донельзя адъютант начальника главного штаба князя Волконского.

Оказалось, что к вечеру государь спросил у Волконского, арестованы ли полковники, и так как их на гауптвахте не оказалось, то он раскричался на начальника штаба и стращал его самого услать в такое место, которого князь не найдет на всех своих картах. Адъютант христом-богом умолял Ермолова расписаться в получении записки Волконского.

Алексей Петрович принужден был выйти в фойе и там поставил свою подпись.

На другой день Ермолов отправился к царю и снова пробовал просить

его, но получил отказ и принужден был унизить русских офицеров, отправив их на иностранную гауптвахту. Выходя из Елисейского дворца, он встретил великого князя Николая Павловича, остановил его и, отвечая на вчерашнюю реплику, резко заметил:

— Я имел несчастье подвергнуться гневу его величества.

Государь властен посадить нас в крепость, сослать в Сибирь, но он не должен ронять храбрую армию русскую в глазах чужеземцев. Гренадеры пришли сюда не для парадов, но для спасения Отечества и Европы!.. Таковыми поступками нельзя приобрести привязанности армии.

— Вы служите государю и не имеете права обсуждать его действия! — возмутился великий князь.

Но Ермолов оборвал его:

— Разве, ваше высочество, вы полагаете, что русские военные служат государю, а не Родине? Вы еще достаточно молоды, чтобы учиться, и недостаточно стары, чтобы учить других…

Великий князь по молодости не нашелся, что ответить.

Но надо полагать, слова эти глубоко запали в душу Николая Павловича и положили начало тому недоверию, которое так сильно отразилось на судьбе Ермолова после восстания дет кабристов в 1825 году.

Смелые слова Ермолова были доведены до Александра I, и царь приказал перевести арестованных полковников с гауптвахты в специальную комнату, подготовленную в Елисейском дворце.

7

Граф Аракчеев остро, по-бабьи ревновал государя ко всем и каждому, по в последнее время предметом его особенной заботы стал Ермолов. Этого строптивого генерала, силача и кумира солдат, Алексей Андреевич теперь побаивался и в глаза ему откровенно льстил. Это он сказал Ермолову:

«Быть вам военным министром» — и впоследствии делал все, чтобы

предотвратить его возможное назначение. Да эта задача и не представлялась слишком сложной, потому что император Александр к той поре остыл и стал равнодушен к внутренним делам страны, вполне доверяясь неизменному своему любимцу графу Алексею Андреевичу. Нужно было только провести линию с необходимым тактом и тонкостью.

После войны 1812 года государь рассматривал себя как орудие Всевышнего Промысла, и в его характере все более начинали возобладать черты мистицизма, необычайного упоргтт и раздражительности в отстаивании своих мнений и желаний.

Заручившись полной поддержкой влиятельного Петра Михайловича Волконского, Аракчеев только искал случая, чтобы поговорить с государем об этом деликатном предмете.

Случай такой представился, после того как в ноябре 1815 года Ермолов, сдав командование гренадерским корпусом генералу Паскевичу, уехал в отпуск к родителям в Орел.

Как-то перед ужином государь беседовал с Аракчеевым в небольшом, украшенном оружием и рисунками на военную тему кабинете дворца великого князя Константина Павловича. Он только что вернулся с Венского конгресса, исправив там карту Европы, приведенную в беспорядок революцией, и распределив вознаграждения среди держав, которые участвовали в борьбе с Наполеоном. Теперь Александр I остановился в Варшаве — столице нового Царства Польского, вошедшего в границы Российской империи и управляемого Константином.

Разговор шел о порядках в армии.

— Этого терпеть долее нельзя! — страстно говорил граф Алексей Андреевич. — Государь! Офицеры, особливо в гвардии, почти сплошь развращены заграницей, а всего более — Францией. Они поступали в германские университеты, добивались там докторских степеней и заражались возмутительным духом вольномыслия…

Александр I, кротко поглядев на временщика, ответил:

— Ты же знаешь, друг мой, я сам разделял и поддерживал их иллюзии. Не мне их судить…

Внутренне поморщившись, как от изжоги, Аракчеев придал своему крупному, почти прямоугольному лицу плаксивое выражение, словно желал превзойти своего императора в искусстве притворства.

— Дисциплина упала. Офицеры за границей позволяли себе ходить во фраках и даже выезжали в таком виде на учения. Только накидывали сверху шинель и надевали форменную шляпу… Как нужен сейчас деятельный и осмотрительный военный министр!

Император поискал глазами икону и, не найдя, опустил голову, явив Аракчееву плешь на темени, перекрестился и сказал:

— Пожар Москвы осветил мою душу и согрел сердце верою. Мирское просвещение надобно сделать христианским и руководствоваться сим во всех помыслах.

— Одобренные вашим величеством программы военных поселений, — подхватил Аракчеев, — первый шаг к сей цели в армии. Следует идти далее…

Несносно кичливый и мелко злопамятный Аракчеев уже слышал насмешки Ермолова, откровенно возмущавшегося попыткой ввести для поселенцев двойное рабство — государственных крепостных и солдат.

— Кого же ты предлагаешь? — Александр I кротко поглядел на своего любимца.

— Я могу указать вашему величеству на двух генералов, кои способны занять это место.

— Говори же, — думая о чем-то своем, разрешил император.

— Государь! Это граф Воронцов и Ермолов. Назначению первого, имеющего большие связи и богатства, всегда любезного и приятного в обществе, возрадовались бы все Но ваше величество вскоре бы усмотрели в нем недостаток энергии и бережливости, какие в настоящее время необходимы Назначение Ермолова было бы для многих весьма неприятно.

Он начнет с того, что перегрызется со всеми. Но его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость вполне впоследствии себя бы оправдали…

— Так готовь бумагу о назначении Ермолова, — немного помедлив, сказал Александр.

— Так, государь! — согласился Аракчеев. — Только есть препятствие…

— Какое? — искренне заинтересовался Александр I.

Выкатив свои холодные, словно незрячие, глаза, граф

Алексей Андреевич пояснил:

— Сам Алексей Петрович этого никак не хочет. Беру в свидетели почтеннейшего князя Волконского. Ермолов желает прославить имя ваше на Кавказе, где он служил еще в юности…

22 апреля 1816 года, остановившись на обратном пути из Орла в Смоленске, у брата Александра Каховского, Ермолов с крайним удивлением узнал из газет о своем назначении начальником в Грузию.

В Петербурге Александр I сказал ему:

— Я никак не думал, что такое назначение будет желательно тебе… Но графу Алексею Андреевичу и князю Петру Михайловичу я должен верить…

ЧАСТЬ 4

А.С.Пушкин — А.П.Ермолову

«Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших закавказских подвигов. До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает все — и только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке».

Глава первая. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСОЛ

1

Командир Отдельного Грузинского корпуса, управляющий гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях и чрезвычайный посол в Персии ехал в простой рогожной кибитке. С ним были лишь кучер да слуга — Федул — Ксенофонт, вызванный из орловского поместья отца, где Федул крестьянствовал, пока Ермолов сражался с французами.

Давние воспоминания тревожили генерала.

«Двадцать лет назад, — вспоминал он, — проезжал я Кавказскую линию, будучи капитаном артиллерии, в молодые весьма летах и служа под начальством Зубова. Где мои сподвижники и товарищи тех времен, наполнившие Кавказ военным громом? Цицианов, состоявший с 1802 года в звании главнокомандующего, изменнически убит в 1806-м. Это при нем были покорены различные владения к западу и востоку от Грузии, в том числе крепость Гянджа, переименованная в Елисаветполь. Это его воспитанник полковник Карягин с отрядом в шестьсот человек противостоял пятнадцатитысячному авангарду персидской армии, бесславно воротившейся за Араке. У ворот Парижа пал бедняга Горский. Нет уже в живых генерал-фельдмаршала Гудовича, от гнева которого спасался я после персидского похода 1796 года и который вновь стал главнокомандующим после Цицианова…»

Престарелому Гудовичу пришлось иметь дело с новым врагом — Турцией, чью двадцатитысячную армию он разгромил на реке Арпачай летом 1807 года. В 1810 году на его место был назначен Тормасов, который вел успешную войну одновременно с турками и персами, во многом обязанный победами своим мужественным сподвижникам — Котляревскому и маркизу Паулуччи. Взятие Котляревским с отрядом в четыреста солдат крепости Мигри, защищаемой двухтысячным

гарнизоном, и блестящая победа Паулуччи при Ахалкалакп над соединенными персидско-турецкими силами охладили пыл противников России.

Блистательной кометой на небосклоне русского воинского искусства взошло имя Котляревского.

Сын бедного сельского дьячка, Котляревский четырнадцати лет начал солдатскую службу и тянул лямку рядового шесть лет. Он впервые заявил о себе в бою на Иоре 7 ноября 1800 года и за этот бой получил сразу две награды: чин штабс-капитана и крест св. Иоанна Иерусалимского.

Тебя я воспою, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа! —

писал о нем Пушкин.

Одним из подвигов Котляревского был штурм с двумя батальонами гренадер сильной турецкой крепости Ахалкалаки. В советской исторической литературе об этом славном эпизоде говорится так: «Ночной штурм Ахалкалаки представляет собой выдающийся пример воинской доблести и тактического мастерства. Это редкий в истории военного искусства случай, когда одна только пехота без поддержки своей артиллерии с ходу овладела достаточно сильной для того времени крепостью, огражденной каменными стенами и располагавшей 20 пушками».

И далее: «Можно лишь удивляться беспредельной выносливости, отваге и мужеству русского солдата, доказавшего, что Кавказские горы для него преодолимы в любое время года в такой же мере, как Швейцарские Альпы, и что его измаильский штык может сокрушить даже каменные

стены.

Но следует отдать должное и его непосредственным начальникам — ученикам великого Суворова, сумевшим провести всю эту операцию от начала до конца в нарастающем стремительном темпе, вплоть до завершившего ее ночного штурма, который прозвучал, как мощный заключительный аккорд мастерски исполненной симфонии» note 6 .

Развивая успех, Котляревский в октябре 1812 года с двухтысячным отрядом наголову разбил сильную персидскую армию при Асландузе, а 1 января 1813 с полутора тысячами солдат завладел сильно укрепленной Ленкоранью, защищаемой четырехтысячным гарнизоном. Эти победы вынудили шаха просить о мире, который был заключен в Гюлистане в том же году. По соглашению персияне отказывались от притязаний на все занятые русскими земли за Кавказом.

Как мы помним, еще раньше, в 1812 году, Кутузов подписал мир с Турцией.

Дорого заплатил Котляревский за свои победы. Генералмайор в двадцать девять лет, генерал-лейтенант — в тридцать, кавалер ордена св. Георгия 2-го класса в тридцать один год, он стал жалким инвалидом, получив тяжелое ранение в голову при штурме Ленкорани. Тридцать девять лет прожил Котляревский после этого, с обнаженным мозгом, испытывая неимоверные страдания, сперва на Украине, в Бахмутском уезде, а затем в Крыму, под Феодосией. Слава и память о нем надолго пережили героя; Ермолов высоко чтил его.

А сколько еще военачальников выдвинулось на Кавказе!

Лазарев, Гуляков, Несветаев, Власов, Симонович, Орбелиани, Булгаков, Портнягин… Как им, должно быть, приходилось не сладко при назначенном в 1812 году на пост главнокомандующего неумном и нерешительном Ртищеве!

«Теперь сей излишне добрый старик, — размышлял Алексей Петрович, — спит и видит, как бы поскорее передать мне свое ярмо наместника и воротиться в Россию после шестилетнего пребывания на линии и в Грузии…»

Кибитка меж тем, сотрясаясь на ухабах, подвозила главнокомандующего к столице войска Донского — Новочеркасску. «Вряд ли где еще дорога столь дурна, а почта столь неисправна, — морщился от тряски Ермолов. — Лошади пе везут, упряжь негодна, казаки на почтовых ездить не умеют…»

Город, лежащий на косогоре, был виден за четырнадцать верст. У заставы теснились казачьи старшины, именитые старики и в немалом числе обыватели. Миновав толпу, Алексей Петрович добрался на вконец измученных лошадях до почтовой станции. Во дворе цыгановатый урядник расседлывал коня, не обратив никакого внимания на приезжих.

— Лошадей, и живо! — крикнул ему Ермолов из кибитки.

— Лошади е, да только у степу, — меланхолично сказал урядник, не поворачивая головы.

— Это что за калмыцкие порядки? — загремел Ермолов. — Мне что, прикажешь пешком идти?..

— Это уж как пожелаеть ваше благородие, — не зная, кто леред ним, ответствовал казак. — Только и те, что у степу, не про вашу честь. Их выставило дворянство для его сиятельства Матвея Ивановича Платова. Чай, пе вам чета…

Ермолов прыгнул из кибитки, выдернул из плетня порядочный кол и трижды протянул урядника по спине. Затем он вскочил на его коня и полетел в степь.

— Да ты, дурак, невежа, знаешь, от кого гостинец получил? — с укоризной сказал Ксенофонт — Федул. — От самого генерала Ермолова…

Через час командир Отдельного Грузинского корпуса вернулся, гоня отобранных из табуна прекрасных лошадей.

Когда их запрягли, он подозвал к себе урядника.

— Вот тебе, братец, по одному за каждую плюху. — И подал казаку три червонца.

Другой казалась земля, другим — небо!

Уже в Ставрополе Ермолов увидел на горизонте неподвижные белые облака, которые поразили его двадцать лет назад. Это были снежные вершины Кавказских гор.

В губернском центре Георгиевске, известном болезненностью климата, Ермолова ожидал персонал посольства, направляющегося в Персию. Но прежде чем решать дипломатические задачи, надо было спешно укреплять порядок внутри края. Все было в состоянии совершенного разрушения.

От Владикавказа начиналась Военно-Грузинская дорога — единственный путь, соединявший Россию с Закавказьем, но подвергавшийся беспрестанным разбойным нападениям. Ермолов зорко подмечал наиболее опасные места этой важнейшей коммуникации, прикидывая, как исправить и укрепить ее.

В двенадцати верстах от Владикавказа был только что заложен редут Балта. Здесь горы становились все круче, переходили в скалы; узкая дорога была пробита или проделана взрывом пороха и шла под навесом. Справа отвесный камень, а слева крутой берег Терека увеличивали мрачность картины. Чем ближе подвигались путники к редуту Ларе, тем все уже и теснее становилось ущелье.

— Вот он, Дарьял! — перекрывая шум воды, крикнул Ермолову его адъютант штабс-капнтан Бебутов.

— Место ужасное! — зычно ответил тот, стпрая с лица брызги.

Здесь была самая узкая теснина Терека, сдавленного голыми отвесными громадами. Грязная, буро-серая, масса воды, не находя себе выхода, металась и кружилась, завиваясь в громадные кудри. Стоны, вопли, глухой гул не смолкали в воздухе. Все было мрачно: бушующий Терек внизу и узкая полоска неба вверху. Только орел медленно чертил круг, зависая черной точкой. Высоко на скале, над самой дорогой, лепились развалины древнего замка. Грозно молчащие среди грохота Терека горы казались огромной неприступной крепостью.

Но впереди по дороге, поворачивающей круто налево, через Терек, бодро двигались пятьдесят егерей. Их блестящие ружья резко контрастировали с темными, грубыми скалами.

Ударил барабан, и двадцать ущелий, повторяя этот бой, напомнили Ермолову со всех сторон о его миссии. На миг ему представилось, что вместо егерей впереди идут легионеры — в белых плащах, сандалиях, панцирях и блестящих шлемах с высоким гребнем. А он, вооруженный полномочиями императора, песет в этой край централизующую и цивилизаторскую идею древнего Рима…

— Ваше превосходительство! Редут Дарьял. Граница между Кавказской и Грузинской губерниями… — вывел его из задумчивости Бебутов.

Ермолов вскинул львиную голову. За мостом через Терек был выстроен второй — через реку Дарьялку. Далее на скале, подмываемой Тереком, расположился невзрачный домик, обнесенный низенькой каменной стеной.

За спиной была Европа; Ермолов ступил на землю Азия.

3

Сложность дипломатической миссии Ермолова заключалась не только в том, что недовольные Гюлистанским трактатом персы домогались возвращения им ряда южных земель. Русский император считал свое царство слишком обширным, чтобы благоустроить его, и был явно утомлен продолжительными войнами в Европе. Он не так уж дорожил территориальными приобретениями в Закавказье и потому ввиду сохранения мира готов был возвратить Персии что-то из недавних завоеваний. В 1816 году персидский посол в России привез на родину не совсем безосновательную уверенность в том, что главнокомандующему Кавказа ради сохранения дружбы тегеранского двора приказано было сделать весьма значительные поземельные уступки.

Однако Ермолов стоял ближе к делу и лучше знал Восток, чем русский

царь. Будучи убежден в неизбежности войны с Персией и Турцией, он понимал, что уступленное рано или поздно придется снова завоевывать. Когда Александр I предоставил на его волю ехать в Персию или послать кого-то другого, Ермолов решил сам возглавить посольство, чтобы не допустить никаких уступок. Он и в дальнейшем не шел ни на какие поземельные утраты. Денис Давыдов рассказывает, что, получив однажды высочайший запрос об отдаче Турции части восточного берега Черного моря, Ермолов следующим образом закончил письмо Александру I: «Если воля Вашего Величества неотвратима, то прошу прислать мне преемника для приведения ее в исполнение». Русский царь нехотя внял голосу патриота и государственного мужа и отменил уже сделанное распоряжение. «Властитель слабый и лукавый», как назвал Александра I Пушкин, император не просто ценил и уважал Ермолова, но еще и побаивался его — его резкости и неумытой правды, — полного своего антипода, человека воли, энергии, дела…

Перед отъездом в Персию Ермолов добился необходимых ему назначений. Нужнейшего для него по военной части полковника Вельяминова, который служил с ним в гвардейской артиллерийской бригаде, он назначил начальником корпусного штаба. Дежурным штаб-офицером взял старого сослуживца подполковника Наумова, по части гражданской — коллежского советника Рыхлевского. Командиром 20-й дивизии, расположенной в Грузии, Ермолов выпросил генералмайора Кутузова.

Это был тот самый Александр Петрович Кутузов, который получил три ранения в наполеоновских войнах — под Аустерлицем, Фридландом и Люценом и который в Бородинском сражении со своим Измайловским полком выдержал страшный натиск кавалерийских корпусов Нансути и Латур-Мобура. Отправляясь в Персию, Ермолов предполагал соединить в его руках военное и гражданское управление всем Закавказьем.

Теперь можно было готовиться к трудному и опасному путешествию.

Обозрев южные границы России и оставив необходимые распоряжения, Ермолов 17 апреля 1817 года во главе многолюдного посольства выехал

в Персию. С ним отправились советники, секретари, адъютанты, доктора, живописцы, церковники, толмачи, музыканты, мастеровые, прислуга, казачий конвой. Первую длительную остановку чрезвычайный посол сделал в Эчмиадзине, святыне армянского народа и местопребывании католикоса Ефрема.

4

За пять верст от престольного армянского монастыря Ермолов был встречен пятью епископами, которые, сойдя с лошадей, благословили его. Более чем за версту выехал сам патриарх. Русского главнокомандующего приветствовали колокольным звоном и духовным пением. Здесь, несмотря на настояния персидских чиновников, предлагавших без роздыха ехать прямо в Эривань, Ермолов остался на праздник вознесения.

Эчмиадзин, что в переводе означает «сошел единородный», был построен, по преданию, в 303 году. Внушительный по размерам храм был отделан плитами из порфира, потемневшими от времени. Посреди храма — престол с четырьмя колоннами из таврского алебастра. Слушая прекрасную проповедь католикоса, Алексей Петрович с прискорбием примечал, в каком унизительном положении находится этот почтенный старик. В то время как сам чрезвычайный посол не только не сел на предложенные кресла, но даже отказался встать на специально разостланный для него ковер, шахские чиновники, чтобы унизить армянского патриарха, во время богослужения потребовали себе стулья и громко переговаривались. Когда католикос упоминал имя русского императора, то вслед за этим должен был громко прокричать и имя шаха, иначе его подвергли бы наказанию.

Эчмиадзинский монастырь постоянно грабили, делали в церкви бесчинства, а сам католикос ежеминутно рисковал лишиться жизни.

Армянский народ изнывал под игом Фетх-Али-шаха. Едва Ермолов

углубился в Эриванскую область, как был засыпан жалобами местных жителей на притеснения персов и изъявлением желания присоединиться к России. Но он не имел права на неосторожные обещания и рискованные поступки: вокруг примечено было большое число шпионов, которые доносили о каждом шаге русского посла.

В столице Эриванской области Тебризе жил третий сын и наследник шаха — Аббас-Мирза. Ярый противник России, он фактически управлял страной и вооружался для новой войны. В сформировании армии ему деятельно помогала Англия.

Еще в 1809 году англичане вытеснили из Тебриза наполеоновского генерала Гарданна и его офицеров, первых учителей Аббаса в военном деле. Аббас-Мирза организовал регулярную пехоту — сарбазов. При нем находились майор британской службы Монтис и капитан Харт, ставший начальником всей пехоты.

— Они здесь то, чем были капитаны-греки у сатрапов Малой Азии… — говорил медик посольства Мазарович Ермолову.

Выходец из Венеции и врач по профессии, Мазарович состоял с 1807 года на русской дипломатической службе и нравился чрезвычайному послу своим острым умом, отличными способностями и глубоким знанием края.

— Вся сия наемная сволочь, — отвечал Ермолов, пуская трусцой своего коня бок о бок с лошадью Мазаровича, — выдает себя за единственных спасителей Персии. А персияне по глупости не видят, что делается это не для ограждения их, но чтобы иметь верное средство продать выгодною ценой самое гадкое сукно и бракованное оружие…

А от близкой уже Эривани с криком и гиканьем летела курдская конница. Брат местного сердара Гуссейн-ага торжественно встречал русское посольство. Ермолов пустил свою лошадь вскачь и объехал выстроившихся курдов, воинственный кочевой народ, отличных всадников, приветствовавших генерала с веселым видом и радостными восклицаниями. Осмотрев войска, Ермолов с посольством расположился на холме, и началась игра, изображающая сражение с пальбой

холостыми зарядами. Более тысячи курдов, вооруженных кольями и пистолетами, на славных лошадях рыскали взад-вперед часа полтора. Они разгорячились, всякий желал показать свое искусство, поднялась пыль, крики и ужасная стрельба.

У ворот Эрпвани Ермолова ожидал сердар Гуссепн-Кулихан с полутора тысячами регулярной пехоты при шести орудиях.

Глядя, как неумело, но старательно маршируют пехотинцы, чрезвычайный посол с усмешкой бросил Мазоровичу:

— Потеряв азиатскую ловкость и проворство, сарбазы не получили и европейской выправки. Грязное и дурно одетое войско не умеет даже действовать английскими ружьями!

Со стороны Эривань казалась очень красивой: беленькие домики утопали в зелени садов, изящные тонкие минареты возносились высоко в небо, старая крепость с дворцом сердара внушительно расположилась над вьющейся рекой Занга. Но сам город поразил Ермолова удушливым запахом и обилием нечистот. Пока посол обедал и пил кофе у ГуссейнКули-хана, который почитался лучшим в Персии полководцем, полковник Иванов и штабс-капитан Муравьев, запершись, наносили на карту пройденный путь.

Из Эривани открывался прекрасный вид на Арарат, вершины которого видны были почти постоянно.

Арарат, Большой и Малый, назывался еще у армян Маспс — Мать Мира. Монахи утверждали, что между его сосцами остановился некогда Ноев ковчег. Армяне почитали его как святую гору и создали об Арарате десятки поэтичных легенд. Удаляясь с посольством к Нахичевани, Ермолов не раз оглядывался на белоснежные шапки, резко выделявшиеся на фоне густо-синего безоблачного неба.

11 мая посольство прибыло в Нахичевань, приветствуемое слепым Назар-Али-ханом. Шах Персии вырезал ему глаза за одно только подозрение в привязанности к России. Доброе лицо старика внушало уважение, а увечье его — сострадание.

— Только ужас может вызвать власть царей, преступающих пределы в

отношении к подданным! — гневно сказал Мазаровичу Ермолов. — Здесь между врагами свободы надобно учиться боготворить ее.

— Хотите, Алексей Петрович, я расскажу вам, как производится процедура этого варварского наказания? — спросил тот. — Шах при себе — заметьте, при себе, — велит приковать к земле осужденного и положить ему на грудь груз, на который садятся еще несколько человек. Глаза у несчастного выкатываются из орбит, и палач вырезает их особенными ножницами…

— Осторожное правительство удерживает своего сына залогом верности! — брезгливо ответил Ермолов. — Благословляю стократ любезное мое Отечество. Ничто не пзгладит в сердце моем того презрения, которое я почувствовал к правительству Персии…

Он оказал особенное внимание несчастному старику, чем немало удивил сопровождавших посольство персов.

«Эти рабы, — думал горько Ермолов, — из подобострастия готовы почитать излишеством даже глаза…»

5

Ермолов ехал неспешно.

Но далеко впереди его летела молва об огромном и страшном русском великане с черно-седыми усами и густым громким голосом, о могучем воине, в жилах которого течет кровь самого Чингисхана, покорителя вселенной, и который разбил войско другого властелина полумира — Наполеона.

Шахские сердары и вали теребили крашенные хной бороды и теряли дар речи еще не видя Ярмула.

— Аллах акбар! — бормотали они. — О, горгон баран диде!..

В страшно засушливой и знойной Персии, где осадки были крайней редкостью, самым умудренным жизнью существом считался горгон — волк, видевший дождь…

19 мая посольство было в Тебризе — местопребывании Аббаса-Мирзы.

Зная любовь персов к церемониям, Ермолов постарался придать процессии торжественность, которая в Европе показалась бы шутовским маскарадом. Впереди ехали в красных мундирах донские казаки, за ними шли, играя марши, музыканты, потом уже медленно двигался на коне Ермолов со свитой. Перед послом персидский есаул в оранжевом кафтане и белой бараньей шапке разгонял любопытных большой медною булавой.

Сорок разнокалиберных орудий конной артиллерии у стен Тебрпза приветствовали чрезвычайного посла нестройными залпами. Боевым русским маршам шумно отвечала азиатская музыка на барабанах, флейтах и трубах. С трудом мог разобрать Ермолов в этой какофонии искаженную мелодию английского гимна «Бсже, храни короля…». Он перевел взгляд на первый батальон персидской пехоты — прекрасных, рослых и чистых, солдат с длинными бородами и в папахах. Горькое и мучительное чувство овладело им. Весь образцовый батальон состоял из русских дезертиров; из беглых солдат были и офицеры. Батальон этот, именуемый Енгимусульман, уже дрался против своих и проявил отчаянную храбрость. Теперь многие из дезертиров тайно просились назад, и Ермолов надеялся взять их с собой на возвратном пути. Но мучительное чувство при виде перебежчиков не проходило. Английский капитан Карт скакал по фронту и бил кулаками по лицам ротных командиров.

Перейдя мост через речку Аджи-су, посольство направилось узкими улочками Тебриза к отведенной резиденции — дому Мирзы-Безорга каймакама, или первого министра наследника. На другой день каймакам явился, чтобы договориться о подробностях аудиенции.

Мирза-Безорг, семидесятилетний старик, был довольно высок, худощав, пронырлив и беспрестанно говорил о себе, как о бедном дервише, отказавшемся от всех мирских благ и наслаждений. Между тем его уже назначили преемником первого визиря, которому было девяносто лет; один сын Безорга готовился занять его теперешний пост, а другой был женат на шахской дочери и жил в сверхъестественной роскоши.

Воспитатель Аббаса, хитрый и коварный Безорг делал в Тебризе, что хотел.

Отправляя Ермолова в Персию, император Александр I просил его не дразнить персов и соблюдать азиатский этикет, но посол тогда же решил, что будет выполнять лишь те условия, которые не унизят достоинство России. При свидании Безорг, пересыпая речь цветистыми восточными комплементами, уведомил русского генерала, что в комнату наследника нельзя войти в сапогах, а надо надеть красные чулки, что при свидании чиновники останутся во дворе, под окнами, и что так поступали европейские посланники из Франции и Англии. В своем ответе Ермолов перещеголял хитрого старика словесной лестью, сладкой, как шербет, но закончил словами резкими и язвительными.

— Переведи! — приказал он толмачу Алиханову. — Я знаю, на какие унижения перед Аббасом шел присланный Наполеоном генерал Гарданн, когда он стремился делать возможный вред России. Переведи. После красного колпака вольности французу нетрудно было надеть и красные чулки лести. Посланники же английские в намерении приобрести выгоды торговли также подчиняются персидскому этикету. Переведи. Но так как я приехал ни с подлыми чувствами Наполеонова шпиона, ни с корыстолюбивыми желаниями приказчика торговой нации, то не согласен на красные чулки и прочие унизительные требования…

После долгих раздумий Аббас-Мирза принял русского посла и его свиту во дворе, но не сидя на своих коврах, которых не дерзал попирать ни один сапог или башмак, а стоя на каменном помосте, у самых окон дворца, под портретом своего родителя. Алексей Петрович передал ему грамоту императора Александра и представил членов посольства.

Ермолов знал о том, что Фетх-Али-шах назначил Аббаса своим наследником, отказав в том старшему сыну Махаммед-Али-Мирзе. Злоба поселилась между братьями; старший объявил при отце, что после его смерти оружие изберет царя. Махаммед-Али был храбрым воином, чуждым всякой неги и европейских обычаев; Аббас-Мирза, напротив, нежный и женоподобный, искал дружбы то у французов, то у англичан и

старался устроить регулярное войско. Петербургское правительство не признало еще никого из них за наследника, ставя залогом дружбы отказ от Эриванской области в пользу России…

На другой день Аббас-Мирза предложил Ермолову показать свои войска. Сперва ловкость и удальство демонстрировали около тысячи курдских кавалеристов, вооруженных пиками с камышовыми древками. Когда курд нападает, то, держа пику за середину над плечом, трясет ею, и она изгибается так скоро, что глаз почти не успевает уследить на ее направлением. И потому удар курда никак нельзя отвести саблей. Когда же курд о ступает, то отстреливается из грех пистолетов, помещенных за поясом. Ермолов приметил, однако, как медленно азиаты заряжают свое оружие.

Курды не употребляли начиненных жестяных или деревянных; патронов, как черкесы, а из кожаной порошницы на поясе высыпали заряд на ладонь и уже затем — в дуло; в ветреную погоду порох обычно сдувало с руки.

После курдов наступил черед персидской артиллерии.

Восемнадцать орудий под начальством английского майора Лендисе стреляли в цель, причем ни одна не была поражена, хотя ядра ложились довольно близко. Аббас-Мирза восхищался пальбой, и, чтобы несколько остудить его, Ермолов заговорил о том, что самые необразованные народы заводят теперь свою артиллерию. Зная вражду персов к туркменам, он как бы менаду прочим добавил:

— Вот и туркмены просили у меня орудий и офицера для создания у себя артиллерии…

Аббас-Мирза переменился в лице и побледнел.

На каждом шагу персидские чиновники стремились показать свою гордость и неуступчивость, но в ответ получали гордость гораздо большую. Как представитель великой и могущественной страны, Ермолов строго следил за соблюдением уважения к России и ее посольству. Когда некий французский полковник на персидской службе ударил саблей двух русских музыкантов, поставленных к нему в дом, Алексей Петрович

потребовал у Безорга достойно наказать ею. Персы обещали удовлетворение, но ничего не сделали.

Тогда Ермолов поставил на улице Тебриза свой караул, велел взять французского полковника под стражу и отомстить обидчику. Тот был наказан пощечиной и высечен розгами, а саблю его отослали Аббас-Мирзе, который вынужден был исключить француза со службы и выслать из страны.

Несмотря на оказанные почести, Ермолов был недоволен Аббас-Мирзой, который относился к русским с недоверием и страхом. Никого из посольства не пускали за городские ворота, жителям под строжайшим наказанием запрещено было разговаривать с русскими. Между тем Ермолов получил письмо от первого визиря Садр-Азам-Мирза-Шефи, где сообщалось, что из-за нестерпимой жары шах переезжает из Тегерана в Султанию. Это почти наполовину сокращало путь русского посольства. Чтобы дать шаху возможность приехать раньше Ермолова в Султанию и приготовиться к приему, Аббас-Мирза пытался задержать посольство в Тебризе. Однако Алексей Петрович отказал ему в свидании и объявил о своем отъезде из города.

6

Персияне ели на разостланных на земле коврах. Для русского же посольства специально устанавливали широкие и низкие столы, на которых ставили бесчисленное множество блюд: каждому подавался особенный деревянный раскрашенный поднос, где помещалось не менее пятнадцати тарелок. Посреди стола оставалось место для прохода прислуги. Понравилось ли вам кушанье — тут же услужливая рука отрывает лакомый кусок баранины и кладет его вам на тарелку. Хотите жирного плова, белизна которого подобна снегу и восхищает вас, — его уже касается рука, и кирпичный цвет, в который она выкрашена, и красные ногти, редко обрезаемые, сочетаются с белизной риса, и

прислуживающий вам гордится тем, что удваивает наслаждепие ваше. Вдруг видите вы ту же самую руку, богатую остатками плова, вырывающей внутренность арбуза к вашим услугам…

Прислуга ловко бегает по столу, и плечо ваше служит ей подпорой. Если не уклонили вы головы, через нее переступают без затруднений, и длинные полы одежды скрываю! вас от глаз товарищей.

«Неизвестно, — с усмешкой думал Ермолов, — принадлежит ли все это к роскоши восточной, о которой ходит столько баснословных россказней?..»

На столе — в нарушение мусульманского запрета — в изобилии вино — испаганское и ширазское, очень даже неплохое. Штабс-капитан Муравьев в третий раз поднимает пустую чашу, давая знак снова ее наполнить. Любимец шаха, министр Мирза-Абдул-Вахаб, подходит к Ермолову и приятельски берет его левую руку, начиная престранным образом перебирать на ней пальцы. Генерал позволяет ему такую забаву, полагая, что в восточных обычаях это означает изъявление приязни.

Накануне у них состоялся весьма горячий разговор, в конце которого Ермолов решительно заявил, что не приехал приобретать дружбу шаха к русскому императору пожертвованием областей, чьи жители прибегли под покровительство России. Он говорил, что есть множество других выгод, которые Персия можег извлечь из благорасположения российского государя. Он приглашал Абдул-Вахаба взглянуть на карту и убедиться в том, что, без нарушения существенных выгод России и не давая повода к неизбежным раздорам впоследствии, невозможно уступить шаху ни пяди земли. Ермолов расстался с министром и вслед за ним отослал нераспечатанную грамоту шаха.

Между тем Мирза-Абдул-Вахаб играл его пальцами, и Ермолов вдруг почувствовал на одном ужасной величины перстень. Генерал тотчас оторвал руку и в крепких выражениях объяснил, что подобных подарков не принимает.

Министр принял это за величайшую обиду и на другой день показывал посольскому переводчику необыкновенной величины синий яхонт, с

которым он намеревался повторить наступление. Ермолов избавился от нового дара только угрозой прервать дружбу. Он слышал, что верховный визирь Садр-Азам-Мирза-Шефи точно так же приобрел расположение английского посла, который не устыдил его отказом.

И вот уже через день сам Садр-Азам прислал русскому послу великолепный жемчуг, который был возвращен вельможе, убежденному, что все на свете продается и покупается.

Свидания с Абдул-Вахабом, часто весьма шумные, продолжались. Мпнистр твердил, что без возвращения областей невозможно удержать дружбу России с шахом и что ФетхАли будет оскорблен отказом, напоминал, что русский государь, отпуская персидского посла из Петербурга, обнадежил его и обещал не брать на себя объявление войны, опасаясь шахского гнева. Ермолов во всю мощь своих легких возражал ему, не скупясь на туманные обещания, лесть и угрозы.

— Государь-император будет крайне сожалеть о разрыве, ибо он намеревался сохранять вечную дружбу, — почти кричал посол своим гулким басом. — Но он знает и то, что ничего не должно щадить на защиту верных ему народов, которые все счастье свое полагают в его покровительстве! Я же вижу свои обязанности в соблюдении достоинства моего государя и России! И если в приеме шаха увижу холодность, а в переговорах замечу намерение нарушить мир, тотчас сам объявлю войну и потребую передвинуть границу по реке Араке…

После такой горячей тирады Ермолов обрушил на Абдул-Вахаба свой план войны: завладеть Тебризом и потом, уступив из великодушия Адербиджан, удержать Эриванскую область, что будет признано за примерную умеренность.

— Жаль мне, — с притворной горячностью гремел Ермолов, — что вы почтете это за хвастовство! А я готов назначить вам день, когда русские войска возьмут Тебриз. Желал бы только, чтобы вы дали мне слово дожидаться меня там для свидания!..

Он не преминул напомнить о печальных последствиях, какие ожидают Персию в случае неудачной войны, так как немало окажется людей,

готовых воспользоваться междоусобицей и даже покуситься на шахский престол.

— Итак, первая же несчастливая война должна разрушить нынешнюю династию! — восклицал русский генерал. — Неужели соседи, среди которых некоторые и теперь уже беспокойны, останутся равнодушными зрителями мятежей и раздоров?..

Гневные тирады с обеих сторон перемежались величайшими приветствиями и нежнейшими изъявлениями приязни, однако Ермолов начал мало-помалу примечать, что МирзаАбдул-Вахаб, повторяя слова о земельных притязаниях к России, слабел в своем упорстве. Оставалось дожидаться шаха, все еще ехавшего с огромным гаремом из Тегерана в Султанию.

Отдыхая от непривычного для него обмена хитростями, от поединков, в которых оружием служили не шпага и пистолет, а изысканное лицемерие и перемешанные лестью угрозы, Ермолов бродил по пустому дворцу Фетх-Али-шаха, Фетх-Али был племяпнпком кровавого евнуха-шаха АгаМухаммеда, который нежно называл его Баба-хан. Когда Ага-Мухаммед был убит невольниками, Фетх-Али зарезал своего брата и сел на престол. У него было более ста сыновей и дочерей от восьмисот жен, составлявших шахский гарем.

Дворец в Султании был построен из жженого кирпича на невысоком пригорке. Пожалуй, не нашлось бы в России порядочного помещика, у которого дом не был бы лучше.

На стенах — весьма плохая и бедная живопись, повсюду — страшная неопрятность. Комнаты маленькие, нечистые. Гарем построен кружком во дворе, и здесь по нескольку шеи сгоняется в одну комнату. Лишь в одной восьмиугольной башне шахские жены располагались более пристойным образом: по четырем углам построены были четыре чуланчика для них и их прислуги.

Во второй башне находился уединенный кабинет шаха, посвященный сладострастию — господствующей его наклонности. Когда он приходил в сераль, то садился здесь на полу, а жены окружали его.

Суровый солдат, воспитанный на «Записках» Цезаря и суворовской «Науке побеждать», Ермолов с нескрываемым отвращением воспринимал увиденное. «В сем серале, — размышлял он, — шах проводит большую часть времени, забывая, что тем уничтожает себя и как государя, и как человека. Несколько сот жен, из коих каждая не может быть часто удостаиваема с ним свидания, в ожидании онаго, как единственного счастья, изощряет себя на все виды обольщения, расточает отраву лести. И царь, женоподобный в сем жилище срама и бесчестия, мечтает быть превыше всех во вселенной!..»

Ермолов услышал хохот в соседней комнате, где конвойные казаки расставляли драгоценные огромные зеркала — подарок Фетх-Али от русского императора. Здесь на стене была изображена в самом карикатурном виде охота. В середине шах — верхом — колол лань. Он был нарисован в короне, полной царской амуниции и строго глядел на зрителей. Огромная борода его от ветра наклонилась назад, голова была гораздо больше лошадиной, туловище короче головы с бородой, а талия тоньше руки. В соседней комнате, где проветривались присланные в подарок шаху меха соболей и горностаев, на стенах были изображены в рост, также весьма карикатурно, все его дети.

Хандра от долгого бездействия грызла и точила Ермолова. Он вышел на плохо построенное крыльцо. Сада в Султании никакого не было, только высажено несколько деревьев. За ними — развалины древнего города с огромной величественной мечетью, построенной еще греческими зодчими. «Скорее бы все это кончилось, и можно было бы приниматься за дела… — думал генерал. — Жизнь словно замерла в этой стране, застыла в обманчивом покое. О, Персия — это пороховая бочка, фитиль к которой может тлеть столетиями!..»

7

3 августа 1817 года посольство было наконец представлено шаху.

От ставки Ермолова до шахской резиденции была поставлена в два ряда регулярная пехота — джанбазы. Доселе на всех послов надевали красные чулки и вводили их без туфель. Русский генерал вошел в диван-хане — приемную — в сапогах, и за особое угождение с его стороны принято было то, что один из слуг стер пыль с его сапог.

Изобретением персидской гордости считалось обратить внимание на вошедшего не прежде, чем он пройдет половину комнаты. Зная это, Ермолов избрал в диван-хане самый близкий к входу стул, на другом преспокойным образом расположил шляпу и перчатки, велел садиться русским чиновникам и грозно прокричал:

— Я в караульную пришел или в сенат? Абул-Гассанхэн, так ли вас в Петербурге принимали?

Первый визирь перепугался, все начали просить посла пересесть на почетное место, но тот долго противился и кричал, что в караульной все стулья равны. Потом все же пересел, развалился в кресле и пристал к персидскому послу в России: так ли его в Петербурге принимали?

Абул стал жалок, бледнел и краснел и, видно, с отчаяния сказал:

— Нет, ваше превосходительство! Я им двадцать раз говорил, что они нехорошо делают. В свидетели вам призываю бога и шаха. Когда вы его увидите, вы забудете все неудовольствия, которые получили от людей, не мыслящих одинаково с ним…

Проговорив это громко, он опустил голову как человек, ожидающий для себя горестной участи.

Ермолов же не переставал кричать на персов. Он повторял, что не находит в чиновниках той искренности, с какой его примет шах, что по своему высокому происхождению от рода Чингисхана, которое было им выдумано, он не может терпеть такое с собой обращение и наконец, обругав и осмеяв всех, пошел с советниками и переводчиками к шаху.

Фетх-Али-шах, или Баба-хан, сидел в открытой палатке на тропе. Он был весь в блистающих драгоценных каменьях, ноги его, обутые в белые чулки, болтались, не доставая до полу. У него был мясистый тюркский нос и длинная белая борода, спускающаяся, как отмечал один

путешественник, «до нижних областей желудка» и закрывающая лицо и уши.

Шестнадцать сыновей безмолвно и неподвижно стояли у степы. Шах разрешил послу приблизиться и поздравил его с прибытием. Ермолов взял у советника посольства Соколова грамоту Александра I и поднес ее Фетх-Али со словами:

— Российский император, великий государь мой, равно постоянный в правилах своих и чувствах, уважая отличные качества вашего величества и любя славу вашу, желает существующий ныне мпр утвердить навсегда с Персией, царствованием вашим благополучной. Я имею счастье удостоену Сыть поручения представить пред вашим величеством желание моего государя. В искренности его перед лицом Персии призываю я бога во свидетели…

Шах, приняв грамоту, пригласил его сесть на приготовленные кресла, советники стояли по обеим сторонам посла.

Затем были представлены чиновники и офицеры посольства. Когда дошла очередь до географа и путешественника Коцебу, Ермолов воспользовался этим, чтобы — в который }же раз! — для выгоды России использовать распространенную на востоке лесть.

— Вот, — сказал он шаху, — один капитан, приближенный государя, который три года ездил кругом света и не был доволен, пока не удостоился увидеть ваше величество!

— Теперь он все видел, — важно и с удовольствием отвечал Баба-хан.

Вечером казаки начали перетаскивать подарки в палатку, поставленную подле шахской. Фетх-Али все время смотрел в дырку, проделанную в палатке, а на другой день, когда Ермолов вручал подарки, весьма удивлялся им и кричал:

«Ах! Ах!» Он взобрался на большое трюмо из красного дерева и долго смотрелся в зеркало. О богатейших мехах спрашивал, крашеные они или нет, а часы с бронзовым слоном трижды заставлял играть. Потом он велел собрать всех своих ханов и приказал им удивляться подаркам, а всю последующую ночь пробыл с подарками у своих жен…

Ермолов продолжал скрепя сердце добиваться своей цели — не уступать никаких земельных приобретений Персии.

Чтобы расположить к себе престарелого верховного визиря Садр-Азама, он стал выказывать особенное удивление к его высоким качествам и добродетелям и просил во всем его наставлений. В знак необыкновенной к нему приверженности Ермолов даже называл его отцом и, как покорный сып, обещался откровенно говорить обо всем. Когда ему невыгодно было обращаться к Садр-Азаму как к верховному визирю, он советовался с ним, как с отцом; а когда надобно было возражать ему или даже пострашать, то, храня почтение, как сын, Ермолов вновь принимал образ посла и всегда выходил победителем.

Ермолов постарался расположить к себе и старшего сына Фетх-Али-шаха — Махмеда-Али, который был сыном христианки и управлял Курдистаном. Сидя у него, русский посол восхвалял его и его войско, намекая на то, что Махмед-Али имеет более прав на престол, чем Аббас-Мирза.

Среди разговора один из приближенных сказал, что послы не должны сидеть при князьях царской крови, на что Махмед-Али закричал, что он сам знает, с кем говорит, что в жилах Ермолова течет кровь Чингисхана и что он не требует ничьих советов.

С той поры Махмед-Али начал посматривать в сторону России, надеясь на ее помощь после смерти отца.

Персы еще затягивали переговоры и назначали новые конференции, пока Ермолов в последний раз не объявил им, что сделал — как главнокомандующий в Грузии — обозрение границ и донес императору о невозможности никаких уступок, что русский государь, дав ему власть говорить его именем, непременно то же скажет в подтверждение. В заключение он добавил, что если и во сне увидит, как им уступают земли, то, конечно, не проснется вовеки.

16 августа Ермолов получил от Мирза-Шефи бумагу, где было объявлено, что шах приязнь русского государя предпочитает пользе, которую мог был получить от приобретения земель.

8

Зрелище безграничного произвола и деспотизма в Персии глубоко потрясло Ермолова. Воспитанный на идеях французских просветителей и русского вольномыслия в кружке Каховского, сам никогда не ронявший человеческого достоинства перед русским царем и его временщиками, он пылко и страстно выразил свое возмущение, записав в дневнике: «Тебе, Персия, не дерзающая расторгнуть оковы несноснейшего рабства, которые налагает ненасытная власть, не знающая пределов… где нет законов, обуздывающих своевольство и насилие; где обязанности каждого истолковываются раболепным угождением властителю; где самая вера научает злодеяниям, дела добрые никогда не получают возмездия; тебе посвящаю я ненависть мою и прорицаю твое падение». Ясно, что речь шла не о Персии и ее пароде, по об уродливом общественном устройстве, сохранившем все пороки средневекового азиатского деспотизма.

8 февраля 1818 года чрезвычайно милостивым рескриптом Ермолов за успешное выполнение возложенного на него дипломатического поручения был произведен в генералы от инфантерии.

Глава вторая. ПРОКОНСУЛ КАВКАЗА

1

Центром управления огромным краем была древняя, насчитывавшая едва ли не полторы тысячи лет столица Грузии Тбилиси, по-русски — Тифлис.

Ермолов полюбил этот пестрый и шумный город, городфеникс, десятки

раз поднимавшийся из пепла наперекор опустошительным, кровавым нашествиям завоевателей, не оставлявших порою от него камня на камне. Бродя утром без охраны, с неразлучным бульдогом, улочками Тифлиса, любуясь церковью святого Давида, висящей орлиным гнездом на уступе отвесной скалы Мта-Цмипда, над живописным лабиринтом городских садов, он размышлял о превратностях истории, о бурных и трагических событиях, память о которых хранил камень.

Он вспоминал о пророке Иезекиле, по преданию именовавшем Тбилиси Тобол или Тубол, о грузинском царе Вахтанге Горгосале, перенесшем сюда из Мцхеты столицу Грузии, и о другом властителе — Гураме Багратиде, при котором город дивно изукрасился дворцами и храмами. Он мысленно перебирал имена завоевателей, предававших Тбилиси мечам и пожарам: персы, хазары, византийцы, арабы, сельджуки, монголы, снова персы…

В правление царицы Русудани хоросанский султан опустошил всю страну, перерезал почти всех тбилисских жителей и до основания разрушил церкви; число жертв этого погрома доходило до ста тысяч. Свирепый Тимур-ленг (Тамерлан), покидая разоренный город, повелел собрать всех подростков и пустил на них конницу. На том месте, где были затоптаны дети, воздвигнута Калоубанская церковь.

С благодарностью жители Тифлиса, как и вся Грузия, помнили 1783 год — год добровольного присоединения КартлиКахетинского царства к России, когда в город вступили русские войска…

Ермолов проходил мпмо немногочисленных казеппых зданий нового города и углублялся в особенно любимую им старую часть Тифлиса, разглядывая разноязычную шумную толпу Майдана.

Тут все кишело от множества людей, лошадей и ишаков, тут встречались жители чуть ли не со всего Востока. Здесь были абхазцы, черкесы, кабардинцы, сваны, шапсуги, осетины — оборванные, чуть не в лохмотьях, зато с дорогим оружием, украшенным серебром. Ермолов знал, что у абхазца черкеска гораздо короче, чем у соседа-адыгейца, а башлык он обвивает около шапки в виде чалмы, чего никогда не делает

черкес. Кроме того, черкес носит белый башлык, а абазинец и абхазец — черный или коричневый.

Вот перс, с огненной, окрашенной хной бородой, едет на ослике, болтая длинными ногами; вот дородный армянин в туземной чохе и московском картузе подсчитывает на ходу прибыль от проданных товаров; вот мулла в белой чалме, закатив глаза, бормочет под нос суру из корана. А вот водовоз — тулухчи медленно продвигается со своей лошадью, нагруженной бурдюками с водой. Ослики тащат дорогой здесь древесный уголь, зелень, фрукты. А рядом портные, поджав ноги, с нитками в зубах, деловито шьют черкески, снимают мерки, утюжат, стегают, а заказчики так же хладнокровно снимают с себя при всем честном народе шаровары и бешметы. Цирюльник мылит щеки и подбородок грузппуфранту или громко стрижет ножницами, перебрасываясь соленой шуткой с соседями и прохожими. Базар гостеприимен и открыт для каждого: это и лавка, и клуб, и дом родной…

Миновав Майдан, Ермолов проходил мимо славных тифлисских бань и направлялся к древнему Сионскому собору, начатому еще Вахтангом Горгосалом и подвергавшемуся бесчисленным разрушениям. Тут он входил в прохладный полутемный храм и останавливался над скромной могилой князя Цицианова, вероломно убитого Гуссейн-Али-ханом Бакинским во время переговоров в 1806 году. Впрочем, под плитой покоилось лишь тело грозного князя: голова его была прслана Гуссейном в качестве подарка персидскому шаху Баба-хану в Тегеран…

Ермолов часто размышлял о трагической судьбе Грузии, рассеченной на два царства — Картли-Кахетинское и Имеретинское — и четыре княжества — Гурию, Мегрелию, Сванетию и Абхазию. Он давно, еще с зубовского похода, понял, что только Россия могла спасти эту страну, как и древнюю Армению, от угрозы персо-османского истребления. Недаром грузины так тянулись к своему великому северному соседу и столько выходцев из Грузии отлично зарекомендовали себя на русской службе уже в XVIII веке — генерал А. А. Багратиони, служившие по ведомству коллегии иностранных дел Г. Хвабулов, А. Моуравов, С. Лошкарев.

С Россией навсегда связали свою судьбу и свое творчество писатели и поэты Давид Гурамишвили, Мамука Бараташвили, Дмитрий Багратиони. Единственная грузинская типография после 1724 года существовала на русской земле, в подмосковном селе Всесвятском.

А сколько грузин прославили честь и независимость России на полях сражений с Наполеоном! Как опытен и храбр был генерал от артиллерии князь Яшвили! А добрый учитель и старший друг Ермолова Багратион? Разве забудет когда-нибудь проконсул Кавказа князя Петра Ивановича, этого суворовского чудо-богатыря и замечательного полководца! Кто знает, может быть, здесь, в этих скрытых густой зеленью домиках с террасами, среди этой толпы, подрастает новый полководец Багратион или новый поэт Давид Гурамишвили!..

Ермолов любовался красавцами картвелами — сильными, ловкими, подвижными — и подмечал черты их привлекательного характера. Грузины, как правило, были честны, впечатлительны, способны к самопожертвованию, доверчивы, добродушны, гостеприимны. Эгоистическая жилка как бы вообще отсутствовала в их натуре. Они поражали его общительностью, веселостью, открытостью, склонностью к удовольствиям и легковерием.

«Веселый и добрый народ… — думал наместник, возвращаясь с бульдогом в свой низкий одноэтажный дом. — Только недостаточно энергичны и предприимчивы. А дел в Грузии — край непочатый…»

Главнокомандующего Отдельным Грузинским (с 1820 года — Отдельным Кавказским) корпусом очень заботило то, что осуществлять бесчисленные административно-хозяйственные и военные преобразования приходилось почти не имея для этого годных помощников. Большинство русских чиновников, прибывавших в Грузию, были людьми сомнительной нравственности, испорченной репутации, алчными и корыстолюбивыми. Отбросы служивого сословия дворянской империи, они принесли с собой в Грузию казнокрадство, взяточничество, чудовищную волокиту, продажность низших и произвол высших должностных лиц.

При беспрерывных военных действиях с горцами, сопряженных с неимоверными трудностями, Ермолов постоянно боролся с разными злоупотреблепртями, нерадивостью и оплошностью подчиненных ему служащих. Обновлять состав свежими, лучшими сцлами было чрезвычайно трудно, так как по доброй воле мало кто из порядочных людей ехал на гибельный Кавказ. С теми, кто недобросовестно исполнял службу, кто наносил ущерб государственным интересам, Алексей Петрович расправлялся сурово. Иногда, если не помогало строгое слово внушения, он разговаривал с провинившимся с глазу на глаз при содействии нагайки, гулявшей по спине и плечам приглашенного на манер дубинки Петра Великого. А когда находил это внушение достаточным, то, отпуская своего пациента, заключал с ним беседу при раскрытой уже двери кабинета самыми ласковыми словами, во всеуслышание всех стоявших в зале, так что те видели, как дружески расставался наместник с выходящим от него, и не имели возможности делать какое-либо неблагоприятное заключение о происходившем в кабинете.

Не всегда надежны были и офицеры.

Кавказ недаром называли «теплой Сибирью» — туда ссылали бреттеров, дуэлянтов, карточных шулеров и одновременно — политических, вольнодумцев, разжалованных в рядовые и посылаемых под пули горцев. Правда, были испытанные бойцы, старые кавказцы — Мадатов, Ховен, Булгаков, Греков. Но нет в живых Александра Петровича Кутузова, соратника прежних лет! На обратном пути из Персии, между Тебризом и Нахичеванью, он получил весть об утрате этого замечательного человека.

Известие глубоко поразило Ермолова. «В нем, — вспоминал главнокомандующий, — я потерял верного друга, наилучшего помощника по службе, товарища, с которым вместе я сделал все последние кампании против французов. Я был в отчаянии, ибо хорошо знал, что Кутузова заменить нелегко».

На пост начальника 20-й дивизии, расквартированной в Грузии, Ермолов

добился назначения брата старого боевого товарища — генерала Ивана Александровича Вельяминова, получившего Георгиевский крест за Аустерлиц. Сам Алексей Александрович Вельяминов, как мы знаем, был начальником штаба Отдельного Грузинского корпуса. Ермолов высоко ценил ум и проницательность посланника при персидском дворе Семена Ивановича Мазоровича; мог положиться, как на себя, на своего двоюродного брата капитана лейбгвардии Семеновского полка Петра Николаевича Ермолова; угадал недюжинные способности и привязался к молодому штабс-капитану генерального штаба Николаю Николаевичу Муравьеву, которого запомнил еще по Кульму.

Нужны еще люди, много людей, деятельных, инициативных, энергичных, чтобы привести к успокоению огромный край. Мусульманское население Кавказа, подстрекаемое персидскими и турецкими агентами, повсеместно выступает против русских. В самой Грузии, разоренной нашествиями и произволом, почти не найдешь княжеской фамилии, в которой не было бы нескольких изменников, бежавших в Персию.

Пытается бунтовать грузинский царевич Александр, который то скрывается в горах, то уходит за кордон, к шаху. Мятежные горцы развращены подачками и подарками, воспринимаемыми как слабость русского правительства; на выкуп пленных военным министерством даже назначалась особая сумма. Между тем войска мало, солдаты изнурены болезнями от гнилого и жаркого климата. Системы и руководящей идеи у предшественников — Гудовича или Ртищева не было никакой.

Надобно все прежнее ломать и начинать сызнова…

Ермолов, сын XVIII века, был горячим сторонником политики Екатерины П. «Нашу прошедшую европейскую политику, — отмечал историк М. Погодин, — он осуждал и повторял часто, что нам принадлежит Азия, и когда я напомнил ему однажды, что это политика очень древняя, что Добрыня, дядя Володимера Святого, советовал ему искать лапотников, а сапожники будут неохотно платить дань, тогда он расхохотался и восклицал: «Так, так, именно так.

В Европе не дадут нам ни шагу без боя, а в Азии целые царства к нашим

услугам».

Человек государственный в широком значении этого слова, Ермолов наметил обширную программу преобразований, административных и военных, где сочетались холодный расчет, стремительность и настойчивость в достижении намеченной цели.

2

В Закавказском крае наименее надежными для России были мусульманские ханства — Ширванское, Шекинское и Карабахское. Давно уже замиренные, они между тем продолжали быть послушным орудием враждебной персидской политики и все еще таили в себе непрестанную угрозу мятежа. Персия, потерявшая их по Гюлистанскому трактату, искала случая возвратить эти богатейшие провинции и всеми средствами старалась поддерживать в них свое влияние.

Ханства, близкие ей и религией, и всем азиатским феодальным строем, легко этому влиянию поддавались. Да и невозможно было ожидать чего-то иного, пока они представляли собой совершенно автономные государства, стоявшие по отношению к России только в положении данников.

Верный своей политической системе, Ермолов не мог допустить, чтобы ханы продолжали вредную русским интересам и фальшивую игру в союзники. К тому же средневековый ханский деспотизм, не принося местным жителям никаких благ, служил лишь тормозом для их мирного развития и процветания, являя бесконечные примеры крайней жестокости и произвола. «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием, — писал вскоре по прибытии на Кавказ старому товарищу и герою войны 1812 года, Михаилу Семеновичу Воронцову, Ермолов. — Управление ханами есть изображение первоначального образования обществ… образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств…» Самый беглый обзор, сделанный ханствам перед отъездом в

Персию, окончательно убедил Ермолова в непригодности феодальной власти.

Главнокомандующий нашел энергичного и настойчивого помощника в осуществлении своих планов в лице Валериана Григорьевича Мадатова, назначенного в 1817 году военноокружным начальником в ханствах. Уроженец Карабаха, Мадатов прекрасно знал местные нравы и владел несколькими восточными языками. Его благоразумная осторожность в соединении со справедливостью и открытым, благородным характером снискали ему любовь жителей.

Однако осуществлять свой план упразднения ханств Ермолову приходилось с оглядкой на Петербург.

Предвидя возможные возражения непоследовательного Александра I, Ермолов поставил вопрос так, что он должен был принять решение как главнокомандующий, без вмешательства императора. Намерения наместника были столь определенными, что он не допускал ни сомнений, ни колебаний. «Я не испрашиваю на сей предмет повеления, — писал Ермолов Александру I в феврале 1817 года, — обязанности мои — не призывать власти государя моего там, где она благотворить не может. Необходимость наказания предоставлю я законам. По возвращении из Персии, сообразуясь с обстоятельствами, приступлю к некоторым необходимым преобразованиям».

Здесь Ермолов, гибкий в своей тактике, рассчитывал не на силу оружия, а на благоприятные обстоятельства — прекращение наследственной линии или измену хаттов.

И первым пришел черед ханства Шекинского. В 1815 году его владетелем стал Измаил-хан, получивший от русских чин генерал-майора и большое денежное содержание. Человек еще молодой, но жестокий, он презирал местное население и опирался на хойских выходцев из Персии. Заручившись расположением лиц, окружавших нерешительного Ртищева, он беспощадно расправлялся со своими подданными. Все, кто осмеливался жаловаться на хана, выдавались ему же, и это служило поводом к новым бесчеловечным пыткам и истязаниям.

Еще во времена персидского владычества на шекинской земле стояли три богатые армянские деревни. Слух об их достатке скоро дошел до жадного властелина — ХаджиЧеляби-хана, вошедшего в историю под именем Бездушного.

Армянам предложен был выбор — или перейти в магометанство, или платить огромную подать. Среди них не нашлось никого, кто бы отрекся от веры отцов, и тяжкий налог разорил опальные селения. Прошли многие годы, Шекинское ханство уже было под властью России, а несчастные армяне продолжали непосильным налогом покупать право исповедовать христианство. Наконец кто-то надоумил их обратиться с жалобой к Ртищеву. Армяне выбрали шестерых депутатов и отправили их в Тифлис. «Мы христиане, — объяснили они главнокомандующему, — мы подданные христианского государя. Так за что же подвергают нас штрафу? За исповедование христианской веры?» Ртищев не нашел ничего лучшего, как сказать им: «Идите домой и не платите штрафа». Но едва депутаты вернулись, как были подвергнуты отцом Исмаил-хана — Джафаром жестокой пытке, а на жителей сверх прежней подати наложен был штраф две тысячи рублей.

Когда Джафар умер, армяне рассудили, что просьба шести депутатов не была уважена только потому, что их было мало. Тогда не только армяне, но и евреи и даже татары отправились в Тифлис в числе трехсот человек. Они явились к Ртищеву и просили его не отдавать шекинские земли во владения пришлецам-хойцам, а назначить для управления русского чиновника. «Жалобы их, слезы и отчаяние, — пишет Ермолов, — не тронули начальства; их назвали бунтовщиками, многих наказали плетьми, человек 20 сослали в Сибирь, а остальных выдали с головою новому хану, который подверг их бесчеловечным истязаниям, пыткам и казням».

Ханский самосуд не знал границ. Летом 1816 года в деревне Ханабади был зверски убит семилетний мальчик, сын тамошнего муллы. Никто не знал, кем было совершено эю жестокое преступление, и лишь нескочько женщин сказали, что в этот день через деревню проехали трое жителей

из Карабалдыра. Этого было достаточно, чтобы их привлекли к ответу. Измаил-хан, явившись на судилище, приказал пытать их. Несчастных били палками, рвали клещами тело, выбивали им зубы, и потом эти зубы вколачивали им в головы. В беспамятстве и исступлении терзаемые оговаривали других односельчан, которых сейчас же хватали и предавали таким же истязаниям. Деревни Варташены и Карабалдыр были разорены.

Едва Ермолов прибыл в край, как был завален жалобами шекинских жителей. «Если бы моря обратились в чернила, деревья в перья, а люди в писарей, — говорилось в одной просьбе, — то еще бы не могли описать тех обид и бесчинств, какие причинили нам хойцы… Когда Джафар со своими подвластными прибыл в Шеки, хойцы были в таком виде, что и дьяволы от них отворачивались: на спинах было по лоскуту рубища, ноги босые, на головах рваные шапки.

Но как скоро живот их насытился хлебом, они, как хищные волки, напали на жизнь нашу и имущество…»

Увидевшись с ханом 7 декабря 1816 года, Ермолов обошелся с ним крайне сурово. В селении Мингечаури, владениях Измаила, он публично, при всем народе, резко осудил его свирепые поступки и приказал, собрав всех несчастных и искалеченных, разместить их в ханском дворце и содержать там до тех пор, пока хан не обеспечит их семейства жильем. Русскому приставу вменено было в обязанность «немедленно восстановить равновесие между ханской властью и народной безопасностью».

Измаил-хан увидел в этих распоряжениях ограничение своей власти и стал искать поддержки в Персии и Дагестане. Скрываясь от русского пристава, он отсиживался в диване, куда допускались лишь приближенные, через которых велись все интриги и сношения. В то же время он начал отправлять свои богатства в Персию, куда намеревался бежать при первом удобном случае. Судьба, однако, распорядилась иначе. Летом 1819 года, когда генерал Мадатов собирал в дагестанский поход шекинскую конницу, Измаил-хан захворал и после восьмидневной

болезни скончался.

«Жалел бы я очень об Измаил-хане, — с сарказмом писал Ермолов Мадатову, — если бы ханство должно было поступить такому же, как он, наследнику; но утешаюсь, что оно не поступит в гнусное управление, и потому остается мне только просить Магомета стараться о спасении души его».

Прямых преемников у Измаил-хана не было. Его мать, жена, а также родственники прежнего ханского дома, давно уже скитавшиеся в Персии, принялись интриговать каждый в свою пользу. Но все их попытки остались тщетными. При первом же известии о смерти Измаила Ермолов двинул в ханство войска. Сильный батальон пехоты, Донскоп казачий полк и два орудия заняли Пуху, и прокламация Ермолова возвестила шекипцам, что «отныне на вечные времена уничтожается самое имя ханства, и оное называется Шекинской областью».

Не прошло после этого и года, как решилась участь соседнего с Шекинским богатого ханства Ширванского. В то время им владел старый хан Мустафа, подозрительный и надменный. Высокомерие его не знало границ, и после князя Цицианова он не желал видеться ни с одпим из русских главнокомандующих. Ни Тормасов, ни Ртищев не удостоились встречи с ним. К Ермолову, приезду которого предшествовала громкая молва, он, однако, выехал навстречу, и свидание состоялось 4 декабря 1816 года. «Со мною, — иронически вспоминал Ермолов, — хан поступил снисходительнее и был удивлен, когда я приехал к нему только с пятью человеками свиты, тогда как он сопровождаем был по крайней мере пятьюстами человек конницы. Он однако же дал заметить мне, что не каждому должен я вверяться подобным образом. И что он так же точно предостерегал покойного князя Цицианова. Хан не рассудил, какая между князем Цициановым и мною была разница. Он славными поистине делами своими был для них страшен, я только что приехал и был совершенно им не известен».

Ширванское ханство оказалось в лучшем положении, чем остальные: народ не был отягощен поборами, и хан исправно вносил в казну восемь

тысяч червонцев дани. Столицею ханства был древний город Шемаха, но старый хан не жил в нем, а перенес свою резиденцию высоко в горы, на Фит-Даг, где чувствовал себя безопаснее, чем на открытых шемахинских равнинах. Однако и в этом совином гнезде Мустафа оставался осторожным и подозрительным. Как только хан узнал о мерах, которые принял Ермолов, он понял, что самостоятельность его маленького государства продержится недолго. Он стал искать сближения с Персией, вмешивался в дела Дагестана, где у него были обширные родственные связи, и тем самым только ускорил развязку.

В то время, когда Ермолов строил крепость Грозную, а генерал-майор Пестель намеревался вступить в Каракалдаг и стоял в Кубе, Мустафа внезапно начал также готовиться к военным действиям, собирал войска и приглашал к себе на помощь лезгин. Пристав донес, что хан намеревается бежать и что между ним и Аббас-Мирзой идет по этому поводу деятельная переписка. Из Персии, по словам того же донесения, приезжал какой-то чиновник с предложением дать 150 тысяч туманов тому, кто поднимет на русских дагестанские народы. Во дворце Мустафы состоялось тайное совещание, после которого восемнадцать ширванских беков под видом купцов отправились к воинственному казикумыкскому хану Сурхаю, а Сурхай в свою очередь немедленно послал какие-то сообщения беглому Шеих-Али-хану Дербентскому. Наконец около сотни горцев с сыном акушинского кадия две недели гостили у Мустафы, и персидский посол лично объявлял им волю шаха и ожидавшие их награды.

Медлить было опасно, и Ермолов быстро двинул в Ширванское ханство войска, а казаки заняли все переправы через Куру, чтобы воспрепятствовать побегу Мустафы в Персию. Одновременно, желая смягчить резкость принятых мер, он сделал вид, что войска посылаются не против хана, а для его защиты. В письме Мустафе под видом дружеских упреков Ермолов писал:

«Вы не уведомили меня, что в ханстве Вашем жители вооружаются по Вашему приказанию и что Вы приглашаете к себе лезгин, о чем Вы

должны были дать мне знать как главнокомандующему и как приятелю, ибо я обязан ответствовать перед великим государем нашим, если не защищу верность его подданных; а к Вам и как приятелю сверх того я должен прийти на помощь. Скажите мне, кто смеет быть Вашим противником, когда российский император удостаивает Вас своего высокого благоволения?

Не хотя в ожидании ответа Вашего потерять время быть Вам полезным, я теперь же дал приказание войскам идти к Вам на помощь. Так приятельски и всегда поступать буду, и если нужно, то не почту за труд и сам приехать, дабы показать, каков я приятелем и каков буду против врагов Ваших».

Страшась наказания, Мустафа начал готовиться к побегу в Персию. В то же время он посылал дружеские письма Ермолову, стараясь оправдать свое поведение и выражая чувства неизменной верности русскому государю. Однако в ответ на эти фальшивые заверения два батальона и 800 казаков под командой донского генерала Власова форсированным маршем уже шли в ханство. Ермолов полагал, что Мустафа будет защищаться в крепком Фит-Дагском замке, но тот, вовремя предупрежденный, бежал 19 августа 1820 года в Персию. Он скрылся так поспешно, что оставил во дворце двух своих меньших дочерей, из которых одну, грудную, нашли раздавленной между разбросанными сундуками и пожитками.

Ермолов воспользовался всеми этими обстоятельствами, чтобы навсегда покончить с правлением хана. Проявив редкий такт, он приказал отправить к Мустафе его дочь в сопровождении почетной свиты, составленной из прежних ханских нукеров и жен тех ширванских беков, которые бежали с ханом. Им позволили взять все движимое имущество и даже часть прислуги, Этот поступок поразил персов, в подобных случаях дотла разорявших и конфисковавших имущество беглецов. Тронут был возвращением маленькой дочери и старый хан. «А я, — добавляет Ермолов, — имел благовидный предлог избавиться от многих беспокойных людей, которые, оставаясь у нас, конечно, имели бы с ними

сношения».

Вслед за тем прокламация Ермолова возвестила, что «Мустафа за побег в Персию навсегда лишается ханского достоинства, а Ширванское ханство принимается в Российское управление».

Очередь была за Карабахом.

Карабах, то есть «черный сад», был одной из богатейших и плодороднейших провинций за Кавказом и некогда принадлежал Армении. Позднее им завладели персы, но после восстания 1747 года Карабах отделился и стал независимым ханством. Его властителем к моменту приезда Ермолова на Кавказ был Мехти-Кули-хан. Персидские нашествия совершенно разорили страну. Огромное число жителей было уведено в плен. На равнинах Карабаха, прилегавших к границам Персии, никто не осмеливался даже селиться. Повсюду виднелись развалины сел, остатки обширных шелковичных садов и заброшенные поля.

При первом же объезде Карабаха Ермолов был поражен нищетой края и дурным его управлением. С присущим ему умением он дал это почувствовать и хану. Заметив возле дворца в Шуше маленькую мечеть, пришедшую в совершенный упадок, Ермолов грозно сказал Мехти по-тюркски:

— Я требую, чтобы к моему будущему приезду на месте этих развалин была выстроена новая мечеть, которая бы соответствовала великолепию вашего дворца.

Малодушный хан выслушал эти слова в страхе и с тех пор начал думать о собственном спасении. 21 ноября 1821 года Мадатов сообщил Ермолову, что Мехги бежал в Персию.

Непосредственным поводом к бегству хана послужило покушение в Шуше на наследника Джафар-Кули-Агу, когда тот возвращался от Мадатова. В Карабахе все знали о ненависти хана к своему родственнику, некогда предупредившему русских об измене отца Мехти — Ибрагима. Однако расследование показало, что Мехти не был виноват.

Напротив, все улики показывали уже против самого Джафара, который мог инсценировать покушение, чтобы обвинить в этом хана и затем

занять его место. В результате Джафар со своей семьей был выслан в Симбирск, и Карабах остался без хана и без наследника.

В том же 1821 году, осенью, возвращаясь из Кабарды, Ермолов посетил Шушу и официально ввел в ханстве русское правление. Жители города поднесли тогда главнокомандующему в память присоединения области булатную саблю с соответствующей надписью.

Так бескровно в течение пяти лет завершилось присоединение к России ханств, служивших очагом персидского влияния и мятежей.

Обезопасив южные и юго-восточные границы Закавказья, Ермолов продолжил активные действия по усмирению воинственных разноплеменных горских народностей, совершавших постоянные опустошительные набеги на земли, находившиеся под покровительством России. Как пишет советский историк, «политические и стратегические задачи диктовали необходимость включения в состав России горного пояса, отделявшего Россию от добровольно присоединившихся и присоединенных к ней закавказских земель» note 7 .

3

«Кавказ — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду» — эти слова Ермолова заключали в себе целую программу его десятилетнего правления.

Перед ним была, однако, не одна, а несколько крепостей: Чечня и Дагестан — на восток от Военно-Грузинской дороги, Кабарда и Закубанье — на запад.

Ермолов начал с Чечни.

Чечня была покрыта непроходимыми лесами, являвшимися для местных жителей естественными крепостями.

Здесь проживал самый воинственный из кавказских народов, своими набегами и разбоями наводившпй страх на окрестные ооласти и

державший иод контролем все движение по Военно-Грузинской дороге. Чеченские аулы подходили к самому Тереку, что облегчало набеги на русских. В 1818 году Ермолов оттеснил чеченцев за реку Суижу и начал прорубать в их лесах обширные просеки, иод водившие русские отряды к наиболее значительным чеченским поселениям.

Первая такая крепость — Грозная появилась в 1818 году в низовьях Сутки. Чеченцы пытались остановить работы, беспрестанно налетая на русские передовые посты. Однако батальон Кабардинского полка и казачьи отряды отучили чеченцев от набегов. Когда крепость Грозная была сооружена, горцы, жившие между Сунжей и Тереком, стали оказывать совершеннейшее повиновение.

В следующем году близ главного аула казикумыков Андреевского — по-чеченски Эндери, центра работорговли, — была выстроена крепость Внезапная, соединенная с Грозной рядом укреплений. Лесные дебри сделались доступными русским солдатам. Большая часть жителей богатых аулов Андреевского и Костековского, имевших сношения с аварским ханом, изъявили покорность России. Как доносил Ермолов императору 7 июня 1818 года, «строгим настоянием моим и усердием старшего владельца прекращен (в Андреевской) торг невольниками, которые свозились из гор и дорогою весьма ценой продавались в Константинополь.

Большая часть таковых были жители Грузии…»

С неумолимой последовательностью, планомерно двигался Ермолов на воинственные горские племена. «Они противятся, — сообщал он бывшему инспектору артиллерии МеллерЗакомельскому. — С ними определил я систему медления и, как римский император Август, могу сказать: „Я медленно спешу".

Привыкшие к тому, что русские задабривают их, горцы пробовали и с новым главнокомандующим вести прежнюю политику выманивания подачек. Когда Ермолов находился с посольством в Персии, чеченцы захватили полковника Шевцова и потребовали за него выкуп в восемнадцать телег серебра. Но Ермолов был не Тормасовым и не

Ртищевым.

Собрав старшин чеченских аулов, главнокомандующий объявил им, что все они будут повешены, если к назначенному сроку пленник не будет возвращен. Горцы поняли, что грозный Ярмул слов на ветер не бросает, и Шевцова привезли в целости и сохранности.

Однако, видя на примере Чечни угрожающую им опасность, юрская знать спровоцировала в 1818 году против русских восстание. Местные феодалы попытались создать для борьбы с Россией союз горских народов. К этому союзу присоединились внутренние ханства — Аварское и Казикумыкское, так называемое вольное Акушинское общество, а также области, примыкавшие к Каспийскому морю, — Мехтула, Каракалдаг и Табасарань. Правители Дагестана старались привлечь на свою сторону также шамхальство Тарковское на севере и Кюринское ханство на юге, некогда отторгнутые от Казикумыка и оставшиеся верными России.

Из-за недостатка войск Ермолову приходилось действовать поочередно в разных провинциях: летом — в Чечае и Казикумыкской области, зимой — в Дагестане. Природа превратила Дагестан в необычайно сильную укрепленную крепость. Особенно неприступной была Авария, лежавшая в центре свободных дагестанских обществ. В 1819 году в покоренное уже русскими Кубинское ханство прибыл генералмайор Мадатов. Поводом для вторжения в Дагестан явились попытки аварского хана Султан-Ахмеда оказать помощь чеченцам. Мадатов без пролития крови покорил Табасарань и всчед за тем проник в уцмийство Каракалдагское. Нижний, то есть равнинный, Каракалдаг покорился русским добровольно, но уцмий Адиль-Гирей укрепился в Верхнем, нагорном, Каракалдаге — столице своих владений ауле Башлы. 5 октября Башлы был взят штурмом, а 20-го Мадатов разгромил главные силы уцмия. После этого весь Каракалдаг признал себя подвластным России.

В то время, когда Мадатов действовал с юга, Ермолов шел на Дагестан с севера. Еще до появления Мадатова горцы разбили высланный против них небольшой отряд генерала Пестеля и произвели ряд нападений на

шамхальсгво Тарковское. В особенности непримиримыми были мехтулинцы, хан которых — Гассан — был личным врагом тарковского шамхала. Неприятель встретил Ермолова на Аскорайских высотах, и у Талгинской горы произошел кровопролитный бой. В нем особенно отличился Шевцов, которого Ермолов вызволил из плена. Лезгипы были сбиты с гор и освободили проход в Мехтулу.

Ермолов повел войска на аул Большой Джапгутай. В это время на помощь мехтулинцам прибыли акушипцы, одно из храбрейших лезгинских племен. После нового боя Джангутай был взят русскими. Мехтулинский хан был лишен своего владения. Так же поступил Ермолов и с аварским ханом, который обратился к русскому главнокомандующему с просьбой о примирении.

Затем Ермолов двинулся в самые недра гор, на вольный Даргинский союз, лежавший между Каракалдагом, Казикумыком и Мехтулой, по берегам рек Кара-койсу и Кумыкское-койсу. Здесь собрались и аварский и мехтулипский ханы, и Ших-Али Дербентский, получавший помощь от Персии, и уцмий каракалдагский. Во главе даргинцев стояли акушинцы, самое могучее из союзных обществ, некогда разгромившее войско самого Надир-шаха.

Ермолов предупредил акушпнцев, что они будут прощены, если останутся спокойными и выдадут всех укрывшихся у них мятежных ханов, но те ответили отказом.

Тогда главнокомандующий, приказав Мадатову наступать с юга, сам с севера двинулся в глубь Дагестана. Акушипцы ожидали русских у горной реки Макасе. 19 октября 1819 года здесь произошел бой, закончившийся полным разгромом горцев.

Союз распался: казикумыки, койсубулинцы и мехтулннцы оставили даргинцев. Ермолов прошел через все вольное Акушинское общество, являя подчиненным пример неустрашимой личной храбрости, которая производила огромное впечатление и на горцев, умевших ценить мужскую доблесть.

Когда русские приближались к Акуше, навстречу им вышли сто

пятьдесят старшин, между которыми находился некий кадий из селения Мокагу. Выйдя вперед и остановившись перед главнокомандующим, он принялся исступленно выкрикивать, что одержанная русскими победа ничтожна и что хотя потери акушинцев и велики, но для целого народа, известного своей отвагой и воинственным духом, временное поражение ничего не значит, что у них осталось еще много войска и что они могут не только прогнать русских, но и истребить их всех до единого.

— Взгляни, — кричал кадий, указывая на узкие горные тропы, — и вспомни, что это те самые места, где была рассеяна, разбита и совсем уничтожена предками нашими многочисленная армия Надир-шаха. Так может ли после того горсть русских покорить нас и предписать нам свой закон!..

Глаза кадия сверкали, он пришел в неистовство. Окружавшие Ермолова офицеры, опасаясь, что фанатик кинется на него с кинжалом, взвели было курки пистолетов и обнажили сабли. Ермолов удержал их и с величественной осанкой, опершись на эфес своей шашки, хладнокровно выслушал его, глядя ему прямо в глаза. Когда же кадий замолк, главнокомандующий обратился к старшинам и, объяснив им довольно резко опасность речей дерзкого мятежника, потребовал, чтобы они сами осудили и наказали его. Старики признали, что кадий этот более прочих возбуждал к сопротивлению против русских, схватили его и отодрали нагайками.

21 декабря Ермолов праздновал в Акуше победу, и депутаты от всех даргипских обществ объявили, что их союз подчиняется России.

После Акуши настал черед казикумыков.

Ермолов очень хорошо помнил воинственное лезгинское племя. Это они уничтожили во время зубовского похода отряд Бакунина. 19 января 1820 года Алексей Петрович объявил Казикумык присоединенным к подвластному России Кюринскому ханству.

Одного словесного объявления было, конечно, мало. Казикумыков приходилось покорять силой оружия. Ермолов отправил Мадатова, который 12 июня подошел к центру Казикумыка — аулу Хозрек. Горцы

оказали отчаянное со противление и едва не отбили атаки русских. Хозрек пал только после штурма. 16 июня 1820 года Казикумык был объявлен подвластным России.

Без малого через год, в апреле 1821 года, Ермолов присоединил к России шамхальство Тарковское и заложил здесь крепость Отрадную, которую впоследствии стали называть Бурной. Аварский хан Султан-Ахмед пытался поднять против русских Дагестан, по ермоловские победы над Мехтулой, Акушей и Казикумыком были столь памятны, что он смог набрать лишь тысячу всадников. Ермолов послал на усмирение аварцев начальника шгаба своего корпуса Вельяминова, и тот оттеснил Султан-Ахмеда в Мехтулу, а затем разгромил его отряд у аула Алмяки.

Таким образом, почти весь Дагестан был покорен, и только у аварцев сохранился призрак независимости. Последовательно, все теснее и теснее сжималось русское кольцо вокруг неприступных дагестанских гор. Тем не менее в Дагестане продолжалось брожение. В 1823 году мятеж поднял буйнакский бек Амалат, влюбленный в дочь СултанАхмеда аварского Салтанету note 8 .

Молодой бек был аекогда облагодетельствован русским офицером Верховским, но затем перешел на сторону мятежников и после боя у Аймяки был взят в плен. Верховский упросил Ермолова простить Амалата. Однако Султан-Ах мед разжег честолюбие и ревность буйнакского бека. Он пообещал ему и Салтанету, и помощь, чтобы отвоевать у русских шамхальство Тарковское, если Амалат убьет Верховского.

В любовном ослеплении горец заколол русского офицера и появился в столице Аварии — Хунзахе, но не нашел в живых Султан-Ахмеда. Предательство Амалата по отношению к Верховскому возбудило к нему такое презрение, что вдова Султан-Ахмеда выгнала его вон из своей сакли.

Вскоре взялись за оружие добровольно присоединившиеся койсубулинцы, среди которых был и Амалат-бек. Усмирять их явился сам Ермолов и целую зиму 1823 года провел в ауле Казанищи. После этой

ермоловской стоянки в Дагестане сохранялось спокойствие вплоть до персидской войны 1826 года.

Укрепив за Россией восток, главнокомандующий обратил свое внимание на запад прежде всего для обеспечения безопасности Кабарды. Расположенная между реками Кубанью, Малкой и Тереком и разделяющая Кавказ на две части — Чечню и Дагестан с одной стороны и прикубанскую Чергесмю — с другой, — Кабарда добровольно вошла в состав России еще в 1557 году. Для защиты от набегов закубанt-ких горцев и турецких войск Ермолов поставил в долинах рек Малка, Баксан, Чечгем, Урух, Нальчик крепости. Одновременно он перенес Военно-Грузинскую дорогу на левый берег Терека, что позволило обеспечить надлежащее сообщение с Закавказьем. Старая дорога от Моздока до Владикавказа, весьма неудобная, а главное — подверженная частым нападениям, была оставлена. Из Екатеринодара к Владикавказу проложили новый путь, прикрытый слева от чеченцев Тереком, а справа — рядом возведенных в Кабарде новых укреплений. Движение по Военно-Грузинской дороге сделалось безопасным, и русские получили, как писал Ермолов, «свободный вход в Грузию, которого отнять нет никакой возможности».

Обеспечив таким образом пути сообщения, Ермолов занялся правым флангом Кавказской линии.

Прежде всего он добился включения в состав Отдельного Грузинского корпуса Черноморского казачьего войска. Затем, верный своей политике — «я медленно спешу», — главнокомандующий начал постепенно, но неуклонно теснить черкесские племена от Кубани. До его начальствования черноморцы, опасавшиеся набегов, старались селиться возможно дальше от берегов Кубани, оставляя границы лишь под защитой слабых кордонов. Ермолов задумал разрушить это предубеждение и вызвал со всего казачества охотников поселиться на самой Кубани. Превосходная земля, рыбная ловля и двухлетняя льгота служили достаточной приманкой, и тысяча семейств старожилов отозвалась на вызов. Прибавив к ним новых поселенцев из Малороссии,

Ермолов основал на Кубани многолюдные селения, ставшие опорой кордонной стражи и препятствовавшие нападениям мелких отрядов.

Однако все попытки Ермолова добиться прочного спокойствия на Западном Кавказе потерпели неудачу. К воинственным черкесским племенам Закубанья слишком близка была Турция, имевшая на побережье сильные крепости Анапу и Сунджук-Кале и тайно поощрявшая набеги горцев в русские пределы. В этой обстановке походы Ермолова в Абхазию в 1821 и 1824 годах не привели к установлению спокойствия на Северном Кавказе. В следующем, 1825 году вспыхнуло обширное восстание в Чечне.

При Ермолове явился в своем зародыше мюридизм, родоначальниками которого были фанатики-муллы Магома и Казн, решившие объединить все мусульманские племена Кавказа. Всю осень 1824 года по Чечне неизвестные лица распространяли весть, чго появился божий посланник — имам, который призывает всех правоверных к газавату, то есть к священной войне против русских. У чеченцев нашелся и свой вождь, знаменитый наездник Бей-Булат, и собственный пророк, герменчугский житель Яук. Магома объявил себя великим имамом Чечни, и мятеж вспыхнул.

Мичиковцы, ичкеринцы, качкалыковцы и вся Большая Чечня поднялись против русских и заняли аул Атаги, за Ханкальским ущельем, против крепости Грозной. Эти простые наивные люди были так ослеплены Магомой, что искренне верили в легкую победу. Им казалось, что стоит только Магоме произнести священное заклинание, как русские сами убегут за Терек. Но русские под начальством Грекова пошли вперед, чеченцы не удержались, отступили и очистили Ханкальское ущелье. Греков, имевший всего батальон егерей, видя бегущих чеченцев, вообразил, что этого достаточно, и возвратился в Грозную.

Тогда Бей-Булат распустил слух, будто русские бежали перед ним, после чего восстание приобрело новый размах.

Поднялся весь левый фланг от Аксая и Сулака до Владикавказа. Горцы всей массой навалились на укрепление Амир-Аджа-Юрт и захватили его.

Во время штурма взорвался пороховой погреб, что еще более разъярило нападавших. Они ринулись на укрепление Герзель-аул и крепость Внезапную. 12 июля 1825 года Герзель-аул был осаждеп.

Окружной начальник генерал Лисаиевич, герой зубовского похода, персидской и турецкой войн, и генерал-майор Греков поспешили ему на выручку.

Вступив в укрепление, Лисаневич потребовал, чтобы были собраны все кумыкские старшины, которых он подозревал в сношениях с чеченцами. Их оказалось триста восемнадцать человек, наиболее уважаемых среди народа. Лисаневич, прекрасно знавший местный язык, вышел вместе с Грековым к ним и после речи начал вызывать по списку наиболее подозрительных. При допросе мулла Учар-ходжа кинулся с ножом и заколол Грекова, а Лисаневичу нанес рану, от которой тот умер через несколько дней.

Восстание запылало еще жарче. Сам Ермолов, тяжело больной, должен был подняться с постели и возглавить экспедицию. Поход начался, когда до главнокомандующего дошла, еще неофициально, весть о кончине императора Александра I. Предчувствуя близость войны с Персией, Алексей Петрович спешил укрепить внутреннее спокойствие в пределах Кавказа. 30 января на реке Аргунь состоялся решительный бой, в котором полковник Ковалев рассеял многотысячные силы чеченцев и лезгинов. После этого Ермолов прошел через всю Чечню, сурово наказывая немирные аулы и вырубая леса, что во многом обезопасило русский тыл, когда в том же, 1826 году огромная персидская армия вероломно вторглась в пределы Закавказья.

Разумеется, укрепляя и защищая новые южные границы России, Ермолов осуществлял колониальную политику царизма, карательные операции которого вызывали справеддивое возмущение народов Кавказа и протест передовой части русского общества. Правительство Александра I (как и впоследствии Николая I) преследовало свои, узко эгоистические, захватнические цели. И все же в глубинной, исторической перспективе присоединение Кавказа к России было явлением, безусловно,

положительным, прогрессивным, особенно сказавшимся впоследствии.

Как отмечается в советской исторической литературе, «включение нерусских народов Восточной Европы и некоторых народов Азии в состав Русского централизованного государства имело для них определенные объективно прогрессивные последствия. Многие из этих народов в результате присоединения к России избавлялись от угрозы порабощения более отсталыми, чем царская Россия, восточными деспотиями или от господства более реакционных политических режимов, установленных средневековыми завоевателями. Это относится, в частности, к народам Закавказья, которые благодаря присоединению к России были избавлены от тормозившей их развитие военно-феодальной экспансии Персии и Турции» note 9 .

4

Ермолов имел такое лицо, которое, увидев раз, нельзя было забыть. Улыбка не шла ему; крупные черты благодаря сдвинутым бровям легко принимали суровое выражение; небольшие огненные глаза блестели из-под сдвинутых бровей. «Я приятное лицо мое, — сообщал Алексей Петрович Денису Давыдову в январе 1820 года, — омрачил густыми усами; ибо, не пленяя именем, не бесполезно страшить наружностью». Он был искренне прекрасен, когда задумывался. Сосредоточенный и строгий взгляд, высокий рост, богатырское сложение — все свидетельствовало о недюжинном уме, незаурядной физической и нравственной силе.

Находили, что его своеобразная красота имела в себе нечто львиное.

Глубоко проникнув в быт, нравы и психологию жителей Кавказа, знакомого ему еще по походу 1796 года, Ермолов во многих своих действиях руководствовался именно неписаным нравственным кодексом горцев, с их культом мужской дружбы, бесстрашия, верности клятве. «Я многих, по необходимости, придержался азиатских обычаев, — писал он

тому же Давыдову, — и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердием.

И я ношу кинжал, без которого ни шагу. Тебе истолкует Раевский слово «канлы», значащее взаимную нежность.

Оне здесь освящены законом, утверждены временем и приняты чистейшею нравственностью. Мы в подобных случаях не столь великодушны, и взаимные нежности покрываем тайною». Язвительная ирония проконсула станет понятной, если пояснить, что «канлы» означало кровную месть, которая в те поры на Кавказе соблюдалась неукоснительно. Ермолов не упустил случая пройтись и насчет просвещенного Петербурга, где мстят исподтишка, в то время как отмщение у горцев совершается открыто и возведено в нравственный закон.

Он стремился, по возможности, смягчить страшный обычай и, когда узнал, что у шамхалы акушинского Зухумкадия существует канлы к одному из знатных жителей, убедил прекратить ее и предать дело полному забвению.

Кровный враг шамхалы был позван к Зухум-кадию и по прочтении муллою молитвы и трехкратного взаимного поглаживания бород мир между ними был установлен. В другом случае Ермолов хотел было помирить шамхалу Тарковского, который питал к нему глубокое уважение и жена которого нянчила старшего ермоловского сына, с его кровным врагом, однако вскоре отказался от этого. Главы враждебных семейств заявили, что готовы исполнить его волю, но добавили, что потеряют после того всякое уважение жителей.

Ермолов познал и навсегда полюбил Кавказ, его природу, его суровую жизнь.

О крутых мерах Ярмула в отношении немирных горцев говорилось и писалось много. Но часто молва раздувала и преувеличивала их. «Действительно, — отмечает современный исследователь, — Ермолов был сторонником —суровых мер и придерживался мнения, что „одна казнь могла сохранить сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены“.

Вместе с тем не вызывает никаких сомнений, что эти суровые меры Ермолов применял преимущественно в отношении изменников, входивших в сношения с персами или турками, и разбойников, совершавших опустошительные грабительские нападения на селения русских и горцев, принявших покровительство России» note 10 .

Ермолов умел карать, но Ермолов умел и прощать.

В предписаниях главнокомандующего Мадатову сказано:

«Одобряю весьма, что возвратили захваченных женщин; не говорю ничего и против освобождения пленных, ибо полезно вразумить, что русские великодушно даруют и самую жизнь, когда не делают упрямой и безрассудной защиты».

И далее: «В рассуждении пленных предлагаю вашему сиятельству к соблюдению впредь следующие замечания: внушить войскам, чтобы не защищающегося или паче бросающего оружие щадить непременно…» «Селение Казах Кечу выслало старшин с хлебом и солью, которые, раскаиваясь в сделанных ими преступлениях, вверили себя великодушию войск. Не приличествовало наказывать таковых и им прощено».

Испанский революционер дон Хуан Ван Гален, который, спасаясь о г инквизиции, определился с помощью друзей в 1819 году на службу в Кавказский корпус, вспоминал, с каким благоразумием и осторожностью обходился Ермолов с местными хавами, сколь тонкую политику проводил в отношении мирного населения. Именно доброе обращение русских с жителями Кумуха во время дагестанского похода 1820 года убедило их, что война ведется не с казикумыками, а с их вероломным притеснителем Сурхай-ханом, которого они и не впустили в аул. А. С. Грибоедов писал в путевых заметках о том, что в станице Андреевской «на базаре прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей — ныне самих продавцов вешают». Впрочем, эти меры Ермолов применял лишь в крайней необходимости.

«Наказывать не трудно, — сообщал он дежурному генералу Закревскому, — но по правилу моему надобно, чтобы самая крайность к тому понудила».

Не следует забывать и о том, что многие поступки Ермолова, рассматриваемые изолированно, выглядели совсем поиному в общем контексте феодального произвола на Кавказе, когда бесчеловечные репрессии ханов в отношении подданных принимались чуть ли не за обыденность. Шамхал Тарковский бросал жителей в темную сырую яму, избивал их палками, выкалывал глаза. Аслан-хан Кюринский отбирал у подвластных крестьян дочерей и выменивал на лошадей у соседних чеченцев. Аглар-хан Казикумыкский применял к провинившимся пытки каленым железом, отрезал им уши, протыкал шилом языки, лил на бритую голову кипящее масло. Самые суровые меры русских в отношении вооруженного неприятеля не могли идти ни в какое сравнение с изощренной жестокостью горских феодалов, терзавших и мучивших своих подданных.

Наказывая противников, Ермолов стремился всегда оставаться справедливым независимо от того, кто был перед ним — принявший сторону персов грузинский царевич Александр, вероломный казикумыкский хан, мятежный каракайтагский уцмий или наивный простой горец. Недаром имя Ермолова внушало на Кавказе не только страх, но еще и неподдельное уважение среди разноплеменных народов.

Всякий раз он глубоко вникал в суть дела, руководствуясь прежде всего государственными интересами России.

Объезжая в первый раз Кавказ, Ермолов прибыл в Дербент, где находился под стражей Ибрагим-хан Табасаранский со своим братом. Они были преданы суду за то, что убили родного брата, который жил в вольной Табасарапи и весьма враждебно относился к русским. По повелению императора Александра I одного надлежало повесить, а другого сослать в Сибирь. Ермолов потребовал братьев к себе.

Ибрагим-хан заявил ему:

— Мы мстили брату не столько за себя, сколько за постоянные набеги, которые он совершал на мирные земли.

Дозволь одному из нас остаться заложником, а другому отправиться в горы для устройства дел…

Ермолов, отпустив одного из братьев в горы, ходатайствовал о них перед государем, прося принять во внимание горские нравы и преданность виновных России. Александр I разрешил главнокомандующему простить князей, и тем русские приобрели полезных и преданных союзников.

С полным правом один из сподвижников главнокомандующего написал: «Напрасно об Алексее Петровиче говорят, что он был жесток, это неправда: но он был разумно строг».

Даже Грибоедов, расходившийся с Ермоловым в выборе средств и мер для успокоения Кавказа, писал в своих «Путевых заметках»: «По законам я не оправдывал иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, — здесь ребенок хватается за нож. А право добр; сколько мне кажется, премягких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а кажется, меня в этом нельзя упрекнуть…»

Однако успехи Ермолова в покорении Кавказа были бы невозможны, если бы ОБ не опирался на беззаветно преданных ему, выученных и воспитанных им в суворовских традициях солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса.

«У меня верит солдат, что он мне товарищ!» Эти ермоловские слова не были простой фразой. Он оставался именно товарищем солдату, сам являя пример выносливости, стойкости и мужества. «Еще скажу тебе, — писал он Давыдову, — что я половину каждого года, иногда и более, проживаю в лагере, шатаюсь по горам, неприятели повсюду, измены рождаются новые на каждом шагу, спокойствия нет, трудов много, и славы никакой!»

Ермолову ничего не стоило провести в горах несколько бессонных ночей; после изнурительного перехода до зари заниматься военными или административными делами; с зарей, прежде сигнального выстрела, произвести осмотр лагеря.

Свою нравственную силу главнокомандующий умел передать подчиненным. Слова «Алексей Петрович приказал…», «Алексей Петрович послал…» имели магическую силу. Исчезали горы и пропасти, забывалась опасность. Ермолов, как никто в его время, умел воодушевить на

исполнение воинского долга. Каждый из подчиненных чувствовал себя не только солдатом, офицером или чиновником, но еще и членом единой русской семьи, обязанным защищать и возвышать ее всеми силами. Ученик Суворова, Ермолов внушил всем им, от начальников частей до новобранцев, гордое сознание национальной задачи и государственной чести. «Никогда неразлучно со мной чувство, что я россиянин», — говорил Ермолов. Те же слова могли бы повторить многие его сослуживцы, даже нерусского происхождения — выходец из немцев Граббе, армяннн Мадатов, грузин Чавчавадзе.

В походе Ермолов позволял себе товарищескую фамильярность и так знакомился со всеми офицерами своего корпуса. Он находил способы поощрять и наказывать, руководствуясь не буквой устава, а зачастую собственным авторитетом и беззлобной грубоватостью признанного отцакомандира. Некий полковой старшина, малый не дурной и не трус, был с ленцой и очень недолюбливал ночные разъезды. Он предпочитал им покойный сон в походной своей постелп, а утром, являясь к командиру, делал ему нередко доклады наобум.

Проницательный Ермолов все это примечал и наконец решил проучить нерадивого штаб-офицера. Призвав как-то полкового старшину к себе в палатку вечером, он долго обсуждал с ним расположение пикетов и, отдав распоряжение на предстоящую ночь, велел утром явиться с подробным отчетом. Полковой старшина ушел, заверив генерала, что все будет исполнено в точности. В два пополуночи Ермолов сделал в его палатку ночной визит. Он нащупал в темноте лентяя, лежащего в постели, всыпал ему нагайкой штук пятьдесят горячих — причем тот и не пикнул — и вернулся к себе как ни в чем не бывало. А через несколько минут после такого угощения полковой старшина уже летел осматривать пикеты.

При утреннем докладе с мельчайшими подробностями наказанный объяснил главнокомандующему все выясненное им. Ермолов внимательно его выслушал, поблагодарил за исполнительность и добродушно прибавил:

— А у тебя, братец, денщик-то ужасная скотина! Ночью я подумал, что еще застану тебя, и пошел в твою палатку.

И что же? Представь себе, этот негодяй забрался в твою постель и дрыхнет! Ну и задал же я ему за это баню! Будет теперь меня помнить. Ты, братец, смотри за ним хорошенько. Такого гуся нельзя баловать!..

Полковому старшине оставалось только благодарить главнокомандующего за такую о нем попечительность.

Подобных учеников у Ермолова было несколько, он называл их обыкновенно своими «крестниками», и кличка эта оставалась за ними навсегда. Пресекая с фамильярным добродушием простительные слабости, он, однако, был беспощаден, когда ему приходилось карать трусость, подлость, корыстолюбие. Так, получив известие, что командир одного из полков не решился отбить у мятежных кабардинцев русских пленных, проконсул Кавказа направил ему следующее примечательное по резкости письмо:

«Мне надобно было пройти чрез всю Кабарду, чтоб удостовериться, до какой степени простиралось неблагоразумное поведение Ваше. Здесь же я узнал, до какой степени простиралась и подлая трусость Ваша, когда, догнав шайку разбойников, уже утомленную разбоем и обремененную добычей, Вы не смели напасть на нее. Слышны были голоса наших, просящих о помощи, но Вас заглушила подлая трусость; рвались подчиненные Ваши освободить своих соотечественников, но Вы удержали их. Из мыслей их нельзя изгнать, что Вы были или подлый трус, или изменник. И с тем, и с другим титулом нельзя оставаться между людьми, имеющими право гнушаться Вами и с трудом удерживающимися от изъявления достойного к Вам презрения, а потому я прошу Вас успокоить их поспешным отъездом в Россию. Я принял меры, чтобы, проезжая село Солдатское, Вы не были осрамлены оставшимися жителями; конечно, я это сделал не для спасения труса, но сохраняя некоторое уважение к носимому Вами чину».

Ермолов не прощал даже ближайших своих соратников, если считал их виновными. Генерал-майор А. Б. Пестель донес в 1819 году из Дагестана

в Тифлис об одержанной им победе над горцами. Главнокомандующий недолюбливал этого генерала за его бессмысленную жестокость и грубость.

Это о нем верный Мадатов с возмущением доносил из Дербента: «Весь народ здешний, будучи крайне недоволен правлением генерал-майора Пестеля, готов всякую удобную минуту поднять оружие. Ужасный ропот в народе на несправедливые и нерезонные поступки Пестеля дошел до меня в самом начале въезда моего в здешние провинции…»

Народ говорит, что «ни удовлетворения ни в чем не видит и даже ни одного ласкового слова от Пестеля и слышит одни только всегдашние повторения его — прикажу повесить».

И все же, исходя из принципа, что победителя не судят, Ермолов нашел возможным ходатайствовать перед Александром I о награждении Пестеля знаками св. Анны. Когда же оказалось, что Пестель обманул его, понеся вместо одержанной победы поражение, Ермолов посоветовал Пестелю отбыть в Россию. В письме к императору Александру он принес извинения за то, что невольно ввел его в заблуждение, и присовокупил: «Пестель скоро будет иметь счастие лично представить Вашему Величеству свою неспособность».

Строгий и взыскательный, Ермолов проявлял трогательную, поистине отеческую заботу о подчиненных, в особенности о нижних чинах.

При обозрении края в 1816 и 1817 годах некоторые ханы, по восточному обычаю, предложили ему в дар верховых лошадей, золотые уборы, оружие, шали и прочие вещи. «Не хотел я обидеть их, — объясняет Ермолов в специальном приказе по Отдельному Грузинскому корпусу, — отказав принять подарки. Неприличным почитал я воспользоваться ими, и потому, вместо дорогих вещей, согласился принять овец (от разных ханств 7000). Сих дарю я полкам; хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службе, видели, сколько приятно мне стараться о пользе их. Обещаю им всегда о том заботиться… Овцы сии принадлежат артелям, как собственность, в распоряжения коей никто не имеет права мешаться. Стада должны пастись вместе всего полка, не допуская мельчайших

разделений, дабы караулами не отяготить людей и солдаты не сделались бы пастухами. Команды при табунах должны быть при офицерах и в строгом военном порядке. За сохранение табуна не менее ответствует офицер, как за военный пост. Полку вообще не сделает чести, если офицер его не будет уметь сберечь собственности солдатской. Овец в первый год в пищу не употреблять, но сколько можно стараться разводить их… Впоследствии времени будет и мясо, и полушубки, которые сберегут дорогое здоровье солдата, а полушубки, сверх того, сохранят и амуницию.

Для выделки шкур я помогу полкам деньгами; каждые полгода полки должны представлять мне ведомости об успехе разведения овец, по которому буду заключать о заботливости гг. командиров. Солдатам позволяется, если найдут выгоднее, иметь рогатый скот, продать или променять овец.

К отправлению приемщиков и команд должно полкам приступить немедленно. Приказ сей прочесть в ротах».

Замечательный приказ!

Тут проявилось, помимо прочего, и необыкновенное бессребреничество Ермолова, и его верный хозяйский глаз, детальное, дотошное проникновение в солдатский, артельный быт. Приказ этот положил начало стройной системе упорядочения и оздоровления солдатской жизни и разумного использования богатых природных качеств русского крестьянина в шинели — не только в ратных, но и хозяйственных, экономических нуждах огромного и запущенного края.

Особенно плодотворной была идея Ермолова, последовательно проведенная в жизнь начальником его штаба Вельяминовым, об учреждении так называемых штаб-квартир на постоянных местах. Солдаты были переведены из казарменного на полуоседлый, полуказацкий быт, который, кажется, только и мог придать непреодолимую крепость русским кордонам и границам. В этой тревожной азиатской стороне, испокон веку подвергавшейся непрерывным нашествиям, каждый час можно было ожидать набега или

вторжения.

Персидский или турецкий сосед не ждал объявления войны, а являлся как снег на голову внезапной грозой, от которой население имело единственное спасение — бегство. И вот Ермолову пришла счастливая мысль поселить полки на постоянных местах, выбор которых оправдывался бы стратегическими соображениями.

Возведение штаб-квартир началось с гренадерской бригады, которая предназначалась для внутренней охраны Грузии. В Карталинии полки расположились в старинном городе Гори, в Башкичете, в Белом Ключе; в Кахетии — в Гамборах, Мухровани, Царских Колодцах. Тифлисский полк занял селение Большой Караклис; егеря обосновались в Карабаге, близ Шуши, в селении Чинахчи; полки Дагестанской бригады стали около Дербента и близ города Кубы.

В первый год ермоловского правления штаб-квартиры были учреждены только в Закавказском крае, так как на линии, в Чечне и Дагестане их строить было преждевременно. Но и там, как мы знаем, они возникли впоследствии, когда русские войска стали шаг за шагом продвигаться в дебри Кавказа. Бодро переходили солдаты высокие, покрытые снегом хребты. В дремучих лесах, где всякую минуту можно было ожидать нечаянного нападения, прорубались широкие просеки; каждая занятая полоска земли обеспечивалась надежными укреплепиями.

Нужно сказать, что все эти крепости и штаб-квартиры учреждались и строились самими солдатами. Они и лес рубили, и возили его с ближайших гор, и камень ломали, и кирпич жгли, и известь приготавливали и сами же были плотниками, каменщиками, малярами. Кавказский солдат был еще и чернорабочим, и созидание громадных построек и штаб-квартир обходилось неимоверно дешево.

Ермоловские штаб-квартиры являли собою разительный контраст в сравнении с печально знаменитыми аракчеевскими поселениями, с их палочной дисциплиной, подавлением в поселенце человека, показной муштрой. Главнокомандующий строго запретил изнурять солдат строевыми экзерциями. «Одежду для солдат, — вспоминал он, —

предлагал я более с климатом согласованную, различествующую от теперешней, но всюду единообразной и для знойной Грузли, и для Камчатки ледовитой». Сохранилась собственноручная записка Ермолова «О мундирах, амуничных и прочих вещах статамп положенных, в которых, по мнению моему, нужно сделать некоторые перемены». Он добился своего и приспособил форму одежды к условиям Кавказа — разрешил носить вместо неудобных и тяжелых киверов папахи и бараньи шапки; вместо громоздких и мешающих в горном походе ранцев — холщовые мешки, которые одновременно служили солдатам на походном ночлеге подушками; зимой вместо шинелей ввел полушубки. Он увеличил рядовым ц унтер-офицерам мясную и винную порцию, а солдатам частей, расположенных по берегам Черного и Каспийского морей (по нездоровому климату) и в Тифлисе (по дороговизне жизни), выхлопотал на улучшение питания 20 копеек серебром в месяц.

С полным правом в своей обычной, резко-иронической мапере Ермолов сказал как-то Александру I:

— Мои поселения на Кавказе гораздо лучше ваших. Моим придется разводить виноград и сарачинское пшено, а на долю ваших придется разведение клюквы.

Напомню, что слово «клюква» означает не только ягоду, растущую в северных и северо-западных районах России — месте аракчеевских поселений. В иносказательном смысле оно употребляется как синоним всяческой показухи, преувеличений и вранья.

До Ермолова войска корпуса страдали от болезней и эпидемий не меньше, чем от неприятеля. Сырые ущелья, холодные перевалы, гнилые болотистые места, с их неизменным спутником — лихорадкой, — все это действовало на солдата, особенно новобранца, угнетающе не только физически, но и психологически. Ермолов сам назначил новые, удобные и здоровые по климату пункты квартирования, о чем докладывал Александру I: «Устрою казармы вместо убийственных землянок, госпитали, лазареты… Уничтожу многие из постов, куда назначение офицеров и солдат есть смертный им приговор…»

С огромной энергией взялся Ермолов за строительство на Кавказе лечебных и оздоровительных учреждений. Обширный тифлисский госпиталь был построен на сто тысяч рублей, сбереженных им из средств, отпущенных на содержание посольства в Персии. Затем последовало создание знаменитых ныне курортов Пятигорска и Кисловодска, выстроенных руками солдат.

Ранее приезжавшие на горячие пятигорские воды должки были квартировать в обветшалой Константиногорской крепости, в двух верстах от источников, и дважды на день ездить на воды, а за продовольствием посылать в Георгиевск, за тридцать верст. Кто же за неимением лошадей ездить на воды не мог, привозил с собой палатку или строил сарай подле источника.

Главнокомандующий переселил жителей Константиногорской крепости к самим источникам, что и послужило основанием Пятигорска. Тогдашний губернский центр Георгиевск отличался столь нездоровым климатом, что его даже прозвали кладбищем коллежских ассесоров. По представлению Ермолова губернским городом стал Ставрополь, а Георгиевск — уездным. В самом Пятигорске, у подножия горы, солдаты выстроили елизаветинские ванны, перед которыми разбили цветники, а рядом построили ванны ермоловские, названные в честь отца-командира, просуществовавшие до 1874 года. За Пятигорском был разбит обширный сад с персиками, абрикосами и сливами.

Ермолов хотел доказать на деле, чго возможно так устроить поселения, чтобы они были полезны не только государству, но и жителям. Так Алексей Петрович создал батальон из семейных солдат и поселил их в Кисловодске для охраны минеральных вод.

До Ермолова Кисловодск представлял собой земляную развалившуюся крепость Кислую с четырьмя заржавленными чугунными пушками, домиком коменданта и казармой для солдат. Больные, приезжавшие пользоваться нарзанными ваннами, занимали долину подле источника, оплетенного полусгнившим плетнем, купались в выкопанной яме, жили же кто в своих экипажах, кто в наскоро сделанных шалашах. Первым

делом Ермолов выписал калмыцкие кибитки для больных, а на другой год велел привезти из Астрахани домики. Постройки окупились в два или три года и стали приносить доход управлению минеральных вод. Вскоре появилась деревянная гостиница, а рядом — сад для прогулок больных. В начале сада, у колодца, были уже построены небольшие ванны.

Солдаты меж тем развели табуны лошадей, а также рогатый скот. Масло, молоко — все это потреблялось посетителями, которые также снимали у женатых солдат квартиры. Поселенцы были наделены землей, развели огороды, плоды которых продавались приезжающим. Алексей Петрович делал пожертвования на строительство минеральных вод даже из собственного жалованья и призывал к этому сослуживцев.

«У сих же вод, — писал он, — израненный солдат, восстановивший силы на продолжение верной Отечеству службы, благодарить будет за попечение о нем…»

Учреждая полковые штаб-квартиры, Ермолов решил образовать при них роты женатых солдат, которые бы укрепляли и улучшали полковое хозяйство.

Трудно перечислить все блага, приобретенные этим нововведением для кавказского воина. Выступая в поход, он оставлял за собой почти родной угол, находившийся под присмотром внимательного женского глаза и крепкой защитой хорошо вооруженного товарища. Кончался поход, и он возвращался опять в тот же уголок, домой, где у него завязывались крепкие нравственные связи. А в то же время на случай войны имелись готовые опорные пункты, охраняемые этими ротами, которые оставались постоянными гарнизонами полковых штаб-квартир, и защищали их воины, как родной дом и родную семью. Солдатские жены, приноровляясь к суровым условиям, были не только хозяйками и матерями, но и разделяли с мужьями их воинские заботы.

Объезжая штаб-квартиры, Ермолов упоминает, что видел солдатских жен, «которые хорошо стреляли в цель»…

Память о создании женатых рот долго жила в благодарных солдатских сердцах. Вот что записано было со слов одной старой солдатки:

«Пообстрошшсь полковые штаб-квартиры, пообзавелпсь солдатики разными необходимыми атрибутами оседлой жизни, а все чего-то им недоставало. Скучен и молчалив был народ и оживлялся только во время вражеских нашествий; мало того, госпитали и лазареты были переполнены больными… Думало, думало начальство — как бы пособить горю? Музыка на плацу по три раза в день пграла, качелей везде понастроили — нет, не берет! Ходят солдатики скучные, понасупились, есть не едят, пить не пьют, попсхудалп страх как. На счастье, нашелся один генерал — Ермолов, большой знаток людей. Он и разгадал, чего недостает для солдатушек, и отписал по начальству, что при долговременной, мол, службе на Кавказе, в глуши, в горах да лесах, им необходимы жены. Начальство пособрало по России несколько тысяч вдов с детьми да молодых девушек (между последними всякие были) и отправило их морем из Астрахани на Кавказ, а часть переслало и сухим путем на Ставрополь. Так знаете, какую встречу устроили им? Только что подошли к берегу, где теперь Петровское, как артиллерия из пушек палить стала — в честь бабы, значит, — а солдатики шапки подбрасывали да „ура!" кричали. А замуж выходили по жребию, кому какая достанется. Тут уж приказание начальства да божья планида всем делом заправляли. А чтобы иная попалась другому, да не по сердцу — так нет, что ты! Они, прости господи, на козах бы переженились, а тут милостивое начальство им настоящих жен дает…»

Так закладывалась, благодаря Ермолову, семейная, оседлая жизнь закавказских и линейных полков, до значительной степени смягчавшая великое зло среди них — тоску по родине. Сам мало заботившийся о личном счастье, не позволявший себе делить службу с любовью и семьей, Ермолов проявлял неусыпное внимание к русскому солдату.

Его собственная илтимная жизнь оставалась бедной и представляла собой как бы вынужденную уступку природе и ее требованиям.

В Тифлисе Ермолов имел привычку рано утром, около семи пополуночи, отправляться на прогулку — в старом мундире, полосатых шароварах и неразлучным с ним бульдогом.

Однажды при выходе из дома он заметил, что его конвойные казаки выпроваживают двух грузинок в чадрах.

Остановив казаков, Ермолов подошел к женщинам и спросил, что им нужно. Одна из просительниц оказалась старухой, другая, которая откинула чадру, — юной, поразительной красоты девушкой.

При виде ее Ермолов почувствовал, как вся кровь бросилась в лицо. Совладав с собой, он принял из рук старухи бумагу и объявил:

— Прошение беру и сделаю все, что могу. Но приказываю в другой раз не попадаться мне на глаза. Иначе вышлю из города!

Мало что поняв из услышанного, обе грузинки, перебивая друг друга, быстро и гортанно заговорили. Ермолов позвал своего секретаря Устимовича, которому вручил бумагу со словами:

— Вот прошение. Не знаю, от кого оно. Прошу тебя дать по нем полнейшее удовлетворение и затем объявить просительнице, чтобы она избегала со мной встречи…

Вернувшись с прогулки, Ермолов все еще чувствовал себя во власти неожиданно вспыхнувшего чувства. Сперва он хотел узнать фамилию просительницы, но потом раздумал, опасаясь быть серьезно увлеченным.

Он не разрешал себе поступиться воинской службой и долгом даже ради возможного личного счастья. Единственное, что мог позволить себе этот удивительный человек, — было заключение не связывающего его христианскими пожизненными обязательствами кебинного брака.

У мусульман жены разделялись на кебинных, которым по шариату назначалась при бракосочетании известная денежная сумма, очень часто с разными вещами и недвижимым имуществом, и временных, пользовавшихся только деньгами, оговоренными при заключении брачного условия.

Кебинпая жена имела перед временной еще те преимущества, что после

смерти мужа, если он умер бездетным, она получала из его наследства четверть, а если оставались дети — восьмую часть. Дети от кебинных и от временных жен считались одинаково законными.

Не решаясь на церковный брак, Ермолов поступил в строгом соответствии с обычаями, господствовавшими среди мусульманского населения.

3 ноября 1819 года, после разбития Ахмед-хана Аварского у Балтугая, Ермолов прпбыл в дружественную Тарку.

Здесь ему понравилась молодая татарка Сюйда, дочь Абдуллы, с которой он заключил кебин и оставил беременною, поручив перед выездом в Тифлис на попечение жены шамхала Тарковского — Пирджан-хакумы.

Сюйца родила сына Бахтнара, получившего при крещении имя Виктора, и два года спустя приехала в Тифлис со служанкой и таркинским жителем Султан-Алием. Малолетнего Виктора Ермолов отправил в Россию, чтобы впоследствии отдать его в кадетский корпус. Сюйда, не пожелавшая остаться без сына в Тифлисе, по прошествии года с почестью и подарками воротилась в Тарку и впоследствии вышла замуж за Султан-Алия, от которого имела троих детей.

Другую кебинную жену Ермолов взял во время экспедиции в Акушу, в селении Кака-шуре. Приехав туда в сопровождении шамхала акушинского, он увидел дочь какашуринского узденя Ака, по имени Тотай, девушку редкой красоты. Тотай была представлена Ермолову и произвела на него глубокое впечатление. Тогда же он изъявил готовность взять ее в Тифлис при возвращении из похода. Но едва он выступил в Акушу, как девушка была выдана замуж за своего односельчанина Искандера, чтобы воспрепятствовать Ермолову увезти ее в Грузию.

Однако горцы еще не были знакомы с решительным характером главнокомандующего.

Возвращаясь из Акуши, Ермолов отправил сына шамхала Альбору в Кака-шуру с поручением во что бы то ни стало привезти Тотай. Опасное предприятие завершилось полным успехом. В момент похищения девушки ее отец находился на кафыр-кумыкских мельницах, где молол

пшеницу. Вернувшись домой и узнав о происшедшем, он, не слезая с лошади, помчался вслед за русским отрядом и настиг его в селении Шамхал-Янги-юрте. Ему указали дом, в котором находилась его дочь. Ака отправился туда, по переводчик Ермолова Мирза-Джан Мадатов не допустил его .к Тотай, объявив, что она ни в коем случае не может быть ему возвращена, причем вручил ему перстень, серьга и шубу дочери.

При заключении кебинного брака с Тотай Ермолов дал ей слово, что прижитых от пее сыновей оставит себе, а дочерей предоставит ей.

Тотай жила с Ермоловым в Тифлисе около семи лет и родила ему сыновей Аллах-Яра (Севера), Омара (Клавдия)

и еще одного, скончавшегося в самом нежном возрасте, а также дочь Сатият, или Софию-ханум. Ее часто навещал отец Ака и брат Джан-Киши. Сыновей Севера и Омара Ермолов отдал в кадетский корпус, а дочь оставил жопе.

Когда он был отозван с Кавказа, Тотай отказалась от предложения принять православие и уехать с ним в Россию.

Она возвратилась с дочерью на родину и вышла замуж за жителя аула Гили, от которого имела еще двоих детей.

Ермолов назначил ей ежегодное содержание — триста рублей, а дочери — пятьсот.

Впоследствии император Александр II повелел признавать сыновей Ермолова, получивших хорошее образование, потомственными дворянами и его законными детьми. Все они пошли по стопам отца, — окончив артиллерийское училище, были произведены в офицеры и безупречно служили в русской армии.

6

В своей полукочевой, полуоседлой жизни Ермолов был на положении воина, живущего в штаб-квартире, куда он возвращался из дальних походов, продолжавшихся, случалось, и несколько месяцев. Такой штаб-

квартирой стали для командира Отдельного Кавказского корпуса Грузия и ее столица Тифлпс. Однако какой хаос, произвол и беспорядок царили на многострадальной грузинской земле!

Были забыты древние законы, в полный упадок пришла торговля, хозяйство, образование. После волны кровавых нашествий жизнь человеческая, кажется, ничего не стоила:

убийства в борьбе за власть, лишение жизни крестьянина или ремесленника стали обычным делом. Уродливые и изуверские крайности, царившие в соседней Персии, на саблях завоевателей перешли и в Грузию.

Подытоживая заботы, Ермолов писал Закревскому: «Не берусь я истребить и плутни, и воровство, но уменьшу непременно… Открыл несколько достойных людей и посредством их разные нечистые дела. Уж наложил секвестр на имущество всех членов казенной экспедиции и произвожу ужасное дело в утраченном от нерадения казенном доходе.

…В бывшей прежде полиции нашел я около 600 нерешенных дел и за 12 лет неразобранных и без всякой описи. Я избрал полицеймейстера нового, человека расторопного, двух прежних полицеймейстеров и секретаря исполнительной экспедиции, человека здесь весьма могучего и плута, посадил в полиции под караул, и менее нежели в две недели дела за 12 лет приведены в известность, составлена им опись, сданы в архив и отделены нерешенные», «На сих днях я сидел часа по четыре в уездном суде и уголовной палате, ибо набралось много колодников и дела шли несколько медленно.

Потом, забравши с собой председателя палаты и уездного судью, секретарей и журналы, отправился с ними в крепость, где содержатся арестанты. Сверил, давно ли каждого производится дело, за какие именно преступления и скоро ли могут быть окончены. Некоторым, по возможности, облегчил участь или по крайней мере ускорил решение судьбы», «Посещаю иногда присутственные места. Нагнал ужасный трепет…».

В Ермолове на Кавказе мы видим не только «седого генерала», который,

«грозя очами», ведет полки (М. Лермонтов), но деятельного администратора, вникавшего во вге подробности хозяйственной, общественной и культурной жизни: «…Представляю об учреждении небольшой военной школы, наподобие наших губернских военных училищ, — сообщает он Закревскому из Тифлиса. — Молодые люди, воспитанные в духе нашего правления, будут образцом просвещения и началом введееия обычаев наших в здешнем краю», «Ободряю хлебопашество, дабы приохотить жителей к жизни постоянной…», «В Грузии начинают, по счастию моему, появляться иностранцы для заведения некоторых фабрик. Приехал немец для стеклянного завода… Приехал кожевник, и будет завод великолепный… Здесь в ханствах шелковичные заведения начинают быть в хорошем состоянии».

Ермоловым было проведено несколько благодетельных мер по улучшению жизни грузинских крестьян. С помощью одного из энергичных чиновников — прокурора Чиляева наместник облегчил участь крестьян, которые принадлежали разорившимся помещикам, чьи имения продавались с публичного торга. Ранее на такие торги, как правило, не являлся никто, кроме кредитора, который и выкупал за бесценок собственное имение вместе с крестьянами. Ермолов с Чиляевым дали возможность самим крестьянам, с помощью субсидии от казны, выкупить себя и землю и перейти в так называемые вольные хлебопашцы.

Во время ермоловского управления Кавказом в Тифлисе появилась в 1819 году и первая газета на грузинском языке — «Картули газети». Как отмечалось в литературе, «если принять во внимание, что в первой четверти XIX столетия существовали в провинциальных городах России всего только три газеты: университетские в Казани и Харькове и частная в Астрахани, то издание грузинской литературнополитической газеты в отдаленном Тифлисе представляется явлением замечательным и ярко характеризующим просвещенный взгляд Ермолова на задачи русского правительства в новом крае». Советский историк Д.Л.Ватейшвили утверждает, что «вообще с именем Ермолова связан целый ряд культурных нововведений в Грузии» note 11 .

В Тифлисском благородном училище при Ермолове открылись высшие классы и были введены новые предметы — — татарский язык, геодезия, полевая фортификация, гражданская архитектура. Сам главнокомандующий заботливо следил за ходом учебного процесса и подбирал в училище библиотеку, выписывая для нее книги из России. Он желал укрепить теснее связи Кавказа с Россией и широко практиковал обучение сыновей местных жителей в кадетских корпусах.

Под непосредственным наблюдением Ермолова был перестроен центр Тифлиса, в котором прорубались прямые улицы и строились европейской архитектуры дома. При нем был воздвигнут штаб, где находилась и квартира главнокомандующего, Авлабарский мост, Арсенал, военный госпиталь, армянская гимназия Персияна. В центре города был разбит обширный сад с лампионами и правильными аллеями.

Трудно даже перечислить все стороны Ермолова-администратора. По его настоянию был начат перевод сохранивших свое действие статей из огромного грузинского «Уложения» царя Вахтанга VI, что упорядочивало приемлемые на Кавказе методы судопроизводства. При нем началась разведка полезных ископаемых, разработка золотой и серебряной руды и добыча свинца. Он оживил торговлю введением льготного тарифа для транзитных европейских товаров.

поощрял судоходство и рыболовство на Каспийском море, осуществил значительное дорожное строительство.

Ермолов остался целой исторической эпохой для Кавказа.

По словам А.С.Пушкина: «Кавказский край, знойная граница Азии — любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и своим гением…»

Заключение. «СФИНКС НОВЕЙШИХ ВРЕМЕН»

1

Ермолов нажил очень много врагов, что породило о нем прямо противоположные суждения.

Одни подчеркивали в его характере открытость, демократизм, заботливость, великодушие — Денис Давыдов, П. Х. Граббе, осторожный и недоверчивый Н. Н. Муравьев-Карский. А сухой и педантичный Барклай-де-Толли даже назвал его «Кандидом» — персонажем одноименного романа Вольтера, то есть существом чистосердечным, правдивым, искренним. В то же время благоволивший к Ермолову великий князь Константин Павлович считал его человеком себе на уме, «с обманцем» и именовал «пагером Грубером» — по имени одного из генералов иезуитского ордена, К. Х. Бенкендорф (брат шефа жандармов) называл Алексея Петровича «жонглером», а французский писатель де Санглен даже отозвался о нем как об «интригане».

Правда, резкие и отрицательные характеристики исходили в большинстве своем от лиц, близких придворной элите, которую Ермолов осыпал градом язвительных насмешек. Но вот отзыв Н. Н. Раевского-старшего, известного своими высокими душевными качествами и незаурядным военным дарованием, который писал сыну: «Я не люблю Ермолова, он никогда не был военным человеком, надеялся всегда на свою хитрость; обманы рано или поздно открываются, на них полагаться не должно».

С мнением прославленного генерала о Ермолове-военном согласиться, конечно, невозможно.

Иное дело — о ермоловской хитрости.

Итак, «Кандид» или «иезуит Грубер» — где же истина?

В приятельском, грубовато-солдатском разговоре, который был принят в доме наместника, его ближайший сподвижник Валериан Гриюрьевич

Мадатов как-то спросил:

— Алексей Петрович! Что значит выражение «яшка», которое вы так часто употребляете?

— По нашему, хитрец, плут, — отвечал Ермолов.

— А, понимаю, — подхватил Мадатов, — это то, что мы по-армянски называем «Алексей Петрович»…

«Кандид» и «патер Грубер» — по свойствам своим, казалось бы, исключающие один другого, отлично уживались в Ермолове, ибо и та и другая маска служили ему исправно не только при осмеянии глупости, несправедливости, тирании, но и во имя служения Отечеству.

Вспомним хотя бы, какую комедию разыграл Ермолов перед шахом Персии и его чиновниками, падкими на лесть, подкуп подарками, перед вероломными сатрапами и их владыкой, преклоняющимися только перед силой. Зная средневековое почтение персидских придворных к наследственным особам, он придумал себе происхождение от Чингисхана, льстил им напропалую и пугал воображаемой войной. Чрезвычайный посол исповедовался своему другу Закревскому:

«Угрюмая рожа моя всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорил о войне, то она принимала на себя выражение чувств человека, готового схватить зубами за горло.

К несчастию их, я заметил, что они того не любят, и тогда всякий раз, когда недоставало мне убедительных доказательств, я действовал зверскою рожей, огромной моей фигурой, которая производила ужасное действие, и широким горлом, так что они убеждались, что не может же человек так сильно кричать, не имея справедливых и основательных причин. Когда доходило до шаха известие, что я человек — зверь неприступный, то при первом свидании с ним я отравлял его лестью, так что уже не смели ему говорить против меня, и он готов был обвинить того, кто мне угодить не может». Подробно описывая свои встречи с шахом и великим визирем, Ермолов заключает: «Могу сказать по справедливости, надул важно…»

Как с персиянами, обращался Ермолов и с вельможами русского

императора, порицая и высмеивая их. За остроумную форму обличения ему многое прощалось, однако еще больше было занесено в кондуит и затем сказалось на его судьбе. «Не знаю, в чем винить себя более, — сокрушался он сам в „Записках“, — в той ли вольности, с каковою иногда описывал незначущих людей, или в топ резкой истине, которую говорил на счет многих, почитаемых отличными? Людям превосходных дарований, необычайных способностей нельзя отказать в почтении: их познавать легко, сравниться с ними невозможно. И гаковым я завидовать не умею». Подтверждением последнему высказыванию может служить отзыв Ермолова о встрече с Пушкиным, когда он сразу почувствовал «власть высокого таланта».

Зато, невзирая на чины и звания, Ермолов открыто и в иносказательной форме обличал — остроумно и находчиво — все виды людских пороков, особенно нападая на ничтожных лиц, занимающих высокие воинские и гражданские посты.

Вельможи мечтали о скорейшем производстве его в генералы, надеясь, что тогда он будет «обходительнее и вежливее» относиться к их чину. Однако, поднимаясь вверх по служебной лестнице, Ермолов не хотел и не мог меняться.

Он не щадил никого.

Не только сановники, не только боевые генералы — Барклай-де-Толлп, Милорадович, Тучков, Раевский, Коновницын, Дохтуров, Платов — герои 1812 года, но даже сам фельдмаршал Кутузов не избежал критики Ермолова.

Неудивительно, что Кутузов в конце кампании, по словам самого Ермолова, его «не жаловал».

Однако главной мншенью насмешек всегда служил двор, ближайшее окружение Павла I и его сыновей — Александра и Николая, порядки, введенные ими в русской армии. Ученик Суворова и Багратиона, Ермолов особенно зло высмеивал парадоманию и шагистику, которые в те поры так процветали в России, с их внешней, показной формой, столь мало пригодной в условиях войны. Па смотру он как бы нечаянно ронял перед

фронтом платок, чтобы продемонстрировать великому князю Константину Павловичу всю непригодность военной амуниции, когда солдаты в нелепо узких мундирах тщетно пытались нагнуться.

Желчно и хлестко отзывался Ермолов о казенно-бюрократической верхушке — военном министре А. И. Чернышове, министре иностранных дел К. В. Нессельроде, начальнике южных военных поселений И. О. Витте. Крепко досталось от него и всесильному временщику при двух императорах — Павле и Александре — Аракчееву и его военным поселениям. Для Ермолова временщик был «скот», «Змей, что на Литейной живет», а о поселениях он говорил, что там «плети все решают», и извещал Закревского, что если подобное замыслят на Кавказе, то пусть вместе с приказом присылают ему увольнение…

И рядом с молниями, разящими подлость, глупость, бесчеловечность вблизи трона, вместе со свистом Ювеналова бича — необычайная осторожность, подозрительность, замкнутость. Все пережитое в юности — арест, ссылка, трагическая судьба брата Каковскою оставили в Ермолове глубокий след на всю жизнь и сделали его скрытным, «если не сказать, двуличным», добавляет советский исследователь Т. Г. Снытко. Жестоко пострадавший за откровенность в письмах к брату, Ермолов особенно осторожен был в переписке, гораздо рапсе Пушкина претворив в жизнь слова поэта: «сроднее нам в Азии писать по оказии».

Однако даже письма, посланные с верной оказией и к тому же к лицам, занимающим места на вершине социальной пирамиды, тревожили его. Так, он укорял дежурного генерала главного штаба Закрзвского: «Не знаю, почтеннейший Арсений Андреевич, как ты не истребил письма моего, писанного тебе от 11 генваря из Дагестана с моим Поповым, но оно ходит по Москве в разных обезображенных копиях и мне делает много вреда… Сделай одолжение, письма мои по получении истребляй немедленно. Как ты, аккуратнонший человек в мире, пренебрег сию необходимою осторожность?» От генерала, близкого самому государю, Ермотов требует соблюдения конспирации, принятой разве что в талном обществе!

«Во время моего заключения, — вспоминал он, — когда я слышал над моею головою плескавшиеся невские волны, я научился размышлять… Впоследствии во многих случаях моей жизни я пользовался этим тяжелым уроком».

Ермолов прямо говорит на склоне лет, что не удержался бы от участия в бурных событиях, имея в виду, конечно, восстание 14 декабря 1825 года, если бы не жестокий урок, преподанный ему в молодости. Но болезненно-мнительный, он стремится убедить друзей и недругов, что с этим прошлым покончено, и навсегда. В одном из писем Закревскому, своему интимнейшему адресату, адъютантом у которого служил его старший сын Север, он прямо заявляет, что «самый способ секретного общества» ему «не нравится», «ибо я имею глупость не верить, чтобы дела добрые требовали тайны». После событий на Сенатской площади, по горячим следам, он торопится успокоить статс-секретаря императора и старого боевого своего товарища П. А. Кикипа:

«Не беспокойся за меня, пе верь нелепым слухам, верь одному, что за меня не покраснеешь».

Но следует ли из этого заверения, что Ермолов никак не был причастен к заговору?

К середине 20-х годов Отдельный Кавказский корпус сильно отличался от других соединений русской армии не только специфическими условиями службы и быта — демократизмом отношений офицерского состава к рядовым, относительными «свободами» и «вольностями» на штаб— квартирах, отсутствием муштры и палочной дисциплины.

Личный состав корпуса выделялся высоким процентом «штрафованных» и «ссыльных» за участие в крестьянских и солдатских волнениях. Так, в 1820 году туда направили солдат лейб-гвардии Семеновского полка, которые участвовали в волнениях, получивших название «семеновской истории». Немалое число офицеров было переведено на Кавказ за политическую неблагонадежность и нежелание примириться с аракчеевскими порядками в стране и в армии. До восстания на Сенатской площади на Кавказе проходили службу многие члены тайных обществ и

их единомышленники. К этому добавим, что Отдельный Кавказский корпус в отличие от войск, расквартированных внутри России, находился, как бы сказали теперь, постоянно в «готовности номер один» и участвовал в непрерывных военных действиях.

Теперь присмотримся поближе к некоторым активнейшим декабристам и их единомышленникам.

А.И.Якубович, капитан 44-го Нижегородского драгунского полка. По заключению следственной комиссии, «из злобной мести намеревался покуситься на жизнь покойного императора… На одном из совещаний он говорил, что для успеха в их предприятии надобно убить ныне царствующего императора»; пришел на Сенатскую площадь с ротами Московского полка; приговорен к каторжным работам навечно. Любимец Ермолова, на Кавказе неоднократно представлялся к наградам и поощрениям.

В.К.Кюхельбекер «был в числе мятежников с пистолетом, целился в великого князя Михаила Павловича и генерала Воинова. По рассеянии мятежников картечью, он хотел построить Гвардейский экипаж и пойти на штыки, но его по послушали»; осужден на каторжные работы на 20лет.

В 1822 году — чиновник особых поручений при Ермолове.

И.Г.Каховский, отставной поручик. «Вечером накануне возмещения ему было поручено убить ныне царствующего императора: явясь на площадь, присоединился к Московскому полку; там застрелил графа Милорадовича и полковника Стюрлера и ранил кинжалом свитского офицера»; повешен 13 июля 1826 года. Племянник Ермолова по единоутробному брату Л.А.Каховскому.

Л.С.Грибоедов на основании показаний Е.Оболонского («Грибоедов был принят в члены общества месяца за два пли три перед 14 декабря») и С.Трубецкого («слышал от Рылеева, что он принял Грибоедова в члены тайного общества») арестован и с фельдъегерем препровожден в Петербург, где содержался к главном штабе. Чиновник по иностранным делам при Ермолове и один из самых близких ему людей в 1818 — 1825

годах.

В.Д.Давыдов, отставной полковник. Видный член Южного общества. Приговорен в каторжным работам в Сибири.

Двоюродный брат Ермолова.

М.А.Фонвизин, отставной генерал-майор. Член Союза спасения. Союза благоденствия и Северного общества; сослан в Сибирь. Адъютант Ермолова в 1812 году.

Не слишком ли много совпадений?

К этому можно добавить еще ряд фактов. К рассмотрению о принадлежности к тайным обществам привлекались бывшие адъютанты Ермолова Н.П.Воейков и П.Х.Граббе.

Ближайший сподвижник проконсула на Кавказе Н.Н.Муравьев был одним из основателей преддекабристской Священной артели и находился под тайным наблюдением. Перед отъездом в Россию в 1827 году Ермолов специально предупредил его, чтобы он «никому из вновь прибывших не верил» и «вел себя осторожно».

Примечательно, что при всей своей скрытности Ермолов откровенно поддерживает, как только представляется возможность, лиц «неблагонадежных» и революционно настроенных. И не только русских вольнодумцев. Так, он всячески опекал, выхлопотал офицерский чин и помогал польскому революционеру В.-А. Шелиге-Погоцкому, сосланному в 1822 году рядовым на Кавказ. В одном 44-м Нижегородским полку с Якубовичем служил с 1819 года в чине майора испанский революционер Ван-Гален Дон-Хуан (вспоследствпи известный генерал). Спасаясь от преследования инквизиции, он бежал в Англию, а затем не без труда добился назпачепия в русскую армию на Кавказ.

Когда в 1820 году в Испании разразилась революция, Ван-Гален пожелал возвратиться на родину. В ответ на его прошение Александр I потребовал от Ермолова выслать Вап-Галена с фельдъегерем до австрийской границы и там передать его венским властям. Главнокомандующий, толы:о что представивший Ван-Галена к награде за казикумыкскпй поход, где испанец был ранен, поступил по-своему.

Вызвав к себе Ван-Галона и объявив ему царский приказ, оп выдал ему для проезда за границу паспорт, снабдил собственноручно написанным удостоверением о его службе в Кавказском корпусе, отдал ему на дорогу все свои наличные депьги и вопреки воле Александра I отпустил без всякого сопровождения, лишь приказав в городе Дубно ожидать дальрейшего повеления царя. «Если благоугодно будет Вашему Императорскому Величеству, — сообщал он не без скрытого сарказма Александру I, — то и оттуда можпо будет вывезти его с фльдьегерем и передать в Австрию». И далее: «Не ожидаю подвергнуться птеву Вашего Величества, но не менее должен был бы скорбев, если бы иноземец, верно и с честию служивший, мог сказать, что за вину, в коей не изобличен, получил наказание от государя правосудного».

Нравственный урок, преподанный Ермоловым русскому императору, впрочем, не поколебал к нему царского доверия.

Уже в следующем, 1821 году Александр I поручил ему командование стотысячной армией в помощь Австрии для подавления революционного движения в Италии. Поход этот не состоялся — революция была разгромлена до выступления русских. Однако как загадочно пишет об этом неосуществившемся походе Ермолов:

«Конечно, не было доселе примера, чтобы начальник предназначенный к командованию армиею, был столько доволен, как я доволен, что война не имела места. Довольно сказать в доказательство, что я очень хорошо понимал невыгоды явиться в Италию вскоре после Суворова и Бонапарта, которым века удивляться будут». Иными словами, Ермолов дает понять, что не желал бы омрачать военные победы Суворова и Бонапарта исполнением такого полицейского поручения, как подавление революции в Италии.

Крайне характерно и то, что неизвестно ни одного слова осуждения Ермоловым декабристов, в то время как примеров проявления к ним сочувствия множество. Доказано, что он по крайней мере знал о существовании заговора и не только не принимал никаких мер против его участников, но даже предупреждал некоторых о грозящей им опасности.

Так, вернувшись после встречи с Александром I в Лейбахе в 1821 году в Москву, Ермолов встретил своего бывшего адъютанта Михаила Фонвизина словами:

— Подойди сюда, величайший карбонарий! — и сообщив далее, что царю известно о его участии в тайном обществе, добавил: — Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он вас так боится, как бы я желал, чтобы он меня боялся…

Когда петербургский военный генерал-губернатор разослал 30 декабря 1825 года повсеместно приказ о поимке бежавшего Кюхельбекера, Ермолов уклонился от ответа, поручив это сделать в случае нужды А. А. Вельяминову.

Не менее показательно и отношение Ермолова к декабристам, которых переводили в Отдельный Кавказский корпус. В 1826 юду туда были направлены за «неблагонадежность» полковник Н. Н. Раевский-младший и капитан В. Д. Вольховский, по отношению к которым не было прямых улик. К середине года на Кавказ переводят рядовыми одиннадцать офицеров, первоначально отправленных в дальние оренбургские гарнизоны, и в их числе П. А. Бестужева, П. П. Коновницына, Е. С. Мусина-Пушкина, М. И. Пущина. Чуть позже в корпус было зачислено 2800 солдат, так или иначе участвовавших в декабрьском восстании.

Когда по приезде в Тифлис Пущин и Коновницын явнлись к командиру корпуса, то застали у него Раевского, старого приятеля Пущина. Не стесняясь присутствия начальства, Раевский бросился обнимать разжалованных в солдаты. Ермолов, вставая, сказал:

— Позвольте же и мне вас обнять и поздравить с благополучным возвращением из Сибири…

Он просил их сесть, предложил чаю, расспрашивал о пребывании в Сибири и обнадеживал, что Кавказ оставит у них хорошее воспоминание. Продержав разжалованных с час, он отпустил их с благословением на новое поприще.

«Час этот, — — вспоминал Пущин, — проведенный у Ермолова, поднял меня в собственных глазах моих, и, выходя от него, я уже с некоторой

гордостью смотрел на свою солдатскую шинель…»

«Неосторожность» Ермолова во всех этих поступках настолько не вяжется с его характером, что позволяет предположить о существовании чего-то, оставшегося «за кулисами» событий и лишь намеками, случайностями обнаруживающего себя. Перед нами как бы отдельные верхушки затонувшего леса фактов. Зная способности Ермолова-конспи» ратора, легко предположить, что он сумел бы перехитрить и следственную комиссию, и посланного на Кавказ Николаем I с инспекцией начальника главного штаба Дибича.

Впрочем, скольких «замешанных» в декабристском движении не назвали во время допросов или выгородили, спасли — если не от эшафота, то от Сибири и рудников! А если принять во внимание, с каким благоговением относились декабристы к Ермолову, которого прочили в члены Временного революционного правительства, станет ясно, что относительно его имени могла существовать особая договоренность.

«Сфинкс новейших времен» — так многозначительно назвал Ермолова Грибоедов. При всей своей скрытности Алексей Петрович иногда не мог сдержаться, выказывая свои истинные взгляды. Например, когда военный министр и член следственной комиссии А.И.Чернышев стал преследовать своего родственника декабриста З.А.Чернышева в надежде получить наследственный графский майорат, Ермолов сказал:

— Что же тут удивительного: одежды жертвы всегда поступали в собственность палача…

В этом скупом заявлении ощущается нечто большее, чем простое сочувс!вие революционному дворянству, смело поднявшему оружие против деспотизма.

Существование «загадки Ермолова» в связи с восстанием 14 декабря 1825 года несомненно. Быть может, какой-то дополнительный свет на нее проливают подробности ареста Грибоедова.

Встретив рождество 1825 года в штаб-квартире Гребенского казачьего полка в станице Червленной, Ермолов 28 декабря с батальоном любимого Ширванского полка и двумя сотнями казаков отправился в крепость Грозную. Время было опасное: в Чечне полыхали волнения, разжигаемые имамом Бей-Булатом. Грибоедов находился при командире Кавказского корпуса. Отсюда он писал Кюхельбекеру:

«Кстати о достоинствах: какой наш старик чудесный, невзирая на все о нем кривые толки; вот уж несколько дней, как я пристал к нему вроде тени, но ты не поверишь, как он занимателен, сколько свежих мыслей, глубокого познания люден разного разбора, остроты рассыпаются полными горстями, ругатель безжалостный, но патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова».

Жалея ногайцев, поставлявших провиант, Ермолов запретил усиливать перевозочные средства, и под вещи Грибоедову дали одну арбу вместе с адъютантом наместника Шимановским.

Расположившись в доме коменданта Грозной, Ермолов ожидал подхода остальных войск и коротал время за беседой с Грибоедовым, которой не мешало раскладывание новолюдного пасьянса «гробница Наполеона».

А для серьезного разговора было немало причин.

Утром на рождество в Червленную прискакал фальдъехерь с известием о событиях 14 декабря и восшествии на престол императора Николая.

Говорили короткими фразами, понимая друг друга с полуслова, и перемежали их длительными паузами.

— Представляешь, какая теперь в Петербурге идет кутерьма! — сказал Грибоедов, то сжимая кулак, то разводя сильные пальцы пианиста. — Чем-то все кончится!..

Без посторонних лиц наместник на Кавказе и чиновник по иностранным делам были на «ты».

— Я послал офицера к Воронцову. Выяснить, что происходит на юге… — не сразу отозвался Ермолов, выкладывая по углам четырех карточных

королей на простом деревянном столе.

Из Новороссийской губернии, где начальствовал М. С. Воронцов, доходили неподтвержденные слухи о волнениях в армии.

Грибоедов поправил очки и взял колоду.

— Итак, Александр Павлович скончался. — Он накрыл червонного короля дамой той же масти. — Константин Павлович сам отказался от престола… — Та же участь постигла трефового короля.

— Остается молодой император, — мрачно-усмешливым басом подхватил Ермолов, подвигая Грибоедову короля бубеп.

— И еще не известный нам благородный мужчина, — возразил Грибоедов, Он снял очки и поднес близко к глазам короля пик: — Обладающий огромной силой в своих владениях…

Последние два тревожных года, обещавших наступление развязки, Ермолов употребил на то, чтобы укрепить Кавказскпй корпус верными ему людьми. В 1823 году, вопреки желанию императора, он назначил своей волей Н. Муравьева командиром 7-го Карабинерного полка, командиром 41-го Егерского — члена тайного общества А. Авенариуса, а командиром Грузинского гренадерского — его едипомышленшчча Г.Копылова. Одновременно Ермолов вызывает в Тифлис для службы по особым поручениям своего старого приятеля В.Ф.Тимковского. А в штабе корпуса работает еще один член тайного общества и родственник Якубовича — П.УСТИМОБПЧ.

И вот теперь развязка близка.

Когда в Червлештой Ермолов вскрыл конверт и поздравил окружающих с новым императором, то сразу понял, что означает для него эта перемена. При той ненависти, какая была к нему при дворе, он оставался у дел лишь благодаря Александру Павловичу и нескольким лицам: дежурному генералу Закревскому, начальнику главного штаба Волконскому, статс-секретарю Кикину. Теперь Александра I нет, Закревский назначен генерал-губернатором в далекую Финляндию, а начальником главного штаба стал генерал Дибич…

— На благородного мужчину есть управа, — покачал он своей львиной

головой, доставая даму пик: — Зло, неудача, слезы…

Теперь он медлил с отдачей приказа о приведении войск к присяге Николаю I; ранее личный состав Отдельного Кавказского корпуса уже присягнул Константину Павловичу.

— Не забывай, Алексей Петрович, что по карточным законам пиковая дама рядом с благородным королем теряет свои злодейские свойства. Она становится всего-навсего женщиной темной масти, — тонко улыбнулся Грибоедов, в то время как Ермолов вдруг сдвинул густые брови и стал всматриваться в окно.

Теплый и солнечный день сменялся сумерками. Снизу по почтовому тракту подымалась тройка, окруженная двумя десятками казаков. «Еще фельдъегерь! Не к добру…» — подумал он. Дурное предчувствие, томившее его с утра, оправдывалось.

Почти тотчас появились в черкесках и полушубках ермоловские адъютанты Талызин, Шимановский и Сергей Ермолов, двоюродный племянник главнокомандующего. Они сообщили, что привезли из Червленной фельдъегеря Уклонского.

— Зови! — повелел Ермолов.

Уклонский вынул из сумки на груди один тонкий конверт и подал генералу. Ермолов надорвал конверт, развернул бумагу. В глаза ударили строки: «…приказать немедленно взять под арест служащего при вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать как оные, так и его самого под благонадежным присмотром…»

Ермолов положил бумагу в боковой карман сюртука и начал расспрашивать Уклонского о событиях в Петербурге.

Фельдъегерь охотно и очень толково рассказывал о том, как 14 декабря несколько тысяч солдат и матросов с тридцатью офицерами отказались присягать Николаю Павловичу и вышли на Сенатскую площадь.

— Лейб-гвардии Московский полк… Гвардейский морской экипаж… Гренадерский полк… — перечислял Уклонский. — Духовенство явилось увещевать — не слушают…

Прискакал генерал-губернатор Милорадович — кто-то из злоумышленников смертельно ранил его… Его императорское величество изволил приказать стрелять по каре картечью…

Ермолов скосил глаза на Грибоедова, тот сделался бледен как полотно.

— В Петербурге арестовано уже около ста человек, — продолжал фельдъегерь. — Трое Бестужевых, князья Трубецкой и Оболенский, графы Коновнпцын и Мусин-Пушкин, поэт Рылеев…

Рассказ Уклонского был прерван появлением дежурного по отряду полковника Мищенко, который доложил, что голова колонны прибыла в Грозную и расположена биваком около крепости. Ермолов приказал подавать ужин. Выйдя в сени, он коротко бросил Талызину:

— Пошлешь урядника Рассветаева. Пусть скачет в обоз, отыщет арбу Грибоедова и гонит в крепость…

Походный ужин незатейлив — всего два блюда. Но россказни Уклонского заставили просидеть за столом лишнее время. А может быть, и нужно было продлить ужин для других целей. Равнодушный к выпивке Ермолов разрешил офицерам отведать спирта и угостить фельдъегеря. Талызин, как ловкий человек, предложил было вторую чарочку, но Уклонский отказался.

Наконец появился казак — ермоловский ординарец — и вьпвал Талызина. Ермолов любил всегда сиживать после ужина подолгу: тут начинались разные шутки, истории, анекдоты. Но на сей раз ничего подобного не было, и, когда люди убрали посуду, главнокомандующий, обратившись ко всем, сказал:

— Господа! Вы с походу, верно, спать хотите. Покойной ночи!..

Между тем Талызин встретил арбу, приказав грибоедовскому камердинеру Алексаше спешно сжечь все бумаги хозяина, оставив лишь толстую тетрадь — «Горе от ума». Менее чем в полчаса бумаги были преданы огню на кухне капитана Козловского, местного офицера. Затем чемоданы были внесены в комнату, где должны были располагаться на ночь Шимановский, Жихарев, Сергей Ермолов и Грибоедов. Вскоре они пришли и все, кроме Грибоедова, разделись и улеглись прямо на полу.

Чтобы удержать подушки, в головах были поставлены переметные чемоданы каждого.

В фуг отворились двери, и вслед за дежурным по отряду Мищенко, который был уже в сюртуке и шарфе, вошли Таливин и Уклонский. Мищенко подошел к Грибоедову и обратился к нему:

— Александр Сергеевич! Воля государя-императора, чтобы вас арестовать. Где ваши вещи и бумаги?

Грибоедов весьма спокойно показал ему на переметные чемоданы, которые вытащили на середину комнаты. Начали перебирать белье и платье и наконец в одном из чемоданов нашли тетрадь. Мищенко спросил, нет ли еще каких бумаг. Грибоедов отвечал, что ничего больше нет и что все его имущество заключается в этих чемоданах. Их перевязали веревками и наложили печати. Потом Мищенко попросил Грибоедова пожаловать за ним. Его перевели в другой домик, где уже были поставлены часовые у каждого окна и у двери.

Ермолов провел ночь без сна.

Уничтожая бумаги Грибоедова, он спасал, возможно, и себя (так, кстати, охарактеризовал ермоловский поступок А.И.Тургенев после беседы с Пушкиным 9 января 1837 года) и дело. Теперь улики были уничтожены. Вместе с арестованным полетело письмо на имя началънпка главного штаба Дибича. Грибоедов «взят таким образом, что не мог истребить находившихся при нем бумаг, — сообщал Ермолов, — но таковых у него не найдено, кроме весьма немногих, кои при сем препровождаются». В заключение командир Отдельного Кавказскою корпуса сообщал, что Грибоедов «как в нравственности своей, так и в правилах не был замечен развратным и имеет многие весьма хорошие качества»…

Генерал ворочался, вздыхал, зажигал свечку и глядел в черное оконце. Оп не знал того, что в далеком Петербурге, в Зимнем, двадцатидевятилетний император так же вот не спит, встает, идет к столу в кабинете, перечитывает, наклонив канделябр, записку, найденную в бумагах покойного брата: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и

между войсками… — собственноручно писал Александр I. — Есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом серьезных миссионеров для распространения своей партии…»

Первой в списке стояла фамилия Ермолова.

3

14 декабря 1825 года навсегда осталось в памяти очевидцев.

Еще Сенатская площадь была обагрена кровью, еще солдаты скоблили красный снег, присыпала свежим я свозили тела к Неве, опуская их в проруби, а уже первых арестованных доставляли во дворец. Николай I лично распоряжался, как и куда заключать каждого. Первым после допроса был отослан Кондратий Рылеев — в тот самый Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где некогда томился Ермолов.

Число арестованных росло, а с ними — и поиски новых очагов мятежа. 6 января 1826 года Следственный комитет начал специальное расследование «о существовании тайного общества в Отдельном Кавказском корпусе».

В этот же день был вызван Якубович, которому задавались следующие вопросы: «Комитет имеет прямое показание… о существовании в корпусе генерала Ермолова тайного общества, к числу членов коего принадлежите и вы… С какого времени существовало сие общество? Кем основано?

8 чем именно состоит цель оного? Когда и какими средствами положено было намерение начать открытые действия?

Кто составлял думу и кто член. Через кого и какие сношения были сего общества с другими таковыми же и известен ли об этом генерал Ермолов».

Якубович отвечал, что о существовании тайного общества на Кавказе ему ничего не известно; то же самое повторили допрошенные вслед за ним Рылеев, Пущин, Оболенский и Н. М. Муравьев. Зато возникло

подозрение о планах Ермолова отделить Кавказ от России, в связи с чем был включен новый вопрос для допрашиваемых: «Комитет имеет прямое показание… о намерении общества отдэлить от России крап, вверенный генералу Ермолову, и сим последним начать новую династию…» И хотя после допроса Муравьева 9 января 1826 года «Дело о существовании тайного общества в Отдельном Кавказском корпусе» было закрыто, недоверие к наместнику со стороны нового императора не только не уменьшилось, но еще более укрепилось.

Да и как могло быть иначе!

С юных лет Николай Павловпч относился к Ермолову с возрастающим подозрением, считал его способным на самые крайние поступки. Недаром накануне своего воцарения, 12 декабря, в письме Дибичу он вспоминает именно о Ермолове с жутким чувством: «Послезавтра поутру я или — государь, или — без дыхания… Я Вам послезавтра, если жив буду, пришлю сам еще не знаю кого с уведомлением, как все сошло; Вы также не оставьте меня уведомлять обо всем, что у Вас или вокруг Вас происходить будет, особлпво у Ермолова… Я, виноват, ему менее всех верю…»

Ермолов, располагавший преданнейшей ему кавказской армией, Ермолов, которого декабристы прочили в члены проектируемого Временного правительства, Ермолов, полтора десятка близких которому лиц оказались замешанными в подготовке переворота, сильно беспокоил царя. По Петербургу и по Москве ползли, обрастая пугающими подробностями, слухи, будто наместник уже перешел со своим корпусом Кавказ и идет на присоединение к «бунтовщикам).

Ермолов несколько дней медлил, выжидал, и когда паконец совершил присягу, то императрица, по словам Д. Давыдова, даже «перекрестилась от удовольствия». Весь Петербург любопытствовал о подробностях, так что выведенный из терпения частыми —вопросами фельдъегерь имел неосторожность сказать:

— Алексей Петрович так боготворим в Грузии, что, если бы он велел присягнуть персидскому шаху, все тотчас бы это сделали…

«В награду за это изречение, — вспоминает Давыдов, — он совершил путешествие в Якутск».

Однако даже после того как Отдельный Кавказский корпус принес присягу новому императору, Николай I не ослабил надзора за опасным генералом. В январе 1826 года он направил к персидскому двору с чрезвычайной миссией А. С. Меншикова — официально для переговоров о русскоперсидских границах, а неофициально с тайной ревизией всей деятельности Ермолова на Востоке. В феврале того же года в Мегрелию и Имеретию отправился полковник Ф. Ф. Бартоломей с секретной инструкцией, чтобы выяснить, существуют ли на Кавказе тайные организации, и «наблюдать о духе войск и их начальников».

Между тем среди декабристов мы встречаем и такие свидетельства, где звучат упреки в адрес Ермолова, который не помог восставшим. Наиболее интересна записка Н. Р. Цебрикова. «Ермолов, — пишет он, — мог предупредить арестование стольких лиц и потом смерть пяти мучеников, мог бы дать России конституцию, взяв с Кавказа дивизию пехоты, дне батареи артиллерии и две тысячи казаков, пойдя прямо на Петербург. Тотчас же бы он с Дону имел прекрасный корпус легкой кавалерии донцов с их артиллериею, столько, сколько бы он захотел… Они до одного все восстали бы; а об второй армии и Чугуевских казаках и говорить нечего.

Они все были готовы! Девизом восстания была свобода России, освобождение крестьян от рабства дворян, десятилетняя служба и, главное, чтоб казна шла на нужды народа, а не на пустую политику самодержца-деспота!

Помещики-дворяне не смели бы пикнуть и сами все до одного присоединились бы к грозной армии, веденной таким искусным и любимым полководцем. Это было бы торжественное шествие здравого ума, истинного добра и будущего благополучия России! При русском сметливом уме солдаты и крестьяне тотчас бы сметили, что это война чисто была за них; а равенство перед законом и сильного и слабого, начальника и подчиненного, чиновника и крестьянина тотчас связало бы

дело, за татарско-немецким деспотизмом оставленное неподнятым…

Ермолов ничем не может оправдаться: ни готовностью Персии ворваться в наши пределы, потому что он хорошо знал эту Персию, в которой был полномочным посланником и в веденном своем журнале так верно ее описавши. Ничто, ничто его не может оправдать…»

Свидетельство декабриста Цебрикова крайне любопытно потому, что перед нами даже не упрек, не недоумение, но прямое обвинение — в отступничестве, ренегатстве. Словно бы Цебриков знает о Ермолове то, чего мы не знаем. И очевидно, «никогда не узнаем», как считает академик М. В. Нечкина, которая одновременно утверждается в мысли, что Ермолова можно считать своеобразно причастным к «движению декабристов».

Велик соблазн для беллетриста «додумать» причины, в силу которых Ермолов несколько дней медлил с присягой Николаю I; соблазнительно домыслить и то, почему наместник на Кавказе не двинул Отдельный корпус на Петербург и мог ли бы он вообще решиться на такой шаг. Однако, зная характер Ермолова и развитое в нем государственное начало, все же логично предположить, что должно было удержать его от намерения развязать в России гражданскую войну.

В его памяти слишком живы были слова великого Суворова, сказанные в ответ на предложение Каховского вооруженной рукой выступить против императора Павла:

— Что ты, что ты! Прольется кровь!..

4

19 июля 1826 года, нарушив Гюлистанский мирный договор, огромная персидская армия внезапно вторглась с двух сторон в пределы Закавказья. В то время как 30-тысячное войско, возглавляемое наследником престола АббасМирзой, вступило в Карабах, конница Гассан-хана Эриванского предавала огню и мечу грузинские селения.

Ермолов давно предвидел неизбежность войны с Персией и обращал внимание Александра I на приготовления Аббас-Мирзы, на подстрекательское поведение английских резидентов на Среднем Востоке и роль британского золота, на недостаточность русских сил на Кавказе. Но, упоенный мировой славой, покойный император в последние годы своей жизни был решительным противником всякого военного противоборства, и вместе с отказом в подкреплениях Ермолов получал предписание от министра иностранных дел Нессельроде сохранять мир с Персией, хотя бы и ценой некоторых уступок.

Смерть русского царя произвела в Персии огромное впечатление и брожение: исходя из собственного исторического опыта, в Тегеране и Тебризе полагали, что для России наступили дни смуты, междоусобной борьбы за власть. Однако хотя Ермолов и ожидал военных действий, они застигли его врасплох. Точнее сказать, все происшедшее: кончина Александра I, события 14 декабря 1825 года, аресты и дознания, воцарение Николая I и собственное пошатнувшееся положение — глубоко удручило его. На светлую голову Ермолова в решительный момент его жизни нашел туман.

Этому способствовало и то, что на первых порах вторжение приняло стремительный и угрожающий характер.

Ермолов отдал приказание войскам отступать и сосредоточиваться в Тифлисе. Однако и этот приказ не поспел вовремя: стоявший в Карабахе 42-й Егерский полк был отрезан и заперт в Шуше; один батальон его, захваченный в Герусах, был почти истреблен. Персияне обложили Шушу, заняли Елизаветполь, их конные отряды проникли в Иверию и предавались грабежам в 70 верстах от Тифлиса. В Тифлисе началась паника.

Между тем Николай I требовал решительных наступательных действий, недоумевал, сердился и находил все новые поводы для неудовольствия, которое усиленно раздувалось многочисленными врагами Ермолова в Петербурге.

Придворные клеветники и завистники судачили, что ермоловская слава

— это «славны бубны за горами», что в управлении его много произвола, что военные его подвиги — сущий дым: с нестройной толпой горцев всегда можно справиться. Дипломаты и крупные чиновники повторяли, будто Ермолов сознательно вызват псину с Персией, чтобы стяжать себе еще большую популярность, что он окружил себя слепо преданными людьми, которые трубят о его достоинствах, а сами совершают злоупотребления. Плац-парадные генералы, любители шагистики и «палочек» твердили, что он-де распустил войска, что среди солдат нет порядка, службы, выправки и даже дисциплины. По рукам в Петербурге ходила карикатура, изображающая кавказского солдата — в изодранном мундире нараспашку, в синих холщовых широких шароварах, заправленных в сапоги, в черкесской папахе, с маленьким котелком сбоку и с корзинкой вместо манерки. Одну из таких карикатур не замедлили подбросить и Ермолову.

Считая, что Ермолов не справляется со своей ролью главнокомандующего, Николай I приказом от 10 августа 1826 года послал на Кавказ генералов И. Ф. Паскевича и Д. В. Давыдова.

К тому времени, однако, военные обстоятельства переменились в лучшую сторону. Против Гассан-хана Ермолов отрядил полковника Муравьева, а во главе передового отряда, выступившего навстречу Аббас-Мирзе, поставил генерала Мадатова. Сам он со слабым, в четыреста штыков, гарнизоном оставался в Тифлисе, страшась за свой тыл и возлагая надежду единственно на авторитет грозного своего имени.

3 сентября под селением Шамхор Мадатов наголову разбил десятитысячный персидский корпус: русские заняли Елисаветполь, персы сняли блокаду Шуши. Шамхорская победа была фактом, предрешившим исход войны; будущее обещало только новые и новые победы. Но время для Ермолова уже прошло — и безвозвратно. На сцепе стоял Паскевич. 13 сентября вся огромная персидская армия была разгромлена кавказскими войсками под его руководством у Елисаветполя.

Своим успехом Паскевич был обязан ермоловским генералам и

ермоловским солдатам. Храбрый генерал, он всю жизнь оставался баловнем судьбы. Когда впоследствии льстецы убеждали его отца, украинца, что у него сын гений, тот резонно заметил: «Що гений, то не гений, а що везе, то везе…» Увидев перед собой многотысячную тучу персидской конницы, Паскевич пришел в смущение и хотел было отступить, однако Мадатов и Вельяминов настоятельно доказали ему необходимость принять сражение. По справедливому выражению одного из современников, «через Елисаветполь Россия лишилась в Ермолове фельдмаршала с замечательными способностями». Теперь лавры дожали на голове Паскевича, руки его были развязаны, и он принялся в письмах Николаю I набрасывать на Ермолова черные тени. Впрочем, и до Елисаветпольского дела он пользовался полным доверием нового императора, который писал ему на Кавказ:

«Помнишь, когда мы с тобой играли в военную игру; а теперь я твой государь, и ты — мой главнокомандующий».

Победа вскружила ему голову. Мало знакомый со страной, Паскевич стремился перенести войну в пределы Персии. Ермолов на правах формального главнокомандующего не признавал это возможным до прибытия новых сил, и Паскевич обвинил его в зависти. Обидев интригами наместника, он сумел скоро оскорбить и войска своим высокомерным отношением. Накануне Елисаветпольского сражения Паскевпч учил их маршировке и перестроениям и, недовольный выправкой, говорил шамхорским победителям, что ему «стыдно показать их неприятелю». Воротившись в Тифлис, он занялся разводами и парадами, в которых боевые, закаленные в походах и сражениях кавказские солдаты были с петербургской точки зрения далеко не сильны.

После многолетних походов по горам Дагестана и лесам Чечни и Черкесии в Тифлис прибыл Ширванский полк — «десятый римский легион», как любовно называл его Ермолов, по аналогии с войском Цезаря. Веселые, бодрые, уверенные получить похвалу, проходили ширваицы мимо дома главнокомандующего, с балкона которого смотрел

на них Паскевич. Вглядевшись в одежду солдат, из которых многие носили шаровары вместо панталон и были в лаптях или азиатских чувяках, Паскевич пришел в такое негодование, что прогнал полк с глаз долой. Уже готовился грозный приказ по корпусу с объявлением строжайших взысканий полковому начальству, когда вмешался Ермолов. На правах главнокомандующего он отдал другой приказ, в котором горячо благодарил Ширванский полк за оказанные им в боях чудеса храбрости и за твердость в перенесении трудов и лишений, выпавших на его долю.

Паскевич не ограничился одними только военными вопросами, считал себя вправе вмешиваться в управление делами, всюду разыскивая злоупотребления и ошибки. Он ловил слухи и сплетни от самых подозрительных лиц, чернил Ермолова, его военную репутацию, намекал на его политическую неблагонадежность и порицал ермоловских помощников, в том числе Малахова и Вельяминова, которым был обязан победой под Елисаветполем.

Ермолов болезненно и тяжко переживал происходящее.

Разорялось так заботливо создаваемое им русское гнездо на Кавказе, ломались налаженные и, казалось бы, незыблемые служебные положения лиц из ближайшего окружения (братьев Вельяминовых, Мадатова, Муравьева, рассчитывавшего обосноваться там Дениса Давыдова), уничтожение грозило суворовским порядкам, введенным в Отдельном Кавказском корпусе.

Доносы Паскевича между тем становились все пристрастнее и начали смущать даже Николая I. Понадобилось третье лицо, чтобы распутать создавшееся положение. Воля царя вала на начальника главного штаба Дибича. Он получил самые широкие полномочия, вплоть до увольнения Ермолова. О приезде Дибича на Кавказ официально поставлен в известность был один Паскевич; наместник узнал об этом стороной.

В феврале 1827 года Ермолов вызвал к себе полковника Муравьева, который застал главнокомандующего необычайно расстроенным.

— Любезный Муравьев, — сказал Ермолов, — Дибич едет к нам… Не

знаю, с какими намерениями, но я могу всего ожидать… Паскевич ищет моей гибели… И даже Грибоедов, Грибоедов теперь служит ему и правит стиль его донесений в Петербург!..

Даже намека на прежнюю близость не было уже у Ермолова с Грибоедовым, который вернулся на Кавказ после счастливого для него исхода следствия. Паскевич, женатый на двоюродной сестре поэта, всячески стремился рассорить его с наместником. При мнительности терявшего почву под ногами Ермолова сделать это было нетрудно. Впрочем, и Грибоедов теперь отзывался о нем иначе, именуя его «человеком прошедшего века».

На постаревшем лице Ермолова, быстро сменяясь одно другим, промелькнули выражения гнева, растерянности, страха. Вдруг губы его затряслись, и он заплакал, не стыдясь своих слез, горячо и безутешно, как ребенок.

— Дибич мне враг… — говорил он. — Все может со мною случиться. Он, может, прямо ко мне приедет и опечатает мои бумаги…

Немного успокоившись, Ермолов вынул из ящика стола толстую, перевязанную бечевкой пачку тетрадок.

— Это мои записки о походе двенадцатого года. Сохрани их…

Тогда же, страшась внезапного обыска и последующих обвинений, Ермолов, по свидетельству Дениса Давыдова, «не полагаясь на многих из служивших при нем», сжег «много любопытных и драгоценных бумаг и писем».

А.П.Ермолов — Николаю I

«Ваше Императорское величество!

Не имев счастия заслужить доверенность Вашего Императорского Величества, должен я чувствовать, сколько может беспокоить Ваше Величество мысль, что, при теперешних обстоятельствах дела здешнего края поручены человеку, не имеющему ни довольно способностей, ни деятельности, ни доброй воли. Сей недостаток доверенности Вашего Императорского Величества поставляет и меня в положение чрезвычайно затруднительное. Не могу я иметь нужной в военных делах решимости,

хотя— бы природа и не совсем отказала в оной. Деятельность моя охлаждается той мыслью, что не буду я уметь исполнить волю Вашу, Всемилостивейший Государь.

В сем положении, не видя возможности быть полезным для службы, не смею, однако же, просить об увольнении меня от командования Кавказским корпусом, ибо в теперешних обстоятельствах может это быть приписано желанию уклониться от трудностей войны, которых я совсем не почитаю непреодолимыми; но, устраняя все виды личных выгод, всеподданнейше осмеливаюсь представить Вашему Величеству меру сию, как согласную с пользою общею, которая всегда была главною целью всех моих действий.

Вашего Императорского Величества
верноподданный
Алексей Ермолов
3-го марта 1827 года.
Г. Тифлис».

До получения этого письма, 12 марта, Николай I предписал Дибичу безотлагательно объявить Ермолову о его увольнении.

Приводя в порядок свои дела, Ермолов прожил в Тифлисе еще месяц и 3 мая, желая избежать проводов, выехал из города в три часа пополуночи в простой рогожной кибитке, в которой приехал сюда десять лет назад.

Впереди была царская опала и более тридцати лет вынужденного бездействия.